

Гай Юлий
Орловский

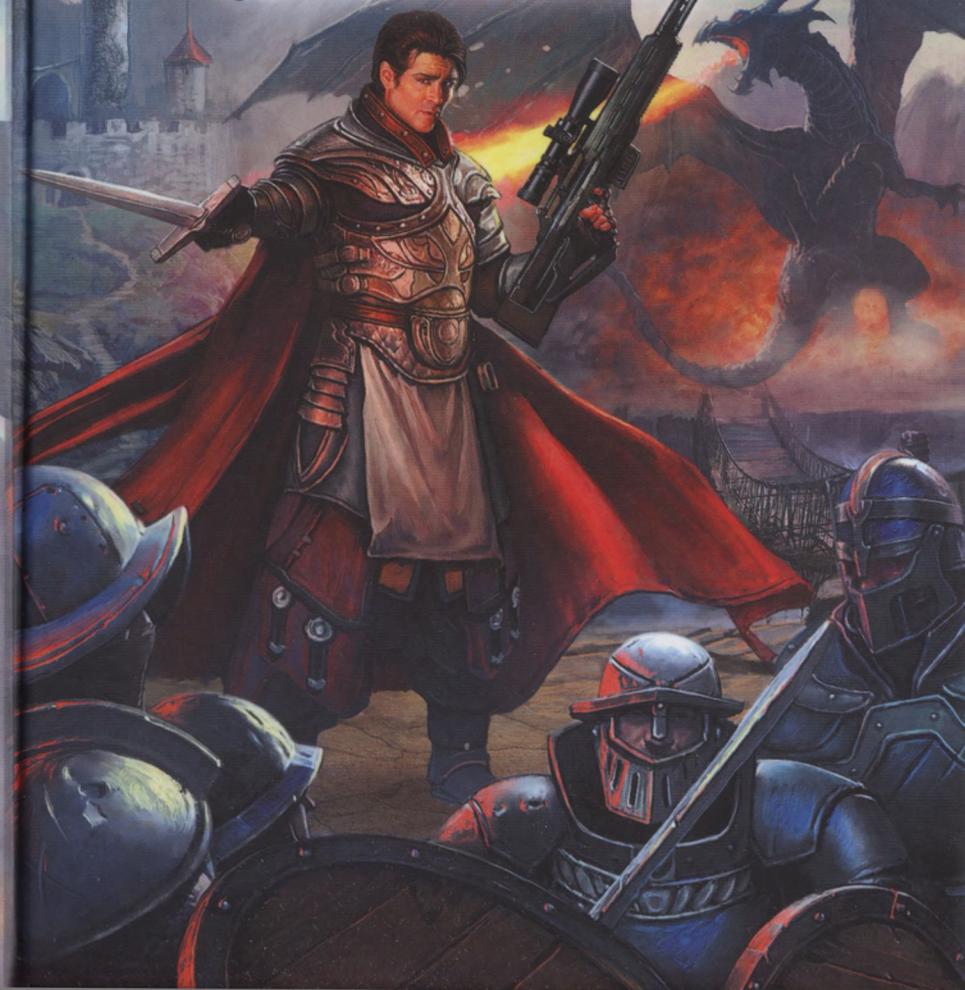

Гай Юлий Орловский

Гайджин

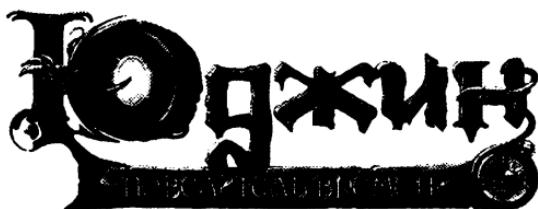
Повелитель времени

Патроны чародея

ЮДЖИН

- Книга 1. Мир Трех Лун
- Книга 2. Высокий глерд
- Книга 3. Патроны чародея
- Книга 4. Все женщины — химеры
- Книга 5. Любовные чары
- Книга 6. Небоскребы магов

Гай Юлий Орловский

Книга 3

Патроны чародея

ЭКСМО
Москва
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Оформление серии *Андрея Старикова*

В оформлении переплета
использован рисунок *Андрея Липаева*

Орловский, Гай Юлий.

О-66 Юджин — повелитель времени. Книга 3. Патроны чародея : [фантастический роман] / Гай Юлий Орловский. — Москва : Эксмо, 2015. — 416 с. — (Юджин — повелитель времени).

ISBN 978-5-699-79580-2

Казалось, еще вчера москвич Евгений наслаждался дарами цивилизации... Но все изменилось в одно мгновение, и внезапно перед ним раскинулся волшебный мир, где три солнца и три луны, маги двигают горы, а в лесах и горах прячутся химеры... Сумеет ли глерд Юджин жить по законам чести, как здесь принято, или сбежит обратно, туда, где вместо могучего скакуна — комфортабельный автомобиль?

Новинка от создателя легендарного цикла «Ричард Длинные Руки»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Орловский Г. Ю., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2015

ISBN 978-5-699-79580-2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Зеленая свежая трава бросается под конские копыта шаловливо и с разбега, голубовато-зеленое небо проплывает на головами медленно и солидно, а исполинское оранжевое солнце светит чисто и ясно, высвечивая мир до самого горизонта.

Зеленое солнце, как меня заверили, не появится еще несколько месяцев, но если вместе с оранжевым, что чаще всего, то при нем ведет себя мирно, не пакостит, как ребенок при строгом родителе.

Я посматривал по сторонам, с удовольствием замечая не только отважно взлетающих над кустами разноцветных птичек, но и трусливо спрятавшихся между ветками. Моя чувствительность в этом мире растет, только бы не за счет моего великолепного ума или чего-нибудь еще более нужного.

Фицрой покачивается рядом в седле превосходного и богато украшенного цветной попоной коня, сам в шляпе с пером, франтоватый, на плечах роскошный плащ, поверх вязаной рубашки кираса из черной бронзы, а кожаным брюкам и сапогам может позавидовать даже король.

Я тоже одоспешился, я же глерд, а мы, как папуасы, все богатство должны носить на себе, чтобы усилить и подчеркнуть доминантность. Настоящая металлическая кираса, наручи и поножи, которые я выбрал из гру-

ды трофеев, подошли отлично, как на меня делали, а остальную одежду выбрал в гардеробе опального герцога.

По краю леса, бдительно наблюдая за нами, проплы-вают мимо, как водится, самые могучие великаны, толь-ко одно дерево, неосторожно выступившее на полшага за линию, некая сила скрутила втрое-четверо, словно хозяйка, выжимающая воду из мокрой тряпки. Ветви об-ломаны, содрана часть коры исполинскими ладонями, если то были ладони, а само дерево теперь похоже на ги-гантский жгут.

Я кивнул в его сторону.

— Что с ним, как думаешь? Маг пробовал силу?

Фицрой пожал плечами.

— Или темный смерч задел. Чародеи иногда швыря-ются... Видишь, лет сто назад зацепило, а все еще живет и тянеться... Так и люди, покалеченные в боях, часто жи-вут дольше тех, кто всегда во дворце... Ты не боись, так короче, если не прыгать в стороны...

Дорога снова нырнула в лес, неприятно сумрачный, деревья все темные, сверху лучи едва пробиваются, потому мир вокруг нас серый и бесцветный, а воздух влажный, холодный. Внизу в распадках от земли подни-мается такой густой туман, что не видно копыт, а пова-ленные деревья покрыты слизью и блестят, как гигант-ские улитки.

Фицрой сказал бодро:

— Это самая прямая дорога на стольный град Сан-принг!.. Хотя это не дорога, но разве героям нужна такая ерунда?

— Достаточно и направлений, — согласился я не-сколько напряженным голосом. — Хотя вообще-то по-нимая, почему дорога делает такую гигантскую петлю...

— Да, — согласился он, — тут завалы на завалах. Не то что повозки, даже конный отряд не пройдет.

Над кустами взлетела стайка птиц. Фицрой тут же проследил за ними заинтересованным взглядом.

— А на лету сможешь?..

— Вряд ли, — ответил я.

— Ну попробуй, — сказал он настойчиво. — А то вдруг твой магический арбалет растерял магию. Я начну бояться.

— Ты? — переспросил я. — Хотел бы такое увидеть.

Он с жадным интересом смотрел, как я быстро-быстро, немного рисуясь, выхватил пистолет из кобуры и пять раз выстрелил в ствол огромного дуба. После каждого удара тяжелой пули во все стороны разбрызгивались куски толстой коры, а в ветвях протестующе закричала птица.

Фицрой покрутил головой.

— Быстро... Да, это не арбалет. Но в птиц не попадешь?

— Наоборот, — сказал я, — вдруг да попаду?.. А за что? Птицы не люди, тех убивать можно и нужно, а птицы — существа безвинные.

Он фыркнул.

— Ах-ха, какой ты... правильный. Птиц и я убивать не люблю. И не убиваю. Если, конечно, мелкие. А вот гусей, уток...

— Гусей можно, — рассудил я. — Гуси как бы уже не птицы, раз их едят. Мы демократы, потому подходим к каждому случаю индивидуально. Все для человека, все во имя человека!.. Аминь.

— Аминь, — ответил он и посмотрел на меня с интересом. — Ты был в западных королевствах?

— Нет, — ответил я. — А что?

— Там говорят именно так, — пояснил он. — Правда, не люди, а монахи.

— А люди?

Он отмахнулся.

— У людей своя религия. Или нет вовсе.

Из-за деревьев начали подниматься черепичные крыши сельских домиков. Я смотрел без интереса, Фицрой начал с азартом рассказывать, как он однажды сумел перевести в одно закрытое от чужих гледство целую телегу гангнуса, никто и ухом не повел, а он все сумел выгодно продать и вовремя вернуться...

Я слушал вполуха, раздражение на свалившиеся обязанности поднимается снова, тем более отвратительное, что их вроде бы совсем легко избежать в том смысле, что спасение рук утопающих — дело самих утопающих, однако у этих мирных идиотов абсолютно нет шансов защититься... а дело поставлено так, что их защита на мне по правилу «любишь кататься — люби и саночки возить», но дело в том, что мне и катание это на фиг сдалось.

Как только прибью ту тварь с крыльями, сказал себе с яростной решимостью, сразу же все брошу и вернусь в свой домик, где все так сытно, кузявно и няшно. И никаку больше ни ногой! Даже на митинг трансгуманистов не пойду, пусть все сами, все сами, а я просто дождусь сингулярности и милостию позволю им дать мне в рамках гуманитарной программы вечную молодость и бессмертие.

На дорогу из-за деревьев вышел древний мужик в довольно чистой одежде, не углежог, весь в седой бороде от самых ушей, но глаза орлино круглые, поклонился.

— Благородные глерды...

Я вскинул руки.

— Спасибо-спасибо, но мы торопимся. Никаких пиров, никакого права первой брачной ночи. Едем и даже спешим по делам.

Он посмотрел на меня непонимающе.

— Глерд?.. Я хотел сказать, что раз уж вы тут, то не заглянете ли во-о-о-он в ту хатку. Там наш самый лучший лекарь...

— Я не болен, — отрезал я. — Мало ли что вам наповортят! Я вообще как вон те дубы, крепок и все такое. В смысле, и голова у меня такая же. Литая, можно сказать с гордостью.

Он договорил, я даже не уверен, что стариk меня слушает, старики больше привыкли, что слушают их, да еще требуют, чтобы слушали внимательно и почтительно.

— ...но его вчера убили.

— Мои соболезнования, — сказал я дежурно. — Фицрой, поехали!

Стариk повысил голос:

— А это был наш не только лучший, но единственный лекарь. К нему сходились с трех сел!

— Семейнаяссора? — спросил я. — Я как-то по бытовым вопросам не мастер. Мне подавай международные заговоры. И кризисы геополитики. Так что я пру дальше, извините, приношу свои соболезнования еще раз...

Он вытаращил на меня глаза.

— Вы что... даже не зайдете?

Я ощущил, что совершу какое-то святотатство, даже Фицрой посмотрел как-то странно и с неодобрением.

— Зайду, — ответил я сердито и с усилием, — если так принято. Чтобы еще и родне выразить свои искренние сочувствия, соболезнования и оказать поддержку. Моральную, разумеется.

У той хатки, на которую указал стариk, толпятся люди. Мне показалось, нездешние, местные уже знают, что лекарь мертв, а это пришли из других сел, в руках узелки с подношением, в селах монеты не в ходу, в моде вечно живой и бодрый бартер.

Навстречу вышел могучий и еще более древний ста-
рый с седой бородицей ниже пояса, с могучими белы-
ми бровями вразлет, что делает его похожим на филина,
широкий в плечах и с совсем небольшим брюхом.

Он поклонился с таким чувством достоинства, словно
это он знатный глерд и великодушно принимает голод-
ного и озябшего путника.

— Меня зовут Кешарий, — назвался он. — А это мой
младший брат. Иногда мне помогает, когда не лежит
пьяный и не ходит по чужим женам. Спасибо, что при-
были так быстро...

Я обернулся к молчаливо наблюдающему Фицрою.

— Что, это тоже мое село?

Он растянул рот в злорадной усмешке.

— Последнее, перед границей с землями глерда Вела-
голия.

— Что за хрень, — сказал я с тоской, — а можно сей-
час от него отказаться? И пусть свои проблемы решают
сами, как при демократии?

Он покачал головой.

— Увы, сейчас это точно ваши люди.

Я с чувством приближающихся неприятностей повер-
нулся к старику.

— Что стряслось?

Он кивнул в сторону хатки, что при ближайшем рас-
смотрении оказалась всего лишь просторной хижиной.

— Там жил наш единственный лекарь. Не только
наш... к нему ходили из самых дальних сел. Мы даже не
знаем, откуда. Но ходили.

— И он всем помогал?

— Да. Всем.

— А другие лекари есть? — спросил я, уже догадыва-
ясь об ответе. — Да, плохо дело... Теперь вам самим при-
дется куда-то ходить.

Он вытаращил на меня глаза.

— Вы что, не собираетесь найти и наказать виновных?

— Найти и наказать, — проговорил я в замешательстве, — это сказать легко... Вот если бы вы его нашли, я с удовольствием накажу мерзавца или мерзавцев по всей строгости моего несправедливого закона. Вам это понравилось бы, уверяю! Я умею делать зрелица. Можно даже с фейерверками, если вспомню, как их делать. Поделим обязанности? Это называется делегировать полномочия на места. Вы должны быть довольны. Вам полномочия, а с вас всего лишь только налоги. Хороший обмен?

Он смотрел на меня злыми глазами.

— Глерд, это ваше дело бдить и защищать!.. Мы налоги платим!..

— Хорошо-хорошо, — сказал я, — только не надо орать. У лекаря родня есть?

— Есть, — отрубил он, — но не здесь.

— А где?

— Очень далеко, — объяснил он. — Очень!.. За рекой, а там еще и за лесом. Его старшая сестра живет там.

— К ней уже послали?

Он посмотрел с удивлением.

— Зачем?

— Как к наследнице, — сказал я с неудовольствием. — У него осталось что?..

Он почесал лоб.

— Вообще-то вон у входа сидит Пряка, никого не пускает... А то разворуют. Вещей там нет, но лекарь всю жизнь собирал всякие штуки для... гм... лечения.

Я покинул седло, кто-то сразу ухватил повод. Староста пошел за мной. У самой хижины торопливо поднялся с корточек и отпрыгнул от входа крепкий, лохматый, как медведь, парняга.

Следопыт из меня никакой, но вокруг хижины земля мягкая, и оттиски сапог никто не спутает со следами от мягких башмаков крестьян, потому я их и заметил сразу, хотя, конечно, крестьяне тоже заметили, но их примитивные мозги не слишком приспособлены решать задачи, которые лежат за пределами «бери больше — бросай дальше» и «копай от забора и до обеда».

— Ладно, — сказал я, — сперва заеду к его сестре, благо это мне по пути. Так как ее найти?

Он вздохнул.

— Она тоже иногда лечит, но брат был сильнее. Намного. Так и спросите местную лекарку. Бдилла ее зовут.

Глава 2

Фицрой поглядывает с сочувствием. Быть феодалом не так уж и сладко, почему это раньше казалось таким простым и легким?

— Не отставай, — велел он, подмигнул, погнал коня вперед, а с далекого пригорка помахал рукой и жестом велел сворачивать налево.

Деревня открылась сразу за высокими деревьями, дальше снова лес, домики расположились прямо у основания великанских и таких прямых, как заводские трубы, стволов.

На окопице во все стороны шуганула босоногая ребятня. Я усмотрел самого храброго, что отважно смотрит из-за высокого плетня, крикнул:

— Эй, герой! Где живет ваша лекарша?

Он хотел было спрятаться, но преодолел страх, явно будет героем, и указал пальцем вдоль улицы.

— Вот тот домик с соломенной крышей. Там живет Шатун, у него во дворе белые козы, сразу увидите.

— Белые козы, — пробормотал я, — белые козы кушают розы... тоже белые...

Фицрой свистнул и понесся вскачь. Я догнал, когда он уже спешился и бросил повод одному из не успевших убежать местных крестьян.

— Ты только не задерживайся, — посоветовал он. — Да, надо о них заботиться, но что-то и сами должны делать. Не давай на себя сесть и ножки свесить.

— Я бы им все полномочия передал, — буркнул я. — Кроме права первой брачной...

— Ого!

Я махнул рукой.

— Да ладно, и это бы передал, лишь бы ничего не делать и ни за кого не отвечать.

Калитка не заперта, но нас увидели, из дома выбежал лохматый мужик с печальным лицом, торопливо сорвал шапку с головы.

— Глерды?

— Бдилла, — сказал я, — здесь?

— Это моя жена, — ответил он быстро. — Она... болеет. Сильно болеет. Даже очень.

— Веди, — велел Фицрой.

Втроем вошли в дом, во второй комнате на постели лежит укрытая одеялом до груди бледная изможденная женщина. Что больна, сильно больна, видно сразу: жутко исхудавшая, кости выпирают наружу, глаза ввалились, под ними темные круги, подбородок выдвинут вперед, будто и она из потомства Габсбургов.

Я посмотрел встревоженно, что-то здесь не так. Настолько тяжело больных видеть не приходилось, древние маги успели не только модифицировать огородные растения и улучшить породы скота, но и в достаточной

мере защитили людей от большинства болезней. А эта прямо умирает в расцвете, как говорится, лет.

— Только бы не чума, — пробормотал я. — И не холера... И не «испанка»...

Муж больной спросил встревоженно:

— Глерд?

— Болезни, — пояснил я, — что передавались от одного к другому и косили целые народы...

Он сказал торопливо:

— От нее никто не заразится.

— Точно? — спросил я. — Откуда знаешь?.. Это не похоже на ревматизм.

Он кивнул, но взгляд пугливо отвел в сторону.

— Так... чуется. В общем, верю...

Я подошел ближе, начал наклоняться к ней, и тут же отдернул голову. Ноздри ощутили незнакомый запах, и хотя нюхач из меня в прошлом неважный, но от нее отчетливо пахнет мокрой псиной, такой же точно запах, когда промокшая под дождем собака вбегает в дом и на гло просится на ручки, а потом вообще лезет на голову.

Муж больной и Фицрой смотрят встревоженно, я проговорил, не поворачивая головы:

— Вы, двое, выйдите. За дверь, ясно?

Оба замялись, Фицрой вообще-то готовится разрезать, я сказал резко:

— Все вон!.. Кроме больной. Вы что, думаете, сейчас буду насиливать?

Они с неохотой вышли. Я встал и задвинул за ними засов, а когда повернулся к ложу, в моей руке пистолет уже смотрит черным зрачком дула прямо в лицо женщины.

— Запах знакомый, — сказал я. — Говори быстро, химера?

Женщина проговорила слабым голосом:

— Господин... я ничего дурного не делала...

— Это проверим, — пообещал я. — Давно здесь?

— Семь лет, — проговорила она прерывающимся голосом. — У нас ребенок... нет, он не химера... Он от предыдущей жены мужа, она погибла... Муж не знает, кто я... Никто не знает. Я ни разу...

— Хорошо, — сказал я сурово, — это хорошо, что ни разу. Никогда не поздно выйти в отставку, забыть о бурной молодости, жить простым обывателем и даже порицать распущенную молодежь. Все женщины лицемерят... А чем ты таким заболела? Я не думал, что химеры и прочие... гм... болеют!

Она почти прошептала:

— Химеры не болеют. Но я жила семь лет человеком и ни разу не становилась химерой. Потому постепенно слабела... И теперь вот вообще слегла.

— И что дальше? — спросил я.

— Умру, — ответила она тихо, глаза заблестели влагой, а голос прервался. — Но никто не узнает... что я не совсем человек..

— Ты человек, — сказал я, — раз ты человек. Я доступно объясняю?.. Да?.. А я вот себя не понял... И чем таких лечат?

Она прошептала:

— Господин, зачем это вам? Просто убейте...

— Я тебя не записывал в советницы, — оборвал я. — Может быть, я вообще сексист и женщин не допущу на высокие должности. Таких лечат или нет?

Она ответила слабо:

— Это очень трудно. Только лейгилст...

— А что это?

— Лейгилст, — проговорила она. — В Зачарованном Лесу.

Я поморщился.

— Это который в миле от столицы?..

— Да...

Я окинул ее внимательным взглядом.

— А ты сколько еще продержишься?.. Ну, до того момента, как откинешь копыта?.. Или у тебя ласты?

— Мы живем долго, — проговорила она, — и умираем долго. Месяц, а то и больше...

Я сказал с неохотой:

— Тебе повезло, я изволю ехать в столицу по как бы важным делам. Дорога мимо Зачарованного Леса, так что загляну по пути. У меня там кореша. Альвы, если слышала. Они для меня в лепешку разобьются, так в меня влюблены. Я вроде светоч... Травы-синюхи в прошлый раз целый мешок собрали, нарвут этого лейгилста. Или наломают. В общем, пока дыши глубже. Когда вернусь, принесу тебе пучок. Или два.

Ее глубоко запавшие глаза начали вылезать наружу, стали огромными, как у морского глубоководного окуня.

— Господин?..

Я пробормотал:

— Если я глерд, то не обязательно дурак, как тебе кажется. Хотя, конечно, все во власти дураки, а мы вот умные и всегда лучше знаем, как и что... Живешь здесь давно, усердно работаешь, как говоришь, платишь налоги и не особо бесчинствуешь... то будь даже феминисткой и демократкой в глубине души... мне какое дело?.. Я хозяин или не хозяин? А хозяин должен быть как бы хозяйственным.

Она прошептала:

— Но... я же... химера...

— Но налоги платишь? — спросил я. — Я не просто хозяин, я еще и правильный хозяин. По-моему, бесхозяйственно терять хорошего работника в угоду идеологии. Или принадлежности к другой партии. Так что пусть все идет как идет. Лекарь очень нужен, это квали-

фицированный кадр. Но, конечно, я не король, полную защиту дать не могу. Так что если здесь появятся Братья из Ордена Алого Света, просто спрячься подальше.

— Хозяин!

— Если подвалы моего замка, — сказал я, — достаточно глубоко уходят, спрячься там. Туда я никого не пущу, это мои владения и мое ясновельможное право.

Она прошептала пораженно:

— Хозяин...

Я спрятал пистолет, пошел к двери, но там повернулся и сказал шепотом:

— О своей второй натуре никому. Хотя все и так знают, все женщины — химеры, но все-таки... Даже этому хитрому жуку, что прибыл со мной. Он у кого угодно выпытает!

Она сказала торопливо:

— Да-да, хозяин!

Я взялся за ручку двери, но повернулся и задал последний вопрос:

— Женщин, как я понял, среди вас больше?

— Мужчины обычно умирают под светом трех лун, — прошептала она, — женщины выживают чаще... Но, господин... вы тоже не такой, как все остальные.

— Еще бы, — сказал я. — Вся вселенная существует только ради меня. Я еще та химера!

Она посмотрела на меня исподлобья.

— Вы не химера...

— Я венец творения, — сообщил я. — Во мне все есть, начиная от амебы. Потому и назначен царем природы... И хотя меня не спрашивали, но я не отказываюсь ввиду своей необыкновенной скромности.

Не прощаясь, вышел и плотно закрыл за собой дверь. Муж смотрит встревоженно, Фишрой сказал с облегчением:

— Все?

— Закончил, — ответил я и, взглянув на побелевшего мужа, уточнил: — Еще месяц протянет, а за это время что-то да придумаем. Не вздумай ее добить! Это нехорошо, хоть она и женщина.

Фицрой вспрыгнул в седло и попер прямо через огороды в лесную стену. Конь протиснулся между толстыми стволами, дальше пошло такое, что я подосадовал насчет короткой дороги, лучше уж длинная, быстрее бы приехали...

Лес тянулся долго, часто приходилось слезать и прорубать дорогу для коней, что не могут, как потомки обезьян, перелезать через завалы. Под нависающими деревьями проскакивал с трепетом сердца, особенно после того, как одно тут же рухнуло сзади, толстое и огромное настолько, что и слона раздавило бы, как толстую жирную муху.

Деревья и не думают расступаться, на опушке мы оказались неожиданно даже для Фицроя, впереди долина, покрытая низко лежащим туманом, стебли высокой травы выглядывают из него, как из серой жидкой грязи.

Фицрой сказал мрачно:

— Долина Извечного Зла... За нее раньше бушевали войны, потом ее объявили ничейной и даже проклятой землей. Селиться там нельзя, слишком много крови впиталось в землю. Все вырастает уродливое и ядовитое, даже овцы начинают вести себя... в общем, могут и покусать. Мясо их ядовито, начинаются болезни.

Я рассмотрел вдали выцветшую палатку, мелькнули и пропали в тумане человеческие фигуры.

— А что делают все те люди?

— Ищут.

— Что?

Он усмехнулся.

— Самое важное, самое ценное!..

Я сказал ядовито:

— Какой-то особенный меч?

Он просиял.

— В точку! Я всегда считал тебя умным. Ну, если не умным, то быстро соображающим. Один из чародеев спрятал там Меч Власти, что дает неизмеримое могущество.

Я поинтересовался без особого интереса:

— А как же тот чародей, у которого был Меч Власти, решил расстаться с таким могуществом?

Он ответил беспечно:

— Дурак, наверное. Кто бы в здравом уме так поступил? Я бы ни в жизнь. Слышал, этот меч мешал достичь чего-то еще более высокого, но это вообще ерунда. Что может быть выше власти?.. Видишь вот ту гору?

— Вижу. Что там, огры?

Он пожал плечами.

— Не проверял еще. Но от нее прямая дорога на Сан-принг. К вечеру будем в столице.

— И у Рундельштотта, — сказал я нарочито, чтобы он не начал насчет королевы. — Рундельштотт спасет, Рундельштотт научит, он умеет и знает все...

Вдали из-за деревьев выглянули крыши с красной черепицей, а потом и сами домики: аккуратные, чистенькие, выстроенные вдоль дороги ровненько, как по шнурку.

Не село, настоящий город, но никакой крепостной стены, даже деревянного частокола.

Фицрой перехватил мой оценивающий взгляд.

— Благополучие?

— Королева рулит, — пробормотал я. — Народ чувствует себя в безопасности. Не знаю, хорошо это или не совсем.

— И я не знаю, — признался он. — Живется им так хорошо, но если голодные соседи нагрянут, то стены не помешали бы.

— Кстати, — сказал я. — Насколько здесь развито воздухоплавание?

Он посмотрел в удивлении.

— Воздухоплавание?.. Что это? А-а, на ящерах?..

— Нет, — ответил я, — на монгах. Хотя да, ты не здешний, откуда тебе такое знать...

Он откинулся в седле, на меня посмотрел с неподдельной обидой.

— Чтоб я да не знал?.. Это с какой стороны браться за плуг, еще не присмотрелся, а про всякое такое... Это воздушные шары?

— Они, — ответил я с неловкостью и надеждой. — Что знаешь?

Он пожал плечами.

— Известны давно, но пользуются ими редко. Здесь во всем королевстве две штуки. Делать их сложно, управлять трудно, да и то в полное безветрие. Если восхочет-ся летать, то освой благородное искусство управления ящерами. Сюда они почти не залетают, но в королевстве Опалосса ими пользуются.

— Ух ты, — сказал я пораженно, — это как раз то, что я как бы мечтал...

— Это только в королевстве Опалосса, — напомнил он. — Там в горах живут эти драконы. Там же и горные люди, гурцы называются. А ты слушаем не гурц?

Я потрогал себя за щеку.

— Вроде бы не. А что, похож?

— Да кто тебя знает, — сказал он с подчеркнутой опаской. — Говорят, ты не только Улучшатель, но и вообще непонятно что. А что колдун, это я и сам вижу.

— Я еще и вязать умею, — похвастался я. — Нет, спицами не пробовал... Да и крючком не приходилось. Но все-таки вязке обучен. Нет, никто не учил, я талантливый самоучка.

Он звучно расхохотался, но вдруг посеръезнел.

— Думаешь, королева поможет?

— Она же королева, — возразил я. — Должна. Это же забота о подданных? Конечно же, не станет, это понятно, она же королева... Спасение погибающих в руках самих погибающих.

— А не в ногах?

Я покачал головой.

— Если бы в ногах, зайцы были бы бессмертными. Эх, как они стояли на коленях и вопили: «Спаси нас!» Не зайцы, а мои крестьяне, хотя тоже зайцы, ты прав, хоть и неправ... Кто бы подумал, что это мои крестьяне и что отвечаю за их жизни я! Давно бы уехал и забыл про тот замок и те земли. Но получилось, я для них последняя надежда! Хотя вроде бы на фиг они мне?.. Мне бы хотелось, чтобы кто-то за них заступился! Но раз дураков нет, то придется мне, иначе их вообще измordют.

— Если не королева, — спросил он с интересом, — то как?

— Буду учиться у Рундельштотта, — напомнил я. — Выпрошу что-то из его чародейских штучек. Ему ни к чему, он в высокой башне во дворце самой королевы, а мне все сгодится.

— Настырный, — сказал он. — Только такие и добиваются.

— Чего?

— А всего, — ответил он хладнокровно. — Высота взлета зависит от настырности. Чем выше, тем труднее.

Я сказал сердито:

— Не люблю трудности. Ненавижу!.. Я сибарит.

Он окинул меня оценивающим взглядом.

— Твои мышцы сами нарости?

— Это другое дело, — ответил я недовольно. — С ними можно ходить и хвастаться, сибаритствуя. Они не для драк, а для... престижа.

— Для, — повторил он озадаченно, — для... чего? Несужто для колдовства?

— Для чародейства, — отрезал я сердито. — Чарования, очаровывания! Я очаровашка такая вот, понял?.. Ладно, не бери в голову. Вон там домики... это что?

— Столица, — ответил он. — Предместье. Столица подраскинулась... Мы подъедем к другим воротам. От них к дворцу чуточку ближе.

Глава 3

Нарядные домики мчались навстречу быстро и вприпрыжку, но когда мы въехали на улицу, пошли по обе стороны медленно и важно, чтобы наши кони не стоптали жителей.

Я с вялым интересом посматривал на дома и саму улицу, задерживаться здесь не собираюсь, прикрою от беды своих несчастных, которых, оказывается, только я и должен защищать, а дальше гори здесь все ясным огнем.

Фицрой даже не посматривает по сторонам, чего ради, уже весь город облазил и всех женщин перешупал, как хозяйка шупает кур, чтобы определить, когда снесут яйцо.

Я поинтересовался:

— Вон тот дом — постоянный?

Он кивнул.

— Да. Но мы там не остановимся.

Я подумал, сказал нерешительно:

— Вообще-то подыхаю с голоду. А королева, может, и не снизойдет до такой мелочи, как накормить провинциала.

— Присмотрись лучше, — посоветовал он. — Постоялый двор из двух отделений, видишь? Дверь левого за-бита досками. Говорят, постояльцы там просто исчезали. Не все и не всегда, но в какие-то ночи те, кто входил через эту дверь, никогда не выходили обратно.

Я спросил с пугливым интересом:

— А что стражи города?

— Думаешь, — буркнул он, — там все не перетряхивали?.. Никаких следов. И снова месяцами вроде бы все в порядке, но потом снова...

— В моменты появления трех лун? — спросил я. — Или трех солнц?

Он посмотрел с иронией.

— Думаешь, ты один такой умный? Это первое, что всем приходит в голову. Нет, исчезали и при них, и без них. Никакой связи! В конце концов, как видишь, дверь просто забили.

Я ощутил нервную дрожь в теле, Фицрой поглядывает с интересом, я пробормотал:

— Не думай, не полезу.. Во всяком случае, не сейчас. Он криво улыбнулся.

— Вот-вот, это же самое и я себе. Весь мир обойду и все вина перепробую, тогда можно. Но не сейчас, не сейчас! Хоть и хочется.

Дома раздвинулись, как деревья на опушке, дальше просторная и вымощенная камнем площадь, вдали высокая ограда из металлических штырей, фигурно выкованные ворота с королевским гербом наверху, а дальше просматривается сад и широкие аллеи.

Мы подъехали к воротам шагом, чтобы не пугать гвардейцев, я издали помахал рукой.

— Привет!.. Так пропустите или кто-то сбегает за Картером? Это ваш начальник, если еще не забыли.

Гвардейцы переглянулись, один сказал нерешительно:

— Вас пропустим, а это... это с вами?

Фицрой ответил несколько обиженно:

— Да, это с ним.

Я кивнул, гвардейцы распахнули одну половинку ворот, мы проехали в сад, я сказал негромко:

— Не обижайся.

Фицрой фыркнул:

— На что? Подумаешь, для тупоголового я всего лишь «это»!.. Меня и похлеще называли.

На параллельных аллеях, предназначенных для прогулок, иногда встречаются придворные, посматривают с любопытством, некоторые кланяются.

Мы подъехали к комплексу зданий дворца, я сразу заметил, что дверь в интересующую меня башню находится под усиленной охраной. Двое стражей могучего сложения прислонили копья к двери и, перед тем как бросить, яростно трясут по очереди кости в кружке.

Подходить к ним не стал, все понятно, покинул седло, Фицрой тоже спешился, но сказал с беспокойством:

— Иди сам. А то во дворце странные люди.

— Везде такие, — посочувствовал я. — Все чего-то хотят... Нет, чтобы сами кошельки отдали.

— В точку!

— Где тебя искать? — спросил я, уточнил: — В каком из трактиров?

— В «Веселой Лошади», — сказал он, — но если там не окажется, то у «Дочери Мелифисенты» или в «Единороге». Там и выпивка, и девки, и драки...

— Найду, — пообещал я. — Эй, там!.. А ну живо взять коней!.. И смотреть за ними, морды!.. Я не местный, мигом хари посворачиваю.

У входа в главное здание гвардейцев теперь вдвое больше, на меня уставились с подозрением. Я шел медленно, давая им возможность разглядеть и мой вельможный вид, и меня самого, однако гвардейцы, то ли новые, то ли получившие твердые указания, молча скрестили копья, перекрывая вход.

Я сказал беспечным голосом:

— Что, все еще военное положение?

К нам ринулся один из старших, судя по цветам, слуг, посмотрел на меня с почтительным испугом, что-то быстро-быстро прошептал гвардейцам.

Те с явным облечением убрали копья и отступили от двери.

— Нет проблем, ребята, — сказал я, — здесь я свой. Запомните мой светлый лик.

Один из гвардейцев ответил почтительно:

— Мы узнали вас, Улучшатель.

— Это хорошо, — сказал я.

Слуга уже распахнул передо мной обе половинки, я двинулся в холл, весь из себя красивый и нарядный, шляпу снимать пока не буду, если что не так, напомнят. Даже не стану прикидываться, что не провинциал, всем известно, что великие люди рождаются только в провинции, а в столице эти алмазы иногда превращают в бриллианты... иногда в говно.

На второй этаж поднялся без помех, но там стражи иная и, видимо, допуски тоже другого уровня. Копья передо мной скрестили молча, но с самым решительным видом.

— Эх, — сказал я с досадой, — что вы какие-то не такие?.. Ладно, Руперта Картера поищите, он подтвердит мой высокий допуск. И даже статус.

Один из слуг, внимательно наблюдавший за нами, исчез, через пару минут показался запыхавшийся Терминус, помощник Картера, все такой же щеголеватый и все в тех же доспехах, словно и спит в них.

— Глерд Юджин?.. — спросил он озабоченно.

— Рад, что узнали, глерд, — ответил я. — Ну прямо счастлив. А то как бы жил?

Он спросил быстро:

— Какова цель вашего появления?

— Что? — спросил я, не веря своим ушам. — А вы вообще-то кто, глерд?

Он чуть смутился, проговорил тише:

— Это все в интересах безопасности. Но я понимаю, вы пользуетесь полным доверием королевы.

— Тогда в чем дело? — спросил я. — Идите рядышком и отгоняйте всех собак.

Он сказал торопливо:

— Да-да, я проведу вас.

— И подождете там, — сказал я и пояснил вежливо: — В коридоре. Чтобы вас не вызывать снова наверх, как только спуститесь. На вид вы какой-то слабый.

Он вяло улыбнулся, на шутки тех, кто выше рангом, реагировать обязательно, а когда пошли по ступенькам, он бросил на меня заинтересованный взгляд.

— Что, уже надоело там?

— По мне видно?

— Нет, — ответил он, — но вы не из тех, кто засядет в имении надолго. В вас чувствуется... воин.

— Ну, спасибо...

— Не за что. Это и другие замечают. Вам на какой этаж?

— Как уже сказал отчетливо... или не сказал?.. изволю увидеть королеву.

Его улыбка стала понятннее, несколько замедлил шаг и проговорил в затруднении:

— Вы сделали очень много для подавления дворцового переворота, это все знают. Но я не уверен, что ваш статус позволяет входить к королеве.

— Просто доложите обо мне, — сказал я. — Ее величество решит само. Оно вообще все решает само.

Он ответил с облегчением:

— Это в моих полномочиях.

К нам навстречу заспешил Мяффнер, за ним Эллиан и Кливард, эти двое на меня поглядывают с опасливым ожиданием. В глазах и желание поближе познакомиться с таким могущественным человеком, и боязнь в чем-то прогадать при моем неопределенном статусе.

— Дорогие глерды, — вежливо обратился Мяффнер к спутникам, — я сам проведу глерда Юджина в королевский зал приемов.

Эллиан возразил не менее вежливо:

— Ее величество сейчас принимает послов.

— Знаю, — ответил Мяффнер, — но мы пойдем, когда ее величество закончит.

Терминус отсалютовал, на его лице было написано насчет бабы с воза, повернулся ко мне.

— Глерд Юджин...

— Глерд, — ответил я любезно. — Вы молодец, ни разу не споткнулись, а ступеней было много. Я вами почти горжусь.

Мяффнер поморщился, в глазах укор, но смолчал, обернулся в сторону лестницы. Там только что поднялись и двинулись через зал, неспешно и умело привлекая внимание одеждой и манерами, двое глердов.

Явно иностранцы, решил я, видно и по одежде, и по обуви, и даже шляпам, не говоря уже о манерах. Это не мой мир, где иностранца трудно угадать даже по языку, так как даже свои частенько говорят через нагрудные трансляторы.

Мяффнер сказал мне тихо:

- Простите, глерд, я вас оставлю на минуту.
- Не сбегу, — пообещал я.

Он быстро просеменил к этим чужакам, они живо повернулись к нему и встретили церемонными поклонами. Он раскланялся еще учтивее, а когда заговорил, мне почутилось, что советник королевы просто умирает от смущения и неловкости:

— Дорогие друзья, спешу заверить вас в своей неизменной дружбе и расположении ее величества!

Они поклонились.

— Спасибо, ваше глердство...

— И потому, — договорил он несчастным голосом, — мне особенно неприятно вам сообщать, но ее величество пока не может вас принять... Простите, лорд Генрих.

Высокий глерд, которого он назвал лордом Генрихом, дернулся, откинулся всем корпусом и с изумлением посмотрел на Мяффнера с высоты своего немалого роста.

Второй воззрился на советника королевы с не меньшим изумлением и растущим, видно по его темнеющему от прилива крови лицу, возмущением.

— Глерд, — проговорил лорд Генрих, — следует ли это понимать, как...

Мяффнер торопливо затряс головой.

— Нет-нет, вовсе не следует!

— Но тогда...

— Все объясняется совсем иначе, — заверил Мяффнер. — Наши дружеские отношения с королевством

Уламией совсем не изменились!.. Однако, благородный глерд, после захвата вашим королем земель Эстригии и той резни, что там учинили ваши солдаты... как вы понимаете, все переговоры о браке с ее величеством королевой Орландией отпадают.

Лорд Генрих дернулся.

— Но это в какой мере...

Мяффнер поклонился и произнес мягко:

— Простите, но мне добавить нечего.

Он вернулся ко мне и кивком предложил следовать дальше. Я успел увидеть, как оба глерда, у них там это лорды, растерянно смотрят нам вслед. Похоже, даже не поняли, что у советника королевы за странный заскок. Дескать, королева, увидев мощь их короля, тем более должна возжелать выйти за него замуж!

Мяффнер остановился, оглянулся украдкой. Дрожащими пальцами вытащил из-за обшлага носовой платок, вытер потный лоб.

— Подождем, — сказал он тихо, — нам еще рано.

— А чего так спешили?

Он ответил еще тише:

— Не хотел продолжать неприятный разговор. Не люблю говорить нехорошее. Но вынужден.

— Вы все сказали, — подбодрил я, — чего еще там щелкать хлебалом?.. Мудрые не говорят многословно.

Он посмотрел на меня искоса.

— Правда? Ну тогда подождите здесь. Я сейчас вернусь.

— Не споткнитесь, — посоветовал я благожелательно. — Вы такой шустрый, ее величество на вас не нарадуется. Прямо пудель.

Он отмахнулся и укатил, часто-часто перебирая короткими ножками.

Я посматривал по сторонам, уже заметно, что отношение ко мне резко изменилось. Или не так уж резко, но изменилось.

Раньше одни стремились уничтожить меня как возможного шпиона, другие — как опасного дурака, что не-продуманными изменениями может ввергнуть королевство в катастрофу.

Теперь же высокий статус говорит о том, что это уже и мое королевство, вредить ему не должен. Высокий статус подразумевает, что я понимаю, что делаю, и ничего опасного не сотворю.

Даже глерд Иршир, что совсем недавно велел привести меня перед свои ясны очи и требовал, чтобы я ничего не смел улучшать, пока не получу от него разрешения, вон издали поклонился как равному и прошел мимо без всякой вражды, ее я бы точно почувствовал.

И другие глерды тоже кланяются, хоть и нехотя, слишком быстро я взлетел в их высшее общество, как же, щас полезу со всеми целоваться, размечтались.

В сторонке, словно отделенные стеклянной стеной, беседуют двое: высокой дородный мужчина, великолепно одетый и с безукоризненными манерами, и глерд Кливард.

Я ощутил некоторую настороженность между ними, видно по изысканной вежливости и подчеркнутым знакам внимания и уважительности. Так часто ведут себя дуэлянты, уточняя условия, где, когда и каким оружием постараться лишить любезного собеседника жизни.

В ожидании Мяффнера невольно начал прислушиваться, стараясь этого не показывать слишком уж явно, даже вроде бы нечаянно приблизился, рассматривая роскошные портреты в массивных рамках на стенах.

Глерд Кливард бросил в мою сторону настороженный взгляд, чуть-чуть понизил голос, но я все равно услышал:

— Доблестный лорд Тердлер, я все понимаю... но поймите и вы, трон королевства Кельмия настолько важен, что ее величеству нужно очень тщательно взвесить, кого из претендентов следует поддержать.

Похоже, это посол другого королевства, там в ходу «лорд» вместо «глерд», лишнее доказательство для меня, что когда-то наши миры были одним целым.

Тем временем посол, или некто уполномоченный от другого королевства, выслушал, обдумал, неспешно поклонился.

— Кто в моем сердце, — произнес он церемонно, — всем известно.

Кливард ответил мягко:

— Важно не то, кто в вашем благородном сердце, доблестный лорд Тердлер, а кто в сердце нашей королевы.

Лорд спросил скептически:

— У нее есть сердце?

— Тогда на уме, — уточнил Кливард. — В уме ее величеству не откажете?

Лорд Тердлер зябко передернул плечами.

— Ни за что!.. Когда смотрит на меня, всегда кажется, что это царица всех змей, а змеи вообще твари мудрые... Вы полагаете, поддержит притязания на трон лорда Улассеса?

— Смотря, — ответил Кливард осторожно, — что от этого получит наше королевство.

— Возможно, — сказал лорд Тердлер, — ей отдать за поддержку приграничную область Сепинтио?

Кливард покачал головой.

— Не стоит. Тогда она остается раздражающим напоминанием. Проще либо заключить торговый союз,

либо разрешить в наших королевствах беспошлинную торговлю.

Лорд Тердлер произнес осторожно:

— Вообще-то у вас экономика покрепче... Хотя, с другой стороны, поддержка вашей королевы стоит некоторых неудобств.

— Временных, — подчеркнул Кливард.

— Да, — согласился лорд Тердлер несколько кисло, — потом все наладится, но не сразу. Зато ваша партия получит преимущество на выборах нового короля.

— Не такое уж и большое, благородный лорд. Все-таки беспошлинная торговля может разорить наших ремесленников.

— Зато остальные станут богаче, — подчеркнул Тердлер. — А ремесленники пусть учатся работать лучше и больше!

Глава 4

Из дальней двери выкатился Мяффнер, в новом костюме он еще толще, замахал мне торопливо обеими ручками тем жестом, словно хватает меня и с жаром прижимает к своей материнской груди.

— Королева сейчас вас примет, — сообщил он возбужденным голосом, когда я осторожно приблизился. — Ей нужен перерыв между сложными переговорами с послами!.. Подождите, ее величество сейчас заканчивает разговор с главой купеческой гильдии.

— А можно мне взглянуть одним глазком?

Он испуганно замахал обеими руками.

— Нет, это невозможно...

— Ну ладно, — ответил я. — Видите, какой я покладистый? Куда ни положи, ничуть не спорю. Лишь бы мягко.

Он умолк, лицо стало строгим. Я тоже подтянулся и застыл, а мимо медленно прошли глерд Джузэл и одетый в роскошные одежды иностранного края человек, которого я раньше не видел.

Джуэл медленно удалился, не взглянув в нашу сторону, а Мяффнер прошептал тихо:

— Сейчас ее величество покидает зал церемониальных приемов и переходит в свой кабинет.

— Тыфу-тыфу, — сказал я.

Мяффнер насторожился.

— Это заклятие?

— Пожелание успеха, — пояснил я. — Королеве, понятно. А мы обойдемся.

— Почему? — спросил он пугливо.

— А мы и так свое урвем, — сообщил я бодро.

Через пару минут к Мяффнеру подбежал старший слуга, что-то пошептал быстро-быстро на ухо, поглядывая на меня искоса одним глазом, как торопливая сорока.

Мяффнер кивнул, повернулся ко мне.

— Ее величество уже в кабинете. Пойдемте, но не спешите. А то вызовем толки...

— Толки что, — ответил я с пониманием, — но в мирное время, если лорд-канцлер бежит вприпрыжку — это смешит, а в военное вызовет панику.

Он посмотрел сердито, но с его добродушным лицом и мягкими манерами меньше всего получается сердитость, а я принял достойно-величавый вид и пошел с ним рядом, изображая государственные интересы.

У двери королевского кабинета двое крепких гвардейцев в доспехах, раньше прикрывали кирасы цветными нарядами, если вообще носили кирасы, а сейчас все напоказ, словно некое предостережение.

Оба пытливо взглянули на Мяффнера и без вопросов отступили в стороны. Похоже, Мяффнер по-прежнему

пользуется полным королевским расположением и доверием.

Дверь распахнулась, я перешагнул порог, переходя из строгого коридора в мир блеска, шика, золота на стенах и на креслах, низко свисающей огромной люстры с сотней свечей, если не больше, и непомерной роскоши, что свидетельствует о власти и могуществе.

Королева красиво и грозно восседает в кресле с высокой спинкой. Кресло на помосте, на самом верху спинки крупно вырезаны, чтобы видели издали, герб и знаки власти. Глерды Эллиан и Джуэл стоят перед нею и что-то объясняют негромко и почтительно.

Заметив нас с Мяффнером, она, не поворачивая головы в нашу сторону, сказала им ровным голосом:

— Да, это стоит обдумать. Можете идти.

Они поклонились и отступили, бросая в мою сторону острые и недовольные взгляды. Когда за ними закрылась дверь, королева чуть повернула голову в сторону Мяффнера.

— Спасибо за услугу, глерд. Подготовьтесь к приему посла из Дронтарии, посмотрите сводки, что у них там сейчас. Возобновим прием через полчаса.

Он поклонился и двинулся через весь просторный кабинет в направлении другой двери. Королева не двигалась, пока Мяффнер не скрылся.

Я терпеливо ждал, наконец она с галактической неспешностью обратила взор холодных светлых глаз в мою сторону.

— Глерд Юджин...

— Ваше величество, — ответил я.

— Подойди, — велела она.

— Бягу, — заверил я, — бягу!

Однако подошел неспешно и тоже начал рассматривать ее с головы до ног, на что она абсолютно не обрати-

ла внимания, словно я кошка, которой тоже позволено смотреть на королеву.

Некоторое время молчала, разглядывая меня свысока, я уже собирался заговорить сам, когда она произнесла с той же королевской холодной отстраненностью:

— Как здесь?

— Спасибо, ваше величество, — ответил я. — Куда деться пленнику? Осваиваюсь в этой просторной темнице.

Она проигнорировала упрек, поинтересовалась с той же королевской безмятежностью:

— Получается?

В ее словах таился намек, типа того, никому ли еще не брякнул, но я не стал заверять, что не сумасшедший, ответил так, словно прибыл из соседнего королевства, такого же дремучего:

— Да, ваше величество, здесь все такое же. Кто бы подумал, двуногие, надо же!

Она чуть наклонила голову.

— Быстро заметили, поздравляю вас, глерд. Что-то еще нужно? Говорите, постараюсь помочь. В пределах, понятно... Кстати, вы как-то намекнули насчет своей секретной службы... Вы могли бы заниматься этим и здесь. У нас достаточно опасных врагов на кордонах.

Я поморщился.

— А мне это надо?

— Я полагала, — заметила она холодно, — сердце героя не выдержит долгого безделья и отвратительного комфорта.

— Так то долгого, — буркнул я.

— Вы здесь уже с неделю? — спросила она. — Думаю, успели возненавидеть уют, хорошую еду, покорных женщин...

— Чё, правда? — изумился я. — Ах да, у меня ж сердце героя... Кто бы подумал!

— Вот-вот, — согласилась она.

— Нет, — заверил я, — не возненавидел. Странно, почему не возненавидел уют, хорошую еду и покорных женщин?.. Сам не па-а-анимаю... Но вот не возненавидел! Еще как не возненавидел. Попробую еще всего и больше, вдруг да возненавижу?

Она посмотрела несколько высокомерно.

— Да?.. Видимо, вас готовят к каким-то особо важным свершениям. Дают накопить силы.

— Кто готовит?

Она произнесла, почтительно понизив голос:

— Высшие Силы...

— Высшие Силы, — протянул я, — как хорошо, что они как бы существуют. Всегда есть на кого сложить ответственность и оправдать свою дурь. Но я не настолько трус, чтобы прятаться за предсказаниями, пророчествами и всякой хренью, вроде гороскопов. Хотя и хотелось бы.

— Значит, все-таки трус?

— Конечно, — согласился я. — А кто из нас не трус? Только последний идиот. Я сказал, что хоть и трус, но не настолько, чтобы закрывать глаза на реальность. Потому смотрю и прикидываю, что делать дальше... Забегая вперед, скажу, ваше величество, что служить вам как-то совсем не желается. Даже не изволится!..

— Вы обижены, — произнесла она ровно, но почти с ноткой сочувствия, — даже оскорблены, но все-таки понимаете, если не совсем глупы, я не могла поступить иначе. И это вас раздражает еще больше.

— Ах да, интересы королевства превыше всего!

— Вот-вот, — сказала она ровным голосом. — Вам все еще не понять, но я сжилась с этим бременем.

Я ответил беспечно:

— Ваше величество, я могу только поздравить себя с тем, что я не король!.. Уж простите, но на службу как-то не тороплюсь. Я обживаюсь пока. Охочусь на зверушек, насилию служанок...

Она поморщилась.

— Насилие? Это не в вашем характере.

— Правда? — спросил я. — Значит, просто замечательный или просто очень хороший?.. Но считаю, что когда хозяин вяжет слуг, это уже насилие и злоупотребление властью. Пусть даже потом и делает какие-то подарки или просто платит.

Она посмотрела с сомнением, всерьез ли несу такой бред, наконец обронила с неохотой:

— В таких отношениях почти всегда корысть с обеих сторон. И кто кого использует больше, сказать трудно. Потому мужчине не стоит углубляться в такие вопросы... как и в такие отношения. У вас есть меч и конь! Зачем еще и женщины?

— Гм, — сказал я задумчиво, — я вообще-то не настолько либерал... Но в общем, верно, и я прибыл как бы по делу, хотя оно ближе к развлечаловке...

— Говорите... глерд.

— Зеркало Древних, — сказал я.

Ее лицо стало моментально строгим и жестоким.

— Что-что?

— Ваше величество, — сказал я, глядя ей в глаза, — вы разрушили возможность проникать в другие миры. Проникать! Открывать туда двери. Да, для этого требуетсѧ огромная энергия и неслыханное количество бриллиантов и других драгоценностей, но теперь установка разрушена вами полностью. Я уже молчу о непоправимом вреде для науки.

Она кивнула, взгляд ее оставался холодным и твердым.

— Я поступила правильно.

— Понимаю, — ответил я. — Впрочем, при меньших затратах теоретически можно добиться возможности просто смотреть... Это для проникновения нужны огромные мощности, а для наблюдений... во много раз меньше. Правда, даже их сейчас нет, но все же можно попытаться отыскать, как это сделать.

Она посмотрела на меня пронизывающим взглядом, словно старается прочесть то, что у меня прячется под словами.

— И что ты хочешь?

— Ваше величество, — произнес я ровно, — Зеркало Древних уже не работает. Я просил бы вашего разрешения взять его в свой замок.

Она спросила резко:

— Зачем?

— Можно попытаться найти методы, — сказал я, — наблюдать жизнь в других мирах. Просто смотреть! На проникновение требуется мощь целого королевства, а для наблюдения, как я надеюсь, хватит и усилий одного достаточно богатого глерда.

Она подумала, не сводя с меня взгляда, покачала головой.

— Нет.

— Теперь оно бесполезно...

— В любом случае, — отрезала она, — это достояние короны!

Я вздохнул, развел руками.

— Жаль... Простите за беспокойство, ваше величество.

Я поклонился, отступил и пошел к двери, смутно надеясь, что она остановит, и уже взялся за ручку двери, в кабинете ни одного слуги, чтобы распахнул передо мной, как со стороны кабинетного трона донесся ее холодный голос:

— Глерд... раз уж вы прибыли в столицу, почему не погостить в ней? Если нет друзей в городе, можете воспользоваться гостевыми комнаты при дворце!

Я выслушал, повернувшись к ней лицом, еще раз поклонился.

— Спасибо, ваше величество. Я лучше вернусь в отныне свою нору. Землянную нору.

Она спросила резко:

— Чего-то опасаетесь?

— Да, ваше величество.

— Чего?

— Вас, ваше величество.

Она недовольно поджала губы.

— Догадываюсь, что вы имеете в виду, глерд. Но вы ошибаетесь... хотя доказать ничем не могу. Хорошо, вам нужно Зеркало Древних? Оно в вашем распоряжении!..

— Спасибо, — ответил я с настороженностью, — ваше величество...

— Но только на прежнем месте, — договорила она. — В башне Рундельштотта. И старику будет не так тоскливо, и ваша работа окажется под наблюдением. Моим наблюдением!

Я покачал головой.

— Ваше величество, вы же понимаете, я не смогу воссоздать ту установку даже с помощью Рундельштотта. Для этого потребуются все ваши сокровища, а я беднее, чем ваши крестьяне.

Она огрызнулась, хотя и с королевским величием:

— Мои крестьяне гораздо богаче, чем в соседних королевствах!.. Это мое последнее слово, глерд. С королевой не торгуются. Либо вы принимаете, либо желаю вам благополучного возвращения в вашу, как вы ее называете, нору. Хотя это далеко не нора, я там не раз проезжала и видела ту крепость.

Я вздохнул.

— Хорошо быть королевой, верно? Такая власть... Да, я принимаю. Что еще остается... пленнику.

Она стиснула челюсти, но смолчала, ниже своего достоинства уверять какого-то пусты и глерда, что он не пленник, а глерд со всеми привилегиями глерда.

Я поклонился, снова взялся за ручку двери, помедлил, чувствуя, что королева сейчас что-то скажет, и — как в воду глядел! — она произнесла негромко:

— Кстати, эта штучка в ухе... она и здесь помогает слышать разговоры... на расстоянии. Я улавливаю, как мне перемывают кости, но, главное, слышу и кое-что важное... Сколько это продлится?

— Пока ваше величество, — сообщил я, — будет оставаться... теплым. Но если вы в самом деле змея, то все кончится довольно быстро.

Она чуть-чуть раздвинула губы, что должно означать улыбку.

— Значит, я змея с теплой кровью.

— Пока ваши ухи останутся теплыми, — ответил я. В ее глазах мелькнуло непонимание, я вспомнил, что у лжецов уши вроде бы холодные, пояснил торопливо, пока не поняла как-то по своему, по-королевски: — Магия слухового аппарата питается вашим теплом. Этого достаточно.

Она величественно кивнула.

— Хорошо.

— Вот видите, — сказал я с упреком, — и здесь я вам помог, а вы не можете отдать какое-то устаревшее дореволюционное зеркало прошлых режимов... Ладно-ладно, это я просто так. О классовом неравенстве.

И вышел, плотно прикрыв за собой дверь, довольный, что последнее слово за мной, хоть и нарушение этикета, но мы одни, а королева понимает, что у нас из-за общей тайны особые и очень сложные отношения.

Глава 5

Стражи в коридоре не шелохнулись, только дежурный слуга сразу повел в мою сторону настороженным взглядом. Я остановился, прикидывая, в какую сторону податься, а в конце коридора словно солнце взошло: появилась и двинулась в мою сторону, все озаряя чарующей улыбкой, блестающая Карелла Задумчивая, с распущенными русыми волосами, но перевитыми кое-где синими лентами, в переливающемся золотыми блестками платье, безумно яркая и цветущая.

Она чарующе заулыбалась, я галантно поклонился.

— Глердесса... или правильнее, фрейлина?

— Верно то и другое, — сообщила она весело, — но вы можете называть меня по имени, глерд.

— Польщен, — ответил я. — Ой, даже не представляю, как я польщен, как польщен!.. Ну просто невероятно... Польщеннее не бывает.

Она игриво вскинула брови.

— Что-то вы совсем язык потеряли, глерд!

— Еще бы, — сказал я с жалким восторгом, — тут что хошь потеряешь, когда вот так во все глаза на вас смотришь... и представляешь!

— Что представляете, глерд?

— Какое вы совершенство, — заявил я не моргнув глазом. — И чудо. Без перьев, что и вовсе!.. Смотрю и балдею. В смысле, представляю и представляю...

Она посмотрела все еще кокетливо, но чуточку обескураженная непонятными комплиментами. Надеюсь, все же видно мой просто дикий восторг и в то же время слишком далеко от стандартных фраз восхищения ее красотой и прелестями, что как раз сейчас в тему.

— Глерд...

Я спросил галантно:

— Ее величество созывает фрейлин только на развлечения?

Она чарующе улыбнулась.

— Ах, глерд Юджин... вы поселитесь в той же комнате?

— Ох, — сказал я подчеркнуто счастливо, — даже и мысли не было до сей минуты! Но если вы снова принесете мне завтрак... а еще лучше — ужин...

Она кокетливо засмеялась.

— Если это задержит вас во дворце, то я это сделаю обязательно!

Что за дура, мелькнула мысль, нет, чтобы повыпендриваться, вместо этого сразу прижимает к стенке, еще чуть, и совсем изнасилует.

— Конечно, — заверил я, — задержит! Да я вообще здесь послююсь!

И хотя вроде бы шутю, но все-таки загнала меня в угол и уже с плотоядным видом то ли раздевает, то ли тискает, во взгляде чисто женское, эдакое победное выражение...

В конце коридора показались Мяффнер с глердом Финнеганом, Карелла оглянулась, сказала быстро:

— Все-все, я пошла. Но ловлю на слове!.. Кстати, я сегодня буду одна.

И, одарив меня многообещающим взглядом, быстро удалилась, а вместо нее подошли Мяффнер и Финнеган.

Финнеган поклонился мне, посмотрел на Мяффнера, тот кивнул. Финнеган молча последовал в ту же сторону, что и Карелла, но шаги замедлил, давая ей возможность уйти.

Мяффнер внимательно посмотрел им вслед.

— Карелла Задумчивая...

— Она в самом деле задумчивая? — спросил я.

— В каком смысле?

— Она в самом деле задумывает? — уточнил я. — Или больше на инстинктах? В смысле, на чувствах?

— У женщин все на чувствах, — сообщил он. — Все!.. Даже мозги. Кстати, хоть это не мое дело, но... вы говорили с глердессой Кареллой... О чем таком... хоть это и не мое дело...

— Верно, — сказал я осторожно, — говорил. А что?

Он помялся, хорошо видно, как не хочется говорить что-то неприятное, человек деликатнейший и вообще предпочитает говорить только льстящее собеседнику, но не случайно же королева держит его на первом месте среди советников, пересилил себя и сказал мягко:

— Вы человек сейчас занятой, понимаете?..

— Ну, ага...

— И у нас, — договорил он, — так много важных и неотложных. И даже незамедлительных! Потому вам лучше от нее подальше. Или хотя бы не связываться.

— Одно другому не мешает, — бодро сказал я. — Пока что не мешало.

Он вздохнул, снова вижу, как хотел согласиться со мной и соскользнуть с неприятной темы, однако сказал со вздохом:

— Мешает. Да вы и сами знаете. Я же вижу, вы хоть многое и не понимаете, но схватываете быстро.

— Но почему бы, — возразил я, — как бы на ходу, не снимая лыж... имею в виду, сапог с высокими голенищами...

— Опасная женщина, — ответил он вынужденно, осмотрелся по сторонам и понизил голос: — Она глердесса из старинного, но сильно обедневшего рода. Ищет возможности исправить положение. Все мужчины ее рода сейчас просто ленивые дураки. Так часто бывает с

потомками старинных кланов. Основатели — герои, потомки — презираемая немощь...

— Но что я могу? — сказал я.

Он криво усмехнулся.

— Не хочется верить, что она может быть заинтересована в чем-то, кроме мужской стати?.. Эта мягкая и податливая с виду женщина обладает железным сердцем. Вы Улучшатель, который сам еще не знает, что может улучшить. Она не прочь если не контролировать вас, дорогой глерд, то по меньшей мере быть в курсе ваших дел.

— И улучшений?

— Да, — согласился он. — Будущих улучшений. Она понимает, что узнающий первым получает преимущество. Родовитые дураки на вас смотрят свысока, как на одного из простолюдинов, но все до единого ведут род от простолюдинов, что сумели умом и отвагой завоевать высокие места и основать великие династии!.. Но Карелла этого не забывает.

— Опасная женщина, — признал я. — Вы правы, мне чего-нибудь попроще.

— Мудрое решение, — одобрил он. — Если предпочтете быть хозяином, а не слугой, пользуйтесь дворовыми девками. Поверьте, репутация бабника ценится только среди дураков. Настоящие мужчины презирают тех, кто женщинами занимается слишком много... Вас она уже пригласила?

— Сказала, сегодня вечером будет одна.

Он сказал довольно:

— Прекрасно. Не нажимает, дает возможность уклониться. Воспользуйтесь. Сделайте вид, что не поняли.

— Мудрый совет, — сказал я с уважением. — Вообще-то я в самом деле дурак, многое не понимаю... из того, чего понимать не хочу.

— Все мы такие, — заверил он, — но у вас получается особенно хорошо. Некоторая школа чувствуется, хотя я и не понимаю пока ее особенностей.

Я поклонился.

— Глерд Мяффнер, я вам бесконечно признателен.

Он чуть-чуть наклонил голову.

— Глерд Юджин...

Я чувствовал, как он смотрит мне вслед, оценивающе и достаточно тепло, даже странно, что такой добрейший человек постоянно возле королевы Змей и она его еще не сожрала.

Где «моя комната» во дворце, помню, но сразу же направился к лестнице, сбежал на первый, а там, ни на кого не глядя, быстро к выходу. Дальше нужно будет пересечь двор, подняться на башню Рундельштотта, сорвать королевскую печать и войти в лабораторию мага.

Если трансформатор на той стороне работает, а он должен работать, то я протиснусь через портал, а здесь время как бы остановится. И сколько бы я там ни пробыл, вернусь сюда в ту же самую минуту, что и отбыл, так что снова никто ничего не заметит.

А пока нужно успеть продумать, как поступить с тремя трупами в моей гостиной. Там время на нуле, до моего появления лист с дерева не упадет, я появлюсь на секунду позже, чем наши с королевой копыта мелькнули в портале.

Самое нахальное, что лезет в голову, — это забросить их в портал прямо сюда в лабораторию. Пусть Рундельштотт разбирается.

С другой стороны, не хочется так уж раскрывать карты даже перед старым магом. Лучше продумать, могут ли мне на той стороне предъявить какие-то обвинения, когда по моему паническому воплю в полицию нагрянут в поселок омоновцы и увидят этих гадов в лужах свежей крови.

Наверняка в их базах данных они как разыскиваемые либо как подозреваемые во многих преступлений, но так и не оставившие улик, так что половина вины с меня будет снята автоматически. Как снять остальные подозрения, можно продумать неспешно и обстоятельно, времени много.

Раздумывая и прикидывая варианты, я пересек двор, рассеянно отвечая на поклоны, гвардейцы все еще сидят у двери башни, на меня уставились с интересом.

— И что? — спросил я. — Разве так хозяина встречают?.. Хотя мне все равно. Только если наступлю кому на причинное место, пусть не жалуется.

Они поднялись, я демонстративно неспешно и хладнокровно взялся за ручку, и тут за спиной раздался торжествующе-насмешливый голос:

— Так-так... снова за свое?

Форнайн спешит в нашу сторону, на морде недобрая ухмылочка, сам довольный, словно застукал меня на воровстве яблок.

— В чем дело, глерд? — поинтересовался я холодно. — Какая-то служанка все-таки снизошла к вам? Не лопните от счастья.

Стражники заулыбались, Форнайн дернулся, но сдержался и лишь сказал со зловещим нажимом:

— Вы нарушили королевский приказ, глерд.

— Да ну? — ахнул я. — А вы наблюдательны, глерд!

Он сказал злее:

— Там отныне личные королевские владения!

— Когда кажется, — ответил я, — попоститесь трое суток, может быть, и пройдет. Еще помогает, если кровь пустить. У вас кровь пускают лекари или как?

Он холодно осведомился:

— Вы на что-то намекаете... глерд?

— Намекаю? — переспросил я с изумлением в голосе. — Глерд, я сказал яснее ясного, что с удовольствием пущу вам кровь лично!.. Доставайте меч. Или из ваших ножен торчит одна рукоять? Блистать перед придворными бабищами достаточно, согласен.

Его рука дернулась к мечу, ладонь легла на рукоять, так постоял мгновение, играя желваками и стараясь не смотреть на остро заинтересовавшихся стражников.

— Глерд, — процедил он ненавидяще, — я на службе, не могу ответить вам на вызов.

— Да ну?

— Однако обещаю вам...

— Я тоже обещаю, — ответил я и посмотрел ему в глаза прямо и с не меньшей ненавистью, — вы у меня получите больше... радости, чем я получил в том пыточном подвале! И вы у меня будете визжать, как последняя свинья, кем вы и являетесь, пока глаза не лопнут!

Его лицо слегка побледнело, но проговорил с той же твердостью:

— Глерд... обещаю, сочтемся очень скоро.

Я кивнул, повернулся и потянул на себя дверь. Он произнес за спиной злым голосом:

— Стоять! Вам туда запрещено.

— Кем? — поинтересовался я. — Вами?

— По приказу королевы, — отрезал он, — туда отныне никто не смеет входить под страхом смерти! Вот теперь можете входить, я предупредил. А там пеняйте на себя.

Я ответил недобрым голосом:

— Вы правы, глерд, я снова за свое... Ибо отныне это мое! А вы можете убираться обратно в лес.

Явно не ждавший такой реакции, он чуть растерялся.

— Почему в лес?

— Вам там место, — сообщил я любезно. — Вместе с животными... И вообще, глерд, не хотите ли вызвать меня на поединок?.. А то прибить вас прямо сейчас как-то не совсем то, хотя я всегда оправдаюсь, у меня совесть гибкая, а язык без костей.

Он прощедил сквозь зубы:

— На мечах вы струсите, ясно. А колдовство для мужчины — позор, но это для мужчин, вам это не указ...

— Ну-ну, — сказал я поощряюще. — Говорите, глерд, говорите. Скоро умолкнете.

Он недобро ухмыльнулся.

— Да ну?

— Скоро, — пообещал я, — встретимся на очень узкой дорожке. И уже не разойдемся.

— Тогда наслаждайтесь пока солнцем, — посоветовал он. — А за нарушение королевского приказа...

— Вы не дурак, — сказал я, — вы конченый идиот. Любой понимает, что если захожу в эту дверь при свете дня и на глазах всего двора, то на это у меня есть разрешение королевы.

Глава 6

Уже не слушая, что он там провякает, я открыл дверь и вошел в башню, плотно притворив за собой створку. Темнота кромешная, но мои пальцы уже нашупали в кармане мобильник и на нем кнопку фонарика.

Узкий луч света выхватил из темноты ступеньки, я приободрился и быстро пошел вверх к своей комнате и лаборатории Рундельштотта.

Ступеньки стерты, еще в прошлый раз прикидывал, то ли раньше народ цепочками, как муравьи за кормом,

бегал туды-сюды, то ли Рундельштотт ходил здесь лет триста-четыреста...

Луч фонарика в мобильнике слишком узкий, лучше бы факел, приходится часто светить под ноги, только ближе к вершине в стене наконец-то окошко. Солнечный свет кажется невыносимо ярким, высветило ступеньки, стены и даже дверь, что пролетом выше, но дальше снова черно до самой двери в лабораторию.

Внезапно и очень резко повеяло холодом. Ладонь моя сама спешно метнулась к кобуре, а между пролетами из темноты на свет вышла почти танцующей походкой обнаженная женщина-ящерица в крупной чешуе, больше похожей на рыбью, такой же блестящей, плотной и даже как будто только что из воды.

Я выдернул пистолет, но удержал палец на спусковой скобе, хотя и страшно. Однако это существо, видя меня безоружным, жаждет понаслаждаться своим преимуществом, унизить якобы сильного мужчину, это видно в каждом ее движении, каждой гримасе...

Я такие лица уже видел, у некоторых женщин все еще срывает крышу от внезапного понимания вседозволенности и отсутствия запретов на секс, мат, непристойности, что не разрешали им в детстве строгие родители.

У всех такие же извращенно красивые лица, бесстыдство и пороки не только в глазах, но в каждом движении, наслаждаются тем, что вот какие порочные, гадкие, подлые и презирающие все нормы.

Она с торжеством смотрела на мое глупо растерянное лицо.

— И где твой меч?.. Или ты умеешь только магией?..
А где магия?

Я попытался обойти ее на узкой площадке и подняться выше, но споткнулся и упал на спину, а она тут же

прыгнула и оказалась на мне, прижав твердыми горячими ягодицами мой живот, даже самый низ живота.

— Ну вот, красавчик, — промурлыкала она, — ты и попался... Я удобно сижу? Что, даже не хочешь сопротивляться?

— Ты намного сильнее, — прохрипел я, — потому глупо. Я сдаюсь.

— Умница.

— Насиловать будешь? — спросил я с надеждой. — По праву победительницы?

Она расхохоталась.

— Да ты еще и шутишь!

— Я всерьез, — пробормотал я. — Ну, если насиловать тебе запрещено, то... почему нам не договориться?

Она расхохоталась громко и победно.

— О чем?

— Я мог бы тебя взять на службу, — пообещал я быстро. — В качестве диверсанта во вражеских рядах. У меня сейчас опасный противник...

— Аллерли, — сказала она. — Великий маг Аллерли! Мой хозяин, хотя он вообще-то не хозяин, но когда послал меня встретить тебя, я спорить не стала... Знаешь, а он тоже из наших.

— Что?

— Да-да, — ответила она с удовольствием, — и очень сильный. Правда, потому с очень ограниченными возможностями. Ну, знаешь, как огры, что ничего другого не умеют... А теперь дорогой, умри красиво и с улыбкой.

Я перебил:

— Погоди! Ты не ответила!

Она изумилась.

— На что?

— Поработать на меня.

Она расхохоталась.

— Я буду вспоминать тебя, как самое смешное...

Ее ужасающая пасть начала приближаться медленно и дразняще, наслаждается преимуществом над якобы сильными мужчинами, вечными противниками и угнетателями женщин.

— Жаль, — сказал я таинственным голосом. — Но ты не знаешь самое важное...

— Что? — прошептала она почти над ухом.

— В обойме не семь, — сообщил я подслушанную где-то фразу, — а восемь зарядов!

Она в непонимании вскинула брови, очень уж мой голос не кажется дрожащим от ужаса, в глазах внезапно метнулся страх.

Я почти упер ствол в ее левый бок и, уже не сосредотачиваясь на нужном слове, это получается на автомате, трижды нажал на скобу. Стальные пули вошли в ее уплотненное тело с довольным чмоканьем.

Она дернулась с такой силой, что ее подбросило всем телом, снова рухнула на меня. Я с отвращением столкнул на пол, торопливо поднялся, все еще держа ее под прицелом.

Боль на ее лице и непонимание, почему же все пошло не так, как у нее всегда раньше, изо рта выплеснулась темно-красная струйка крови, глаза распахнулись в ужасе до предела.

— Ты... все-таки...

Старателю скрывая дрожь во всем теле, словно это ох как важно, но перед женщинами стараемся держаться как и положено мужчинам, я отряхнул пыль с брюк, как будто в самом деле такой аккуратист, но пистолет в другой руке смотрит на нее неотрывно, а палец в полной готовности подрагивает в напряжении на спусковой скобе.

— Это все, что можешь пропищать?

Кровь хлынула из ее рта толчками, я почти видел, как сердце поспешно качает эту горячую красную жидкость все сильнее, не понимая, почему та не идет в мозг и мышцы.

Багровая жаркая струя стала шире и потекла по ступенькам красиво и печально. Химера повела в мою сторону страдальческими глазами.

— Надо было, — прошептала она слабеющим голосом, — принять... твоё... предложение...

— Надо было, — согласился я.

— Но ты знал... что... откажусь?

— Потому и предлагал, — заверил я галантно.

Она попробовала улыбнуться грустно, у женщин если не получается львицей, есть вариант попробовать лисой, вдруг да во мне сработает мужское и, несмотря ни на что, брошусь спасать, но момент упущен, смертельная бледность уже простила на лице, тело дернулось и застыло.

Я наклонился и закрыл ей глаза. Почему-то женщины, умирая, из чудовищ превращаются в таких куколок, что вроде бы и жалко чуточку, даже несмотря на это гре-баное будущее равноправие полов.

Переступая, едва не упал, поскользнувшись в красной луже, в раздражении повернулся и мощным пинком отправил тело вниз по ступенькам. Нечего разнеживаться, война — грубое ремесло. И не стоит женщинам лезть в него со своим рукоделием.

Мимо двери комнатки Рундельштотта прошел на цыпочках, пусть спит или пребывает в депрессии, сейчас не до него, осторожно поднялся на самый верх к лаборатории.

На двери красная ленточка с сургучной королевской печатью, никто не посмеет. Я бестрепетно сорвал, что-то мало у меня уважения к власти, потянул дверь на себя.

Отворилась без скрипа, я торопливо проскользнул в щель, тихохонько прикрыл за собой, постоял на площадке, прислушиваясь и осматривая комнату, решительно прошел через нее к дальней двери и так же решительно распахнул ее.

Стол и кресло с колесиками на месте, только одно сиротливо в дальнем углу, а на столе чисто. Исчезли даже осколки малахитового цилиндра, не говоря уже о множестве драгоценных камней.

Зеркало Древних смотрит со стены тусклой поверхностью, абсолютно мертвое и даже словно бы подернутое пылью.

— Давай, — прошептал я, — только бы... Только бы еще работало...

И хотя понимаю, что должен попасть в то же самое мгновение, в какое и провалился оттуда после мощного пинка королевы, но страх опоздать холодной рукой стиснул сердце.

Вытянутая рука уперлась в твердое, так мне показалось, но сразу же пальцы провалились вовнутрь. Я задержал дыхание, зачем-то закрыл глаза и с силой ломаясь в невидимый портал, уже слыша с той стороны привычный шум родного дома.

Глава 7

Сознание на миг поплыло, даже ноги подкосились, но удержался, только сделал пару шагов по инерции. Разжмурился и чуть не упал: на полу красиво раскинулись два трупа в лужах крови, хотя а что я надеялся увидеть?

У чифа из бока неспешными толчками выплескивается алая струйка и растекается по полу, а его напарник

просто уткнулся рылом в залитый кровью из его ноздрей пол.

— Быстрее, — прошептал я, — быстрее, корова...

Неизвестно, сколько проработает их установка, что подменила собой электропитание на участке и работу видеокамер. Спеша и волнуясь, хоть по дороге сюда проработал и проработал каждое движение, торопливо вывернул карманы обоих: увы, ни ключей, ничего из того, что раньше таскали с собой. Чипы между пальцами заменяют теперь все, от паспортов и прав на вождение автомобиля до кредитных карт.

Некое чутье заставило обратить внимание на лацкан пиджака чифа. Быстро пощупал, сердце радостно дрогнуло: пластиковая карточка!

Распорол, чувствуя страх и возбуждение, кончики пальцев коснулись острого уголка. Карточка, чуть больше почтовой марки, такими пользовались совсем недавно, потом в интересах безопасности самих граждан и, конечно, по их настойчивым просьбам всю информацию перевели в имплантированные чипы. Оттуда уже не сошрешь ни цента, зато домохозяйки с легкостью начали тратить деньги, потому что на экране всего лишь уменьшаются цифирки, но получаешь шубы, автомобили, серьги, сапоги с наворотами...

Ага, еще одна тревожная мысль, я выхватил свой пистолет и, проверив, на каком делении глушитель, быстро нажал на скобу, целясь через окно в небо. Выстрел прозвучал едва слышно, руку заметно тряхнуло.

Я по-щеняччи взвизгнул от счастья.

— Работает... Хоть что-то да работает в этом проклятом мире!

Хотя почему нет, возразил внутренний голос, магия трех лун уже во мне, так что все или хотя бы что-то идет или ползет путем.

— Быстрее, — сказал я себе, — быстрее... Кунтаторство, как сказал великий пророк пролетариата и всех угнетенных, смерти подобно...

Сопя и пыхтя, я подтащил грузное тело Выдирателя к стене, нашупал невидимую дыру портала и, подняв с усилием, перевалил через край.

Как только исчезли ноги, подтащил тело чифа и отправил следом за его помощником. Не сбавляя темпа, притащил из дальней комнаты первого, из пробитого ко-чергой черепа все еще течет кровь, подхватил и сунул в портал.

Следом отправил их сумки и тут же, задыхаясь, скомандовал:

— Полную уборку!.. Десятый уровень!

Из норки выкатились все три пылесоса. Вообще-то пылесосами перестали быть, когда научились мыть и вытираять за собой полы, потом много чего обрели еще, но все равно пылесосы, хотя, знаю, отдраят пол, стены, потолок и даже все вокруг дома, а собранную грязь распылят на атомы.

Я отступил, огляделся, ничего ли не забыл. ОМОН явится, если бандиты оставили след, а если нет, то... возможно, все пройдет незаметно, хотя в нашем мире теперь ничего не исчезает.

Едва открыл дверь, как на меня ринулся жутко соскучившийся за эти мгновения ящеренок, вспрыгнул на башмак и быстро-быстро покарабкался по штанине, забрался на плечо и начал довольно сопеть ухо.

Раздался резкий звонок, я подпрыгнул в ужасе, хотя звонок вообще-то не резкий, это у меня нервы на взводе.

— Юджин на проводе, — ответил я хриплым голосом.

Голос в комнате прозвучал ясно и с оттенком изумления:

— Ты чего? Это я, Борис!

- Щас, — ответил я торопливо, — я без штанов...
- Да я тебя уже видел голым! И я не, как ты знаешь...
- А вдруг твоя подружка на меня западет? — спросил я.
- Она уже от тебя отпала? — напомнил он.
- Вдруг у нее рецидив, — сказал я и содрогнулся, — погоди минутку...

За эту длинную минутку я торопливо разделся догола, с сильно стучащим сердцем зашвырнул все в портал, все равно первым увижу все это там я, а сам сбежал в гардеробную, быстренько натянул трусики, захватив с собой джинсы из нейроткани пополам с грефеновыми нитями.

Рубашку сдернул со спинки кресла за миг перед хватательной клешней пылесоса, тот бы сразу в переработку, отыскал новые кроссовки, а то на старых могут схраниться какие-то ненужные молекулы.

Вроде бы все, остальное все подотрут и подчистят пылесосы. Не то чтобы отпечатки пальцев, даже запаха не останется, десятый уровень — это десятый, самые чисто-плотные хозяйки ограничиваются третьим.

Перебежав в другую комнату, я скомандовал:

— Видео!

На огромном экране появилось лицо Бориса, он помолчал, рассматривая, как я влезаю в рубашку, а потом в джинсы.

— Снова кач? — поинтересовался он. — Какой-то ты весь взбудораженный... Сотку взял?

Я пробормотал:

- Сотку еще в прошлом году жал. Что у тебя?
- Думаем создавать организационный комитет, — сообщил он. — У постяков уже есть, а у нас одни разговоры.

— У нас тоже есть, — напомнил я.

Он отмахнулся от стены до стены.

— Я говорю о комитете по подготовке к выборам уже не президента трансгуманистов, а президента страны!..

— До выборов еще два года, — напомнил я. — Вдруг Данило сопьется? Или уйдет в буддисты? С гениями это бывает...

— Подготовку всегда начинают раньше, — возразил он, — это не председателя жилищного совета выбираем! Словом, есть идея насчет того, чтобы тебя из инициативной группы в оргкомитет.

Я полюбопытствовал:

— Я был в инициативной группе?

— Так звучит солиднее, — объяснил он. — Для масс. Пора брать власть в свои руки. У нас была вроде бы инициативная, теперь у нас будет избранный комитет.

— Вроде бы инициативный?

— Нет, в самом деле, — сказал он, — инициативный. Даже если без инициативы, но ты же знаешь, надо обозначить, а еще лучше — захватить место в пространстве.

— Пока другие не ухватили?

— Да. Сейчас все только и высматривают возможности... Безработных слишком много.

— У нас руки недостаточно испачканы, — ответил я. — А политика — грязное дело. Ее нельзя делать чистыми руками. Если к власти придут честные люди, то зальют страну кровью и развязнут мировую войну... Но это так, отвлеченно. Прости, дружище, у меня сейчас цейтнот. Давай поговорим позже?

Он крикнул до того, как я отрубил связь:

— Но тебя включаем?

— Включай, — ответил я нехотя.

Бегом метнулся в бойлерную, сильно трусил, но трансформатор все же отключил. По идее, это всего лишь перекроет возможность нырять через портал, а

когда включу снова, связь с Зеркалом Древних восстановится.

Ах да, так, на всякий случай, сопя и напрягая все мышцы, подтащил старый реликтовый шкаф и прижал его к стене в том месте, где портал.

Да, на всякий случай. А когда убедился, что все плотно, ни с этой стороны никто нечаянно не прислонится к стене, ни с той никто не полезет в отключенное от установки Рундельштотта Зеркало Древних, подумал, что вообще-то никто и не сможет.

Пока я здесь, трансформатор держу выключенным, портала просто нет. Включаю за секунду перед прыжком в тот мир, но здесь время останавливается, и потому никто в мое отсутствие не успеет последовать за мной.

Правда, в королевстве Нижних Долин время идет обычным путем, так что это там нужно заграждать Зеркало Древних шкафом или чем-то мешающим подойти близко. Но, конечно, какой дурак попробует пройти через зеркало, разве что возжелает рассмотреть прыщи на морде повнимательнее, споткнется и упадет...

Я передохнул, мелькнула здравая мысль насчет оттаскивания шкафа обратно, потом решил, что потом успею, а то сейчас слишком явно видно, что сглупил, не обдумал раньше.

Еще раз подумал, вздохнул, напоминая себе, что нужно стараться думать сразу, а не потом, подошел к шкафу и, упираясь конечностями в пол, с трудом начал пихать этот громоздкий раритет на прежнее место, отвоевывая сантиметр за сантиметром.

— Ну хоть никто не видит, — сообщил себе потрясающую новость, — пусть и дурак, но кто теперь не дурак?.. Все мы в чем-то еще какие... А в чем-то так и вообще...

Громко и назойливо прозвучал звонок, требующий соединения с кем-то из группы Hard Women, то есть осо-

би женского пола, с которыми не было интимного контакта, самый малочисленный список в моей мобиле.

— Я занят, — сказал я, — как Цезарь перед мартовскими идами.

На экране во всей красе вспыхнуло лицо Изальки, выдвинулось за пределы рамки, прекрасное и хищное, с идеально вырезанными ноздрями а-ля Клеопатра и невинным лицом деревенской дурочки.

— Женька, — сказала она живо, — сегодня в Зергах улетный вечер!.. Давай смотримся вместе? А потом повяжемся.

— Не хочу потом, — сказал я капризно. — Хочу сразу на вечере.

Она расхохоталась.

— Да хоть сейчас. Или в твоей машине. Говорят, ты приобрел что-то совсем обалденное?

— Да ерунда, — ответил я небрежно, — стронгхолд последнюю модель. Извини, Изалька, мне сейчас на работу. У нас строго!

Я вырубил связь, еще раз нажав на красную кнопку, что значит никому из цивильных, а только ментам, пожарным и «Скорой помощи».

Еще раз осмотрел карточку чифа, не именная, как здорово, хотя у таких могут быть только такие. Каждый с нею в руках может совершать платежи, что недопустимо для нормального обывателя, который и так больше всего боится потерять документы, но зато очень удобно для анонимных покупок.

На карточке всего три заглавные буквы: «ЧВК», а что это за, давно ни для кого не новость. Сейчас, когда глобализация уже движется к завершению, президенты и канцлеры подписали соглашение, что армии остаются на местах и ни в коем случае не вмешиваются в общественную жизнь ни своих стран, ни чужих.

Но свято место пусто не бывает, особую роль приобрели всякие частные воинские компании, часть из которых действует легально и на контрактной основе, часть полулегально, а большинство вообще нелегально, хотя, понятно, в наше время ничего такого не спрятать, однако властям выгодно делать вид, что ничего не видят и не знают.

Это дает возможность помогать сепаратистам, поставлять оружие даже в самые далекие страны, устраивать там диверсии и перевороты. В старину их называли «дикими гусями», такие собирались в стаи в «Иностранным легионе», потом таких легионов становилось все больше, так как армии все сокращаются, а не всем жаждется в расцвете сил сменить автомат на лопату.

Мой стронгхолд вынесся на шоссе, как скоростная торпеда, а там пошел обгонять автомобили не только люкс-класса, но и хаев. Я старательно настраивался на позитив, меня примут таким, каким себя выкажу.

Адресат не обозначен ни на одной карте, его в упор не видит навигатор, что и понятно: здание обшарпанное, вид запущенный, словно старинного вида барак из серого кирпича, где сельские механизаторы в старину прятали от дождя облепленные грязью трактора и прочую сельскохозяйственную технику.

Вообще-то сомневаюсь, что даже такой магазин полностью подполен, при нынешнем уровне наблюдения да чтоб остаться незамеченным? Понятно, власти могут не-гласно помогать неким группировкам, что отправляются в другие страны то ли как «дикие гуси», то ли как частные армии по защите неких демократических интересов недемократическими методами, если это, конечно, в интересах нашей власти.

Судя по всему, эта точка ЧВК как раз из полностью нелегальных, раз уж не обозначена ни на одной карте.

Я вальяжно вылез из машины, передернул плечами, словно поправляю фрак, хотя чего его поправлять, вздохнул и велел ногам неспешно нести меня к двери.

Прекрасно понимаю, просматривают по меньшей мере с трех сторон, сравнивают лицевые углы, ищут по базам данных, стараются определить мой статус по движениям, походке, манере держаться.

На стук в массивной двери приоткрылось небольшое окошко, да и то зарешеченное. С той стороны появилось крупное костистое лицо мужчины средних лет.

— К кому?

— Мне не важно, — ответил я, — к кому. Жена просила купить удочку.

Не усмехнувшись, он молча смотрел, как я просунул в ячейку карточку. Не притрагиваясь к ней, посмотрел внимательно, похоже, в его контактные линзы вмонтированы нужные системы, через пару секунд кивнул.

— Удочку, говоришь?

— Да, — ответил я с сильно бьющимся сердцем. — И подлиннее.

Он открыл дверь вручную, там пол ниже, я сразу ощутил разницу в наших размерах. У мужика не только морда шире моей, но и сам намного безразмернее, выше и массивнее, а под тельняшкой бугрятся мощные мускулы. Явно бывший спецназовец или вообще коммандос в отставке.

— Прямо, — подсказал он.

Я шагнул прямо, слушая, как он деловито закрывает дверь, судя по неспешности, она по толщине и тяжести не уступает танковой броне.

Магазинчик не так уж и велик, через пять шагов я уперся в дверь, но хозяин появился рядом, прижал пятерню к стене, и в ней с той же неспешностью отодвинулась толстая дверь из легированного металла.

Я охнул, это помещение впятеро больше, стены полностью заняты под пистолеты, автоматы, винтовки всех стран и модификаций, а еще и в центре два стеллажа. На полках первого коробки с патронами, на полках второго ящики с гранатами.

Хозяин повел взглядом в сторону левой стены, там макеты трех человеческих фигур в полный рост, а на полу у левой россыпь пустых гильз.

— Парень, — проговорил он все еще с недоверием, — ты не ошибся? Кто тебя послал?.. Сюда заходят люди совсем другого... пошиба.

Я кивнул.

— Знаю. Все, как из одного стручка. Можно и не навешивать таблички «спецназ», «коммандос», «голубые береты»... и так видно. А я, знаете ли, эстет и почти музыкант. И ногти у меня в порядке. Я синичек дома кормлю!

Он скривился.

— Послушай, эстет... Ты хоть стрелять вообще-то умеешь? Что-то тебя ни в одной базе данных нет.

— А что, — спросил я с интересом, — теперь это хорошо, если попадаешь в базу?

Он кивнул в сторону стены с мишениями.

— Попасть хоть в одну сможешь?

Я выхватил пистолет и трижды нажал на спусковую скобу. У средней мишени в голове появились три дыры.

Он посмотрел на мишень, на меня.

— Блин... хорошая скорость. Ты что, даже на предохранитель не ставишь?

Я покачал головой, снимать с предохранителя — потерять важный миг в боевой обстановке. Он посмотрел с уважением, больше ничего не спрашивал, подошел к стене напротив и снова приложил к ней ладонь.

Глава 8

Я удержал свое «ох», у мужчин в крови любовь к оружию, даже у кормителей синичек. В открывшейся комнатае все четыре стены в снайперских винтовках, а на полу аккуратно выстроились ящики с патронами.

Мужик открыл ближайший, я рассмотрел эти штуки отчетливо, пугающие длинные, в средний палец размером.

— Вот, — сказал он, — какую берешь?

Я покачал головой.

— Меня нет в базах, потому что я новичок. И снайперка нужна для очень важного дела. Может быть, на один раз.

Он посмотрел с еще большим уважением.

— О, крупная мишень?.. Какая дальность?

— Предельная, — ответил я.

Он кивнул, по лицу видно, что уважает меня все больше, такая снайперка не для полевой стрельбы, а для покушения на президентов, канцлеров, а также более важных персон, вроде глав транснациональных компаний.

— Хорошо, — ответил он. — Посмотрим еще... Недавно кое-что поступило со склада... особого склада.

— Мне важна скорость пули, — сказал я.

— Это от девяноста метров, — ответил он, — до тысячи пятисот. Что предпочитаешь, орел?

— Две тысячи, — сказал я твердо.

— Ого, — ответил он, явно забавляясь. — Но пневматические винтовки с такой скоростью не бьют. А у пейнтбольных еще меньше.

Я сказал серьезным голосом:

— Я же сказал, мне нужна снайперская.

— Девятьсот метров, — ответил он и посмотрел мне в глаза.

— Я намерен поохотиться на очень опасную дичь, — ответил я. — А так как я человек трусливый, вы же сами видите, то мне нужно с максимальной скоростью... Что дает и дальность.

Он прищурился.

— Тогда крылатую ракету?

— Нет, — ответил я без улыбки. — Снайперскую до двух километров. Такая меня устроит.

Он усмехнулся.

— До двух километров... Есть только до полутора. Это уже рекорд!

— То прошлый рекорд, — уточнил я. — А сейчас есть и до двух.

Он прищурился.

— Думаешь, такие есть и здесь?

— Мы решаем более сложные задачи, — обронил я многозначительно, — чем какие-то сраные армии. Я имею в виду, нынешние, бездействующие.

Он нахмурился, ответил со вздохом:

— Кто думал, что доживем до такого позора... Ладно, вот смотри. Из такой точно еще в старую войну в Ираке сержант Стив Райхер одной пулей убил троих повстанцев, что прятались за каменной стеной на расстоянии в два километра!

— Слышал, — подтвердил я, хотя, понятно, услышал первый раз в жизни, — но с того времени дважды модифицировали!

Он фыркнул.

— Даже трижды, но что за модификации, когда просто облегчили вес, добавили пламегаситель, еще что-то по мелочи? Исчезает благородное и чистое искусство убийства противника на предельно дальнем расстоянии... Ладно, тогда вот в самом деле лучшее, что есть в этом сарае. Один экземпляр! Если отдашь тебе, придется заказывать еще.

Я сказал с сильно бьющимся сердцем:

— Так я же не на синичек охотиться!.. Я синичек люблю.

Он ухмыльнулся.

— Ладно, смотри. Полная длина этой снайперки метр двадцать, но в разобранном виде легко помещается в обычный рюкзачок или сумку.

— Это важно, — согласился я.

Он кивнул.

— Еще бы. Вес — семь килограммов, это почти вдвое меньше обычной снайперской винтовки Баррета. Если честно, это только благодаря новым материалам, а не улучшениям конструкции. Если знаком с прошлыми образцами, то у этой в районе казенника ствола появился шарнир, видишь? Ствол со всей газоотводной системой откидывается вправо-назад...

— Удобно, — сказал я осторожно, не зная, разыгрывает или говорит серьезно, вроде бы это не совсем уж новинка.

— Дульный тормоз, — продолжил он, — понижает уровень шума на восемьдесят процентов, так что отдача уже не лягает, как дурной конь копытом...

— Патроны те же?

— Чуть-чуть улучшили, — признался он нехотя. — Но конструкторы ни при чем. Новые материалы, сам понимаешь... Патроны все повышенной бронепробиваемости и улучшенной кучности. Пуля весит сорок шесть граммов, пробивает любой бронежилет на максимальной дальности. Рукоятка для смены обоймы справа, в магазине десять патронов. Самозарядная.

— Подсветка? — спросил я деловито.

— Лазерный луч, — ответил он, — все такой же багровый, как и в старых моделях, но теперь жертва не видит ползающую по своему телу красную точку. И вообще

ее можно увидеть только в оптический прицел, так что можно целиться долго, никого не пугая. То же самое и ночью. В любую безлунную и вообще в полной темноте оптический прицел позволяет видеть, как днем. Только что не в цвете.

— Прекрасно, — сказал я. — Мы все делаем общее дело. Сделаем мир лучше, как сказал Стив Джобс! Потому еще ящичек патронов. Чтобы мир стал не просто лучше, а как можно лучше.

Он ухмыльнулся.

— Да, если патронов не жалеть, как сказал Столыпин, то мир станет чище и благороднее. Вот эти подойдут. Одного ящика хватит?

— Лучше два, — сказал я. — Чтобы часто сюда не бегать.

Он ухмыльнулся.

— Тогда возьми вот эти ящики. Они чуть побольше.

Он поднял с пола два ящика, раньше такие были деревянными, потом металлическими, сейчас я принял из его рук красиво оформленные коробки из узорного пластика, больше пригодные для хранения женских безделушек.

Я заглянул в одну, легкая дрожь возбуждения по телу, патроны больше похожи на небольшие снаряды, каждый в ладонь длиной.

— Отлично, — сказал я солидно.

Теперь он смотрел другими глазами и вроде бы тоже начинает понимать, что это же замечательно, что я не похож на спецназовца или вообще суперкрутого, что прошел все войны и ухлопал кучу народа. Таких охрана замечает издали. Не говоря уже о том, что все орлы есть в базах данных. Как ни менять морды пластическими операциями, но череп изменить не так просто.

А вот меня и в базах нет, и такой интеллигент и муху не убьет, а если убьет, то видно же издали, неделю будет страдать от угрываний совести, а то и вовсе уйдет в гималайские горы медитировать и очищаться от грехов мира.

— Давай помогу завернуть, — сказал он деловито, — нет, выходить отсюда нельзя.

— А как?

— Подгони, — объяснил он, — машину прямо под навес. Когда скажу «Можно», быстро перенеси в багажник и сразу закрой.

— Не увидят?

Он покачал головой.

— Нет, но защиту от наблюдения включаем только на десять секунд!.. Ну, всякие перебои у всех с электричеством бывают...

— Десяти секунд хватит, — согласился я.

Он небрежно мазнул карточкой над считающим устройством, ухмыльнулся. Я взял ее из его ладони, подогнать машину под навес несложно, это спрячет от наблюдения со спутников, как и с крыш соседних зданий, но здесь, по правилам, должна быть и своя камера, с которой копы или совсем не копы могут снимать информацию, потому да, я должен двигаться очень быстро.

Думаю, я уложился не в десять секунд, а в пять, а то и в три, не зря же успел мельком увидеть удивление на его лице, после чего погнал машину прочь, делая вид, что я вот плейбой, снимающий женщин, а в моем багажнике раскладная кровать, а не тяжелая снайперская винтовка и два ящика патронов.

На мой взгляд, это не винтовка, а настоящая длинноствольная пушка, ну пусть не пушка, но размером с крупнокалиберный пулемет, разве что заточенный под одиночные выстрелы.

И пусть из самых легких и суперпрочных материалов, но все равно ощущение такое, что упрятал в сумку слона.

Автопилот не полагается подгонять, потому терпеливо ждал, пока мимо проносятся высотные дома, а потом зеленые насаждения, так их называют, затем навстречу помчался красиво украшенный въезд в коттеджный поселок...

Машину загнал в гараж, оттуда перенес к порталу мешок со сложенной снайперкой и второй мешок с патронами. Видеозвонок ударил по нервам, как серпом по интимному месту.

— Нет! — заорал я. — Я сказал нет!

Натыкаясь на стену, ринулся включить трансформатор, торопливо забросил в появившийся портал закупленное добро, понесся назад и снова выключил, включил телевизор и только тогда остановился, часто дыша и пугливо спрашивая себя: ничего ли не забыл, а то хоть еще и не совсем старый, но всегда что-то да забуду.

Домофон звякнул мелодично, но я подскочил на месте, как застигнутый на воровстве зерна трусливый хомяк.

— Господин Юджин, — произнес басовитый голос с некоторой обманчивой ленцой, — добрый день! Говорит сержант Синенко. Могу я задать пару вопросов?

Я быстро зыркнул на экран общего обзора, там еще по дальней дороге от коттеджа в сторону моего домика катит полицейская машина, но без мигалки.

Первой мыслью было нырнуть вслед за ящиком, пусть даже войдут и все здесь проверят, хотя вроде бы не могут без ордера, но кто их знает...

С другой стороны, когда-то да придется вернуться, а получится не совсем, если меня то не было, то вдруг появился. И хотя появлюсь в тот момент, когда вон тот толстяк вылез из машины и подходит к домофону на во-

ротах, все же их сканеры еще при въезде в поселок засекли, что я в доме, и прерывание хоть на долю секунды насторожит, заставит копаться.

На экране домофона появилось широкое лицо полицейского, он повторил приветливо:

— Господин Юджин?

Обращается не по фамилии, а по нику, который у меня в имейле, скайпе и в баймах, что как бы намекает, дескать, просто разговор, ничего официального.

Но момент потерян, я ответил с неохотой:

— Да, конечно, задавайте. Но давайте угадаю, я криво машину припарковал в своем гараже?

— Да, что-то в этом роде, — ответил он легко. — Теперь за это расстрел на месте через повешение, но мы, надеюсь, все уладим четвертованием.

Помню, что можно спросить у них ордер, и тогда уйдут ни с чем, но могут позже вернуться с ордером и тогда поведут себя иначе, потому я сказал небрежненько:

— Открыть калитку!

Сержант подождал, когда калитка отъехала в сторону. Еще через пару секунд с другой стороны машины открылась дверка.

Я ждал, но сперва показалась длинная чувственная нога фотомодели, затем выдвинулась и красиво выпрямилась она сама, таких видел в сериалах, с идеальной фигурой, милой мордочкой и вообще совсем не полицейским видом.

Она вошла на участок первой, строгая и деловая, ни-чуть не покачивая бедрами, но все равно как-то давая понять, что они у нее вон какие, а ноги вообще ставит, как манекенщица, что демонстрирует не столько одежду нового сезона, сколько подает себя на ковровой дорожке для продажи и перепродажи олигархам и главам транс-корпораций.

Я вышел навстречу, улыбнулся без особого дружелюбия, не поверят, но зато как можно беспечнее.

— Вы сержант Синенко, а вы... ваше имя наверняка Стелла или Этуаль?

Она вскинула брови.

— Почему это?

— Да есть в вас что-то звездное, — пояснил я с на-глой галантностью.

Она поморщилась.

— Не люблю космос. Там, говорят, холодно? Меня зовут Мариэтта. Простое человечье имя. Можно зайти в ваш дом?

— Конечно, — ответил я. — Как я могу отказать вам? Вас, уверен, потому и взяли сразу детективом, что вы вот... такая?

Она ответила с холодком:

— Вы угадали. После окончания спецшколы и тренировочного лагеря я три года была в горячих точках. И не в качестве медсестры. Потому меня и взяли, как вы говорите, сразу детективом.

— Круто, — сказал я. — Мой ник — Юджин. Хотя вообще-то мое имя и даже размер моих трусов вы наверняка посмотрели в базе.

Она прошла вперед, толстожопый полицейский за нею, хотя, может быть, он тоже детектив, а размеры ягодиц не всегда играют главную роль в их профессии.

Глава 9

Я видел, как быстро поглядывают по сторонам, вроде бы даже не поворачивая головы, а когда и поворачивают, то в разговоре со мной, хотя рассматривают

достаточно напряженно, нетрудно догадаться о компьютерах скрытого ношения и экранах в виде контактных линз.

Я представил себе, что они сейчас видят: светящиеся следы моих подошв, отпечатки пальцев везде, где я прикасался, туманные струйки моего дыхания...

Пылесосы уже почистили весь дом до крыши, сами почистились и, заново подзарядившись, мирно дремлют в своей норке. Камеры работают, но, как я понимаю, в записях приличный пропуск во времени.

— Не стесняйтесь, ребята, — сказал я, — кофе, чаю?.. Или просто воды, если вы сыроеды и сыропивы? Или побоитесь отравиться?

Сержант снова промолчал, а она поинтересовалась:

— А может быть отравлено?

Я улыбнулся.

— После того как вы вчера разогнали мирную, хоть и с драками, демонстрацию трансгуманистов, кто-то не прочь бы вас всех отравить.

— Там была самозащита, — напомнила она. — Отступающая полиция защищалась от озверевших демонстрантов. Пересмотрите записи со всех ракурсов.

Я отмахнулся.

— Некогда, хотя и приятно смотреть, когда полицию метелят. Вас не сильно били?

Я окинул выразительным взглядом ее фигуру, а сержант, не обращая на меня внимания, посмотрел по сторонам, прошелся вдоль всех четырех стен.

— А почему у вас запись видеокамер остановлена?

— Каких видеокамер? — поинтересовался я.

— Ваших, — ответил он. — Установленных в вашем доме.

— У меня есть записывающие камеры? — спросил я.

— Куда мир катится... А можно посмотреть, что там

пишут? А то как-то была у меня на днях одна... Приятно бы взглянуть, каким я орлом себя показал!

Мариэтта поинтересовалась:

— В самом деле показали?

— Давайте посмотрим, — предложил я. — Вдруг вам понравится? И мы сотворим что-то подобное?.. Вы же свободная женщина?

Она не ответила, а мужик сказал хмуро, всем видом показывая, что к такому ничтожеству он сам никогда бы не поставил камеры, потому что такой и мастурбировать даже не умеет с шиком:

— Да, есть даже у вас. Даже у вас!

— Ух ты...

— Но они, — добавил он, — полтора часа тому прекратили запись.

— Вы можете просматривать удаленно? — поинтересовалась я.

— Согласно Закону о безопасности, — сообщал он. — Пункт девяносто восьмой, подпункт пятый.

— Как вы такие сложные цифры помните! — сказал я с восторгом. — А я думал, на деревянных счетах работаете.

Он пояснил, не меняя выражения:

— Полтора часа записей исчезло.

Я спросил:

— И что, даже вот сейчас не пишут?

Он кивнул.

— Похоже на то.

— Тогда почему прибыл не сантехник? — спросил я. — Или кто их чинит?

— Уже вызвали, — сообщил он. — Но мы всегда быстрее. Что-то можете сказать по поводу...

— То же самое могу спросить у вас, — отрезал я. — Я что, электрик? Или настройщик этих фортепианов?..

Даже не знаю, куда что пишется. И как-то, уж поверьте, не страдаю. Еще ни разу не заглядывал, что там записалось. Если бы даже знал, как заглянуть. И вообще... может быть, просто скажете, что вас интересует? Я вам отвечу, и вам станет на душе легче? Сейчас британские ученые снова говорят, что душа вообще-то есть. Хоть и не у всех.

Мариэтта посмотрела на дисплей на запястье, покачала головой.

— Налоговую может заинтересовать, откуда у вас такой автомобиль при вашей, скажем мягко, нулевой зарплате? На пособие такое не купишь!

— Но это не преступление? — спросил я. — Хотя, чтобы вас прокатить, я согласен и на преступление.

Она смерила меня недобрый взглядом.

— Иметь автомобиль не преступление, если приобретен на законно заработанные деньги.

Я вежливо поправил:

— Кроме законно заработанных, как вы это называете, есть еще законно полученные в наследство, в дар, выигранные в карты, в лотерею... и еще много таких же законных способов.

Сержант смолчал, а она спросила ядовитым голоском:

— И каким же законным способом получили вы?

Я поинтересовался:

— Вы в самом деле уполномочены задавать такие вопросы?

Мужик поморщился и бросил ей предостерегающий взгляд, однако напарница лишь сказала чарующим голосом:

— Нет, конечно. Но мы можем прислать вместо себя тех, кто имеет право задавать еще и не такие вопросы.

Она тоже умолкла, ожидая моей реакции. Я окинул глазами ее точеную фигуру, демонстративно задержал

взгляд на ее рельефной груди и как бы даже взвесил обе штуки в своих весьма мужских ладонях.

Она ждала, я горестно вздохнул.

— Вряд ли прибудут такие же красотки. Так что ладно, отвечу. Мне подарила одна женщина. Что так смотрите?.. Вы против равенства полов?.. Вы сексисты?.. Шовинисты? Вы против демократических ценностей, насчет кто кого сгреб...

Мужик прервал:

— Просто ты не совсем, парень, проходишь по стандартам эскорт-услуг.

— У вас устарелые стандарты, — объяснил я с вызовом. — Плакатные красавчики уже осточертели. Как и плакатные красотки, кстати... Сейчас в тренде женщины с вот такими, а лучше с во-о-от такими и жопой, чтоб помещалась только на трех стульях! А из мужчин пользуются успехом такие брутальные типы, как я. Вы все на службе, все на бегу, не замечаете, как мир меняется! Я, может быть, нарасхват!.. Одна из женщин была в таком восторге, что вот и автомобиль купил... и даже на вторую пару носков осталось. Что, не верите?

Она сказала медленно, абсолютно вроде бы не реагируя на пренаглый тон:

— Почему же... На всякий случай запустили полную проверку. Это займет долгое время, но пока... криминала еще не выявлено...

Мужик прошелся по комнате, выглядывая в окна, будто впервые видит двор, хотя, наверное, проверяет еще раз, какой обзор из каждого.

— Жаль, — сказал он задумчиво, — как же все-таки ваш хард, на который шла запись... исчез?.. Я не чувствую его наличия в доме.

Мариэтта посмотрела на него несколько дико.

— Совсем?.. Это многое меняет.

Я не врубился, что это меняет, но, похоже, соображают, что не с моими способностями фаната футбола найти винт и как-то его изъять.

Сержант впился взглядом в мое лицо, Мариэтта тоже всматривается пристально, словно не доверяет своему анализатору, что все записывает и сразу же расшифровывает мои реакции, передавая ей изображение, минуя всякую хрень, на сетчатку глаза.

— Чё? — сказал я ошарашенно. — И кто спер?

Они некоторое время продолжали всматриваться в мое лицо, но я видел их сильнейшее разочарование, хоть и пытаются скрыть, однако же ясно, их анализаторы выдали четко и ясно: невиновен! Сам не трогал диск и понятия не имеет, кто его унес.

Я только спустя минуту подумал, что тот первый гад, которого королева кочергой, наверняка сразу снял хард, если по дороге, а он точно стоял там, все электрики размещают так, чтобы извлекать было легко и не лезть в канализацию. А я закинул все их сумки в портал, не раскрывая...

— Бэакап где-то в облаке, — проговорила Мариэтта задумчиво, — найти его можно, хотя есть сложности с иностранным размещением... Так что же здесь произошло?

Я сказал нервным голосом:

— Вы детективы, это вы мне скажите, как гражданину и человеку!.. У меня из моего собственного дома кто-то и как-то ворует под моим собственным носом ценные видеофайлы!

— Ценные? — переспросила она с намеком.

— Да! — ответил я с жаром. — Я собирался оставить их внукам, чтобы гордились дедом и следовали его славной и достойной дорогой демократа и гражданина, а вы еще спрашиваете? Да как вообще можно жить в таком

обществе?.. Почему полиция нас не стережет?.. Вы вообще-то как? Как жить, я вас спрашиваю?

Мариэтта оскорблена поджала губы, но мужик смолчал, у мужчин чувство юмора развитее, понял, что троллю обоих, а это значит, чувствуя себя в безопасности.

— Что-то здесь не так, — проговорила она озабоченно. — Нужно вызвать спецов. Пусть осмотрят, как они умеют.

Я сказал встревоженно:

— Да что вам еще?.. Вы же киборги! У вас такие компьютеры, что даже не знаю!

Мужик взглянул на нее, получил какой-то знак по внутренней связи, повернулся ко мне.

— У спецов аппаратура, — сказал он значительно. — Если тут побывали чужие, то им достаточно одной молекулы в воздухе, чтобы и морды их увидеть, и получить домашний адрес.

— А почему у вас нет?

— Громоздкая, — ответил он с сожалением. — Пока что. Но скоро и ее встроят в контактные линзы. Или хотя бы в очки. А пока что...

Он снова посмотрел на женщину. Она красиво повернулась ко мне на каблучках так, что в глаза сразу бросилась изящная линия ее высокой груди, на лице обворожительная улыбка, глаза сияют, как звезды.

— Зачем, — спросила она внезапно, — вам такой мощный трансформатор?

Я поинтересовался:

— А как это относится к потере моего собственного харда в моем собственном доме? Не трансформатор же его съел!

Она ответила неохотно:

— Можно сказать, сейчас интересуемся всем, что выходит за рамки. Вот как ваш трансформатор. Но на этот вопрос вы имеете право не отвечать.

Я ответил убитым голосом:

— Да ладно, отвечу... Я же понимаю, вас не зря послали меня допрашивать, вы настолько красивая, что все, что угодно, расскажу и даже стриптиз станцу, только скажите!.. В общем, меня все считают никчемным... А это так обидно, так обидно! Из моего класса двое уже с учеными степенями! Один вовсе мультимиллионер, вот-вот в миллиардеры выбьется, как с этим жить?.. Да не ему, а мне! Он как-то проживет... Вот и восхотел начать свое дело. Думаю выращивать на своем участке негенно-модифицированные овощи. На них вроде бы сно-ва спрос... Трансформатор обеспечит поливом по всему участку. И еще всяким-разным.

Сержант хмыкнул, но продолжал смотреть в окно. Мариэтта подумала, взглянула на меня испытующе.

— Кстати, не хотите пока проехать с нами?

— Не хочу, — отрезал я.

Мужик сказал задумчиво:

— Мариэтта, мне надо в садик заехать, уж извини...

— Жаль, — ответила она со вздохом. — Мне с этим фаном «Торпедо» будет скучновато.

— Почему «Торпедо»? — спросил я обидчиво.

— Фаном футбола, — уточнила она, — хотя команде «Торпедо» вы отдаете предпочтение, это заметно.

— «Торпедо» без всякой помощи вышли из низшей лиги! — сказал я горячо. — А какой рывок сделали! И все потому, что не щадят себя, играют, как боги среди таранов, а рвут противника, как Тузик тапочки... Кулич вообще орел, играл с травмой, Ухонос после гриппа, но влепил в левый верхним крученым на последней секунде из немыслимого положения...

— Значит, — сказала она со вздохом, — придется вас привезти в участок. Побудете в камере, пока тут проведут досмотр...

— А какая альтернатива? — спросил я.

Она пожала плечами.

— Покататься со мной в полицейской машине. Потом будете рассказывать таким же героям, что вас замели, когда уже почти взрывали город. Я заеду по двум адресам, а вы пока посидите в машине. Потом отвезу обратно. К тому времени здесь все просмотрят настоящие специалисты. Заточенные на поиск микроскопических улик.

Я подумал, сказал нехотя:

— Ладно. Надеюсь, это недолго.

Она обиженно приподняла бровь.

— Это комплимент?

— Простите, — сказал я. — Конечно же, прокатиться с вами как-то приятнее, чем сидеть в камере, полной террористов и маньяков. Вы же их каждый день ловите? Помногу?

Мужик сказал с заметным нетерпением:

— Тогда не будем здесь торчать зря. Поехали!

Я велел дому бдить и никого не пуштать, хотя у правоохранительных особый доступ, в программах охраны домов это предусмотрено, калитке велел не беспокоиться, нас выпустят за пределы участка ворота, раз уж идем втроем.

В полицейскую машину намерился сесть позади, но сержант сказал равнодушно:

— Мне скоро выходить, сяду сзади.

Я сделал вид, что ужасно рад, хотя прием слишком прост, с переднего сиденья выйти можно так же просто, но вдруг с заднего потом не решусь пересесть, я же толь-

ко играю брутального, а так они точно видят, какая я смиренная и застенчивая овечка.

Мариэтта бросила на меня взгляд, что-то поняла, покачала головой.

— Сиди на своем месте. А подозреваемый пусть на заднем сиденье.

Сержант хмыкнул:

— А вдруг нападет?

— Ага, — сказала она саркастически, — свернет нам шеи. По нему видно, жуткий маньяк.

— Да кто их знает, — сказал он преувеличенно серьезно, — вдруг он нарочито такой зайчик.

Все-таки сели на свои места, я с комфортом разместился сзади, и хотя в полицейских авто комфорта мало, но я не венгерский набоб, много не требую. Да и жалование у полицейских и ученых в миллион раз скромнее, чем у шоуменов.

Сержант в самом деле вышел у небольшого магазина на заправке, хотя говорил насчет садика. Мариэтта подождала, когда я попрошусь пересесть на его место, я смолчал, и она, проехав пару сотен метров, резко сдала к обочине.

Я сделал вид, что ничего не понял, с интересом уставился в окно, в прошлый раз здесь дорогу переходило стадо диких свиней, но сейчас вроде бы пусто, а муравьев в траве не рассмотреть.

— Садись на правое сиденье, — скомандовала она и добавила: — А то вдруг в самом деле начнешь душить со спины.

— Эх, — сказал я со вздохом, — а я только руки протянул. Правда, не к горлу.

— Значит, — отпарировала она, — я пока переигрываю.

— Пока, — согласился я и, вылезая из машины, поинтересовался: — Я похож на маньяка весьма или так себе?

Она посмотрела косо, как я уселся рядом на сиденье и дисциплинированно пристегнулся.

— Да кто вас знает... Это только в кино маньяков издали по рожам видно.

— Польщен, — ответил я. — Всегда хотелось выглядеть крутым и страшным!

— Ты таким не выглядишь, — осадила она холодновато. — Да и зачем это детство?

— А как же доминантность?

— Уже давно доминируют власть, — напомнила она, — деньги, знания... Да, знания до сих пор в последнюю очередь, хоть мир меняется только благодаря знаниям. И даже позволяет существовать абсолютно недоминантным и вообще непригодным существам.

Я вздохнул.

— Куда нам, недоминантам, деться от умных доминантных женщин. Хотя есть и преимущества...

Она на мгновение вперила глаза в пространство, ответила невпопад:

— Да, еду мимо. Хорошо, сейчас проверю.

Я поинтересовался с сочувствием:

— Что проверите? Мою девственность?

Она поморщилась.

— У тебя мания величия?

— Тогда что стряслось, кошка не может слезть с дерева?

Она кивнула.

— По каким только пустякам нас не вызывают... Сейчас, когда даже уличное хулиганство почти искоренено, полицию сколько ни сокращай, все равно делать почти нечего.

— Ничего, — утешил я, — на демонстрантах отведете душу! Вот там можно выместить все свои фрейдизмы и юнгизмы.

Глава 10

Она взяла управление на себя, автомобиль резко увеличил скорость. Через пару минут мы свернули с шоссе на хорошую шоссейную дорогу, но явно заброшенную, дальше возвышаются некие строения заводского типа, тоже заброшенные. Сейчас, когда хай-тек стремительно внедряется в жизнь, лишними становятся не только люди на конвейере, но и сами конвейерные линии с их громоздким производством.

Новые цеха возникают за городом на свободных площадях в течение недели, а то и двух-трех дней, строительные принтеры рулят, а эти вот заводы старого типа ржавеют и рассыпаются в полной ненужности.

Мариэтта быстро и умело вела машину, я уже рассмотрел закрытые металлические ворота цеха, к которым она направляется. В самих воротах, как положено, калитка, это чтоб беречь тепло в зимний период.

Она так резко остановила автомобиль в десятке шагов от ворот, что я едва не достал лбом приборную панель.

— Ого!

Она сказала резко:

— Сиди и не двигайся с места!..

— Чего вдруг?

— Я проверю, что там, и сразу вернусь.

— Мне комфортно, — заверил я. — Понимаю, девушка спешит на свидание, а в ржавом цеху так романтично...

Она ожгла меня злым взглядом и выскользнула из машины. Я смотрел, как она, вытащив из кобуры пистолет, подергала дверь, но та не поддалась, и тогда просто приселилась в то место, где должен быть замок, и калитка сразу открылась без всякого выстрела.

Я покачал головой, глядя, как она легко скользнула вовнутрь, и вдруг чувство холода стало таким сильным, что плечи передернулись сами по себе. Тень крыши цеха лежит на земле в трех шагах впереди, там на краю быстро вырос горб, и холод остро и внезапно вонзился в мое сердце.

Вывалившись из машины, я ринулся бегом за Мариэттой. В тот момент, когда распахнул калитку, за спиной грохнул сильный взрыв. В спину толкнуло горячей волной и запахом горящего бензина.

Я упал, вскочил на четвереньки, и тут далеко впереди прозвучало несколько выстрелов.

В цехе огромные конструкции из металла, то ли прессовальные машины, то ли паровые молоты, множество ящиков, сложенных в кучи, горы мусора, брошенные механизмы, уже покрытые ржавчиной.

За одним из ящиков пригнулась Мариэтта и торопливо выкрикивает:

— Срочно подкрепление!.. Вооруженное сопротивление!.. Они опасны...

Я подбежал и присел рядом. Она охнула, вскрикнула:

— Ты что делаешь? Меня теперь уволят...

Из-за дальней груды ящиков, растянувшейся шагов на сто, прогремели выстрелы. Отколотая щепка упала мне на затылок.

От грохота выстрелов заложило уши, лупят из автоматов, совсем рядом яростно рявкает пистолет этой красотки.

Я стиснул челюсти, что за хрень, чего я здесь, что за дурь...

— Пригнись, — прошипела она. — Сейчас примчится спецназ... Я уже вызвала...

Еще несколько выстрелов, щепка посыпалась нам на головы чаще. Я ощутил тревогу, вчувствовался и

почти увидел, как в нашу сторону бегут четыре синие фигуры.

— Нас отвлекают! — крикнул я. — Они уже в двадцати шагах!

Она быстро зыркнула на меня, мгновение поколебалась, затем быстро высунулась и трижды выстрелила. Ее отбросило назад, я подхватил, она села на пол, лицо перекошено болью.

— Сволочи, — прошипела она зло, — три пули в упор... Я буду вся в синяках!

— Прекрасные стрелки? — спросил я. — Профессионалы?

— Одного я точно достала, — проговорила она, морщась.

Я чуть-чуть выглянул вполглаза, в трех шагах лежит мужчина лицом вниз, пистолет выронил, тот по инерции проскользил по каменному полу в нашу сторону и остановился слева от ящика, за которым я прячусь.

Она прислушалась, быстро приподняла руку и выстрелила четыре раза.

— Ты их видишь? — спросил я шепотом.

— Нет, — ответила она. — Просто отпугиваю. Нам нужно продержаться несколько минут.

Я все поглядывал на пистолет незнакомца, а Мариэтта, сделав еще два выстрела в сторону противника, сказала твердым голосом, в котором я ощутил отчаяние:

— Кончились патроны... Надо продержаться еще минуты три, помошь уже едет.

— Продержаться без патронов? — спросил я.

— Не высовывайся, — прошипела она.

Сердце стучит так, что вот-вот разорвет барабанные перепонки.

— Их еще четверо, — сказал я.

— Откуда ты знаешь?

— Да так, — ответил я, — предполагаю.

Я дотянулся до трофейного пистолета, так и есть, идентификация убрана, но тоже армейский, как и тот, что я отправил вслед за снайперкой в портал.

Она прошипела еще злее:

— Дурак, я же велела не высовываться!.. Дай сюда пистолет, а то в глаз себе попадешь.

Я спорить не стал, она отобрала у меня оружие, сделала два выстрела и со злостью бросила на землю.

— Все, и здесь нет патронов!

— Ничего, — ответил я бодро, — они тоже затихли. Наверняка собираются удрать через заднюю дверь... Я сейчас отвлеку, а ты отползай назад.

Она сказала командным голосом:

— Не двигайся, дурак!

— Действуй, — велел я и, выхватив из ее руки пистолет бандита, выскочил из-за ящиков и побежал в сторону, потом вперед, а там снова метнулся влево за миг до того, как прогремели два выстрела.

Пули пронеслись в сантиметре от уха, неприятно шугануло горячим воздухом. Я прыгнул за ящики, пригнулся, Мариэтта здесь меня не видит, и, создав в стволе патрон, быстро выстрелил в самого торопливого, что высыпался до половины.

Вроде бы попал, во всяком случае, тот либо упал, либо пригнулся. Я высунул ствол пистолета, чтобы его увидели, пару раз дернул им и тут же спрятал обратно.

Обостренный слух уловил быстрый голос:

— У него кончились патроны!

— Откуда у него пистолет, у него же не было...

— Это пистолет Карлоса. Я знаю, у него заканчивалась последняя обойма.

Я ждал, почти видя их за ящиками, и еще до того, как трое поднялись, я уже увидел как-то иначе, как мышцы

их ног начали напрягаться, поднимая тела, как двое резко перепрыгнули баррикаду и бросились ко мне, а третий прыгнул чуть позже.

Дождавшись, когда они преодолеют почти половину разделяющего нас пространства, я просунул руку в щель между ящиками и как можно быстрее начал стрелять во всех троих, всаживая в каждого по несколько пуль.

Они рухнули на пол. Почти сразу же далеко за моей спиной раздался вой полицейской сирены. Мощно грохнуло, по ушам ударил визг раздираемого металла, створки ворот вылетели так, словно их вышибло пинком великана.

В помещение цеха влетел броневик. Такие же бронированные, будто не люди, а киборги, солдаты спецназа выпрыгнули наружу и ринулись ко мне.

Я выронил пистолет и поднял руки.

— Сдаюсь, сдаюсь...

Они пронеслись мимо, а ко мне подбежала Мариэтта, все еще зажимая предплечье.

— Ты что... совсем дурак?

Она кипела яростью, я сказал как можно безмятежнее, хотя колотящееся сердце едва не разрывало меня, как гранату, а избыток адреналина вот-вот ударит мощными струями из ушей:

— Это был отвлекающий маневр. Удался же...

К нам быстро подошли трое в бронниках, с виду точно не музыканты, разве что ударники, передний сразу бросил соседу:

— Проверь записи камер!

Тот отрапортовал бодро и весело:

— Камеры отключены.

— Когда?

— Вообще, — ответил тот. — Их и не подключали. Так, на всякий случай.

— На какой случай? — прорычал спрашивающий, по виду и возрасту старший, бывалый и тертый, видно издали, с жестоким лицом человека действия.

— На случай перехвата, — сообщил спецназовец. — А камеры Мариэтты, к сожалению, дают только южную часть склада. Мы даже не знаем, как трое из четырех были убиты так, что не найдено пуль. Товарищ капитан, остальное узнаем в управлении...

Бывалый и тертый, по знакам различия капитан, переспросил раздраженно:

— А четвертый?

— Его застрелила Мариэтта, — отрапортовал спецназовец. — Прямо в лоб! Она прекрасный стрелок, вы же знаете. На пуле ее номер и даже имя. Имя теперь ставят для быстрейшего поиска...

Капитан смотрел на него, набычившись и подозрительно, явно человек еще старой закалки...

— Ни хрена это не ускоряет, — заявил он, как я и ожидал, — женское кокетство. Как те убиты?

Спецназовец, по-видимому, понял вопрос правильно, отчеканил:

— То ли бронебойными, то ли с повышенной пробиваемостью. Все трое навылет.

Капитан прорычал:

— Отыщите пули!.. А потом поиском, кому принадлежат. Если безымянные, тогда по всей цепочке: на каком заводе изготовлены, кому отгружено, в какой магазин поступили, кто приобрел...

Спецназовец отчеканил бодро:

— Слушаюсь!

Он исчез, а капитан повернулся ко мне, лицо его не предвещает ничего доброго, я встретил его безмятежной улыбкой человека, чья футбольная команда без проблем вышла в финал.

— А вы, молодой человек, — рыкнул он, — почему увязались за нашим детективом, когда вам было велено оставаться в машине?

Я счастливо заулыбался, надеюсь, получилось достаточно глупо:

— Это детектив? А я думал — женщина!.. Ох уж это сглаживание гендерных различий... Знал бы, что это детектив, разве бы я... Ну, сами понимаете...

Он поморщился.

— Почему... увязались... за нашим... гм... нашей?

Я взглядом дал понять, что это же понятно, я же увязался за вот такой задницей, но ответил вполне корректно:

— Даык, если бы остался, меня бы убили точно! Там что-нить осталось от машины? А то я не успел посмогреть, как оно горит. Страсть люблю смотреть на пожары. А когда горят ваши, угнетатели режима, я бы заснял и в ютубе выложил! Знаете, сколько бы просмотров собрал? А лайков?

Он поморщился сильнее.

— Видели кого-то на крыше?

— Да, — подтвердил я. — Солнце с той стороны. А тень от края крыши всего в пяти метрах. Ровный такой край, сейчас работы строят так, что прям всех можно сразу в хирурги!.. Представляете, простых строительных роботов — в хирурги? Куда мир катится? Куда бедному человеку деться?.. Это я бедный, если вы все еще не поняли по... гм... своей интеллектуальной занятости.

— Не отвлекайтесь, — бросил он раздраженно.

Я ответил с обидой:

— Когда на такой идеально ровной линии крыши вдруг приподнимается голова и плечи, как не обратить внимание? Эта некрасивая деталь портит весь пейзаж и гармоническую завершенность дизайна! А я эстет,

знаете ли. Думаю, по мне это видно. Если присмотреться, конечно. А это ваш долг — присматриваться к людям!

— А вы, — спросил он с расстановкой, — подняли голову и увидели... Что вы увидели?

Я спросил с самым оскорблением видом важничающего дурака:

— Я что, совсем дурак? Я не совсем!.. Стану поднимать голову на такое... такое некрасивое! Это ущемляет мои чувства эстета. Я сразу же вывалился из машины и ринулся, как красивый такой олень... забыл, как называется, недавно в «Мире животных» видел, его запустили в перерыв между таймами, когда шел матч «Лазиусов» и «Кампонотусов»...

Его прямо перекосило от отвращения.

— Да хрен с ними, «Лазиусами» и «Компототусами»!.. Сейчас только на «Формику» можно смотреть, да и то без их гребаного Бонифация!

— Бонифаций козел, — поддержал я, — в новом сезоне его не будет, уже объявлено.

— Ух ты, — сказал он, но, опомнившись, напомнил: — Что дальше, когда вы вбежали в этот склад...

— Красивая женщина, — сказал я и скорбно вздохнул, — ведет неравный бой с самцами. Эх, прошло то время, когда мужчины сражались, а женщины сидели в башнях с поясами верности на интимных местах и наблюдали через окошки за этим цирком.

Он проговорил с таким усилием, что едва не лязгнули зубы:

— Дальше! Только подробно. Что сделали вы?

— Отважно спрятался возле нее, — сообщил я. — Сейчас не то дикое время, сейчас женщины нас берегут и защищают от вымирания. Она стреляла, а я, как положено мужчине, прятался. Одного ухлопала прямо в упор,

он упал как-то совсем некрасиво, а пистолет подкатился мне прямо под ноги.

Он процелил злобно и как-то растерянно:

— И что? У вас проснулась совесть?

— Совесть? — изумился я. — Разве это допотопное слово не изъято из употребления, как подобные ему: честь, достоинство и прочие архаизмы... Вы же демократ или?.. Ах, шутите... В общем, короче говоря, у нее кончились патроны. Точнее, если могу себя править, я же такой правильный, патроны кончились в ее пистолете... или у нее револьвер? Никогда не разбирался в оружии!.. Есть еще, я слышал, пистоли... Я понял, что нас вот-вот прибьют из-за отсутствия так необходимых патронов, и, велев ей бежать обратно к воротам встречать вас радостно у входа, сам постарался отвлечь их...

Он тяжело вздохнул:

— А что там были еще за выстрелы?..

Я в безмерном удивлении пожал плечами.

— Думаете, у меня есть идеи? Я что, Эйнштейн или, хуже того, Ньютон?.. Откуда мне знать?.. У нас такого не проходили, а в Гугле я как законопослушный и добродорпорядочный гражданин ищу только порносайты. Такие люди нужны стране. Ну, вы меня понимаете, по глазам вижу... Наверное, у нас и закладки в одних местах, угадал?

Он со злостью ударил кулаком в подставленную ладонь правой руки, что значит левша, а левши всегда умнее правшей, и зарплата у них выше, с ним надо держать ухо востро.

— Что-то еще запомнили?

Я ответил оскорбленно:

— Сoverшив тот безумно героический поступок и спрятавшись за ящиками, я замер, как дохлая мышь, и

ждал, когда же вы ворветесь. А они там стреляли, орали, ругались, ссорились...

Он прервал:

— Ссорились?

— Мне так показалось, — объяснил я. — По крайней мере, не пели «В славу Христа», чему церковники приучают с детского садика. Потом — ба-а-абах! — ворота вдрызг, гром и молния — это вы так красиво и победно! Жаль, женщины вас не видели. Ну, ничего, вы все на видео покажете, у вас же все снимается?.. Я думал, это вы всех побили. Как полагаете, мне орден дадут с бантиками? Хотя я не гордый... не заглядывая вдаль, я скажу: зачем мне орден? Я согласен на медаль...

Его перекосило, и, полагаю, чтобы не прибить меня на месте, развернулся и быстро пошел широкими шагами к броневику.

Глава 11

Я перевел дыхание, да не увидят, что меня всего трясет. Задиристый тон для того, чтобы поморщились и ушли по своим делам, а я тем временем отойду и в самом деле смогу выглядеть орлом, что всех заключает.

Они там в сторонке беседовали вполголоса, не предполагая, что я, если поверну к ним правое ухо и сосредоточусь, могу расслышать каждое или почти каждое слово.

— Это уже третий склад чэвэков, — прорычал капитан злобно, — и всего-то за месяц!..

— Но никого не нашли, — напомнил один из спецназа.

— Смылись вовремя, — сказал капитан рассерженно. — Даже пепел от сигарет был теплый! И чашка из-под кофе не остыла.

Спецназовец сказал со вздохом и ноткой ностальгии:

— Еще помню времена, когда их называли просто «дикими гусями»... Как тогда все было мило и просто.

Капитан фыркнул:

— Тогда «Иностранный легион» был один на всю планету! А теперь таких легионов десятки тысяч.

Другой из спецназа прислушался, бросил нехотя:

— А куда деваться уволенным? Подумаешь, армии надо сокращать, еще сокращать... Я вот прошел четыре войны и семь горячих точек, хотя эти точки размером с Эстонию, была такая страна... так вот я вряд ли пойду сажать морковку.

Первый спецназовец оглянулся в мою сторону.

— Вы что, всерьез намекаете...

Капитан скривился, покачал головой.

— Нет, это полное ничтожество. Хотя все же заметно, как недоговаривает нечто. Но из-за недостатка опыта либо прокалывается, либо язвит по нашему адресу.

— Полицию нигде не любят, — напомнил спецназовец. — Разве что пенсионеры, и то редко. Нет, он дурак, а стрелять вообще не умеет.

— Нет такого мальчишки, — напомнил капитан, — который ни разу не побывал бы в тире.

Спецназовец отмахнулся.

— Для большинства первый поход в тир он же и последний. Обычно в тир ведет более крутой, он с удовольствием показывает, как бьет по мишеням, а остальные, промазав, больше не приходят.

— У этого фаната футбола, — сказал капитан, — такой вид, что и про тир не слышал.

Подошел третий, поперек себя шире, настоящий слонопотам, на нем почти рыцарские доспехи, такие из пушки не прошибить, доложил довольным ревом:

— Наши молодцы из управления взяли след успевших убежать... потом, как всегда, потеряли.

Капитан взглянул на него почти с ненавистью.

— И чего лыбишься? Дружки там?..

— Командир, — сказал спецназовец с упреком, — ну ты чего?.. Просто отдаю должное. Умеют работать. Наверное, у них жалованье выше нашего.

Первый спецназовец сказал быстро:

— Надо на это опираться, когда пойдем просить повысить.

Капитан со злостью стукнул кулаком по броне их тяжелой машины.

— Ну, почему здесь не работали камеры?

Спецназовец, что поперек себя шире, сказал очень серьезно:

— А Шерлок Холмс вообще как-то без записывающих устройств и анализаторов...

— Кстати, — сказал самый первый, — анализаторы показывают на некое противоречие...

Капитан так быстро повернулся к нему, что боец даже отшатнулся.

— Ну-ну? — сказал капитан резко. — Телись быстрее!

— Этот ваш парняга, — сказал спецназовец, — Юдин его зовут?.. Рохля рохлей, но вовремя заметил, как с крыши собирались разнести полицейскую машину.

Его напарник сказал задумчиво:

— Заметив опасность, бросился не прочь от склада, как сделал бы любой штатский...

— Тогда бы его хлопнули в спину, — подсказал тот, что поперек себя шире.

— Вот-вот, — сказал первый спецназовец, — а в условиях жесточайшего дефицита времени принял единственно верное решение вбежать в цех. Мы примерно такое отрабатывали на учениях, помните?.. До ворот всего пять шагов, да и попасть с крыши в бегущего внизу куда труднее.

Спецназовец, что поперек себя шире, сказал раздумчиво, как и должен говорить слонопотам:

— Он сделал все правильно... А там прятался возле Мариэтты, пока она отстреливалась. А когда у нее кончились патроны, он подхватил пистолет без патронов и, умело блефуя, успел перебежать опасный и легко пропстреливаемый участок, а там спрятался намного надежнее.

Капитан прищурился, покачал головой.

— Хочешь сказать, просчитывает реакцию противника?.. Но тогда стоит ошибиться на секунду...

— Значит, — подыточил слонопотам, — он либо очень везучий, либо очень-очень хорошо считает. Я предпочел бы первое.

— Ну да, — согласился первый спецназовец. — Предположить, что кто-то круче и хладнокровнее нас... гм... обидно.

Из глубины склада показалась Мариэтта, быстрая и целеустремленная, издали вперила в меня сердито-загадочный взор.

— Зайдем в участок, — сказала она отрывисто, — господин Юджин, вы дадите показания и можете отправляться домой.

— Пешком?

Она поморщилась.

— Тебя отвезут.

— Это другое дело, — ответил я. — Мы поедем на броневике?

— На моей машине, — отрезала она. — Полицейской!

— Мигалку включишь?

Она посмотрела свысока.

— Не дорос исчо. Пойдем! И давай рассказывай.

— Здесь? — переспросил я. — А что будем делать в участке?.. Ой, в самом деле?.. Там будет интим? С развратом или как?

Она огрызнулась:

— Запишу твою болтовню сейчас, а потом в участке запишут еще раз и сравнят. Стандартная процедура, ты должен ее знать.

— Как же, — пробормотал я, — как же... Что мне еще знать на свете важного, как не ваши процедуры?

Она не повела и бровью, дескать, не удалась провокация, и ладно, на другой поймаю.

Когда вышли из цеха, обгоревший остов полицейской машины как раз грузили на платформу, Мариэтта заметно содрогнулась и даже почти побледнела.

— Вроде бы не совсем на ходу, — сказал я нерешительно. — Хотя кто знает полицейские технологии?

— Ладно, — произнесла она, — прибыло десять полицейских машин. Стой здесь, я выясню, какую взять.

Она ушла быстро и уже собранно, не прихрамывая и не массируя ушибленное плечо. Я смотрел вслед, сердце все еще колотится, а кровь шумит в ушах, будто волны высотой с небоскреб штурмуют скалистый берег.

Меня же чуть не пришибли, даже сейчас поджилки трясутся, но, с другой стороны, внутри стучит победно и мощно, что и я не лыком шит, что-то да могу. Я же видел их за ящиками почти отчетливо, синие такие силуэты, а что размытые — ерунда, мог бы стрелять по ним даже сквозь ящики...

Переговорив со своими, Мариэтта помахала мне рукой от одной из машин.

— Иду, — крикнул я уже бодро. — Хорошо вам, сразу новую дают... В полицию пойти, что ли?

Она посмотрела с неприязнью.

— Теперь в полицию берут только бывших коммандос.

— Еще бы, — согласился я. — И то лишние остаются. В том складе тоже спецназ обитал, верно?.. Только на другой стороне. Догадаться бы, кто из вас в белых шляпах, кто в черных...

Она, как сильный пол, открыла и придержала для меня дверцу, мне даже почудилось, что хотела и голову при посадке чуточку нагнуть, чтобы не ударился о верх, а то потом заявлю о жестоких избиениях со стороны озверевшей и потерявшей человеческий облик из-за попустительства властей полиции.

— А тут ничо, — заявил я. — Хорошо, когда везде стандарт. Привыкать не надо.

— Пристегнись, — буркнула она.

— Разве тут не автомат?

— Все равно, — отрезала она.

— Традиция, — ответил я понимающие. — Люблю традиции, но почему-то не выношу.

Она молча ткнула в экран навигатора пальцем, указывая место назначения, и машина, моментально вздрогнув, пулей понеслась в сторону шоссе.

Глава 12

Полицейский участок оказался в старинном, или замаскированным под старинное, здании. Толстые массивные стены, дверь на вертушке, абсолютно пустой холл, а все службы и кабинеты либо на втором этаже, либо там

далше... что и понятно, если самоубийца на автомобиле с ручным управлением и на огромной скорости сумеет удариться в двери, то пусть хоть все авто будет начинено взрывчаткой, взрыв грянет впустую и никому даже не прищемит пальчик.

Она оставила машину на полицейской парковке перед зданием, в дверях двое встреченных полицейских на меня сразу посмотрели с таким видом, словно потопропятся заковать в наручники, неужели у меня такой лихой вид, буду гордиться...

Мариэтта провела на второй этаж, где народу уже как муравьев после дождя в безветренный вечер, толкнула дверь в одну из комнат.

— Входи. Нет-нет, там другой отдел, садись вот здесь.

Я сел к столу, где и столешница вся представляет экран в 8 UK, и на нем еще всякая мелкая аппаратура в беспорядке, словно и в полиции работают творческие люди.

Подошел хмурый полицейский, посмотрел на меня, на Мариэтту.

— Приковать его к столу? Или сразу в комнату для жестоких пыток?

Я посмотрел на обоих с интересом.

— Дайте угадаю, кто из вас будет играть злого, а кто доброго... Женщины должны быть добре, потому эта самка вот будет по контрасту злым полицейским, а вы как мужчина... вы ведь мужчина?.. а то как-то с этим стирианием различий... я же вижу, что вы продвинутый... должны играть доброго. Но так как я этого и ожидаю, то все будет наоборот...

Он буркнул:

— Много для вас чести, придурок, чтобы с вас снимали показания сразу двое. Я бы тех, кто болеет за «Торпедо», сразу сажал за решетку лет на сто, пока не поумне-

ют. «Спартак» — чемпион!.. Мариэтта, он твой. Скинешь потом то, что от него останется, на мой комп. Или занесешь к моему столу, если еще не умеешь пользоваться сетью.

Он ушел, не замечая меня больше, а она села напротив за стол, киношно хрупкая и нежная, такие в сериалах легко разбрасывают одним движением руки двухсоткилограммовых спецназовцев, ухитряясь не растрепать сложную прическу.

— Рассказывай, — сказала она, — как все было.

— Начинать сначала?

— Да.

— В начале сотворил Бог небо и землю, — сказал я важно, — Земля же была безлюдна и пуста, и тьма над бездною...

Она поморщилась.

— Не надо мне эрудицию показывать. Не «бездна», а «безвидна», кстати.

— Нечестно в Гугл подглядывать, — уличил я. — Хотя что это я, разве от полиции можно чего-то еще... Да еще от женщины?

— Ладно, — сказала она, — начиная от момента, как мы подъехали к твоему участку в коттеджном поселке.

— Разве я не рассказал?

Она ответила уклончиво:

— Ты мог пропустить какие-то важные моменты.

Я повторил, что сидел на диване и смотрел футбол, а тут они двое прибыли и начали задавать такие пугающие вопросы, что я испугался, теперь буду законно требовать, чтобы мне выплачивали повышенное пособие до конца жизни, потому что это психическая травма на всю жизнь, а если откажутся, то я как демократ и общечеловек по судам их затаскаю, а меня еще в блогах прославят, потом мемуары напишу.

Она слушала внимательно, время от времени бросала взгляд на экран. Понятно, анализаторы процеживают каждое мое слово и каждый жест, взвешивают и сравнивают, выдавая некие невидимые мне отсюда рекомендации.

— Ты не выглядел достаточно взволнованным, — сообщила она.

— Это я уже перегорел, — пояснил я. — Сперва испугался так, что... уж извините, не при женщине будь скаzano... вы ведь женщина?.. а то это стирание гендерных различий... в общем, говоря округло, я испугался очень-очень. До икотки вследствие жуткого нервного стресса. Но, правда, когда мы были в том цехе, а со спины ворвались ваши бравые киборги, я вообще испугался так, что вторая икотка выбила первую, и я чуть не помер от нечеловеческого испуга.

— В машине ты не икал, — произнесла она воркующим голосом, но с той интонацией, когда никак не могут решить, что им даст больше: оставаться в рамках официального «вы» или перейти якобы на дружественное «ты». — Ты вообще какой-то заторможенный... а потом слишком шустрой.

— А в среднем, — пояснил я, — самый что ни есть средний и законопослушный гражданин. Демократ и либерал, но государственный либерал!

— В самом деле?

— Точно, — заверил я. — Во мне весь спектр! Потому я абсолютно серый. Со мной надежно, как со всеми серыми.

К нам направился, цепко держа меня взглядом, крепкий мужик с намечающимся брюшком, Мариэтта сразу насторожилась и даже поднялась со стула.

— Отведи его в комнату для допросов, — распорядился мужик. — Сними показания, а потом пусть идет домой.

— Меня должны отвезти, — заявил я независимо. — Я свои права гуманиста и как бы человека знаю!

Он поморщился.

— Да, конечно. Спасибо за сотрудничество.

Мариэтта сказала мне быстро:

— Вставай, идем!

Комната для допроса оказалась через два кабинета в глубине офиса, абсолютно пустая, если не считать стола с утопленными в пол ножками и двух стульев по обе стороны.

Она указала мне, на какой сесть, сама повернулась к двери, и тотчас же вошел улыбающийся полицейский, толстый и довольный, губы лоснятся, только что пообедал, вытерся рукавом и сказал жирным голосом:

— Мариэтта, можешь идти. Все материалы получишь позже.

Он сел напротив меня, глаза стали внимательными, но голос прозвучал все так же благодушно:

— Я лейтенант Королев. Сперва несколько тестовых вопросов...

— А где детектор брехни? — спросил я. — Или как его, полиграф?

Он довольно улыбнулся.

— Хай-тек наконец-то добрался и до полиции. Теперь это бесконтактное. И эта, как его...

— Беспроводное, — подсказал я.

— Во-во, — ответил он. — Оно самое. А теперь давай по-быстрому проведем небольшой тест. Поверь, мне самому это неинтересно. А чем быстрее закончим, тем быстрее... гм... закончим. Так что постарайся отвечать быстро и без раздумий.

Я кивнул, дескать, все правильно, это потому, что он хочет побыстрее закончить, а не потому, что нужны бы-

стре и бездумные ответы, по ним проще составить психологический портрет и легче понять, где врут, где нет.

Спрашивал он в самом деле быстро и небрежно, время от времени поглядывая на экран монитора, все-таки вопросов сотни, все в памяти не удержать, хотя вижу, по крайней мере третью задал, не глядя на экран, а это значит, специально заточенный на это дело. Форма полицейского всего лишь форма, на меня тоже можно ее одеть, если оглушить или сильно напоить, так что это психолог, работающий или подрабатывающий в полиции.

Несмотря на заверения, что все пройдет быстро, мне показалось, опрашивает чуть ли не час, настолько много быстро выстреливаемых вопросов, дескать, торопится закончить неинтересное ему дело, скорее бы отгавкаться и пойти смотреть футбол.

Я почти взмок, когда он вздохнул с огромным облегчением и поднялся.

— Все!.. Закончили!

Я тоже встал, поинтересовался:

— Все, я свободен?

Он с хитрым видом покачал головой:

— Это я свободен. А тебе надо дождаться результатов проверки теста. Но это не больше десяти минут. Потом тебя отвезут домой.

Он отряхнул ладони и с подчеркнуто великой охотой вышел из комнаты.

Я обвел взглядом стены, на одной широкое зеркало, реликт тех древних времен, когда с той стороны копы наблюдали за допросами и сразу строили версии. Из комнаты допроса это выглядит как обычное зеркало, можно подойти вплотную и рассмотреть прыщи на морде, выдернуть волосок из носа, а с той стороны сквозь прозрачное стекло наблюдают подозреваемого в те мо-

менты, когда он полностью расслаблен и сосредоточен на себе.

Сейчас все автоматизировано, запись ведется со всех сторон, но все же по старой памяти копы предпочитают всматриваться сами, доверяя себе больше, чем аппаратуре.

Вот только не знают, что я не только вижу их, но если повернусь правым ухом и сосредоточусь, то начинаю слышать гораздо больше, чем слышал раньше.

Они собрались там втроем: Мариэтта, этот психолог и начальник участка, озабоченные и явно встревоженные, а психолог, что проводил со мной тестирование, им втолковывает:

— Это тот случай, когда придется анализировать заново... Нет-нет, не допрос, это же был не допрос, а простая беседа, у нас же нет поводов его арестовывать... В общем, странное сочетание! Ваш клиент вроде бы типичный ленивый дурак, просиживающий перед жвачником всю жизнь. Когда я заговорил с ним о футбольных командах, он прямо загорелся энтузиазмом!.. Я никогда не подумал бы, что можно хранить в памяти все матчи всех команд, кто когда забил и на какой минуте, у кого какой тренер и кто предпочитает собак перед кошками!

Мариэтта напомнила:

— Вы сказали, сочетание.

Он вздохнул.

— С другой стороны... даже не знаю, как сказать. У него есть пара черточек, врожденных или приобретенных... вы только не смейтесь!.. человека... способного убивать.

Она поморщилась.

— Да ладно тебе, фрейдист. У кого из нас их нет? Мне вот, когда смотрю, как жрешь бутерброды, роняя крошки.

ки на клавиатуру, всегда хочется тебя убить на месте. Но как-то удерживаюсь. Хоть и с трудом. Пока что.

Психолог покачал головой:

— У нас у всех так глубоко, что уже и не достать. А у этого твоего пациента на поверхности. Я проверил на десятках тестов, и все выдают примерно одинаковый результат.

Начальник участка проворчал угрюмо:

— То-то ты просидел с ним втрое больше времени. Хотя с работы стараешься выскочить первым.

— Какой результат? — спросила Мариэтта.

— Может убивать, — сообщил психолог, но сообщил без особой уверенности. — Без охоты, по необходимости, но убьет без колебаний. Самое шокирующее в выводах, что потом либо посмотрит кино, либо почитает книгу. Аппетит ему тоже не испортит.

Я подумал с удовольствием, что у меня, оказывается, устойчивая психика. Или же я просто непрошибаем, как корова, у которой эмоций хватает только на «Му-у», хотя, конечно, приятнее чувствовать себя суперневозмутимым.

Мариэтта покачала головой.

— И к психотерапевту не побежит?..

— Точно.

Она задумалась, наморщила лоб.

— Странное и невероятное сочетание. Что говорят Вавилов и Костенко?.. Они же всегда смотрят твои собеседования?

— Не всегда, — ответил психолог, — но на этот раз смотрели оба. Разводят руками и мямят, что в нем живут два человека. Но не по отдельности, а во взаимопроникновении, если можно так сказать. Оба щеголяют терминами, но мне кажется, от собственной растерянности. И вообще, говорят, как всегда в таких случаях, что им

нужно больше времени для выводов. И, наверно, повысить зарплату.

Начальник участка сказал сердито:

— Мы не можем его больше задерживать. Отвезите обратно, но предупредите, чтобы не покидал их поселок.

Мариэтта сказала осторожно:

— Это не в нашем праве.

Он поморщился.

— Тогда, чтобы не покидал город.

— И это мы не вправе...

Он сказал резко:

— Тогда просто не выпускайте его из виду! Пусть следят и записывают каждый шаг.

Она вздохнула.

— И сколько суток потом ухлопаем на просмотр?

— Прогоним поиском, — отрезал он. — Сама не чувствуешь, что здесь концы не сходятся?

Она кивнула.

— Чувствую. Но мало ли чего брешет. Мне опасным не кажется. А что скрытен... так у каждого свои причины. И не обязательно преступные.

К ним неспешно подошел толстый полицейский, на ходу рассматривал пару листков в руках и словно бы сверял, наткнулся на своего начальника, как на стену, виновато заулыбался.

Мариэтта тяжело вздохнула.

— Может быть, вообще закрыть аналитический отдел? Спят на ходу...

Полицейский сказал торопливо:

— Не надо нас закрывать. Вот держите! Сверьте результаты. У меня вообще странное ощущение.

— Какое? — спросил начальник участка. — Тоже на счет жалованья?

— Сверили, — доложил аналитик, — записи со шлемов наших героев, упустивших хозяев склада. Опуская подробности, скажу об этом вашем подозреваемом. Если хотите, конечно. Скоро обед, может сразу сгоняем в буфет?

Начальник участка сказал в нетерпении:

— Выкладывай!

— Он весьма, — ответил аналитик, — как бы сказать попроще... не совсем весьма. Словно бы начали тренировать на элитного спецназовца, а потом бросили. Потому то настоящий рохля, без всякого притворства, то чуткий, как лесной зверь...

Я подумал с удовлетворением, что здесь он в самую точку. Только без «или-или», я все время настороже. Как чуткий зверь. Лесной. И степной тоже. Вообще орел.

Начальник участка поинтересовался:

— А как насчет... мог ли убить тех на складе? Ну ладно-ладно, хотя бы одного?

Аналитик пожал плечами.

— И как вы это представляете? Личности убитых установлены. Платон и Кречет в прошлом были наемниками частных армий. Воевали в Ливии, Саудовской Аравии, Кувейте и даже в Каталонии, как и в прочих горячих точках. У остальных примерно тот же список. Все выполняли особо деликатные задания, прошли войны почти без царапин, что говорит об их квалификации.

Глава 13

Начальник участка продолжал нетерпеливо:

— Давайте еще раз просмотрим варианты. Записей нет, придется своими мозгами, если у кого еще не атрофировались. Говорят, силовым структурам, что лбом

пробивают стальные двери, они не нужны, но... пока еще, как видим, без них не обойтись. Даже нам.

Аналитик скривился.

— Да уже все перебрали. Так и эдак. Смотрите, Мариэтта отползать не стала, как этот дурак ей крикнул, но и за ним не бросилась, там оба должны были попасть под смертельный огонь.

Начальник участка сказал медленно:

— У меня сильное подозрение, что в него просто... не стреляли.

— Стреляли, — уточнил аналитик. — Мариэтта слышала выстрелы. На экране все заслоняют ящики, но слышно отчетливо и нам.

Мариэтта сказал сердито:

— Если бы я подняла голову, сейчас бы лежала в гробу!

— Тебя никто не винит, — напомнил начальник участка. — Мы пытаемся понять, почему в него не попали. Хотя там крутые профи. Ага, там был, судя по опознанию убитых, еще и Тухманов! Он же прошел последние три войны в Азии, захватывал заложников в Иране, воевал в горах Алжира и вообще...

Она сказала с неудовольствием:

— Хотите сказать, наш подозреваемый для них свой?

— А ты как сам объяснишь?

Аналитик вмешался:

— Спец автоматически считает выстрелы, знает, когда противник будет менять обойму, знает, сколько времени это займет...

— Там было трое, — уточнил начальник участка. — Считай не считай, они не все делают одновременно.

— У Мариэтты патронов не было, — сказал аналитик, — а насчет пистолета бандита наш подозреваемый сказал, что там обойма пуста...

Начальник участка насторожился.

— Хочешь сказать, не пуста?

— Вот-вот. Думаю, три патрона все же там остались.

И этими тремя он и поразил их.

Мариэтта фыркнула:

— Всех троих? Не видя их? Сквозь ящики?

— Не сквозь, — напомнил аналитик, — трупы на открытом месте. Словно бросились к нему, но не добежали. Раны сквозные, но где пули?

— Похоже, — сказал психолог, — хоть это и не мое дело, но уже ясно, патроны оказались с бронебойными пулями. Или с усиленным проникновением. Экспертиза покажет, но для меня бронебойные и усиленные как бы одно и то же...

Аналитик поморщился.

— Дикарь. Надо тебе понизить жалованье.

— Главное не в том, — продолжил психолог, не обращая на гнусный выпад внимания, — как просадил ящики, а как ухитрился попасть так точно!

Начальник участка пробормотал задумчиво:

— И все раны сквозные... гм... Пуль точно еще не найдено? Все-таки склад огромный.

Аналитик кивнул.

— Вот-вот. Более того, даже если в обойме было три патрона, хотя Мариэтта утверждает, что сама их использовала...

Мариэтта прервала:

— Ты сомневаешься? Я что, совсем ничего не помню?

— Да ладно тебе, — сказал аналитик торопливо. — Вы все лучше объясните мне вот эти результаты! Это Кречет, узнаете? Смотрите внимательно. Вот вид спереди, а вот его перевернули... Ну как?

Мариэтта пробормотала:

— И что? Пуля ударила в грудь, пробила кость, про-садила сердце насовсем...

Он сказал раздельно:

— Но наружу не вышла!

— И что здесь нового?

Аналитик сказал с торжеством:

— А куда пуля делась?.. В теле ее нет!..

Все молчали, начальник участка сказал зло:

— Ты как будто радуешься. Подумаешь, научная за-гадка. И куда она делась? Что, растворилась?

Психолог спросил осторожно:

— Что, было вскрытие?

— Мы и без вскрытия видим, — отрезал аналитик, — но если подключиться к сети и дать доступ програм-мам...

— Проги дают сбои, — сказал психолог. — Я верю на-стоящему вскрытию. Особенно, когда... ха-ха!.. наш до-рогой Сокол сам боевым ножом.

Начальник сказал сурохо:

— Я уже давно не Сокол, а начальник полицейского участка Андрей Петрович Ястребов! Какие есть идеи по существу?

Психолог сказал авторитетно:

— Я слышал, можно стрелять пулями изо льда!.. Про-бивают грудь, как и череп, а там внутри растворяются.

Начальниц полиции поморщился.

— А какой смысл?

— Не знаю, — ответил психолог обиженно. — Я ска-зал, что бывают и такие пули. Это идея почти по сущес-тву. Хоть и сбоку.

— Не слышал о таких пулях, — буркнул аналитик. — К тому же наши анализаторы сразу бы ощутили в теле инородные примеси. Потому высоколобые в отделе и рвут на себе волосы...

Психолог оглянулся в мою сторону, наши взгляды на миг встретились, я вздрогнул, хотя понимаю, он уверен, что любуюсь своим отражением, я даже нарочито выпятил грудь и поиграл бицепсами.

Он сказал упавшим голосом:

— Замечаете, он то трусит, то почти смеется над нами. Словно у него некое преимущество, о котором не догадываемся.

— Какое преимущество?

Психолог пожал плечами.

— Не знаю. Могу сказать только, что оно у него недавно.

— Крот, — сказал аналитик убежденно.

Начальник полиции сказал устало:

— Знаете, на сегодня хватит. Расходитесь по домам, отдохните. Но не буду бить, если кто и дома подумает над вариантами. Пока есть два: крот и нечто... очень умелое. Я не удивлюсь, если корпорации Генлинга удалось продвинуться еще дальше, чем быстрейшее заживление ран солдат на поле боя.

Психолог поморщился.

— Андрей Петрович, бросьте. У нас остались только два варианта. Всего два.

— Больше, — сказал аналитик сварливо.

— Я имею в виду реальные, — возразил психолог. — А так и я могу выдать сотню с гравитационным оружием и марсианами! Либо это их крот, потому стреляли вроде в него, но мимо, либо настолько крут, что я и не представляю...

Начальник участка тоже посмотрел в сторону комнаты для допросов.

— Заканчиваем, заканчиваем!.. Нельзя его держать так долго. Он не под арестом, может запротестовать, нам шею намылят. А то и не только шею.

— В его истории много неясностей, — проговорил психолог. — Но, к сожалению, нет ни одной зацепки, чтобы за нее ухватиться. Так, отдельные пятна. Даже пятнышки.

Аналитик сказал со злостью:

— А еще говорят, все под контролем, все под контролем!.. Целые регионы непросматриваемы.

— Регионы?

— Ну, не регионы, — уступил аналитик, — но районы... пусть даже не районы, а микрорайоны!.. Это как?

— Микрорайоны все просматриваемы, — возразил начальник участка. — Там камера смотрит в каждую мышиную норку. А вот за городом, да... Там и камер не наставить в пустом месте и возле всяких загородных складов, да и нагрузка на аналитические центры...

Они начали расходиться, а Мариэтта пошла в сторону двери кабинета для допросов.

Я откинулся на стуле и принял самую непринужденную позу, чувствуя, как внутри уха горит, будто в огне, а сама раковина безумно чешется.

Мариэтта вошла светлая и улыбающаяся, я бы даже не заметил следов усталости, если бы не знал, что только броник спас ее от пуль, но оставил кровоподтеки.

— Ну вот и все, — прощебетала она жизнерадостно, — все закончено, итоги подведены. Я сейчас отвезу тебя домой.

— Спасибо, — ответил я. — А то я уже собирался тут лечь спать. Вы предпочитаете с краю или у стенки?

Она рассмеялась.

— Хороший вопрос. Пойдем.

Только выйдя на улицу, я понял, почему в офисе горит свет. Ночь уже распростерла эти, как их, крылья над миром, хотя, думаю, на другую сторону планеты ее крыльев недохватило.

От уличных фонарей свет падает на тротуар яркий и ровный, небо выглядит еще темнее и загадочнее, звезд почти не видно, то ли смог, которого официально не бывает в городе высокой культуры и чего-то еще, то ли яркие лампы перебивают слабые лучики далеких солнц.

Она пошла уверенно и целенаправленно, я указал пальцем и спросил с интересом:

— Полицейские автомобили вон там... Или вы меня подвезете на автобусе?

Она широко улыбнулась.

— Это было бы здорово, давно не ездила в автобусе. Что смотрите так?.. Нет, я не собираюсь вас приглашать в кафе или ночной клуб, не пугайтесь. Просто те машины заняты, а мне выделили одну из резерва. Они во-о-он за той оградой.

— Далеко у вас резерв, — заметил я.

— У нас не каждый день подбивают полицейские авто из гранатомета.

— Правда? — спросил я. — Как скучно живете.

Она посмеивалась, явно ночь раскрепостила, даже кокетничает слегка, но так, не направленно на меня, чисто инстинктивно, у женщин это само собой, особенно у таких красивых, знающих цену своей внешности.

— Может быть, — предположил я, — возвращайтесь в офис?

— А вы?

— У меня стронгхолд, — напомнил я небрежным тоном, — он по команде сам выберется из гаража и примчится сюда.

Она заколебалась, взглянула на часики, вздохнула.

— Увы, ваш автомобиль доберется сюда только через два часа. А меня майор взреет, что не проявила заботу.

— Понятно, — согласился я. — Майор — это круто. Еще взреет и за то, что не допросили меня по дороге. Вы же собирались?

Она весело засмеялась, показывая ровные белые зубки:

— И даже бить!.. И руки выкручивать на ходу.

— Тогда да, — ответил я, — обожаю побои.

Не давая передумать, она ухватила меня под руку.

— Тогда ускорим шаг!.. Вон тот возьмем, крайний. Нравится?

На мой взгляд искушенного знатока, все полицейские одинаковы, и не только автомобили, но кивнул и сказал солидно:

— Да, конечно. У него и колеса... Ого, все четыре на месте! Куда народ смотрит?

Территория полицейского резерва автомобилей огорожена высокой проволочной сеткой, вход, конечно, с другой стороны квадрата, но когда такая вот держит тебя под руку, то и дело как бы невзначай касаясь локтя мягкой горячей грудью, то, понятно, готов несколько раз обойти эту стоянку, не замечая двери.

С этой стороны улица совсем темная, фонари не горят, но это и понятно, на том конце широкой площади ярко светится реклама ночного клуба «Голубая лошадь», артистическая такая находка, дескать, ничего лишнего по дороге, все темно и мрачно, а потом сразу рай, блеск, счастье, отсутствие всяких запретов...

Она вдруг вздрогнула, ее грудь вдавилась в мой локоть сильнее.

— Ой... кто там?..

Из темноты вынырнули и бросились на нас четверо крепких парней. Я изготовился не то удирать, не то драться, но, странное дело, от них ни тепла, ни холода,

а если бы даже собирались побить, то холодный озноб опалил бы мне морду.

Двое бросились на меня, двое на Мариэтту. Я не со- противлялся, только успел жалобно вскрикнуть «Кара- ул!». Меня повалили, прижали спиной к асфальту, один орал мне прямо в лицо, бешено сверкая глазами и разду- вая ноздри:

— Где бабки?.. Бабки гони!

— Да какие бабки, — пробормотал я пугливо, — баб- ки на лавочке у подъезда...

Он гаркнул:

— Поговори мне!

Сбоку раздался отчаянный крик Мариэтты, но уви- деть ее не смог, второй громила закрывает ее широкой фигурой.

— Что вы делаете, — сказал я жалобно, — отпустите, я человек больной и бедный...

Он замахнулся, на пальцах блеснул кастет, одним уда- ром раскроит череп, но по-прежнему никакого холода, и я пропищал жалобно:

— Да что хотите забирайте!

Второй прорычал:

— Гарган, добей этого, а я займусь девкой. Ее уже имеют, а мне как-то невтерпеж...

Громила, которого назвали Гарганом, сунул мне ка- стет под нос.

— Перекинь деньги на мою карту!.. Да быстро, а то калекой оставлю, если выживешь...

— Как? — спросил я самым трусливым голосом. — Я ж не умею!.. Нужна какая-то особая программка от ха- керов!

— У меня есть, — рыкнул он. — Пользоваться уме- ешь?

— Не совсем, — пролепетал я, — но попробую...

Издали донесся вой полицейской сирены. Оба моментально подхватились на ноги, Гарган крикнул:

— Все! Исчезаем!

Все четверо ринулись в темноту, через пару секунд возле нас остановилась полицейская машина. Выскочили два копа, один сразу ринулся за убегающими, а второй подбежал к нам.

— Цели?

Я помог подняться Мариэтте, она дрожала и хваталась за меня. Полицейский сказал быстро:

— Мы сейчас доставим вас в участок, снимем показания, потом я сам отвезу вас по домам. Простите, вы Мариэтта из седьмого отдела?

Она сказала нервно:

— Какой ужас, это в паре сотен шагов от полицейского участка!

— Да, — поддакнул я жалким голосом, — куда мир катится? Полицейских грабят...

Он молча помог нам забраться в машину, через минуту езды вышли уже перед участком.

Я сказал с иронией:

— Похоже, мне тут и ночевать. Вы ляжете к стенке?

Она нервно огрызнулась:

— Что у вас за шуточки? Напали прямо на улице, у меня платье порвали, а вам ха-ха?

— Рядом с женщиной, — ответил я галантно, — любой мужчина становится героем. А с такой, как вы... А я показал себя героем, верно?

— Да, — ответила она. — Я слышала ваш пищащий «Караул, грабят!».

Перед нами распахнули двери, меня проводили кциальному столу и сунули в руку большую чашку с горячим кофе. Сами отошли на самый дальний конец

офиса, к ним присоединилась Мариэтта, там же психолог и аналитик, только начальник уже ушел, сблизили головы.

Начало разговора я не уловил, но затем услышал, как психолог сказал:

— ...а вот здесь на записи его повалили, видите? Он кричит «Караул!», всем слышно?

— Да, — ответил аналитик, — хотя запись могла быть и получше.

— Обстановка, — объяснил психолог, — освещение, большая дальность... Обратите внимание, анализаторы указывают на повышение кровяного давления на пять делений. Частота пульса ускорилась на четыре удара в минуту.

Я видел, как Мариэтта повернулась к нему с вопросом в глазах.

— Маловато?

Он хмыкнул.

— У меня бы то и другое подскочило так, что даже не знаю. А этот... как жаба какая-то. В смысле, хладнокровная. У нас утечек не было?

Она посмотрела с обидой.

— Намекаешь, что я как-то себя выдала? Нет, орала и отбивалась, а платье на мне разодрали в самом деле. Ну у него же давление все же подскочило?

— У тебя прыгнуло на двадцать делений, — напомнил он. — Но тебя тренировали, потом ты воевала... А у него чуть сдвинулось от того, что повалили на землю!.. Но где паника? Хотя бы страх?.. Он что, буддист?..

Я посмотрел в окно, поднялся. Они тут же все повернулись в мою сторону.

— Спокойной ночи, — крикнул я. — Моя машинка уже прибыла!.. Увидимся!

Мариэтта и психолог вышли на крыльцо, провожая меня. Стронгхолд подрулил прямо к ступенькам, распахнул левую дверцу.

Я помахал им, улыбнулся, автомобиль ринулся прочь от участка с предельно допустимой скоростью.

Глава 14

Поселок расцвечен огнями, солнцесборные панели дают достаточно электричества для всех нужд, а скоро и трансформаторы уйдут в прошлое. Освещен даже лес за пределами забора, в разных местах взлетают фейерверки.

Автомобиль высадил меня у крыльца, а сам величаво вкатился в раскрывшийся для него гараж.

Я торопливо пробрался к трансформатору, без колебаний включил: во-первых, без него портал не образуется, а во-вторых, здесь пройдет меньше секунды, сколько бы я ни проторчал там.

— Ну, — проговорил я тихо, сердце стучит взволнованно, словно делаю первый раз, — удачи тебе, живая легенда... глерд Улучшатель...

Входя в незримый портал, я закрыл глаза и придержал инстинктивно дыхание, а когда вылез на той стороне в лаборатории Рундельштотта, то сразу же споткнулся и едва не растянулся на трупе чифа.

Пахнет химикалиями и крепкими настойками, раньше почти не замечал, а сейчас после стерильного мира все бьет в нос. Или повышается моя чувствительность?

Ничего, к сожалению, не пропало, все три трупа на месте, кровь еще вытекает из тел. Мешок со снайперской винтовкой слегка подмок снизу, рядом с ним горестно

накренился, словно молится, мешок с двумя ящиками патронов.

Торопясь, как бы кто не последовал за мной снизу в башню, очень уж Форнсайн бдит, я вытащил всех троих на лестницу и пинками сбросил ниже на несколько ступенек.

Когда вернулся в лабораторию, пришлось самому затереть кровь, потом разжег огонь в самом большом тигле и бросил туда тряпку.

Рундельштотт в своей берлоге спит чутко, то ли от старости, то ли вообще такой, сразу же поднялся, я услышал сквозь дверь, как заскрипело под ним ложе, подошел, шаркая и подволакивая левую ногу.

— Кто стучит?.. А, Юджин...

Не давая ему высказать свое неудовольствие, я заговорил быстро и захлебываясь словами:

— Мастер, по дороге к нашей лаборатории на меня напали четверо химер! Страшные, аж жуть! Я прямо чуть сам в камень не перевернулся, я же нервный, пугливый, нежный, чуткий, отзывчивый... Я так завизжал от ужаса, что они подошли, точно ультразвук на них действует... И, не представляете, превратились... нет, вы не поверите, в людей!

Он крякнул.

— Они всегда превращаются в людей, когда умирают. Но как ты...

— Это было трудно, — признался я скромно, — однако как-то получилось, даже не знаю, я же так испугался, так испугался! Мастер, дело в том, что надо от них избавиться без шума.

— Что?

— Иначе, — объяснил я, — королева, узнав такое, вообще перекроет сюда все входы-выходы.

— Избавиться? — переспросил он непонимающе. — Как?

— Не знаю, — ответил я, — вы же чародей? Превратить в пыль, сжечь в камине.

Придерживая дверь, он осторожно выглянул наружу.

— Они где?

— Там, на ступеньках, — объяснил я. — Страшные такие!.. Хоть уже и люди. Но я-то знаю, что они все не люди! Это какой-то ужас, как жить?.. С живой легендой нельзя так обращаться!

Рундельштотт вышел на площадку, вытянул шею, оглядывая сползающие вниз трупы.

— Странно, — произнес он задумчиво.

— Что странно? — сказал я волнуясь. — Что странно?

Ничего странного! Ну что там странное?

Он покачал головой.

— Три мужских, только одна женщина... Обычно все наоборот. Химерами часто становятся попавшие под свет трех лун, но мужчины обычно гибнут, женщины выживают чаще.

— Ничего странного, — возразил я быстро. — Они женщин берегут, такие вот примитивы, а сами по-мужски идут на опасные задания во имя чести рода... Ну сделайте же что-нить! Иначе нам вообще конец!.. Всех выгонят и все закроют.

Он подумал, сказал медленно:

— Погоди, принесу ингредиенты.

— А просто дунуть-плунуть? — спросил я с надеждой.

Он поморщился, лицо стало высокомерным.

— Я не шарлатан.

Исчез за дверью и долго не показывался, я начал нервничать, Форнсайн что-то чует, наконец Рундель-

штотт вышел, очень недовольный с виду, на ладони ис-
крится горка зеленоватого порошка.

Я не успел рот открыть, он поднес ладонь ко рту и
сильно подул. Порошок взвился искрящимся облачком
и медленно пошел над ступеньками вниз.

Я охнул, все четыре трупа превратились в лед. Рун-
дельштотт оглядел их все еще недовольно, порошка жал-
ко, все они жадные, а меня не жалко, нет на свете спра-
ведливости ни в одном из миров.

— А теперь что? — спросил я нервно.

— А пусть растают, — ответил он. — Сейчас жаркие
дни.

— Хорошая идея, — сказал я с облегчением. — Но
лучше помочь природе, ибо я ее царь и потому должен о
ней заботиться и не ждать милостей.

Он вздохнул, когда я ногами сбросил все четыре
глыбы по ступенькам еще ниже. Там в темноте загро-
хотало, захрустело, но, надеюсь, до первого этажа не
докатятся.

— Да, так быстрее, — согласился Рундельштотт. —
Мелкие льдинки растают сразу.

— Мастер, — взмолился я, — это был первый вопрос,
но за ним более важный! Как создавать вещи... на более
долгий срок? Нет, я не мечтаю даже о годах или месяцах,
мне бы хоть на несколько минут!..

Он покачал головой.

— Какой ты прыткий.

— Жизнь такая, — объяснил я. — А то схарчат.
А у меня кости мягкие, хрупкие, я же весь такой нежный
и одухотворенный! Мне нужна защита.

Он буркнул:

— Это невозможно. Чуть-чуть надольше... это я могу
помочь, но тебе придется очень худо.

— Это как?

— Есть такое зелье, — сообщил он, — неделю потом корчи бьют. И выживают... немногие.

— Согласен, — выпалил я, не раздумывая. — Согласен!

Он повернулся к приоткрытой двери в свою комнатку.

— Ладно, иди за мной. Только ничего руками не трогай. И ногами. Снадобье сделать могу, все ингредиенты есть. У тебя сильный дух, а чародею без него нельзя. И без риска нельзя... Но учти, из десяти принявших снадобье выживает один. Чаще всего, покалеченный. Да и то не всегда удается пробудить в себе силу, которая, как утверждают древние мудрецы, изначально в каждом.

— Я выдержу, — заверил я.

Он закрыл за нами дверь на ключ, кивнул мне на просторное деревянное кресло с широкими поручнями, где по сторонам свисают широкие кожаные ремни.

— Садись. Мне твоя уверенность нравится.

Я посмотрел на кресло, от него идет холод, словно вырублено из цельной глыбы льда. Сердце трусливо участило удары.

— Это не совсем уверенность, — сообщил я, стараясь не выказывать страха. — Это почти знание. Хотя, конечно, трушу, если честно. Как-то молотком попал по пальцу, дурак, сам хотел гвоздь забить... до сих пор помню, какое испытал счастье и просветление ума. Но я провитаминенный, а иммунная у меня после вакцинации вообще зверь, а не система. Как догонит какую бактерию, так и рвет на части!

Он повернулся к столу и перебирал там горшочки с растворами, настоями и мазями, а я тихохонько опустил зад в кресло и едва не подпрыгнул. Ощущение такое, будто сел голой задницей на лед.

— Что такое, — поинтересовался он отстраненно, — иммунная?

— Защита внутри нас, — пояснил я. — Ее можно ослабить, тогда болячки набросятся и задавят, а можно усилить. У меня усиленная. В моем королевстве это делают всем насилино, чтобы не болели, а работали и работали, гады.

Он покачал головой.

— Наверное, это... интересно.

В его комнате обычный для творческого человека бардак и беспорядок, я старательно настраивал себя на благополучный исход, это же так важно, то ли подкопить магии, то ли подучиться новым трюкам, вон даже мышей учат, а я еще та мышь, сумею, наверное, больше...

До сих пор, как будто кто ласково чешет спинку, когда вспомню, как создавал патроны и палил, не считая выстрелы, по тем гадам. Дык это ж только начало, я ж в глубине ленивой души жутко талантливый, только тоталитарное и давящее мой свободный дух общество не дает развернуться моей замечательности, но если апгрейдю магию, то вообще смогу... даже не знаю, но смогу!

Надо здесь выжать все, что смогу, прокачать свои умения, а для этого стисни челюсти, как бульдог на кошачьем горле, замри, не дыши, терпи...

Он старательно составлял напиток из десятка ингредиентов, а в конце умело надрезал себе подушечку пальца, кровь часто закапала в чашу, а оттуда взвился красноватый дымок.

Я зябко поежился.

— Это что, обязательно?

— Увы, — ответил он.

Я уточнил:

— Обязательно из кончика пальца? Там столько нервов, это так больно. Лучше из основания, если нужно

именно из пальца. Но вообще-то кровь везде одинакова, хоть в благородном сердце, хоть в неблагородной жопе.

Он посмотрел на меня с недоверием.

— Откуда ты взял такой бред?

— Из учебника анатомии, — ответил я. — Есть такая дисциплина в магической школе... Нет, уже в университете... или в академии?.. Да, скорее, в академии. Академии Высокой Магии!.. Хотя вообще-то чего такая хрень лезет в голову? Наверное, звучит красиво. А так я и универа в глаза не видывал.

Он сказал с отвращением:

— Одна и та же кровь? Никогда не слыхал такой чуши.

— Ладно, — сказал я, сдаваясь, — можете хоть руку отрезать. Или голову. Мне что, жалко?.. Я гуманист, так что хоть все тут поубивайтесь. Хорошо, не моя кровь нужна.

Он буркнул:

— Твою еще не знаю, а свою давно проверил. Та-а-ак, теперь взболтать... Ну вот, теперь выпей.

Я с подозрением смотрел на склянку с ядовито-зеленой жидкостью.

— Какая-то опасная с виду.

Он поморщился.

— Ты что, знаток? Определяешь по цвету?

— Да все знают, — возразил я, — красная прибавляет жизнь, синяя — магию, а зеленая — всегда отрава!

Он сказал с удивлением:

— Все знают? Мудрые там у вас... Все верно, это и есть яд. Но как бы тебе попроще...

— Все есть яд, — подсказал я, — и все есть лекарство?

— Соображаешь, — сказал он пораженно, — угадал.

Этот яд тебя не убьет...

— Но даст силу?

Он покачал головой.

— А разве такое снадобье существует?
— Тогда зачем?
— Это позволит набирать силу, — пояснил он. — Если еще раз вдруг попадешь под свет трех лун, то в тебя поместится больше.

— Не лопну? — спросил я с тревогой. — Был медным кувшином с фиксированным объемом, а стану безразмерным кожаным бурдюком?

— Да, — ответил он и посмотрел чистыми глазами научного фанатика. — Хотя кто знает, лопнуть можешь тоже. Пей, а то выдохнется.

Я задержал дыхание, поднес склянку ко рту и начал переливать в себя частыми и большими глотками, иначе могу опомниться, я всегда опомниваюсь потом, так как бесконечно умен только потом на лестнице.

Рундельштотт наблюдал со спокойной бесстрастностью, словно вот так отравил уже сотни, если не тысячи подобных лабораторных мышей, но для большей достоверности статистики нужно отправить на тот свет еще партию.

Я ухватился за живот.

— Ого!.. Началось? Так быстро?
— Жжет? — спросил он. — Ничего, дальше еще интереснее. Откинься на спинку, давай руки... не бойся, ремни для твоей же безопасности. А это кольца для ног...
— Еще и для ног, — прошептал я в ужасе. — И сколько это продлится?
— Сколько нужно, — заверил он.

Глава 15

Жар терзал меня два дня, ночью бредил, один раз даже вроде бы вырубился вовсе, ничего не помню, а когда пришел в себя, я весь мокрый, как утопшая мышь, а

Рундельштотт снимает с меня промокшие насквозь толстые ремни.

— Молодец, — проговорил он со странным выражением лица. — Обычно с неделю бьются в припадке... Те, кто не откинул копыта, как ты говоришь, сразу.

— Ага, — ответил я сорванным голосом, в горле все еще першил и чешется, — знал бы, что вот такое, ни за что бы!

— Ну-ну, — сказал он успокаивающе, — так я и поверили. Мы готовы пройти через любые муки, чтобы стать сильнее. Или чтоб у нас баб стало больше. Это у нас в крови. Что будешь делать теперь?

— Навещу свой замок, — сообщил я. — Чуть наведу там порядок... ну, как я его понимаю, а то крестьяне сами защитить себя не могут, даже на колени встали, стыд какой...

— Значит, в отчаянии, — сказал он.

— Да не им, — огрызнулся я, — мне стыдно!.. Дурак, зачем принял от королевы этот троянский замок... Подумаешь, феодал! Для меня феодал, это право первой брачной ночи. Такое еще понимаю, тут согласен с моими обязанностями и готов как-то выполнять, хоть и с оговорками... но при чем тут все остальное?

Из башни я выскользнул, когда над темным лесом поднялась луна, добралась до черной тучи и зарылась в ней. Но глаза мои чуточку привыкли к темноте, да и у каждого здания горят факелы, так что довольно быстро пробрался к конюшне и потихоньку вывел самую быструю лошадку.

Стражи не поняли, почему так тайком надо выскользнуть из дворца, но ворота открыли послушно такой цаце. Все знают, что я тот самый. Уже не только Улучшатель, по слову которого подковывают всех коней, но и человек, которому королева доверяет.

Воздух еще теплый, на улицах тихо, если не считать, что на одном перекрестке бродячие актеры дают представление, народу собралось не больше десятка.

Застоявшаяся лошадка идет быстрой рысью, а когда миновали городские ворота, охотно перешла в галоп по уже привычной для меня красноватой земле. Мне уже не нужно поднимать голову на огромную красную луну, покрытую неровными пятнами окалины, чтобы все время помнить, в каком мире я просыпаюсь.

Лес в ночи надвигается особенно огромный и чудовищно страшный, но холдка на загривке не чувствую, а в последнее время я начал руководствоваться при оценке опасности вот этим примитивом: не страшно, страшно, очень страшно.

Конь вздохнул, когда я покинул седло, едва въехали под ветки ближайшего к опушке дерева.

— Это недолго, — сказал я успокаивающе. — Они не любят общаться даже со мной, таким красивым и нарядным.

Конь пренебрежительно фыркнул, понятно же, что красивый и нарядный из нас двоих как раз он, недаром же лучший поэт мира сказал, что нет лучше одёжи, чем бронза мускулов и свежесть кожи, а я погладил его по морде, чмокнул в нос и быстро пошел между деревьями в глубину ночного леса.

На этот раз я двигался намного увереннее, шумел и покрикивал, хрюкал, някал, пару раз взвыл волком, как мне казалось, хотя у волков получается слабее, все-таки я царь природы и венец творения, хочу — крякаю, хочу — хрюкаю.

Когда совсем уж углубился в чащу, вроде бы белесые фигуры мелькнули далеко за деревьями, но сразу исчезли, однако я вздохнул с облегчением, с достоинством раскинул руки в дружелюбном жесте.

— Как же соскучился по вам, дорогие мои друзья альвы!.. Как же постоянно не хватает вас для полного и незамутненного счастья!.. Только о вас и думаю...

Они появились снова вдвоем, белесые и полупрозрачные. Деревья сквозь их тела просматриваются так отчетливо, что могу пересчитать всех взирающих зачем-то по стволу муравьев. Правда, сверху бегут с толстыми раздутыми брюшками.

— Слава бесподобному Угагулу, — сказал я с чувством. — Это я, ваш друг!.. Скажу сразу, я ваш друг, и я — знатный глерд. Если не знаете, что это, то... в общем, только пискните, что вам надо, и я постараюсь постараться!.. У меня некоторые полномочия от королевы, некоторые взял сам... в общем, теперь и я смогу быть вам полезным. Не знаю чем, но как бы смогу. В перспективе. То есть я — благодарное создание. Вы мне, я вам...

Болтаю много, это и от нервов, и в исполнение главного закона, что пока говоришь, с тобой ничего не сделают, а пока несешь какую-нибудь чушь, можно придумать что-то, да и вообще может случится пожар, землетрясение, метеорит, а то и целый астероид упадет, примчится вестник и скажет, что мне нужно дать дочь короля и полкоролевства в нагрузку... хотя вообще-то дочь короля тоже нагрузка.

К тому же человек, разговаривающий много вроде бы без толку, не выглядит опасным. Куда опаснее люди сосредоточенные, молчаливые или редкороняющие хорошо продуманные и взвешенные слова.

Я не двигался, только улыбаюсь, как дурак, а дураки всем нравятся, они дурные и безопасные, так что альвы приблизились все так же бесшумно, как привидения.

Нечеловечески огромные глаза, так характерные для существ ночного образа жизни, уставились на меня с немым ожиданием.

После паузы первый альв проговорил едва слышно:

- Приветствуем тебя, Видящий Нас.
- Что Видящий, — возразил я, — главное — Любящий!.. Я же всех вас люблю, разве не чувствуете?

Первый ответил после паузы:

- Чувствуем. И не понимаем.

— А что тут понимать? — возразил я бодро. — Просто надо чувствовать — и все. Остальное — умствование пустое. Вы мои милые худенькие коалы, я вас нежно люблю!.. И готов для вас, если смогу, что угодно сделать, если это мне ничего не будет стоить.

Первый смолчал, второе существо пропищало:

- Нам ничего не нужно.
- Всем что-то нужно, — сказал я твердо. — Все греются и хапают!

Альв ответил так же на грани слышимости:

- Не мы.
- Почему?
- Мы просто живем.
- Кто не расширяется, — сообщил я, — того сужают и уплотняют. Ладно, я к вам по сугубо деловому вопросу. И за помощью. Одно существо вот-вот склеит ласты, если ему не принести лейгилста. Не знаю, жевать будет или нюхать, но, говорит, только трава и спасет...

Они переглянулись, первый альв поинтересовался так же тихо:

- Кому, химере?

Я сказал с неудовольствием:

- Ну что вы так грубо? Сразу все очарование нарушили. Она как бы просто самка. А мы, самцы, самок должны спасать. Или хотя бы защищать. Это наше врожденное самцовое. Хоть и другой вид, с ним вроде бы нельзя... хотя почему нельзя? Человеку можно все! Человек наконец-то добился свободы и раскрепощения!

Второй альв, в котором я упорно подозреваю самку, спросил тихо:

— А почему защишаешь химеру?

— Потому что я царь природы, — заявил я твердо. — Ну и что, если сам себя так назвал?.. Это от имени инициативной группы. Кто-то должен взять на себя эту нелегкую задачу быть царем и тираном?.. Я взял и несу гордо и красиво. Химеры — часть природы. Я смотрю на химер по-хозяйски. Потому мне нужна эта травка для спасения одной особи. В свою очередь, я могу чем-то помочь или служить вам!

Они переглянулись, старший альв пробормотал снова:

— Нам ничего не нужно...

Второй, который самочка, добавил:

— Ты вообще первый, кто заговорил с нами.

— Мы даже не знаем, — сказал первый альв, — как с тобой общаться. Ты нас тогда застал.

— Врасплох?

— Ну да, вот так. Иначе мы бы тебе вовсе не показались. Но ты нас сам увидел. Потому мы сейчас даже не знаем...

— Но травки нарвете? — спросил я деловито. — Я помню, для вас это одна минута. Ну, миг!.. Хоп — и там. Хоп — и тут. Уже с травкой. Вы такие чудесные! Помните, вы помогаете сохранять редкие, исчезающие под натиском безжалостной цивилизации вымирающие виды. А мы вот, люди, помогаем их сохранять. Так, для смеха.

Старший альв спросил очень серьезно:

— Но почему... ты хочешь с нами общаться, а не... воевать? Как все остальные?

— Мировоззрение, — ответил я солидно. — Мировоззрение у меня такое. Вообще-то я не совсем знаю, что та-

кое мировоззрение, просто о нем нельзя не сказать иначе как дурак среди умных, но в моем старом королевстве не нападаем же на буддистов? Вот вы вроде буддистов. Или йогов. Живете себе и живете, будто живете. Вам на все плевать, кроме своего здоровья. Никому не вредите. Вот и я вредить не буду... и других постараюсь удержать от экономически не оправданных действий. Травка, которую хотите принести, но я вам мешаю демократической болтовней в духе демократии о сути демократии, как раз и будет залогом вечной... нет, дружба — хреновое понятие, а вот плодотворного сотрудничества иногда по случаю, самое то!

Он покачал головой, и хотя двигал медленно, мне показалось, что у него три головы, появляющиеся поочередно и так же поочередно исчезающие.

— Мы просто хотим жить, как жили...

Я сказал со вздохом:

— Ну уж нет, еще и вас защищать не буду. Сами как-нибудь... Что вы за вымирающий вид? Эльфы от вас отделились, как кроманьонцы от неандертальцев, и все еще выживают, а вы чего?.. Только прячетесь? Но я же вас нашел, найдут и другие.

Он проговорил тихонько:

— Человек... у тебя своя магия... очень сильная.

Я отмахнулся.

— Но нехорошая. А я человек хороший и даже замечательный в определенных условиях. Мне бы такую магию, чтобы творить добро, сеять разумное, доброе, вечное!.. А я только убивать могу. А это и волк умеет. Правда, как человек, я убивать умею лучше любого другого зверя, все-таки царь природы... еще чуть — и мне это понравится, вот будет жуть какая-то сладкая.

Он развел руками.

— Мы с магией рождаемся. А люди учатся.

— Одни учатся медленно, — сказал я, — другие быстро. Мне пришлось, как вы знаете, попасть под свет трех лун... с вашей помощью не помер, но, как сказал чародей королевы Рундельштотт, я теперь могу впитывать магию... а раз могу, то должен и как-то ею пользоваться для дома, для семьи? А то и для отечества, которого нет, но которое будет?

Он посмотрел на меня исподлобья.

— Вот и пользуйся...

— Жаль, — сказал я, — четвертой не было... Или еще двух-трех, чтоб уж жахнуло, так жахнуло!..

Он пробормотал:

— Если бы еще и четвертая вышла... на земле бы все вымерло. Три и то... Вы уже знаете, откуда химеры берутся?

Он посмотрел на меня так, словно и я вот-вот превращусь во что-то жутковатое, а то и противное.

— Все мы химеры, — ответил я беспечно, — жили себе такими счастливыми обезьянами! Сладкие и такие вкусные бананы жрали... А потом — баах!.. — охимерились в человеков. И пошло-поехало. До сих пор ничего не понимаем, как что и, главное, зачем? Потому и говорю, как химера химерам: какие есть еще варианты повышения нашей химерьей деятельности? На благо, разумеется. Нашего блага.

Он слушал насупившись, вид таков, что в самом деле что-то понимает за потоком слов, но думаю, у этих буддистов всегда такие лица, очень уж им все по фигу, что делается в мире.

— Лейгилст принесут, — ответил он туповато. — Но нам от людей ничего не нужно.

— Прекрасно, — воскликнул я. — Это прекрасно, что не нужно. Но я человек слова!

— А что это?

— Если нужно, — заверил я, — только свистните. Или хрюкните, я же не знаю, как вы коммуникуетесь.

Он не ответил, только посмотрел в сторону. Через некоторое время там возникла призрачная фигурка, через которую я отчетливо видел деревья и усилившийся поток муравьев, явно отыскали что-то особо лакомое.

В руках этого существа целый пучок веточек, старший альв медленно принял из прозрачных лапок и протянул мне.

— Это не то, что ты просил, но то, что тебе надо. Или не тебе.

— В смысле?

— Это для химер, — пояснил он. — Человека убьет, но химеру поднимет на ноги.

— Спасибо, — сказал я чуть ошарашенно. — Будем лечить химеру, что уже давно не химера, а член человеческого общества счастливого будущего. Потому и. Спасибо!

Они исчезли раньше, чем я договорил. Я прислушался, но присутствия уже не улавливаю, словно они перенеслись на другой конец Леса или же забрались под Зачарованную Гору.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Конь понес обратно с еще большей охотой, трава в Лесу не настолько хороша, как отборный ячмень в яслях. На востоке небо посветлело, а когда впереди начали подниматься из земли стены столицы, в далекой выси вспыхнуло розовым первое облачко.

Стражи на городских воротах уже новые, но и эти меня узнали, мир тесен, очень уж крохотное королевство.

Я помахал рукой.

— Не спать, не спа-а-ать!

Конь пошел галопом, улицы пока еще почти пустые, в столице спят дольше, чем в селах, и через несколько минут нас вынесло на площадь, за которой грозно блещут в лучах утреннего солнца острые кончики ограды королевского парка.

Ворота не успели распахнуться перед моей гледискостью, как со стороны улицы раздался вопль:

— Эй, морда! А ну стой, где стоишь!

Я развернул коня, вскипая благородным гневом, но это, оставив двух игриво хихикающих женщин, ко мне бросился Фицрой, красивый и нарядный, хотя вином от него пахнуло так, что я закашлялся, а коня ощутимо шатнуло.

— Ты где был? — крикнул он. — Я ждал-ждал, уже и в «Дочери Малефисенты» побывал, и в «Единороге»...

Стражи ворот начали заинтересованно прислушиваться.

— А в «Веселой Лошади»? — спросил я.

Он отмахнулся.

— Девки там старые, вино завезли кислое, подрался только один раз. С тобой все в порядке? Желтый какой-то весь...

— Двое суток провалялся в беспамятстве, — огрызнулся я. — Знал бы, что это за варево...

— Рундельштотт?

— Лечил от чего-то, — пояснил я, потому что Фицрой нахмурился и потрогал рукоять меча. — Говорит, совсем я слабым стал. Но сейчас вроде нормально. Вернемся в замок, отожрусь, как стадо свиней на желудях. Пойдем.

Стражи распахнули снова одну створку, один спросил, указывая на Фицроя:

— Это вот тоже с вами?

Фицрой горестно вздохнул и поднял глаза к небу. Я сказал мирно:

— Это он тут всеобщий любимец, а не я...

Стражник сказал с сочувствием:

— Берегите карманы. Вчера он у нашего капитана выиграл все деньги, меч, коня и доспехи.

— И сапоги, — добавил второй стражник.

— Что сапоги, — сказал с мечтательным вздохом первый, — капитан и жену ему проиграл на всю ночь...

Фицрой задумчиво посмотрел в небо. На той стороне ворот я покинул седло, чтобы с Фицроем вровень, коня довел до середины двора и сунул повод в руки первому попавшемуся челядину, велев позаботиться, а сам повернулся к башне.

— Ты вообще-то готов?

Он изумился.

— Я всегда готов! Мне даже коня менять не надо. А тебе стоит, если поедем сегодня.

— Какое сегодня, — сказал я, — сейчас!

— Тогда я тебе сам подберу коня, — сказал он живо. — У меня есть тут пять хороших скакунов. Что так смотришь? Все честно, четверых выиграл, одного подарили... В самом деле подарили!

Я покрутил головой.

— Почему я не Фицрой?.. Вот бы жил...

Он расхохотался, хлопнул меня по плечу и быстро пошел к конюшне.

Когда я собрал свои вещи, в первую очередь мешки с винтовкой и патронным ящиком, Фицрой уже вел от конюшни в поводу двух в самом деле великолепных скакунов, видно по стати, уже оседланных, под красивыми цветными попонами и украшенными серебром уздечками.

— Хорошо быть Фицроем, — пробормотал я.

Он с интересом смотрел, как я навьючиваю на своего коня оба мешка.

— Подарки?.. Даже штаны дал... И вообще, смотрю, приодел в свое колдовское.

— Да, — пробормотал я. — Рундельштотт... чародей широкого профиля. Он снисходит и до житейских мелочей.

Пока я навьючивал на коня мешки с винтовкой и патронным ящиком, Фицрой смотрел с великим интересом, но расспрашивать не стал, а сам сообщил шепотом:

— Я добыл хорошую карту Уламрии с самым подробным описанием земель, что прилегают к королевству Нижних Долин.

— Здорово...

Он вздохнул.

— Как сказать. Твои влезли слишком уж...

— И что?

Он пожал плечами.

— Если бы короли не были баранами, обменяли бы твою землю на аналогичный замок с землями в Улагорнии, выравнивая границу. Но, ладно-ладно, что сделано, то сделано. Главное, на карте отмечены все дороги, дорожки и даже тропы, а также... ну, это я сам отметил, все места с кладами, древними подземельями... Хошь покажу?

Я оглянулся по сторонам, все заняты своими или чужими делами, к нам приближаться не рискуют.

— Покажи.

Он тоже огляделся, вытащил из седельной сумки свернутый в трубку лист бумаги.

— Смотри! Карта новенькая. Я из тех, кто не гонится за старыми.

— Мудро, — одобрил я и заглянул через его плечо. — А что вот там синими точками? Их больше всего.

— Постоялые дворы и трактиры, — ответил он нехотя. — А что? Надо же где-то останавливаться?.. А лучше там, где веселее. Ты чего? Совсем монах?

Я переспросил:

— Монах?.. Ах да, я же забыл, что монахи бывают не только христианские. Буддисты, да?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Вроде бы поклоняются какому-то скотьему богу. Но ведут крайне, я бы сказал, аскетичный образ жизни. Не пьют, не едят лишнего, с бабами ни-ни...

— Странно, — буркнул я. — Какой же он тогда скотий... Ладно, лишь бы не христианские.

Он заверил:

— Нет-нет, не волнуйся. Христианские монастыри, насколько я слышал, далеко на западе. Даже не в Уламии, а за парой королевств ближе к Великой Реке.

— А-а-а, — протянул я, — все-таки есть. Наступают?.. Погоди-погоди! А чего вон та светящаяся точка... ползет! В самом деле, ползет по карте!

Он буркнул:

— Хороший конь под ним... Не обращай внимания, это я называл... гм... одно имя, если то имя... но сработало. Этот гад уже по эту сторону гор.

— Ни фига себе навигатор, — пробормотал я потрясенно. — Начинаю уважать древних магов. Умели устраиваться в жизни!.. Этот, который двигается, твой друг или враг?

— Был когда-то другом, — ответил он нехотя. — Ну, поехали?

Я смотрел, как он прячет в сумку карту, в самом деле удивительную, нарисовали ее недавно, может быть, именно по заказу Фицроя, он не только успел за эти пару дней отыскать местных чародеев, якобы не существующих в столице, но и убедить их что-то сделать для него...

Из королевского дворца выскочил запыхавшийся слуга в одежде королевского двора, огляделся, увидел нас, замахал руками.

— Глерд Юджин!.. Глерд Юджин!

Я как раз вставил ногу в стремя и поднялся в седло, Фицрой вздохнул, я обернулся с великой неохотой.

— Чё?

Слуга подбежал, шапки на голове нет, так что поклонился ниже, чем рядовому придворному.

— Глерд Юджин, простите великодушно, однако ее величество увидели вас в окно... изволят что-то сказать на дорогу.

Фицрой буркнул тихонько:

— «Сказать» на королевском языке значит «велеть».

— А куда денешься, — ответил я. — Тут самодурство и самодержавие. Я недолго, ты пока не пропей коней.

- Иди-иди...
- И не проиграй, — напомнил я.
- Да иди же!
- И не отдавай за интимные услуги, — добавил я.
- Он воздел глаза к небу.
- С ума сошел! Я вообще никогда не плачу. И сам не беру. Это бесчестно. Разве что конями...

Слуга дождался, когда я двинулся в сторону королевского дворца, забежал вперед и знаками показывал гвардейцам, что все под контролем ее величества и все по монаршой воле.

Когда поднялись на этаж, стража отступила от двери королевского кабинета, а слуга распахнул ее передо мной с церемонным поклоном.

Королева так и стоит у окна, глядя задумчиво на широкий двор. Я прошел до середины зала, когда она медленно и неспешно начала поворачивать голову в мою сторону. Я уже приблизился на расстояние двух шагов, а взгляд ее холодных рыбьих глаз наконец-то уперся в меня, не позволяя подходить ближе.

Я поклонился.

- Ваше величество?
- Уже уезжаешь, — сказала она с неодобрением. — Жизнь в столице тяготит?

Я поморщился.

- Ваше величество, я сибарит и гедонец. Или гедонист, не помню. Есть такие нации. И мое призвание — лежать на диване, пить вино и смотреть на танцы голых женщин. Но вы мне подсунули земли и крепостных, что подвергаются набегам! Я бы плонул на все и вернулся, если бы кто-то там мог их защитить. Но — некому. Потому сперва всех побью, потом вернусь отдохнуть и нежиться. Врагов побью, не крестьян! А мне пусть приготовят диван пошире и помягче.

Она посмотрела с некоторым непонятным выражением в глазах.

— Эти земли ты сам выбрал... Тебя даже отговаривали.

— Все равно виновата королева, — отрезал я. — Значит, плохо отговаривали! Провоцируя на сопротивление.

— Вот как?

— Точно, — заверил я. — И вообще, ваше величество, для вас новость, что всегда во всем виновата власть?..

Она поморщилась.

— Даже в засухе или слишком... долгих дождях. Знаю. А ты?

Я огрызнулся.

— Что я?.. И я, как все люди. Все виноваты, только не я. А как жить иначе в душевном комфорте?.. Кстати, ваше величество, я получил благодарность за помочь вам от вашего поклонника.

Она насторожилась, что-то учゅяла в моем не таком уж и ехидном голосе.

— От кого?

— От принца Роммельса, — ответил я с удовольствием. — Как его называют широкие народные массы, пока что далекие от демократии. Он почему-то рад, что вы удержали пошатнувшуюся... или не пошатнувшуюся, но все-таки власть.

Она смерила меня таким лютым взглядом, что я задержал дыхание, но она лишь процедила:

— Он никакой не принц, а просто разбойник.

— Спасибо, — сказал я с чувством, — что не вдарили. Но, может быть, в чем-то прислушаться к оппозиции?.. Ваш режим можно назвать умеренно тираническим с заметными элементами демократии, а Дейнджерфилд установил бы военную диктатуру. Как одни военные хотели установить в нашем королевстве в декабре, но по-

лучилось только в более южных странах, где их ласково называли хунтой... В общем, этот принц, что не принц, вдруг в чем-то прав, выражая потаенные и низменные чаяния народа?.. Если дать всем свободу... мир станет лучше?

Мне показалось, ее мраморно-чистое и аристократически бледное лицо начало наливаться красной гнева.

— Глерд, — произнесла она с прищиханием, — я усомнилась в вашей разумности.

— А в искренности? — спросил я живо.

— Искренним вы не бываете даже с собой, — отрезала она. — Вы не видите разве, что простой народ во все не желает того, о чем вы говорите, сами не понимая своих слов! Они счастливы пахать землю, продавать зерно и ни о чем не думать больше!.. Маги счастливы заниматься тем, чем занимаются!.. Воины не хотят ни пахать, ни заниматься магией, но с удовольствием скачут вдоль границ и оберегают мирных крестьян от разбойников!.. Каждый на своем месте!.. Вы хотите сделать всех несчастными?

— Ваше величество, — ответил я смиленно, — понимаю, эволюция лучше, чем революция. Но это так долго...

— Королевство, — напомнила она, — не деревня. Здесь ничего нельзя делать быстро.

В дальней двери появился глерд Иршир, некоторое время торчал столбом, затем начал подавать королеве какие-то знаки. Она бросила в его сторону недовольный взгляд.

— Ладно, идите, глерд Юджин. Но вы знаете, куда можно вернуться в любой момент.

— А это куда?

Она поморщилась.

— Те покои закреплены за вами. Когда бы вы ни изволили явиться.

— Ого, — сказал я. — Не ожидал. Спасибо!

— Вы много чего от меня не ожидали, — ответила она с надменностью. — Но я от тебя ожидаю. Иди-иди!

Я поклонился, отметив, что она снова перешла на «ты», и, сдерживая усмешку, пошел к двери.

Герцог поспешил отодвинуться, слишком нарядный, а я прошел по коридору и побежал вниз, пренебрегая солидностью глерда.

На втором этаже наверх поднимается Форнсайн, он сразу вперил в меня злой взгляд, меня да не заметить среди чинных и величавых, я думал, что разминемся на достаточной скорости, однако он остановился и отвесил настолько смиренный поклон, что больше похож на издевательство.

— Глерд Юджин, — произнес он ровным голосом, — беру обратно свои поспешные слова, что вас плохо подготовили.

— Что, — спросил я с иронией, — у меня подготовка хорошая?

Он ответил уклончиво:

— Вы не собирались долго засиживаться в слугах, потому так плохо играли эту роль. Облик знатного глерда вам идет больше.

Я прищурился, впился в него взглядом.

— Хотите сказать, что это только облик? Но не совсем мое?

— Простите, глерд, — ответил он с едва заметной иронией, — я не могу судить о том, чего не знаю.

— Но все-таки?

Он ответил нехотя:

— Есть нестыковки... Хотя это больше на ощущениях. Вы не тот, за кого себя выдаете даже сейчас.

Я проговорил с нажимом:

— Это не так важно, глерд. Важнее то, что я поддерживаю королеву... пусть и с оговорками. А вот ваша роль в заговоре Дейнджерфилда остается пока неясной.

Он запнулся, помолчал, глаза погасли, сам как-то съежился, наконец проговорил с запинкой:

— Ее величество великодушно простили всех, кто колебался или даже участвовал, но не был на главных ролях. Как видите, меня даже не сослали в отдаленное имение.

Я сказал безразличным голосом:

— Ее величество почему-то считает вас неплохим вроде бы профессионалом. Думаю, только потому вы еще не на виселице. Но учтите, я вас таким не считаю!

Он поклонился.

— Как вам угодно. Только вы, как бы вам это поделикатнее напомнить, еще не королева.

— Ее величество не вникает в мелочи, — сказал я и ощущил, что нагло брешу, королева все видит и замечает. Хуже того, это знает и Форнсайн. — Я как-то объясню...

— Вы уже лишили меня лучшего работника, — сказал он.

— Мага?

— Он был не только маг, — ответил Форнсайн. — Хорош был и как воин, и как лазутчик и вообще умел и делал очень многое.

— Другого найдете, — обрубил я. — Учтите, теперь я за вами присматриваю лично. Даже издали.

Он ответил с легким поклоном:

— Как и я за вами. Желаю здравствовать, высокий глерд!

Я смотрел ему вслед и чувствовал, как просыпается

темная тревога. Очень даже сомневаюсь, чтобы желал мне здравствовать. А возможностей у него, если честно, все же больше, чем у меня.

Впрочем, я еще не сказал своего последнего слова.

Глава 2

На крыльце кто-то отпрыгнул, кто-то поклонился, я все еще темная лошадка, вдруг да лягну, невзирая на длинный ряд предков.

Фицрой уже верхом прогуливает коней шагом, с ним раскланиваются намного любезнее.

Я издали помахал рукой.

— Все закончено. Можно ехать.

Он спросил живо:

— Ну что королева?

— Обещала, — ответил я, — помахать платочком.

— Ух ты, — сказал он с восторгом. — Такая женщина... Ну тогда влезай в седло красиво, не горбись, на лице задумчивую печаль, не суешься, как суслик, ты же теперь глерд.

— Постараюсь, — ответил я.

Когда выехали из ворот дворцового сада и пустили коней по тесной улице, он сказал с укором:

— А чего даже не оглянулся?

— Зачем? — спросил я рассеянно.

— Королева же махала платочком!

— Королева? — удивился я. — Какая королева?.. Ах да, прости, совсем забыл... Да, уже отмахнуться поздно.

— Ничего, — сообщил он, — ты уже отмахнулся, можно сказать.

Впереди распахнутые городские ворота, а за ними еще шире распахнутый во весь божественный размах залитый солнцем мир с сине-зеленым небом и двумя солнцами: огромным оранжевым и крохотным зеленым, что быстро-быстро бежит по небосводу с таким видом, словно что-то сперло и торопится утащить в нору.

— Расскажи о химерах, — попросил я.

Фицрой повернулся в седле, на лице мгновенно отразилось сильнейшее недоумение.

— Ну тебя и заносит!.. То о королеве, то о химерах!.. Интересные у тебе перепрыги. Или не совсем перепрыги?

— Скорее, ассоциации, — ответил я. — С химерами, как мне кажется, придется встречаться даже чаще, чем с королевой. Хотя не знаю, от кого вреда больше... Так что хорошо бы знать их уязвимые и прочие места.

Он подумал, почесал в затылке.

— Ну как тебе сказать... Они сильнее, крепче, быстрее... Если кто схватится с химерой, я на него не поставлю. С другой стороны, они глупее.

— Глупее? В чем?

— Может, — уточнил он, — и не глупее, но соображают медленнее. Даже в драке, если быстро сменить тактику, то не успевают... можно победить. Если сам успеешь. Ну, что еще... Ага, не умеют сбиваться в стаи, что сам понимаешь, как для нас здорово!

— Еще бы, — пробормотал я. — Людям бы тогда вообще конец... Значит, перерождаясь из людей, начисто теряют социальность?

Он не понял, но многое хватает по интонации, подтвердил:

— Даже семейные люди, превращаясь в химер, становятся одиночками.

Что-то щелкнуло в моих мозгах, я спросил с усилием:

— Но те adeptы Ордена Алого Света выискивают химер среди людей. Значит, химеры все-таки могут жить социально?

Он помотал головой.

— Нет, только как люди. Но людьми быть неинтересно. Химеры сильнее, здоровее, а еще у них никаких забот! Ты когда-нибудь слышал, чтобы хоть одна химера повесилась или утопилась? И я не слышал. Это может делать только человек!

— Да, — пробормотал я, — человек — это звучит гордо. И, видимо, тяжко. Значит, химеры получаются из людей, что попадают под свет трех лун...

Он уточнил:

— Иногда получаются. Но и те чаще всего быстро мрут. Зато выжившие живут намного дольше людей. Даже не знаю насколько. Потому химер еще на свете хватает.

Он захочотал, пустил коня в галоп. Ну не может человек долго вести мудрые и возвышенные беседы...

Я догнал, поравнялся с его конем и спросил:

— Слушай, а как насчет животных? Зверей всяких?

Он пожал плечами.

— Если корова или коза какая вдруг выбежит из сарая во время трех лун, хозяин ее тут же режет, чтобы хоть мясо не пропадало. А лесные... просто не знаю.

Я покосился в сторону далекого леса, темный и страшноватый, несмотря на солнечный день, а когда в такой въедешь, конь отказывается идти через завалы в вечный сумрак, даже в ночь, что царит в глубинах.

— Если люди превращаются в невесть что, — проговорил я, — то и звери наверняка... Как-то неуютно теперь даже смотреть в ту сторону.

— Химер бояться, — сказал он беспечно, — вроде бы и не жить? Чародей Ярвуд вообще в таком лесу жил. И радовался.

— Урод, — сказал я.

— Кто не урод, — ответил он, — тот неинтересен. Он был великий чародей! Только его рукописи до сего дня так и не удалось расшифровать и прочесть...

Я сказал решительно:

— Бред какой-то. Я вот не верю ни в какие зашифрованные рукописи! Это сказки выживших из ума старух и всяких жуликов.

— Почему?

— А какой смысл, — спросил я, — зашифровывать?.. Чтобы никто не прочел?..

— Чтоб пользоваться только самому!

— Согласен, — ответил я, — а дальше? После смерти?.. Какой маг захочет, чтобы его достижения были забыты? Любой возжелает, чтобы ученики продолжили его открытие, развили, усовершенствовали, назвали его именем королевство или весь континент!

Он посмотрел с интересом.

— Правда?

— А что, — спросил я, — нет?..

Он покачал головой, не сводя с меня пристального взгляда.

— Странный ты какой-то. То последняя свинья, то о людях заботишься. Конечно, если это тебе ничего не стоит, ха-ха!.. Но с таких, как мы, и это уже что-то?

Я буркнул:

— О людях забочусь как бы о роде человеческом! А все отдельные особи пусть хоть сейчас передохнут.

— Обо всем человечестве заботиться удобнее, — согласился он. — Вроде бы ничего и не делаешь, а заботишься. Верно?

Двое всадников на хороших конях и с большими выюками на запасных лошадях, тоже молодых и сильных — это не бедные крестьяне, так что едва мы отъехали от города не больше десяти миль, как я ощутил справа от дороги, где густые заросли кустов, странный такой холодок, словно там за ними небольшой ледник.

— Хорошее место для засады, — сказал я и неспешно вытащил пистолет. — Как думаешь?

— Хорошее, — согласился он и так же неторопливо и картинно начал извлекать из ножен меч. — Чувствуешь, да?

— Просто трушу, — ответил я. — Я демократ, а для демократа и гуманиста трусить — признак высокого социального развития.

Кусты распахнулись, на дорогу разом высыпало четверо оборванных и страшных мужиков с перекошенными злобой мордами. И хотя знаю насчет приема устрашения, им не наши жизни нужны, а кошельки, выюки и кони, но сердце в страхе замерло, а пистолет в моей руке дернулся в отдаче как раз в момент, когда вожак раскрыл рот для грозного: «Кошелек или жизнь!»

Фицрой поднял коня на дыбки, развернул на двух ногах и бросил на троих таких же грозных и отвратительных позади вожака. Меч его страшно сверкнул в воздухе. Ближайший разбойник не успел завалиться с разрубленной головой, как сверкающее лезвие начисто снесло голову его соседу.

Я стрелял и стрелял, а когда вслед за вожаком на дорогу рухнули и трое его соратников, торопливо обернулся к Фицрою. Тот галопом гнал коня за последним, что вовремя сообразил и ринулся бежать, но ума не хватило ринуться в заросли, а в панике понесся по дороге.

Где-то на десятом шаге над головой обезумевшего от ужаса дурака раздались конский храп и торжествующий голос всадника, а затем острая сталь с хрустом рассекла череп.

Фицрой наклонился с седла и вытер клинок о спину убитого. Когда разогнулся и бросил меч в ножны, лицо его сияло отвагой и довольством.

— Поровну!

— Чего?

— Ты троих, — пояснил он, — я троих. Меч не уступает магии!

— Даже превосходит, — подтвердил я. — Ты что там смотришь?

Он, наклонившись с седла, осмотрел сперва тех, которых убил, потом сраженных мною.

— Эх, оборванцы... Если у них что-то и есть, то далеко в лесу.

— Да ладно тебе, — сказал я. — Поехали.

— Люблю трофеи, — признался он. Подумал, добавил со вздохом: — Хотя, если бы с каждого брал хоть щечку, за мной везли бы обозы строевого леса. А зачем он мне?

— Корабли строить, — пояснил я солидно. — Ладно, поехали!

Мы пустили коней рысью, я старался дышать ровно и говорить ровно, все еще немножко потряхивает. Неужели все, тот же Фицрой, в самом деле убивают спокойно или же просто делают вид, что им напочем, а на самом деле их тоже трясет?

Фицрой после долгой паузы поинтересовался:

— Ты видел большие корабли?..

— Конечно, — ответил я и посмотрел на него в изумлении. — А ты?

Он покачал головой.

— Видел, конечно. Но, думаю, должны быть и больше. Все-таки эти плавают по рекам и озерам, а если в море?

Я пробормотал:

— Так ты и моря не видел?.. Ничего себе... Ладно, еще увидим. И корабли тоже. Очень большие! Трехмачтовые.

Он некоторое время ехал молча, смотрел вперед, лицо заострилось, а ветер красиво треплет волосы, наконец проговорил осевшим голосом:

— Ты видел больше меня... Я это почувствовал еще в каменоломне. Что-то было в тебе такое... А сейчас еще больше.

— Какое? — переспросил я. — Честно говоря, я был жутко перепуган.

Он усмехнулся.

— Еще бы. Ты точно не родился в селе возле таких мест.

— А где?

Вместо ответа он пришпорил коня, я старался не отставать. Копыта стучат громко, ветер ревет в ушах, он крикнул громче, перекрывая звонким голосом шум:

— Страшно и представить!..

— Ты чего?

— Да вот не могу вообразить!

Я промолчал, это, скорее, метафора, хотя, кто знает, вдруг у него тоже может быть чутье или предчувствие? Недаром же сразу так прилип ко мне.

Однако Фицрой долго не может быть ни серьезным, ни встревоженным, тут же начал рассказывать, часто похочатывая, разные истории о странствующих, подобно нам, а я слушал, слушал, потом пустил коня в сторону от дороги.

Он прервал рассказ, крикнул:

— Ты куда?
— Да так, — ответил я, — хочу посмотреть, нет ли здесь близких выходов нефти.

Он крикнул вдогонку:
— Чего-чего?
— Горючей смолы, — объяснил я. — Она мне может пригодиться в народном хозяйстве и для подъема тоталитарной экономики.

Он в недоумении пустил коня за моим, а я достиг пятачка, откуда тогда в небо вырвался багровый столб призрачного огня. Всего в десятке шагов от дороги, недалеко от трактира, в котором Крант и Калило, мои стражники, усердно готовились к разговору с Марлом, мол, пропадать, так хоть будет за что.

Трава, как трава, если бы везде одинаковая, другое дело, а то над тем местом, откуда выметнулся столб пеперополнившейся в земле магии, растет всякий бурьян... хотя, конечно, не всякий, в одном месте очень даже мелкий, каргалистый, совсем жалобный, зато дальше снова роскошный, победный.

Я покинул седло, присел, рассматривая бурьян. На пятачке земли, где долгие годы копилась магия, даже цвет иной, синевато-желтый, а везде зеленовато-красный, заметно издали.

Фицрой наклонился с седла, глаза горят интересом.

— И что там?

Я сорвал пару стебельков, посмотрел скептически.

— Да, это не то... Ошибся. А жаль... Стой, ты куда?

Конь, почувствовавший свободу, отбежал в сторону, где высокие зеленые заросли, начал срывать сочные верхушки. Фицрой повернул свою лошадку, догнал моего лакомку, тот мотал головой и не давал ухватить повод, но Фицрой поймал, в красивом галопе привел ко мне и бросил повод.

— Держи!.. И не выпускай, здесь кони хитрые. А вот люди — нет.

— Спасибо, Фицрой, — сказал я и, поднявшись в седло, послал коня на дорогу. — Поехали, надо спешить.

Пока он ловил коня, я сорвал еще пару пучков и надежно спрятал на дне кармана. Есть мысля, либо самому поискать подобные места, то ли объявить, что для королевского чародея Рундэльштотта нужен вот такой бурьянчик, именно сине-желтый, мелкий, словно большой, кто принесет — тому вознаграждение...

Глава 3

Мелкая, но настолько шумная речушка, словно вся из грохочущих водопадов, выбежала навстречу и попыталась перегородить дорогу. Я засмеялся ее детской хитрости: в самом глубоком месте нашим коням по брюхо, но за шумом даже плеска не слышно.

Мы проскочили ее на рысях, снова полосы темного леса, свет пробивается сверху резкий и выжигающий в траве тьму, но дальше снова чернота, будто там вечная ночь.

Потом длинная мирная прогалина, травы сочные, а узорные листья роскошных папоротников необыкновенно изысканны и вычурны.

Я начал всматриваться в далекие горы, свернул коня в сторону от тропинки. Фицрой бездумно пустил свою лошадку рядом, только потом поинтересовался:

— Навестишь ту деревню?

— Да, — ответил я. — Креплю связи с населением. Люди должны видеть своего глерда. Никто не забыт, ничего не забыто, мы всем гадам припомним!

— Насчет не забыт, — сказал он, — это не важно, а вот насчет всем гадам... это хорошо! Я, когда вернусь в свои края, всем гадам не просто припомню... а даже очень припомню.

— У тебя есть цель, — сказал я с уважением, — благородная. И народу понятная.

В деревне меня вроде бы узнали, но все равно детвора разбежалась, а женщины укрылись в домах. Мужчины вышли навстречу, поспешно срывают шапки с голов и кланяются.

Я вошел в уже знакомый дом, по-хозяйски пнув ногой дверь. В дальней комнате сразу увидел распростертую на кровати Бдиллу, еще истощеннее, с запавшими глазами и мертвенно-бледным лицом.

За мной вошли ее муж и еще кто-то из его родни, остановились у порога. Я оглянулся, сказал повелительно:

— Служенье муз не терпит суэты. Подождите на улице. Лечение — это священнодействие, а не хи-хи. И даже не ха-ха.

Они нехотя вышли, я подошел ближе к постели.

— Привет, не спиши?

Бдилла медленно подняла веки, желтые и набрякшие. Глазные яблоки в полопавшихся кровавых жилках, взгляд не сразу отыскал меня, словно я перед нею порхаю в густом тумане, как легкомысленная бабочка, а не грозный глерд.

— Хозяин...

— Он самый, — сказал я. — Вот тебе лейгилст и еще какие-то корешки. Альвы передали. Говорят, они тебе даже важнее. Что с ними делать, знаешь? Варить, жарить, делать веник?

Ноздри ее заострившегося носа затрепетали, она глубоко вдохнула, закашлялась.

— Ну-ну, — сказал я. — Значит, это и есть он самый, лейгилст, уже вижу. Сама ты ни на что не годна, а руководить сможешь?

Она прошептала:

— Муж все сделает. Я подскажу. Но, хозяин...

Я выставил перед собой обе ладони.

— Никаких благодарностей. Мне это было нетрудно. А ты все-таки из моих как бы крестьян, хотя по статусу ты деревенская интеллигенция, за которой будущее... до некоторых нехороших реформ. Так что я и за тебя в ответе. Выздоравливай!.. Потом марш за работу.

Я повернулся и пошел к двери, но она проговорила слабым голосом:

— Погодите...

Я обернулся.

— Это мой долг!.. Не благодари.

Она дрожащей рукой протянула мне какой-то подозрительно увядший листок.

— А это... стоит сжевать вам, хозяин.

Я отшатнулся.

— Мне зачем?.. Я здоров, как заяц. Даже как два зайца.

— Человека это убьет, — прошептала она, — но если вы уцелели под светом трех лун и... еще живы, то это... укрепит. Чуть-чуть. Один листок. Два... нельзя, опасно. Три — смертельно...

С колебанием я взял листок, оглядел его. По идее, им невыгодно, чтобы умер их только что появившийся могучий защитник. С другой стороны, кто этих химер знает. Тем более в женском обличье.

Может быть, химере еще можно довериться, но если химера еще и женщина, это такая гремучая смесь...

— Знаешь ли, — сказал я, — как химера химере говорю, мне это как-то жевать не хочется. Не коза все-таки.

Рассказывай, зачем это, мы же свои!.. Не хочешь? Ладно, прожую. Глотать не надо?

— Лучше проглотить, — посоветовала она, — так лучше...

— Кому лучше, — спросил я с подозрением, — вам или мне?

Она прошептала жалобно:

— Глерд...

Я посмотрел на нее пытливо. От нее веет теплом, что значит — в самом деле чувствует благодарность, но все-таки не просто химера, а химера-женщина, а кто их знает, вдруг да грызнет.

— Ладно, — сказал я, — рискну.

Разжевав листок, я ощущил некое жжение, язык зашипало, уже чувствую, какое это адское зелье, с великим трудом заставил себя побыстрее проглотить.

Она смотрела с сочувствием, меня согнуло, я ухватился обеими ладонями за живот, куда из гортани провалился тяжелый огненный шар. Перед глазами все поплыло, в ушах раздался усиливающийся звон, а тот, в свою очередь, начал разламывать изнутри череп.

Чьи-то руки поддержали меня за плечи, я опустился на лавку и некоторое время сидел, слыша только адский вой в ушах и грохот в голове.

Я поднял тяжелую голову. Я снова наедине с Бдилой, муж уже выскочил за дверь. Бдилла с тревогой, что-то в ее лице изменилось, вроде бы зрю в ней гораздо больше, чем видел раньше. Сейчас вот даже все ресницы могу пересчитать... нет, и так могу сказать точно, сколько их там.

И вообще, грохот в черепе стихает, а в теле прибывает моши. Я сжал и разжал кулаки, чувствуя, что сейчас, пожалуй, смог бы раздавить мелкий камешек в песок.

Она пошарила под подушкой, я смотрел настороженно, хотя вряд ли достанет оттуда второй пистолет, и точно угадал: вытащила нечто мелкое, протянула вздрагивающую руку ко мне и медленно разжала кулак.

Но еще раньше я увидел, как между пальцами пробивается свет, на ладони светится изнутри грецкий орех, такая же изрезанная пьяными бороздами поверхность, тот же размер.

— Это чё? — спросил я.

— Эта вещь, — сказала она, словно извиняясь, — бесполезна людям, но в ней сохранилась древняя магия, что делает химер сильнее и здоровее. И потому всегда за неё охотились...

— Давно?

Она ответила просто, будто я спросил, что она ела на завтрак:

— Не очень, но лет двести уже охотятся, как я знаю точно... но слышала, что она изготовлена тысячи лет тому. И уже тогда переходила из рук в руки.

Я удивился.

— И что, захапавший ее вот так и ходил по улицам, помахивая ею над головой?

Она грустно усмехнулась.

— Каждый ее хозяин прятал, но все-таки как-то выявлялось... Не сразу, но...

— Может быть, — предположил я, — узнавали по тому, как усиливалась какая-то из химер, что раньше была тихоней?.. Насколько я догадываюсь...

Она прошептала:

— Догадываетесь верно. Моего брата убили из-за этого... Он чувствовал, что кольцо вокруг него смыкается, но решил больше не убегать, а передал мне.

Я сказал саркастически:

— А ты мне, чтобы теперь охотились за мной?

— Вы сумеете защитить, — шепнула она. — Возьмите. Иначе...

— Что?

— Я не уберегу, — ответила она просто. — И не знаю, кому передать. Возьмите. Это ваш долг.

Я стиснул челюсти. С одним долгом не успеваю расплеваться, как новый навешивают, что за сраная ипотека...

— Ладно, — сказал я зло. — Пусть будет у меня. А то у кого-то сорвет крышу, возжелает стать властелином мира.

— Властелином... мира?

— Да это у меня такие шутки, — пояснил я. — Настолько изысканные, что и сам не понимаю. И тонкие... жутко тонкие, совсем плоские.

— А-а-а, — протянула она непонимающе, — поняла... Вы же глерд, вот и шутки у вас такие...

Я отмахнулся, сунул светящийся орех в карман и пошел к выходу, муж и его родственник поспешили отпрыгнули в стороны.

На улице Фицрой, сидя в седле, доел яблоко и швырнул огрызком через плетень, стараясь попасть в козу. Увидев меня на крыльце, весело оскалил зубы.

— И как, любовь народа сумел завоевать?

— Не знаю, — ответил я, — но стараюсь. Вдруг и тут наступит демократия? Надо успеть понравиться вовремя. И подсуетиться.

Копыта наших коней ступили на земли глердства Остеранского перед самым полуднем, а к вечеру на фоне багровеющих облаков поднялись к небу остроконечные башни с крышами из красной черепицы.

— Красиво смотрится, — заметил Фицрой. — Будешь продавать, не продешеви.

— Тебя позову, — пообещал я.
Он сказал довольно:
— Правильно. Сразу мне скажи, помогу раздеть покупателя до подштанников!

— Легко пришло, — ответил я безучастно, — легко уйдет... О вечном надо думать, а ты о каких-то замках, землях, бабах...

Он живо возразил:
— Баб не трожь! Земли и замки — ладно, но бабы — это наше все. Без баб нельзя. Как вообще без них?.. Зачем я тогда такую нарядную шляпу купил?

— Согласен, — сказал я рассеянно, — бабы и шляпы, шляпы и бабы...

Дорога пошла по дуге вверх, замок неспешно и величественно развернулся к нам той стороной, где ворота. Вскоре я рассмотрел на стене две фигуры, нас узнали, замахали руками, а когда мы подъехали к воротам, их уже распахивали сразу в обе створки.

Челядь высыпала навстречу, все такие ликующие, словно я и есть гарант их свобод и благополучия, хотя, страшно подумать, вообще-то в какой-то мере оно так и есть, что я за идиот...

Я машинально поискал взглядом Николетту, но она, умница, смотрит с балкона. Глердессе негоже мешаться со слугами, да и не совсем уместно будет нам обниматься прилюдно.

Отдав коня, я снял мешки, Ювал протянул к одному руки, но я покачал головой.

— Тут хрупкое... Не бросать, не кантовать, не волочить по ступенькам. В общем, такие дорогие вещи носят только глерды и приравненные к ним... ну, кто-то. Фицрой, пойдем ужинать? Я сейчас коня бы съел. Вместе с подковами.

Он подумал, но кого-то поймал в толпе взглядом, плотоядно заулыбался.

— В другой раз. Меня тут собираются угостить не только вином, но и сладким мясом...

Я кивнул, оба мешка не тяжелые, но постарался нести так, чтобы все видели: глерд ездил к королеве, а от нее несет действительно хрупкие и очень ценные вещи. Значит, королева ему благоволит. Как хорошо служить такому глерду.

По дороге через холл велел приготовить ужин, а сам, захватив мешки, поднялся с ними на самую высокую башню. Барьер до пояса, крыши нет, сейчас в небе мирно плывут облака, однако через несколько часов чернота ночи накроет мир, и только редкие звезды будут смотреть на землю.

Хотя, конечно, такое длится считаные минуты, но это самое опасное и страшное время. Потом поднимается луна, она хороша уже тем, что с ее высоты освещает одинаково что камешки на земле, что летящего дракона...

Когда я вернулся и быстро поужинал, появился Риттер Широкий Щит, весь в густых черных бровях, широких, но подстриженных усах и с короткой бородкой. Красная рожа вроде бы чуть побледнела за эти дни.

— Ваше глердство?

— Часовым, — распорядился я, — не сводить глаз с неба. Днем и ночью. Понял?

Он кивнул.

— После того случая и так все смотрят. Не только часовые. Но теперь все сделаем еще и по вашему повелению.

— Как угодно, — сказал я настойчиво, — но чтобы в небо смотрели все время. И как только покажется дракон... все понял?

Он снова кивнул.

— Тревогу не поднимать, но бежать к вам.

— Все схватываешь на лету, — сказал я с одобрением. — От башни до моих покоев близко, так что та тварь еще не подлетит, как я уже буду на башне.

Он проговорил медленно:

— А тут внизу что-то делать надо? А то мы только воды запасли в бочках на случай пожара.

— Этого достаточно, — ответил я. — Сейчас главное — увидеть ту крылатую тварь вовремя.

Он поклонился.

— Как догадываюсь, ваше глердство, это вовсе не для того, чтобы прятаться?.. Хорошо, у нас у всех оружие сейчас под руками. Как и доспехи, что сняли с посмевших напасть на отныне ваше имущество.

— Спасибо, — сказал я.

Он вскинул брови.

— За что?

— За доверие, — ответил я с неловкостью. — Мне повезло разделаться с нападавшими на замок, но... не знаю еще насчет дракона.

— Мы вам верим, — подтвердил он. — Если не вы, тогда кто?

Я сказал тоскливо:

— Вот-вот. Ни на кого не спихнешь. Значит, придется стоять крепко. Отступать некуда, позади — королева!

Глава 4

Все-таки устал за дорогу, хотел лечь, но побоялся впасть в тяжелый сон, хотя, с другой стороны, дракон прилетит не обязательно сегодня ночью. Как объяснял

Рундельштотт, колдовские смеси очень дороги и готовятся долго. Скорее всего, это произойдет через неделю.

Ладно, сказал себе, днем отосплюсь. А пока нужно бодрствовать. Я сел за стол, голова стала совсем тяжелой, сама опустилась на скрещенные руки...

Снилось что-то милое, но жестокие руки дракона ухватили меня за плечи, подняли к облакам и швырнули в бездну.

Я вскрикнул и проснулся, а Ювал перестал трясти меня за плечи.

— Ваше гледство, — сказал он быстро, — дракон!

Я вскочил, пошатнулся, Ювал придержал меня за плечи.

— Пожарная тревога, — сказал я хриплым спросонья голосом. — Всем мужчинам — к бочкам с водой!.. Женщинам — тоже. Когда трудные времена — у нас равноправие!

Он отпрыгнул от двери, я уже несся, как носорог, у которого со зрением нелады, взбежал по винтовой лестнице на башню, с разбега задевая стены, выскочил, запыхавшийся, и сразу увидел высоко в небе приближающуюся с запада крылатую тварь с широко распахнутыми крыльями.

Дракон плывет по воздуху медленно, при такой массе часто крыльями не поработаешь, всего два-три взмаха, а потом отдыхает, позволяя потокам теплого воздуха поддерживать свое грузное тело и разрешая ему скользить в нужном направлении.

Я торопливо ухватил винтовку, попробовал держать на весу, но ствол ходит взад-вперед, присел у барьера и, опустив ствол на каменный край, попытался ухватить летящую тварь в прицел.

Увеличение слишком уж, быстро-быстро крутил кольца, поймал снова, дракон приблизился так, что вот-вот клюнет, я взглянул поверх, сердце сжалось.

Он пролетел на большой высоте над замком, очень неспешно делает поворот, одновременно начинает снижаться.

— Сволочь, — прошипел я. — Боишься промахнуться с такой высоты?

Вообще-то в самом деле попасть с такой высоты даже мешком с напалмом в крохотный замок непросто. К тому же дракон не стоит на месте, нужно учитывать и его инерцию полета, и направление ветра...

— Высчитывай, — пробормотал я, — высчитывай лучше. Вряд ли у тебя там несколько бомб.

Поймав в прицел голову дракона, я ощутил, что промахнусь, перевел крестик на его широкую грудь и нажал на скобу.

Отдача от выстрела чуть толкнула в плечо, я торопливо выстрелил снова, стараясь попадать просто в туловище. Видно было, как дракон дернулся, чаще заработал крыльями.

С высоты донесся хриплый и надсадный клекот, в котором я уловил нотки боли и страха. Теперь он намного ниже, хорошо вижу на его загривке наездника в длинном плаще с надвинутым на лоб капюшоном, но вряд ли секретность причиной, просто удобнее преодолевать сопротивление встречного ветра.

Держать на прицеле быстро двигающуюся цель стало труднее, всадник изо всех сил дергает за ремни, стараясь повернуть дракона на нужный курс, я все же задержал дыхание и выстрелил снова, потом еще и еще.

Дракон закричал страшно, крылья били по воздуху часто и беспорядочно, а всадник уже лег брюхом ему на шею и отчаянно натягивает, как я понимаю, узду.

Чувствуя злое торжество, я все старался поймать в прицел быстро мечущуюся из стороны в сторону голову, но сейчас это не так важно: дракон развернулся мордой в нашу сторону, и пули, что проходят мимо его черепа, бьют в грудь.

Крик с небес стал громче, я видел, как дракон попытался раскинуть крылья и уйти подальше от опасного места, но не сумел удержаться, его понесло вниз.

Задержав дыхание, я следил, как он темной массой идет к земле, все ускоряясь и ускоряясь, а грохнулся в полукилометре от замка с такой силой, что по инерции его перевернуло с полдюжины раз, следом поднялись клубы пыли.

Я успел запечатлеть в сознании эту громоздкую и нелепую кучу окровавленного мяса, сломанных крыльев и торчащих сквозь кожу белых костей, но уже мчался вниз по лестнице.

Во дворе все стоят, как бараны, и все еще смотрят вверх. Я заорал на бегу:

— Вход охранять!.. Никого не пускать!..

Один из стражников сразу же встал спиной к двери башни, а я бросился к конюшне. Ворота распахнулись, вымстнулся Фицрой уже верхом и с моим конем в по-воду.

— Извини, — крикнул он, — не взял свежего, но тут близко, верно?

— Спасибо, — сказал я.

Ворота распахнуть нам успели за миг до того, как расшибли бы лбы о дубовые доски. Фицрой точнее меня определил направление, и через пять минут скачки темная гора окровавленного мяса выросла так внезапно, что оба спешно натянули поводья, поднимая коней на дыбы.

Я соскочил на землю, Фицрой крикнул что-то предупреждающее. В красноватой полутьме дракон вроде бы

шевельнулся, я выхватил пистолет, но рассмотрел наездника, с трудом выползающего из-под придавившей его лапы.

Фицрой покинул седло и вытащил меч из ножен, а наездник с трудом поднялся, выдернул из ножен по кинжалу в каждую руку и чуть пригнулся, готовый к яростной схватке.

Я взял его на прицел, а он опустил голову, сверля меня ненавидящим взглядом.

— Сдавайся, — велел я.

— Приди и возьми, — ответил он надменно. — Я лучший мастер фехтования в королевстве!

— Да ну? — спросил я.

Он не успел бровью повести, как я быстро выстрелил ему между ног, целя повыше. Он охнул, одной рукой инстинктивно прикрыл промежность, все еще не выпуская кинжала, а вторую продолжал держать острием мне на встречу.

— Что, — спросил я, — не задело? У тебя там что, как у воробья?.. Бросай ножики!.. Не хочешь? А как сейчас?

Я выстрелил дважды, снова целя ему в пах. Кровь брызнула в две струи, он выронил кинжалы и с душераздирающим воплем ухватился обеими руками за раздробленные гениталии.

— Ну как? — спросил я со злобным торжеством. — Рассказывай, кто послал, с какой целью... Ну?

Он простонал:

— Как я предстану... в Волшебном Саду...

— Там бабы? — догадался я. — Тогда в самом деле не повезло. Но я могучий колдун, ты же видишь? Как ранил, так могу и залечить моментально. Говори, но только быстро. Время — деньги. И еще твоя драгоценная жизнь.

Он упал на колени, потом на бок, лицо стало смертельно белым, но ладонями все еще зажимает раны, на меня смотрит то с ненавистью, то уже со страхом и надеждой.

— Я — Кранекер, — проговорил он с трудом, — наездник драконов Великой Династии Варфэйра...

— Кто послал?

— Эстбай, это наш старший...

— По чьему приказу?

— Эстбай подчиняется только самому королю...

Но на этот раз приказал великий чародей Аллерли и дал мне драгоценнейший Небесный Огонь... Ой, как больно!

— Это ты почти разрушил мой замок? Два дня назад вот так же с дракона?

Он прошептал:

— Нет, это был другой наездник. У него дракон мощнее.

— Хорошо, — сказал я, — а как зовут вашего короля?

В его глазах, несмотря на дикую боль, мелькнуло изумление.

— Антриас, — прошептал он. — Король Уламрии... а теперь излечи меня... Ты обещал...

— Щас, — ответил я. — Держи эти штуки крепче, чтоб не приросли криво... Вот так... Держишь?

— Держу...

— Не дергайся, — предупредил я. — А то промахнусь.

Я выстрелил ему в лоб, не такая уж и ценная это жизнь, если чужая, и, не пряча пистолет, обошел дракона со всех сторон. Упряжь легкая, седла нет, наверняка дракон не позволяет так над собой глумиться, чтоб и всадник, и седло, и узда...

Фицрой давно вскарабкался наверх, в лунном свете зловеще сверкнуло лезвие ножа. Я слышал, как ярост-

но выпиливает что-то, но мне важнее вон та сумка, что осталась рядом с телом наездника...

Не сумка, целый мешок, осторожно распутал завязки и заглянул. Так и есть, плотно обернутый тряпками пузатый глиняный горшок размером с барана. Узкое горлышко аккуратно залеплено смолой и покрыто с трех сторон королевскими печатями. Еще один кувшин, так же плотно обернутый тряпками в пять слоев, мирно лежит в другой сумке.

Со стороны замка донеслись голоса, свет факелов яркими зигзагами размывает тьму. Я рассмотрел бегущих ко мне людей, впереди Риттер Широкий Щит в доспехах и с оголенным мечом в мускулистой дланi, яростный и готовый к бою.

— Глерд! — воскликнул он воспламененно. — Это чудо!.. Кому еще так повезло с таким глердом?.. А это на нем сидело?

— Да, — ответил я. — Что о нем скажешь?

Он обошел вокруг наездника, ногой сбросил с головы капюшон.

— Из Уламрии, — ответил он без колебаний. — Вот их цвета. Клан Квингариев, только у них такие пояса... Он что-то сказал?

В его голосе прозвучала вроде бы тревога, я покачал головой.

— Убился при падении.

— Жаль, — сказал он с облегчением. — А то бы...

— Что?

Он ответил в затруднении:

— Да вообще-то что мы можем?.. Только надеяться. Эти драконы — огромная ценность. Их растят десятки лет! Вообще растут медленно, а потом нужно учиться управлять... Нет, скорее всего, никто больше дракона против вас не пошлет. Вы теперь — убивец драконов!

Ювал подошел ближе, поглядывая на огромную тушу дракона с опаской, повернулся к замершей в благоговейном молчании толпе и, патетически вскинув руки, прокричал:

— Слава глерду — убивателю драконов!

Множество голосов нестройно, но ликующее проревело:

— Слава!

— Слава убивателю!

— Ура!.. Ура!..

Я вскинул руки, стараясь остановить народное ликование.

— Хватит, хватит!.. Я сам знаю, что замечательнее меня нет на свете. Но хватит, а то, как сказал наш великий вождь, у меня будет головокружение от успехов.

Ювал сказал крайне почтительно:

— Ваше глердство, что делать с драконом?.. Раз уж он больше не дракон, а гора костей и мяса.

Я пожал плечами.

— А на что-то пригоден? Ну там собак и свиней кормить мясом...

Он просиял, сказал с воодушевлением:

— Да, ваше глердство, все так, а еще его жилы самые крепкие на свете! Из толстых можно сделать упряжь, а из тонких — самые лучшие в мире тетивы. Представляете, никогда не отсыревают и никогда не перетираются. Да все идет в дело, особенно шкура. А также чешуя. И когти. А еще зубы... А сколько жил в крыльях!..

Я прервал:

— В общем, собакам ничего не останется?

Он посмотрел с укором:

— Ваше глердство! Обижаете... Хороший хозяин сам останется голодным, а собачку покормит.

— Значит, — спросил я, — за собачек не беспокоиться?

— Ни в коем разе, — заверил он.

— Хорошо-хорошо!.. — сказал я. — Забирайте. Я щедрый, верно?.. Ювал, ты все же следи, чтобы все работали, а то при добром хозяине сразу начинают бездельничать. Я не добрый, я просто ленивый и ни за что браться не хочу. А когда рассвирепею, то тут такое начнется...

Он ответил с дрожью в голове:

— Господин, все уже понимают, вас лучше не злить. Дракон вон чем-то рассердил...

— Да, — ответил я, — не так свистит, слишком низко летает... В общем, бди! И рули. Если все путем, то вмешиваться не буду. Если начнутся неудобства — твоя голова слетит первой!

Он почтительно поклонился, а та лице и радость от полномочий, и страх, что вдруг да что-то пойдет не так.

— Господин, — произнес он смиренно, — хозяйство будет идти, как вы говорите, путем, но если что-то нужно особое... вы говорите! Я мысли читать не умею.

— А кто-нибудь умеет? — спросил я.

Он покачал головой.

— Увы, таких нет. А если и был бы, кто признается? Такого забьют сразу на месте.

— Логично, — ответил я.

Фицрой прокричал с туши дракона:

— Подожди минутку! Я уже почти отрезал...

— Помочь? — спросил я.

— Нет-нет, — крикнул он. — Ни в коем случае!

А то еще в долю попросишься! Знал бы ты, что я сейчас срезаю...

— А что, — крикнул я, — у него это на спине?.. Или от удара все перевернулось?

Он не ответил, а я посмотрел в ту сторону, где толпится больше всего мужиков. Там орут и толкаются, страсти уже накалились, вот-вот дойдет до драки. Все понятно, самое ценное в этом и во всех мирах, полагаю, — это то, что усиливает мужскую мощь, а вовсе не какие-то бицепсы-трицепсы...

Фицрой, упаковав срезанные трофеи в мешок, привалил позади седла своего коня, на меня оглянулся с вопросом в странно посеревневших глазах.

— Рундельштотт, — сказал он тихонько, — дал тебе могучую магию... Теперь замок защищен?

Я пожал плечами.

— Почему? Пришлют другого.

Он посмотрел на меня с немальным изумлением.

— Ты как себе это представляешь? Знаешь ли...

— Уже знаю, — прервал я. — Драконы — ценность, выращивать долго и все такое. Ты прав, скорее всего, второго не пришлют. Пока не узнают, что случилось с этим. Может быть, сожрал своего всадника и улетел к диким сородичам?

— Верно, — сказал Фицрой весело. — Это дает такой простор для комбинаций, дух захватывает!.. Люблю. Значит, будем ждать лазутчиков?

— Пусть ждут Риттер и Ювар, — отрезал я. — Меня унижает, что я должен сидеть в норке и трястись. Нужно нанести ответный удар!

У него даже глаза засияли, как две звезды в темную ночь.

— Ого! Как?

— Не знаю, — отрезал я. — Добивать врага в его логове вряд ли смогу, силы не те, но показать, что могу не только прятаться... Надо бы нанести ответный... пусть не удар, но хотя бы укус. Ужалить. Как шершень.

— Ого! — сказал он. — Меня как-то шершень грызнул в детстве, до сих пор помню.

— Вот тебе и ого, — сказал я зло. — Где твоя подробная карта насчет глердства Остеранского и соседствующих с ним земель? Ты говорил, моими соседями являются по ту сторону реки, где уже Уламрия, глердство Сандинвелла с хозяином Джеймсом Велли?

— Это справа, — уточнил он. — А если слева, то там владения глерда, то есть лорда Вайтхеда. Это на его землях живет и покровительствует им великий маг Аллерли. Хотя они думают, что это они ему покровительствуют. И еще, что тебе будет особенно интересно, в его ведении находится Союз Драконов.

— Драконы создали союз?

Он ухмыльнулся.

— Так звучит красивше. Просто горные охотники еще в далекой древности научились выкрадывать детенышей у драконов. Редко какие выживали, зато потом...

— Представляю, — сказал я, — но пока туда не дошли новости о сбитом драконе, я сам бы хотел посмотреть на чародея, который за этим стоит.

Он покачал головой.

— Посмотреть и умереть?

— Посмотреть издали, — уточнил я. — Очень издали.

Он ухмыльнулся.

— Ну, если твой взгляд убивает... то давай собираться. Чтобы узнать, почему дракон не вернулся, им придется сперва прислать сюда людей. Если выедем сегодня, то застанем чародея немножко врасплох. Хотя чародеев врасплох застать невозможно, но ты же хочешь посмотреть издали?

— Да, — подтвердил я. — Очень издали. За милю, а то и больше.

Он расхохотался.

— Мне это нравится. На дракона ты посмотрел как-то особенно сердито?.. Хоть и не за милю?

Глава 5

Патрон для снайперской выглядит как небольшой снаряд, тщательно и с любовью выточенный ювелиром. Что и понятно, пуля летит не в космосе, где с одной скоростью будет двигаться свинец и пух, а пробивается через плотный воздух, потому сама пуля должна быть достаточно тяжелой.

С другой стороны, это добавочные трудности. Я пока не в состоянии создать такую даже на сотую долю секунды. Силенок просто тю-тю. В каждом человеке, как говорил Рундельштотт, есть капелька магии, но ею можно разве что, если очень сильно постараться, шевельнуть усик на мухе, да и то на мелкой, типа карликовой дрозофилы. У меня, как попавшего под свет трех лун, магии побольше, но это ничто в сравнении с мощью настоящих великих магов, что могут, по слухам, движением дланей возводить замки.

Однако, учитывая, что Рундельштотт дал какое-то укрепляющее средство, а потом еще и химера уговорила пожевать, словно я коза какая, горько-огненный листок... можно попробовать творить и патроны для снайперской.

Правда, не сейчас. Сейчас нужно беречь те, которые захватил сюда.

Дверь распахнулась широко, Фицрой вошел по-хозяйски, словно это он здесь живет, а я так, бедный родственник, помахал издали свернутым в трубку листом бумаги.

— Карта Уламрии и части королевства Нижних Долин. Посмотришь?

Я помотал головой.

— Потом, все потом. Ты же знаешь дорогу?

— Еще бы, — ответил он хвастиливо, — правда, я там не был, но по карте изучил все тропки. Проведу тебя через границу в Уламрию к самой башне Аллерли.

— Это который прислал дракона, — сказал я. — Если верить тому наезднику. Эх, вот бы тоже так...

— Что, на драконе?

— Да, — сказал я. — Только если не бояться высоты.

Он сел напротив меня в кресло, оглядел меня критически.

— А ты боишься?

— Не знаю, — ответил я без уверенности, — на балконы выхожу, в башне из окна выглядываю, но на висящем над пропастью мостике еще не бывал...

— Побываешь, — заверил он. — Иначе что вспомнишь? Женщин?.. Да кто их помнит?

— Дракона пока отложим, — сказал я нервно, — сейчас даже подумать о таком боязно. Это же ящерица с крыльями!.. А она дурная. Как ею управляют, не представляю.

Он посмотрел по сторонам, снял шляпу и лихо запустил через комнату. Она попала на нижний отросток оленевых рогов на стене и красиво закачалась, помахивая цветными перьями.

— Значит, — сказал он довольно, — впереди еще и драконы?.. Одобряю. Дракона прислал некий Эстбай, если помнишь, но по приказу чародея Аллерли... Может быть, сперва к Эстбаю?

Я покачал головой.

— Если прибить как-то Эстбая, Аллерли может встревожиться, а тогда даже не представляю, как с ним...

Я же не знаю возможности чародеев! Нет, сразу к Аллерли.

Он ухмыльнулся.

— Хороший выбор.

— К тому же, — напомнил я, — напалмовую бомбу точно дал он. Зажигательную смесь! Не думаю, что дикие горцы могут самостоятельно составлять такие сложные смеси.

Он посмотрел на меня очень внимательно.

— Уверен? А то бывает такое, даже не объяснишь...

Ладно, пойду приготовлю коней, а ты выноси подарки Рундэльштотта. Только уверен, что получится хоть что-то жалящее?

— Нет, — ответил я честно, — нет.

Он неожиданно посветлел лицом, расхохотался.

— Хороший ответ!.. Обожаю риск. Особенно на чужой земле!

— Ты и так на чужой, — напомнил я без всякой деликатности.

Он беспечно отмахнулся.

— Земли одинаковы, как и люди. Но Уламрия не просто чужая, мы идем туда воевать, не так ли?.. А это уже делает жизнь интереснее. Цветной делает!

— А сейчас какая?

— Серая, — ответил он без раздумий. — Уже второй день без драки, неделя без дуэлей, вино с утра подали кислое... а где-то же есть просто волшебное? Ну не может не быть, иначе как жить без высокой и светлой мечты?..

— Хорошие у тебя мечты, — сказал я с сарказмом.

— Хорошие, — подтвердил он убежденно. — Вон как ты живешь красиво!.. Командующего армией завалил, как козу, на тебя с драконами охотятся, все стараются убить... Вот это жизнь!

На востоке начало светлеть небо, Фицрой поднял голову, широко и сладострастно зевнул, я думал, скажет, что пора и поспать, но он заявил радостно:

— Это же как красиво выехать поутру и по росе, по росе!

— Тебе нужно было родиться конем, — ответил я. — Это они по росе.

— Ты бесчувственный, — сказал он с упреком.

Я вяло махнул рукой.

— Пойду собирать вещи, а ты подбери лошадок по-свежее.

— Слушаюсь, — сказал он с иронией. Посерьезнел, добавил: — Возьми все для трудной дороги. За рекой уже Уламрия. А там не любят тех, кто по эту сторону.

— Захвачу все, — пообещал я. — Жаль, у меня такого мало.

Он изумился, оглянулся в ту сторону, откуда начали возвращаться крестьяне с кусками драконьего мяса.

— Мало?

— Надо больше, — огрызнулся я. — Как демократ, я весь премудро пропескаренный! Нет на свете ничего дороже моей жизни! Остальное гори пропадом. Или синим огнем.

— Почему синим? — спросил он деловито.

— Наверное, — предположил я, — синий жарче.

Он поднялся, еще раз зевнул и вышел быстрыми шагами, а я заторопился на башню, где моя снайперская все еще угрожающе смотрит длинным стволом в темное ночное небо.

Страж отступил от двери, показывая всем видом, что костьми ляжет, никого чужого не пропустит.

— Молодец, — одобрил я. — До моего возвращения дежурство отменяем. Башню переводим в режим свободного доступа. Позволительно подниматься и озирать го-

сударственным оком окрестности даже кухаркам, что готовы рулить глердством, королевством и даже миром. Но когда вернусь... если вернусь, ты сразу же без команды сюда! Как орел, понял?

Он рявкнул:

— Все сделаю!

Через полчаса я вышел из донжона во двор с теми же мешками, с какими и прибыл из столицы. Фицрой уже во дворе с четверкой коней, все оседланы.

Я буркнул:

— Едем двое, забыл?

Он сказал бодро:

— Две лошадки нам, две под трофеи. Или хочешь по три коня на каждого? Я — за!

Я покачал головой.

— Фицрой, какие трофеи?.. Самим унести бы ноги с чужой земли, что должна гореть под нашими подошвами вторгателей! Или здесь не горит?.. Ну, тогда это хорошо. Видишь эти мешки? Все необходимое уже поместилось. На вторую лошадь перекладывать не стоит, думаю. Кони здесь достаточно выносливые.

Он сказал с неохотой:

— Ладно. На самом деле тут не так уж и далеко. Просто миль пятьдесят вон в том направлении, перейдем речку, она мелкая, а дальше уже Уламрия.

— А там?

— Земля лорда Вайтхеда, — сообщил он. — Но, судя по карте, до его замка миль сорок-пятьдесят. Но башня чуть ближе... миль на пять-семь.

— Тогда отправляемся, — сказал я. — Нужно успеть до заката достичь реки.

Он вскочил в седло своего коня и посмотрел на меня свысока и с патетическим изумлением.

— Так чего стоишь?

По дороге он то и дело запевал песни, постоянно крутил головой по сторонам и даже ерзал, стараясь увидеть, что там вдруг чирикнуло за спиной, а я сижу уже достаточно привычно в седле, смотрю вдаль и прикидываю варианты, как поступать, если случится вот так, и как, если вдруг будет вот эдак...

Он вдруг насторожился, резко повернулся в седле.

— Видишь вон ту гору?..

— Ну?

— У нас, — проговорил он страшным шепотом, — в такой же нашли, ну, просто сумасшедшие запасы золота. Да не песка, а самородков!.. С орех. Говорят, один отыскал даже с конскую голову. А с той стороны был потайной грот... ну, не потайной, просто кустов наросло, вход закрыло... Один дурак просто свалился с горы и таким образом обралужил...

— И что в том гроте?

Он сделал страшные глаза и ответил свистящим на мюлю вокруг шепотом:

— Драгоценные камни!

— Уродились в той горе?

Он покачал головой.

— Я тоже так сперва подумал, потом решил, что так не бывает. Боги не кладут в одну корзину все яйца. Наверное, какой-то король, убегая из дворца, спрятал там всю казну, а сам пустился уводить погоню.

— И не увел, — сказал я. — Иначе бы вернулся. Не пойму, что тебя заставляет странствовать? Жажда наживы или поиски приключений?..

— Я же рассказывал про дуэль!

— Помню-помню, — заверил я, — но ты же мог где-то осесть? У тебя хватало средств для небедной жизни.

Он громко фыркнул.

— Чего? Мне всегда не хватает!.. Но ты прав, у меня просто здоровая и понятная жажда находить богатства. Чем больше, тем лучше.

— Только из-за богатств?

— Только! — ответил он решительно и твердо, но, подумав целый миг, уточнил: — Но без приключений жизнь пресная. Потому самые лучшие богатства, которые не сваливаются на голову, а которые выдираю из рук сильного и опасного врага! Можно просто у противника.

— Тогда понятнее, — сказал я. — Какая чистая и благородная душа.

Он ответил обидчиво:

— Я могу тебя обозвать еще хуже!

— Ладно-ладно, — сказал я, — мы все мимикрируем под наглых и подлых, чтобы нас боялись и уважали. А назвать человека благородным и честным — это оскорбить и как бы намекнуть, что дурак из дураков...

Он изумился:

— Ты о чем?

Я принужденно рассмеялся.

— Да это я так, шучу. Представил себе, что такой мир существует.

Он сказал обиженно:

— Ну и заскоки у тебя...

В Уламрии все-таки лес светлее, чем в королевстве Нижних Долин. Березняк за березняком, а по ту сторону реки строгий сосновый или из темных лиственниц с немоверно толстыми и крепкими, словно из камня, стволами.

Кони с удовольствием пробежали по мелководью, пересекая одну за другой две мелкие речушки. Дальше пошли по распадкам, обогнули цепь крупных и достаточно молодых холмов.

Фицрой обернулся, крикнул:

— Ночлег!.. Самое удобное место!.. Да и пора.

Кровавый закат перемежается ослепительно-белыми полосами второго солнца, что движется по ту сторону облаков и скроется за горизонтом раньше, чем померкнут краски алоого и багрового.

Фицрой коням спутал ноги и пустил щипать траву в лесу, а для нас выбрал укрытие под неприятно нависающей скалой.

Я посмотрел на грозный козырек в несколько сотен тонн, поежился, но Фицрой хмыкнул.

— Чего?.. Тысячи лет не рухнуло, а сегодня ночью возьмет и обвалится?..

Я сказал с неохотой:

— Верхним умом понимаю, но нижним боюсь.

— Есть и плюсы, — сказал он.

— Какие?

— Если выскочит третья луна, мы в укрытии.

— А ты предусмотрительный, — сказал я с удивлением. — А кажешься совсем безголовым.

— Безголовые долго не живут, — сообщил он и уточнил: — Зато гибнут красиво. И песни слагают о них на разных наречиях...

— Не завидуй, — сказал я. — У нас все впереди.

Он расхохотался.

— Да, еще столько побед. И не только над женщинами.

Он разложил на чистой скатерке сыр, мясо и хлеб, вытащил кувшин с вином. Я достал нож, но подумал и отдал Фицрою, пусть сам режет. Я настолько привык к аккуратно упакованным ломтикам, что даже не представляю, что человек тоже может вот так или почти вот так ровно нарезать мясо, сыр, хлеб...

Зато наполнить чаши с вином, наверное, сумею. Вот только чаш Фицрой почему-то не захватил. Даже не знаю, как обойдемся. Наверное, так и привезем полный кувшин обратно.

Он как понял мои трудности, поторопил:

— Первый глоток за мстящим глердом, второй — за соратниками. Меня можно считать за двух или трех соратников. Давай быстрее, у меня зубы капризные, без вина мясо жевать отказываются. Да что там мясо, даже хлеб не берут...

На головой сонно вскрикнула ночная птица, эти укладываются спать еще с началом сумерек, прощокала коготками шустрая белка, сбросив нам на головы пару прозрачных чешуек, словно на вершине дерева расселась стая осетров и чешутся о ствол спинами...

Я улегся под деревом, в полузаытьи наблюдая, как вышли на охоту ночные муравьи, более крупные и защищенные от ночного холода волосками, почти шерстью. Собирают заснувших в оцепенении на цветках мух, жуков и шмелей, с торжеством волокут в норы.

— Молодцы, — пробормотал я, — только меня не тащите... Не пролезу в нору, зря упреете...

Глава 6

Утром на рассвете перешли третью реку. Вода в это время года коням по брюхо, это весной и осенью несет подмытые деревья и волочит громадные камни. На том берегу такой же мирный лес и чирикающие птички, хотя за границей все должно бы быть иначе.

Фицрой однако посеръезнел, посмотрел по сторонам, лицо стало строже и решительнее.

- Страна врага? — спросил я.
- Пока только противника, — ответил он.
- Сразу полегчало, — сказал я.
- Теперь через лес, — проговорил он негромко и с командной ноткой. — Иначе по дороге кого-то да встретим.
- Опасно, — согласился я.
- Придется прятаться, — добавил он, — а когда смотрят вслед, прятаться поздно...
- Или убивать, — сказал я. — Зачем нам свидетели? Он задумался, но отмахнулся.
- Гоняться за ними... Так и забудем, чего вообще приехали! Я вообще-то люблю гоняться. Не смотри так, не только за женщинами.

Я молча повернул коня, могучие деревья двинулись навстречу, а на головы и плечи ощутимо пала сладостная тень. Сухой воздух сменился прохладным и чуточку влажным. Почти все деревья здесь с северной стороны покрыты толстым зеленым мхом до нижних веток, а стук копыт сменился влажным хрустом, едва ступили на толстый ковер из опавших листьев.

Так двигались еще несколько часов, наконец он на ходу соскочил на землю и повел дальше коня в поводу, всматриваясь в просветы между деревьями. Я без подсказки покинул седло, по времени уже должны подъехать к цели, двинулся так же осторожно следом.

Через пару минут Фицрой присел, всмотрелся, некоторое время пробирался через кустарник почти на корточках, словно стараясь избежать выстрела, затем обернулся, лицо бледное и решительное.

Я услышал его приглушенный крик:

- Все!.. Привяжи там коней!
- Слушаюсь, ваше гледство, — пробормотал я уязвленно. — Щас привяжу...

- И зерна им дай, — велел он.
- Слушаю и повинуюсь, — ответил я. — А кому из них спинку почесать?
- Мне, — ответил он. — Но не сейчас. Иди сюда, можешь посмотреть на замок!
- Вот спасибо, — буркнул я. — Он еще на месте?

Он не ответил, а я пригнулся, подбежал ближе, по его повелительному жесту плюхнулся на пузо и прополз вперед. Кусты чуть раздвинулись, дальше поросшая красноватой травой земля полого уходит вниз. Долина открылась ровная, как столешница, четко выделяются квадраты огородов.

Село небольшое, даже не село, а деревня, а далеко за ней высится гордо и надменно красивый замок, устремленный ввысь, весь в готическом стиле. Слева от него высокая башня, похожая на минарет, только на вершине не площадка для муэдзина, а утолщение для достаточно просторного помещения, где вполне может размещаться маг Аллерли.

Впрочем, над этим домиком на вершине башни площадка все-таки есть. По плоской крыше, четко выделяясь на фоне сине-оранжевого небе, ходит страж в темной одежде, время от времени налегая животом на перила и посматривая вниз, хотя с такой высоты в низкие вырезы женских платьев не заглянешь, а на что еще смотреть взрослому мужчине, не понимаю.

- Мили полторы? — спросил я. — До башни?
- Фицрой сказал сразу же:
- Не больше мили.
- Хорошо бы, — сказал я с надеждой. — Ты только не высовывайся. Могут увидеть.
- Он изумился.
- В этих кустах? Как?

— Могут, — подтвердил я. — Есть такая магия. Сейчас увидишь. Да ты и сам знаешь...

— Откуда?

— Иначе бы не корячился вот так...

Он пробормотал сердито:

— Простая предосторожность! Я с чародеями стараюсь дела не иметь... Что смотришь? Из тебя чародей, как из моего... Ладно, забудь.

Пригибаясь, тоже осторожный, я сбежал к коню и вернулся с обоими мешками. Руки трясутся, будто всю ночь кур крал, а то и курей, кое-как развязал тугой узел, помогая зубами, словно и не глерд, бережно вытащил снайперскую винтовку и осторожно начал раскладывать.

Фицрой наблюдал с благоговением, даже отодвинулся, когда я удлинил ствол почти вдвое. Брови его поднялись, а я продолжал раскладывать винтовку так, что она стала не только длиннее, но и втрое толще.

— Ого...

— Не хрюкай под руку, — сказал я строго. — Это чистая магия.

— Молчу-молчу.

Наконец я откинул сошки и установил на них винтовку для стрельбы.

— Ничего себе, — пробормотал Фицрой. — Самому пойти в ученики к Рундельштотту, что ли...

— Ага, — сказал я злорадно, — теперь завидуй.

Он с уважением рассматривал непонятную штуку, только и ясно, что делали ее совсем не деревенские кузнецы.

— Он сам ее сотворил или... нашел?

— Да мне какое дело, — ответил я. — Главное, научил, как пользоваться. Хотя сам и не умеет.

— Мудрый старик, — сказал он с уважением.

— Мудрый, — согласился я. — Представляешь, сколько в молодости народу порешил, пока не забрался отсидеться в медвежий угол, называемый королевством Нижних Долин?

Он передернул плечами.

— Не представляю, но, думаю, еще увижу, раз ты его усердный ученик.

— Я гуманный ученик, — возразил я. — Всегда стараюсь сперва договориться. В духе времени. А убиваю потом.

Он с недоверием смотрел, как я открыл ящик и взял оттуда один из рожков, хотя это у легкомысленных автоматов рожки, а здесь целая коробка, вытащил патрон и взял его в обе ладони.

— Ты серьезно? — спросил он.

— В этот раз, — ответил я, — абсолютно.

Он переспросил:

— Вот такой крохотной стрелой... Как?.. И зачем ты ее трешь? Пробуждаешь магию?

— Наливаю, — ответил я. — Напитываю. В смысле, наполняю магией тепла. Если будет чуть холоднее или теплее, то в полете чуть отклонится от цели... А вот так в самый раз.

Он наблюдал за всеми моими манипуляциями, я делал точно по инструкции, которую называю уставом начинаящего снайпера, досыпал, проверял, подстраивал, наконец, лег, утопив сопки глубже, чтобы обеспечить себе максимальный комфорт, и с сердечным трепетом посмотрел в окуляр оптического прицела.

Полная темнота, но я все-таки мудр и находчив, после некоторых попыток подвести резкость догадался проверить объектив, а проверив, снять с него защитный колпачок.

Фицрой хмыкнул, я посмотрел зло, вряд ли он понял, в чем дело, но догадался по моему виду, что я крупно сел в лужу. Я напомнил себе, что нужно держать лицо кирпичом, это называется смотреть с достоинством высокорожденного глерда, снова умостился и начал всматриваться.

В прицел домик выглядит таким огромным, что занимает все пространство. Пришлось повернуть кольца, добиваясь уменьшения изображения и большей четкости.

Наконец домик разместился в объективе яркий и четкий, все как на ладони. Стены из гладко выструганных досок, окна огромные и почти до уровня пола, что и понятно, колдуну чаще приходится смотреть вниз, чем в пустое небо. Если он, конечно, больше практик, чем теоретик.

Фицрой сказал жарким шепотом:

— Ну? Хоть что-то видишь?

Я всмотрелся, в одном из окон показалась человеческая фигура, сердце мое ликующее тукнуло. Наверное, чародей даже спать ложится в этой дурной шляпе. Или в ней вся его сила?

— Есть, — сказал я. — Он дома и вынашивает злобные человеконенавистнические планы по захвату мира.

— По походке видишь?

— По наклону шляпы, — ответил я. — Ну, Господи, благослови...

Фицрой спросил над ухом:

— Веришь в Единого Творца?

— Да как тебе ответить, — сказал я шепотом, — я как бы... слушай, полежи спокойно, а? И не гавкай над ухом.

— Это я гавкаю?

— Ну не хрюкай, — уточнил я. — И не сопи, как... В общем, мне сейчас нужен абсолютный покой и нирвана. Думаю, лучшими снайперами-убийцами могут быть

буддисты. Возможно, буддизм вообще замаскированный центр подготовки элитных снайперов.

— Кто такие буддисты?

— Тебе лучше не знать, — ответил я. — Они столько народу погубили своим учением.

Он молчал, только смотрел озадаченно. Я включил наводку на цель, тонкий рубиновый луч протянулся через все пространство между нами. Я охнул и выглянул из-за окуляра, но никакого луча не видно, новые технологии, как и обещал тот коммандос-кладовщик, делают его видимым только снайперу через особый прицел.

— Тихо, — шепнул я. — Приступаем...

Поймав голову часового в крестик прицела и убедившись, что красная точка чуть выше его уха, я задержал дыхание и нажал на скобу.

Отдача чуть тряхнула, обрезиненный край окуляра легоночко стукнул в переносицу, я скривился, но продолжал всматриваться. Часовой повернул голову и задумчиво смотрит куда-то вдаль, романтик, наверняка подбирает рифму.

Сцепив зубы, я снова поймал его голову в прицел, задержал дыхание и как можно более плавно нажал на скобу.

В окуляре видно, как дернулась голова, часовий испуганно посмотрел по сторонам, затем даже в небо над собой.

Я прошипел лютно:

— Да чтоб тебя...

Фицрой спросил быстро:

— Промахнулся?

— Нет, — процедил я, — это пристреливаюсь... Для вящей точности и артистизма... Я же эстет.

Снова поймал в прицел, но тот дурак все оглядывается по сторонам, и сердце мое колотится слишком уж,

я закрыл глаза, пошептал себе, что я буддист, йогист и вообще гребаный мудак, я вот плюю на все и берегу здоровье, как принято в демократическом обществе, на хрен они мне все, только я на свете цаца, а они все говно на палочке, ничего не стоит моего высокого внимания...

Фицрой дождался, когда я открыл глаза, спросил заинтересованно:

— Кому молился? У тебя такое лицо было...

— Замолчи, — ответил я и снова принялся искать часового в окуляр. — Моя молитва меня успокоила и укрепила. Мне сейчас все до стеариновой свечи, как Пигасову.

За время моей молитвы башня чуть ушла в сторону, кое-как вернул все назад, не трогая сошек, а лишь подкручивая винты, часовой уже остановился и смотрит вниз, но на ограду не налегает.

Теперь он лицом ко мне, я навел перекрестье на лоб, задержал дыхание, потом вспомнил, что самые лучшие из лучших жмут на скобу между тактами сердца, дождался интервала, когда сердце тукнуло... еще раз тукнет через секунду... и нажал на скобу.

В лоб часового словно саданули кувалдой. Его изогнуло, запрокидывая лицом к небу и едва не ломая хребет, медленно завалился, я успел увидеть нижнюю часть головы, залитую кровью, а верх унесло в кровавых брызгах.

Он рухнул навзничь и пропал за барьером.

Фицрой прошептал возбужденно:

— Или мне чудится, или там часовой упал?

— Еще как упал, — сообщил я ликующе, — ну теперь...

Я хотел дослать патрон, но он уже в боевом положении, прицелился в окно, однако фигура хозяина появилась в соседнем. Стараясь не слишком торопиться, но и не медлить, я сдвинул на полмиллиметра ствол, поймал

уже не голову, слишком велик риск промахнуться, это не часовой, мало ли что удумает и сделает, если его ранить, и когда крестик остановился на его груди, плавно нажал на спусковую скобу именно в интервале между биениями сердца.

Человека отбросило в глубь комнаты. Я прошипел зло:

— А теперь добьем фашистскую гадину в ее норе... пусть эта нора и на дереве...

Следующая пуля прошила доски, я отчетливо видел дыру, чуть сместил ствол в сторону и снова выстрелил.

Фицрой смотрел то на него, то на меня, наконец спросил шепотом:

— А сейчас что?

— Я вроде бы вижу его на полу, — сказал я. — Так, смутно... Потому на всякий случай еще пару контрольных выстрелов. Кто знает, насколько чародеи живучи?

Он пробормотал:

— Если эти твои стрелы попадают, он уже мертв. Колдун или не колдун.

— Нам стрел не жалко, — ответил я твердо. — Сколько там еще осталось?

— Почти два десятка!

— Ладно, — сказал я, — все тратить не будем. Но еще парочку всажу. Просто для удовольствия... И еще одну для аппетита... И одну, чтобы хорошо спалось...

Я даже видел на экране дисплея, как дергается под ударами крупных пуль тело на полу, сладостное чувство мщения переполнило с такой силой, что взвыл ликующее, хоть и тихонько.

Фицрой испуганно дернулся.

— Ты оборотень?

Он выхватил из-под полы длинный узкий нож с блестящим лезвием и направил на меня.

— Ого, — сказал я с уважением, — я про себя думал, что запасливый, но куда до тебя! Серебряный?

— Точно, — подтвердил он настороженно.

— Не вервольф, — заверил я, — не вурдалак и не перевертень. Это так, от счастья...

Фицрой спрятал кинжал с серебряным лезвием в по-тайное место в поле камзола.

— Я даже не предполагал, — буркнул он, — что магия Рундельштотта... такая изошренная. А какой овечкой прикидывается!

— Уходим, — сказал я. — Скоро тут могут появиться всякие... как только увидят чародея мертвым. Должны же начаться поиски?

Он хмыкнул.

— Будут искать там же во дворе. А досюда целая миля! Или в твоем королевстве... иначе?

Я ответил нехотя:

— В моем нас бы сразу шарахнули... чем-то тяжелым. Потому там, вот так выстрелив, сразу же перебегают в другое место подальше. Понимаешь, направление можно рассчитать, увидев, в какой позе лежит! А сейчас там даже дырки в досках, дурак догадается.

Он покачал головой.

— В страшном мире ты жил. Ладно, давай уходить. Все равно уже все сделали. Или не все?

— Все, — заверил я. — Просто отвели угрозу в будущем.

— Я пойду за конями.

— Нет, — сказал я, — там могут смотреть в нашу сторону. Я лучше отползу с мешками.

— Вместе отползем, — сказал он нехотя, — хотя ты перегибаешься. Сильные колдуны вообще-то редкость, а ты ведешь себя так, словно они тут прям сидят друг на друге.

— Осторожность, — ответил я, — мать отваги.

Глава 7

На другой день, возвращаясь по той же дороге, перешли реку, разделяющую королевство Нижних Долин и Уламрию. Фицрой заметно повеселел, перестал оглядываться.

— Это уже твои земли, знаешь?..
— Что-то их много, — буркнул я.
— Какой ты скромный! А всем всегда мало...
— А мне много, — отрезал я и посмотрел на него с подозрением. — Что, попался?

— Где попался? — спросил он быстро. — Почему попался? Ничуть не попался!.. У меня просто никогда никаких сел и не было!.. Давай заедем по дороге, полакомимся молодыми перепелочками.

— Ты о ком? — спросил я. — Знаешь, я раньше о себе думал, что весь из дури, но вот смотрю на тебя и ужасаюсь, какой же я серьезный, оказывается... И даже, стыдно сказать, нравственный. Ты хоть слыхал о таком слове?

— Нет, — ответил он с интересом. — А что это?
Я отмахнулся.
— Ладно, не важно. Большинство знает, но не выполняет. А есть такие, что не знают, но такие нравственные, противно даже...

Он хохотнул.
— Да ты просто чудо!
— Знаю, — ответил я настороженно, — но если похвалил ты, то пора начинать бояться.

Он расхохотался, конь под ним с огромным удовольствием перешел в галоп, даже взвизгнул, как поросенок, а мой тут же ревниво бросился вдогонку, не желая уступать.

После короткой, но веселой скачки по гребням холмов рассмотрели внизу в долине отряд в дюжину всадников под знаменами Уламрии. Впереди пары явно глердов, богато и красиво одеты, за ними мужчины попроще, но с топорами и копьями, а за ними тянутся с десяток молодых женщин, связанных одной веревкой, что прикреплена к седлу последнего из всадников.

Отряд возвращается веселый и довольный, вскоре до нас донесся веселый гогот, смешки, но спустя пару минут я расслышал и женский плач, жалобный и безнадежный.

Фицрой сказал с интересом:

— И как? Выступим на защиту?.. Эти уламрийцы возвращаются с добычей!

— А земля точно моя? — уточнил я опасливо. — И те люди, что женщины, тоже мои?

— Точно-точно!

— Эх, — сказал я с тоской, — ну что ты за друг, мог бы и соврать... Как же достало... Еще не успел как следует, а уже достало!.. Ты не ошибся? Точно?

Он кивнул, на его жизнерадостном лице я рассмотрел неподдельное сочувствие.

— Типичный набег на соседа, — сообщил он. — Уже знают, что в соседнем глердстве сменился хозяин.

— И что?

— И наверняка дознались, — пояснил он обстоятельно, — что у тебя нет могущественной родни, которая может собрать огромное войско и в отместку разорить их села. Это вообще-то в первую очередь всегда узнают.

Я прошипел зло:

— Тогда придется... Покой нам только снится!..

— Хорошие слова, — одобрил он с удовольствием и потрогал рукоять меча. — Очень даже мужские.

— Думаешь, — сказал я зло, — мне нравится защищать кого-то?.. Да на хрен оно мне... Но раз уж это как-то на моих хиломогучих плечах, и все смотрят на меня, как щенки на маму... блин, что я могу сделать, как не?

Он молча смотрел, как я поспешил соскочил и торопливо снял мешок, сам покинул седло и помог вытащить упрятанные в тряпочку оставшиеся патроны.

Я быстро-быстро установил винтовку на передних растопыренных ножках, заднюю не стал откидывать, стрелять придется часто, торопливо развернул тряпку с патронами.

Всматриваясь в окуляр, я напоминал себе, что здесь расстояние в четыре раза короче, чем до башни чародея, и я стремлюсь попасть не в спичечную головку, а посеять панику в рядах противника.

Пуля идет со скоростью в три Маха, идет беззвучно, выстрел донесется только через десять секунд, а его никак не свяжут с гибелью людей.

В магазине десять патронов, это значит, небольшой отряд будет уничтожен раньше, чем донесутся выстрелы.

— Начнем, — сказал я злобно.

Всадники уже проехали мимо. В прицеле вижу только их спины, да еще идущих сзади пленниц. Стрелять придется поверх их голов, но, к счастью, мы с Фицроем все еще на взгорье.

В прицеле появилась спина заднего всадника. Я едва не нажал на спуск, но передумал и поймал в прицел затылок вожака, затем для верности чуть опустил, все-таки двигающаяся цель...

Выстрел тряхнул руку, я тут же передернул затвор, дослал патрон и, припав в окуляру, поймал в прицел на этот раз заднего, а их вожак в это время медленно валился с седла.

Третью пулю засадил в грудь самого крупного мужика, что развернулся в нашу сторону. Широко распахнутый рот уже перекошен в командном крике, его просто отшвырнуло на конскую шею, почти выдернув из седла.

Фицрой повизгивал в восторге:

— Какие удары... Какие удары! Словно конь копытом... Ух ты, этого насквозь...

— Там всегда насквозь, — прошептал я, — с такого-то расстояния...

Рука почти автоматически досылала новый патрон, я ловил в прицел новую мишень, выстрел, Фицрой уже подает вторую коробку, сберегая ценные мгновения.

Вдруг он насторожился, быстро сунул мне весь ящики, выдернув меч из ножен, шагнул вперед.

Я нажал на спусковую скобу, вскочил, выхватывая из кобуры пистолет. С конским храпом и топотом кусты распахнулись.

В нашу сторону с низины выметнулись пятеро на разгоряченных лошадях. Мой пистолет задергался в ладони от частых выстрелов. Эти дураки не знают, что нужно уклоняться, прут великолепными мишенями, я стрелял и стрелял, наконец услышал крик Фицроя:

— Все!

Он вытер окровавленное лезвие меча об одежду всадника, которого срубил, сам вломился в кусты и пропал. Слышно было только, как бежит вниз, а еще вроде бы напевает нечто фривольное, совсем сумасшедший.

Я сложил винтовку и упрятал в мешок, оставшиеся патроны сунул обратно в ящик и бросил следом. Когда подошел к кустам снова, Фицрой уже далеко внизу что-то объясняет освобожденным женщинам, а они, взяв у застреленных из ножен ножи, бродят среди павших и с деловитым видом старательных хозяек перерезают каждому горло.

Одного вообще истыкали ножами, отрезали голову и насадили на сучок низкорослого дерева.

Я спустился вниз, женщины увидели меня и пали на колени с криками:

— Хозяин!... Спасибо!.. Ты спас нас!..

— Это мой долг, — ответил я высокопарно, но произвучало это как-то серьезно, словно я сказал серьезно, а ведь в самом деле серьезно, что это со мной. — Заберите здесь все, что пожелаете, коней не забудьте... Это хоть немного возместит вам... В общем, выражая искреннее сочувствие и приму надлежащие меры, чтобы не повторялось впредь и потом...

Фицрой добавил громко:

— А если повторится, нарушители получат такой урок, что этот покажется ласковым почесыванием спинки!

— Вот так, — подтвердил я. — Спинки, говоря вежливо.

Женщины принялись раздевать убитых, в первую очередь снимали сапоги и шарили по карманам, а самые бойкие бросились ловить коней.

Я сказал Фицрою:

— Кровожадные какие... Понимаю, их увели, но вряд ли насиливали на месте или по дороге.

Он посмотрел удивленно:

— Кровожадные? Это я им подсказал.

Я дернулся.

— Зачем?

— А тебе нужны выжившие? — спросил он. — Чем меньше враг знает про твою новую магию, тем меньше у него возможностей... приготовиться.

Я пробормотал:

— Ну да, или как-то избежать.

— Вообще-то уже вечер, — сказал он деловито, — а ночью волки так их изгрызут, что никто не поймет, как погибли.

Я зябко передернул плечами.

— Фицрой, ты просто стратег. Я так далеко не заглядываю.

— А надо бы, — сказал он наставительно. — С такой боевой магией ты можешь вершить великие дела! Думаешь, я дам тебе лежать на диване с голыми бабами и пить вино?.. Размечтался!

— Ну вот, уже и помечтать нельзя...

— Нельзя, — ответил он твердо, — на диване с бабами я полежу за себя и за тебя, а ты готовься вершить великие дела и красиво погибнуть при их осуществлении!

— Ну, — сказал я вяло, — если красиво... Но где тут варианты для красоты? Это если бы прорубить ворота вражеской крепости под градом стрел и камней, водрузить знамя на башню вражеского замка, догнать и пленить вражеского короля...

— Все впереди, — утешил он. — А пока... поедем дальше?

— А женщины?

Он фыркнул.

— Им, можно сказать, повезло. Нагрузятся трофеями, вернутся с добычей. Так что все получилось даже лучше, чем женщины надеялись. Поехали-поехали! Я уже проголодался.

Глава 8

Едва промчались под аркой распахнутых для нас ворот замка, Фицрой сразу распорядился подать роскошный ужин, я пообещал прийти, как только, так сразу,

а сам с сильно стучащим сердцем взбежал к себе в кабинет.

Ни пакость, которую выпил у Рундельштотта, ни тот огненный листок из рук больной химеры, что едва не выжег мои внутренности, пока ничем себя не проявили, но чувствую, и не проявят ни в мордобое, ни в искусстве владения мечом. А вот ощущение, что магия просто распирает внутренности, возникает некими толчками...

Заперев за собой дверь, я сразу же вытащил патрон к снайперке, разобрал и долго вертел и ощупывал все части, представляя, как собираю их в 3D-принтере.

Сердце бухает, как молот, сна ни в одном глазу, ощущение великой моши продолжает распирать грудь, и когда на столе возникла длинная массивная пуля, я завизжал тихонько, почти проскулил от счастья.

Пуля, конечно, тут же исчезла, такая даже не успеет долететь до цели, растворится в полете, так что у меня две задачи: суметь создать настоящую, работоспособную, а потом еще и заставить существовать хотя бы минуту. Ну ладно, полминуты...

Около сотни пуль я создал, которые так и не выстрелили. Одни из-за короткого срока жизни, другие из-за дефектов конструкции.

Снова и снова разбирал патрон, всматривался в детали, ощупывал с закрытыми глазами, нюхал и даже лизал, открывал глаза и всматривался до рези, сосредотачивался, стараясь нашупать то, что высвобождает накопленную во мне энергию.

Сперва после тщетных попыток, перемежаемых обильным ужином, удалось создать патроны, что не исчезали до двадцати секунд, если не больше. Воспрянув духом, создал два десятка, потом отдыхал и смотрел, как моментально исчезают, превращаясь снова в

воздух, из которого и создал, всего лишь передвинув атомы.

Но все-таки это нестреляющие патроны, однако необходимость — мать успеха, без снайперской погибну, а снайперская не лучше простой палки, если нет патронов.

Меня шатало, когда я вывалился из кабинета, чувствуя зверский голод. Перед глазами поплыло, видел, как подбежал слуга и ухватил меня под локоть.

— Ваше гледство?

— Умираю от голода, — прохрипел я.

Он сказал торопливо:

— Позвольте, я проведу вас.

Без его помощи я бы не добрался до столовой, только за столом начал оживать, да и то не раньше, чем половина содержимого блюд исчезла, к изумлению слуг и горделивой усмешке повара.

И только когда перешел к десерту, ощутил, как проясняется голова, в тело вливается сила и вообще жить, кто бы подумал, все-таки хорошо...

Распахнулась дверь, слуга с поклоном впустил в столовую Николетту. Она шла быстро, на лице негодование, но у стола присела в низком поклоне, не столько смиренном, как учтивом, все-таки воспитанная гледесса из старинного рода, что никогда не забывает о своем достоинстве, как и длинной родословной.

Я поднялся, чуть наклонил голову.

— Глердесса...

Она поднялась, взглянула мне в глаза дерзко и беспощадно.

— Глерд?.. Что-то случилось ужасное? Вы прибыли еще днем, а уже ночь! Однако вы так и не сказали...

— Все в порядке, — прервал я. — Была небольшая поездка с моим другом Фицроем к реке... и чуть дальше. Прошу вас, присядьте. Вы можете не есть, мне лекарь

советовал ложиться на пустой желудок... но с другой стороны, как не поесть?.. Эй, подать еще вина!

Она осторожно опустилась в кресло, я сам налил ей в инкрустированную красными камешками чашу багрового и густого вина.

Николетта взглянула на меня испытующе.

— Глерд... с Илваром все в порядке?

— Да-да, — ответил я удивленно, — а что?

— Мне показалось, — проговорила она медленно, — вы последнее время меня избегаете, словно не решаетесь сообщить что-то ужасное...

— Нет-нет, — заверил я, — просто дел невпроворот. Решал сложные дипломатические вопросы недипломатическими методами, хотя, конечно, любая война лишь продолжение дипломатии. Даже сама по себе дипломатия в ином аспекте. А Илвар... соберет войско и вернется!

Николетта сказала простодушно:

— Ой, скорее бы!.. Я буду его так любить, что на своих пастушек больше и не посмотрит!

— Пастушек? — переспросил я. — Каких пастушек?

Она отмахнулась.

— Да всяких. Он когда с друзьями едет на охоту, то всегда заезжает в села к знакомым женщинам. У двух от моего Илвара уже есть дети...

— Ого, — сказал я невольно, — а он мне показался совсем молодым.

— Он молод, — подтвердила она, — но когда хорошенечкие служанки в замке стелют ему постель... Мне такое не нравится, но что делать, мужчины все одинаковы.

— Гм, — пробормотал я, — не только все, но и... здесь. И даже всюду. Хотя такое как бы не совсем честно...

— Не знаю, — ответила она, — я послушная дочь и руководствуюсь мнением родителей. А они говорят, что теперь зато все видят, что от него могут быть дети.

Я посмотрел на нее, уронил взгляд в тарелку с остатками сладкого пирога.

— Я не демократ, милая Николетта, это противно, но сейчас как бы за эту гребаную демократию. А также за свободу, равенство и братство... Нет, братство не надо, а свободу и равенство... для тех, кто их желает и готов принять, то как бы да, я за.

Она не поняла, что я несу, продолжила так же чисто и рассудительно:

— Но что делать, мир так устроен.

— Его устроили люди, — сообщил я, — люди и меняют. Совместными, так сказать, усилиями.

— Глерд?

— Это я умничаю, — пояснил я. — Мы всегда перед женщинами умничаем, хотя это нам вредит.

Она с самым простодушным видом приоткрыла хорошенъкий ротик.

— Почему?

— Вся кровь идет в мозг, — пояснил я, — создавая отток из других мест. Еще вина?

Она заметно обрадовалась, что я на ночь пришел в ее постель, наивная чистая дурочка, даже жаль, что дстанется этому в целом хорошему парню, но типичному представителю глердства. Хотя бы скрывал свои похождения, но он свято уверен, что у него никаких похождений, так как ни разу ни с какой глердессой даже не целовался.

А что служанок копулирует и всяких крестьянок в ряде сел, так это другое дело, они не ровня, к ним ревновать глупо и недостойно благородной глердессе.

— Господь, — сообщил я ей потрясающую новость, — создал женщину не из ног, чтобы была униженной, не из головы, чтобы превосходила, а из бока, чтобы шла по

жизни с ним бок о бок! Чтоб была равной с ним. Из-под руки, чтобы быть защищенной, из ребра со стороны сердца, чтобы быть любимой...

Она прошептала зачарованно:

— Так вот почему всегда лезу к тебе под руку? Там в самом деле так спокойно, защищенно...

— И мне спокойно, — ответил я, — когда ты там. Мужчине спокойнее, когда его женщина в безопасности.

Она засмеялась.

— Я не твоя женщина!

— Любая женщина, — пояснил я, — оказавшаяся вблизи мужчины, уже пользуется по дефолту его защищой. Так записано в Уставе.

— Уставе? Чьем Уставе?

— Уставе природы, — ответил я. — Это самый главный закон на свете. Мы должны берегать и защищать вас, даже если вы, свинюшки противные, нас не любите. Все равно, несмотря ни на что.

Она запищала возмущенно:

— Как это не любим? Как это не любим? А кого же мы тогда любим?.. Нет, это ты меня просто дразнишь.

Я медленно и неспешно почесывал ее, она довольно попискивала, я чувствовал, что мое чувство вины перед Илваром все больше слабеет. Хороший он парень, но не такой уж и насквозь идеальный, вон даже перед своей невестой не таится, потому что поиметь служанку — это не измена, но для меня, демократа и гуманиста, все на свете люди, даже женщины, потому это без дураков самая настоящая измена, а раз измена, то Николетта просто имеет полное право ответить тем же.

Она все больше прижималась ко мне, счастливо чувствуя нарастающий жар в моем теле как доказательство интереса к ней, а раз есть интерес, то выше и уровень защищенности, у женщин тропизм рулит...

Все-таки в крепком здоровом сне что-то есть. Проснулся я свежее муромского огурчика, укрыл спящую Николетту одеялом до подбородка и на цыпочках унесся в свой кабинет.

С первой же попытки, еще не растопырив как следует гляделки, создал патрон и с трепетом сердца ощутил, что это настоящий, работающий.

Выстрел грянул, несмотря на пламегаситель и глушитель, чудовищно громко, да еще и крепко садануло в плечо, несмотря на амортизатор.

Я поспешил швырнуть на винтовку одеяло сверху. Секундой позже дверь сильно дернули, тут же постучали. Как только открыл, ворвался страж с обнаженным мечом в руке.

— Глерд?

— Все в порядке, — заверил я. — Чихнул как-то вот так. Простудился, наверное...

— Что-то в нос попало, — предположил он. Взгляд его переместился на одеяло на полу, под которым что-то угадывается, но промолчал, вдруг там накрыта женщина, что почему-то застеснялась, вместо того чтобы гордиться. — Ладно, я в коридоре.

— Спасибо, — сказал я вдогонку.

Судя по всему, он так удивился, что глерд и вдруг поблагодарил, а не вдарили, что ошеломлен задел плечом о косяк.

Сотворение патронов для снайперской винтовки изнуряет сильнее, чем для пистолета, да и сам я перегнулся, создавая их сотнями. Если верить зеркалу, за вчерашний вечер похудел на пару кило, даже сейчас в теле начинает нарастать некая слабость, еще поспал бы пару часов...

— Ага, — сказал я саркастически, — еще бы! Там в постели осталось такое тепленькое, мягкое, послушное... Не спать, скотина! Сон — подобие энтропии черной.

Почему-то хотелось это определение пропеть, как в опере, а опера — это серьезно, потому я велел подать завтрак прямо в кабинет, где, торопливо насыщаясь, старался продумать, как и что дальше.

Не знаю, зелье Рундельштотта или травка химеры, но теперь могу больше. А раз могу, то и буду.

— Подать еще пару блюд! — велел я. — Сюда, в кабинет!.. Фицрой и глердесса, если изволят, могут присоединиться...

Слуга поклонился.

— Гусь с яблоками ожидается через пять минут. Пирог еще на плите, но пока разделаешься с гусем, как раз поспеет.

— Хорошо, — одобрил я, — принесешь и пирог... Что там за шум во дворе?

Он подбежал к окну, высунулся, едва не выпав наружу.

— Глерд... вам лучше посмотреть самому.

Голос его прозвучал встревоженно, я ринулся к окну. Внизу во дворе на взмыленном и неоседланном коне сидит молодой парнишка из деревенских, что-то выкрикивает и размахивает руками.

Его окружила чета, Ювал выслушал и сразу же бросился в донjon.

Я выскоцил навстречу в коридор, Ювал птицей взлетел по лестнице, это с его весом, сразу выпалил:

— Ваше глердство, со стороны Уламрии большой отряд перешел реку и двигается по нашей земле! Говорят, направление держат прямо на замок.

Я охнул, не веря своим ушам.

— Что? Снова?..

Ювал в растерянности развел руками.

— Бряд ли это те, которых вы... при освобождении женщин...

— Но откуда? — вскрикнул я. — Ладно-ладно, скоро узнаем. Что за жизнь...

— Это кто-то другой, — заверил он с таким видом, будто это должно меня осчастливить. — Из тех нападавших, если кто и уцелел, мы вас уже знаем, только успели добраться до своих нор. А чтоб собрать новые силы, нужно время...

— Сколько народу? — спросил я.

— Не меньше сотни, — сказал он быстро. — Этот мальчишка — сын сельского старосты — спрятался в кустах и перечитал всадников. Только лучников тридцать человек!

— Ого...

Он сказал упавшим голосом:

— Это значит, нашим на стене и воротах не дадут даже поднять головы. А сами либо выбьют ворота, либо забросят на стены веревки с крюками.

— Сколько человек у нас?

— Десять тех, — сообщил он, — что привел ваш друг Фицрой, и двое-трое из челяди смогут взять пики или топоры из челяди.

— Против ста? — спросил я. — С такими героями мы замок любого глерда возьмем в контратаке!.. Пусть Риттер расставляет людей, а я пока посмотрю с башни. Что-то парнишка еще сказал?

Он ответил невесело:

— Ваше село, что у них на пути, сожгли...

— И сказал Господь, — процедил я сквозь зубы, — отплачу сторицей...

— Хозяин?

Я пояснил:

— За село ответят замком и своими жизнями!

Никто не удивился, что я не бросился выстраивать оборону, а понесся в сторожевую башню. Хозяин должен

все видеть сверху, а я взбежал к себе, схватил винтовку и помчался наверх. На одном дыхании взбежав на башню, установил на сошках снайперскую и направил ее в сторону единственной дороги, по которой можно добраться до замка.

Стараясь успокоить дыхание, я сперва присел рядом на скамеечку, пощупал пульс и лег, готовясь к стрельбе и раскинув ноги для устойчивости.

С высоты прекрасно видно, как до самого горизонта простирается изумрудная зелень, а в ней пронзительно ярко вспыхивают солнечные зайчики, их многовато и расположены в неком порядке, что значит, в нашу сторону движется отряд тяжелой конницы в хорошо начищенных доспехах.

Я выждал, пока расстояние сократилось по полумили, в прицел хорошо видны уверенные мужские лица, все на хороших конях и вооружены совсем неплохо.

Мое сердце дрогнуло, во главе отряда двигается на крупной лошади глерд, то есть лорд Джеймс Велли, суровый и каменолицый, что и понятно, старший сын, хоть и сволочь, но все же сын, отец обязан отомстить, иначе уважать не будут вассалы, да и сам себя опустит ниже плинтуса.

Мне показалось, что лицо все же невеселое, словно и не хотел бы со мной воевать, мы же договорились и друг друга поняли, однако жизнь есть жизнь, у нее свои законы...

Рассчитал он все правильно: будто понимает, что пистолет бьет не дальше лучников. В смысле прицельно бьет, так что наши шансы равны, если один на один, но хороший темп стрельбы одинокого лучника — пять стрел в воздухе, отличный — восемь, это значит, тридцать прибывших стрелков могут осыпать таким градом, что ничто не спасет как тех, кто на стене, так и укрывшихся за нею.

Я прошипел сквозь стиснутые челюсти:

— Ничего, ребята, мы свою песню еще даже не начали...

На некоторое время они скрылись за отрогом леса, я терпеливо ждал, успокаивая дыхание.

Наконец из-за раскидистых дубов по извилистой дороге выехали первые всадники. Я прильнул к окуляру, так и есть, впереди покачивается в седле сам глерд Велли, а справа крупный рыхлый детина с лицом сластолюбца и капризного тирана, очень похожий на Джеймса Велли в молодости, что значит, его младшенький.

За ними с десяток хорошо вооруженных мужчин, все в добротных доспехах, кирасы из металла, на головах металлические шлемы, почти у всех украшены перьями, еще десятка два тоже вполне знатных дворян, а дальше всадники попроще, хотя и они в доспехах, пусть и кожаных.

— А это еще кто, — пробормотал я. — Наука на марше?

В последнем ряду на лошадке горбится человек в темном длиннополом плаще, что ниспадает ниже стремян, капюшон закрывает голову и лицо до нижней челюсти, не давая любоваться гребаной природой, которой почему-то обязательно надо любоваться, что значит не только умный, но и плюющий на мнение овечистого общества.

— Нам только колдунов недоставало, — пробормотал я. — Или ты выехал для полевых исследований?

Подержав его на прицеле, я вздохнул и начал ловить крестиком лицо лорда Велли, ощутил некоторое неудобство, перевел на грудь, потом вообще на его соседа слева, пышноусого красавца с надменно-глупым лицом и хозяйствским взглядом на окрестности.

Палец уже лег на скобу, но в последний момент остановился, не стоит все делать так явно. Они уверены в

своем полном превосходстве, мало ли что я сумел с помощником как-то справиться с небольшим отрядом, но сотня воинов — это не дюжина молодых парней, возлевавших повеселиться с девками из чужого села...

— Вас больше, — пробормотал я, — нас мало, но мы в тельняшках... И теперь мало не покажется уже вам...

Перевел прицел на тех, кто только-только выезжают из-за леса. Передним до ворот замка осталось не больше трети мили, если пойдут галопом, доскачут достаточно быстро, медлить нельзя, как сказал Владимир Ильич, после чего вырвал у врага победу.

Крестик прицела все еще подрагивает, я пару раз глубоко вздохнул, начал прислушиваться к ударам сердца, вот крупное и свирепое лицо воина, чуть опустим... еще...

Я плавно нажал на скобу. Винтовка дернулась, я успел увидеть в прицел, как в груди ветерана возникла кровавая дыра, куда можно просунуть кулак, но уже сдвинул чуть в сторону, выстрелил, поразив его соседа, еще чуть... но стрелять не стал, испуганные кони ржут и встают дыбки, все мечутся...

Глава 9

Человек в плаще остановил коня и, приподняв остроконечный капюшон, начал всматриваться в воцарившийся вокруг хаос. Лицо его показалось мне совсем не старым, не Рундельштотт точно, крепкий мужчина в расцвете лет с ястребиным носом и выступающей нижней челюстью.

— Ладно, — процедил я, — оставим тебя на потом. Вдруг да сторгнемся насчет сотрудничества?.. А пока зай-

мемся лордом Велли... Это в самом деле младшенький рядом?.. Последний отпрыск рода?

Я поймал этого младшенького в прицел, вообще-то противная морда, он только-только начал оборачиваться, но я уже нажал на скобу.

Крупнокалиберная пуля снесла ему часть затылка, кровь и мозги швырнуло во все стороны. Я торопливо поймал в прицел его соседа с другой стороны, нажал на спуск и, не глядя, как тот рухнет с седла, начал ловить в окуляр глерда, подъехавшего к Джеймсу Велли и указывающего рукой на суматоху, что творится на выезде из-за леса.

— Ладно, — пробормотал я, — живите пока, глерд Велли...

Еще трое рухнули, глерд Велли привстал в стременах и прокричал что-то властно, указывая рукой в мою сторону.

— Мудро, — прошептал я. — Только так и надо...

Дважды щелкнуло вхолостую, недостаточно четко представил патрон, а так всадников одного за другим выбрасывает из седел, в какую бы часть тела ни угодила тяжелая бронебойная пуля, что навылет пробивает любой бронежилет.

Дорога к замку поднимается по широкой петле, больше двух всадников не пройдут стремя в стремя. Я стрелял и стрелял, чувствуя, как постоянные толчки в плечо превращают его в отбивную.

Всадники продолжают вылетать из седел, что за идиоты, то ли не понимают, что с ними происходит, то ли фанатичная жажда ворваться в мой замок и всех убить, сумасшествие какое-то, умные давно бы повернули...

Наконец отряд завершил поворот, дальше перед замком просторная площадка, это чтобы выстроить отряд, и

lord Велли широким взмахом руки послал своих людей теперь уже широкой лавой.

— Прости, глерд, — прошептал я, — но так вы в самом деле сумеете взять нас штурмом...

Я не стал уродовать ему лицо, поймал в прицел грудь, нажал на спуск. Удар с близкой дистанции отбросил его на конский круп, тут же лорд рухнул на землю вниз лицом, и я увидел, что в спине зияет такая же огромная дыра.

— Ну-ка, — пробормотал я, — кто возьмет на себя командование... Ну же, ну!

В спешке я торопливо ловил в прицел лица тех глердов, кто все еще пытался остановить панику и бросить эту массу на стены замка, нажимал на скобу и выискивал следующего.

К их чести или глупости надо сказать, некоторые даже попытались забрасывать веревки с крючьями, а стрелки соскочили с коней и, достав смотанные в клубки тетивы, начали готовить луки к стрельбе.

Меня трясет все сильнее, один залп тридцати лучников может перебить всех защитников замка, лихорадочно ловил в прицел этих со стрелами в руках, нажимал на спуск и переводил крестик на его соседа.

К счастью, на таком расстоянии промахнуться трудно, я стрелял, почти не целясь, хотя, конечно, целился, но не так уж, с такими патронами не важно, куда попадет пуля, лишь бы задела...

Колдун медленно слез с коня, никакой паники, смотрит с интересом не столько на стену и ворота, как поглядывает на верх башни, откуда веду огонь.

Глерды погибли почти все, остальные воины начали отступать, пока еще не в панике, но уже отодвинулись от плавающих в крови товарищей, оставляя их без помощи. Впечатление такое, что павших растерзали львы, но я

стрелял и стрелял, пока не бросилась в бегство основная масса уцелевших, и лишь потом снова перенес огонь на горстку самых стойких, что прикрылись щитами и быстро совещаются.

— Молодцы, — сказал я хищно, — люблю храбрых людей. Они гибнут первыми, а трусы, что убежали, будут брюхатить ваших жен и детей... Я вот типа такого труса...

Два выстрела, что разнесли щиты, убили двух и троих ранили, решили исход штурма. Двое уцелевших глердов бросились бегом прочь, преданные слуги подвели им в поводу коней, те поднялись в седла и пустили их прочь от замка.

Колдун вскинул руки в мою сторону. Я увидел в прицел его хищное лицо, но тут же пламя из его ладоней закрыло видимость. Жуткий холод вцепился мне в загрилок, все внутренности превратились в лед.

Я ухватил винтовку, отпрянул и упал навзничь на пол, инстинктивно укрываясь за высоким каменным парапетом. Башню тряхнуло, стена огня взвилась над краем, а надо мной с треском горящего воздуха пронеслась широкая струя пламени.

Верх каменного барьера побагровел и заметно просел, расплываясь. Я с ужасом понял, что еще чуть больше жара — и потечет, как воск под горячим солнцем. Возможно, силы чародея хватит, чтобы всю башню раскалить докрасна, сжигая в ней все живое, или же велеть ей рассыпаться в песок...

Кашляя и задыхаясь от жара, я ухватился за винтовку, нас обоих откатило жаром к противоположному краю площадки, руки обожгло о раскаленное железо.

На миг мелькнула паническая мысль, что жар может расплавить или повредить металл, но вспомнил, что все детали снайперских винтовок делаются из самых тугоплавких сплавов, нельзя, чтобы слишком нагревались

при частой стрельбе, это нарушит точность попадания в цель.

Обжигаясь, ухватил винтовку и, держа приклад у плеча, поднялся и подошел к краю.

Человек в длинном плаще и с откинутым капюшоном бестрепетно стоит в десятке шагов от ворот и смотрит на верх башни.

Я посмотрел на него в прицел, наши взгляды встретились. Мне показалось, что он тоже увидел меня не просто как человека на верху башни, а рассмотрел мои глаза.

На его лице отразилось замешательство, а я сказал лютю:

— Кто к нам с мечом...

И надавил на спусковую скобу. Отдача болезненно саданула в распухшее плечо. Я поспешил поймал чародея в объектив, он все еще на ногах, что удивительно, но в середине груди огромная кровавая дыра, в которую пролезет громадный кулак Риттера Широкий Щит.

Как понимаю, в спине дыра еще больше, как всегда в выходном отверстии при пулевом ранении.

Потом его ноги подогнулись, рухнул на колени, но не удержался и завалился лицом вниз. Я в бессилии опустил винтовку на пол, ладони горят, будут волдыри от ожогов.

Последние всадники во весь опор мчатся к лесу, можно бы поразить в спину еще одного-двух, но я сейчас не удержу и ложку за столом.

Руки не просто дрожат, а пот заливает глаза, меня все-гого трясет, как медведь грушу. Даже во рту горько и сухо, язык царапает горло, сейчас бы самое то поговорить с трансгуманистами о ценности человеческой жизни...

Во дворе ликующие крики, я кое-как собрал еще горячую, но быстро остывающую винтовку и сунул в мешок. Ткань из непромокаемых, так что пока все в порядке, потащился по винтовой лестнице вниз, старательно

стараясь успокоиться и не давать рукам так уж дергаться, словно в пляске святого Витта.

Когда вышел наружу, со стены замка сбежал стражник, которого я обязал стеречь вход в башню, морда виноватая.

— Ваше гледство!..

Я отмахнулся.

— Твой патриотический порыв понял. Но теперь стой здесь и никого не впускай.

Он воскликнул преданно:

— Костьми лягу!

Со стены медленно спустился Фицрой, меч уже в ножнах, но его опередил Ювал, сияющий так, что лицо размером с солнце, всплеснул короткими, как у Мяффнера, ручками.

— Ваше гледство... Это было поразительно!.. Это ведь вы? Все вы?

— Не только, — ответил я громко. — Дома и стены помогают. А также родная земля, которую мы так хорошо пашем и удобряем без всякой химии... Откройте ворота!.. Эти трусы бежали, оставив коней и раненых соратников!.. Это гнусно. А мы не такие, мы хорошие.

Фицрой сказал быстро:

— Коней взять, раненых добить, оружие собрать, доспехи снять...

Он оглянулся на меня, я кивнул.

— Да, вот такие мы эстеты. Нам жизнь не дорога, а вражеской милостью гнушаемся!.. Это я гордо и красиво ответил за них, как когда-то казаки Нечая полякам... Действуйте, на войне, как на войне. Не мы ее начали...

Фицрой сказал многозначительно:

— Но мы ее закончим. Так?

Я спросил тихонько:

— Откуда знаешь?

— Так напрашивается, — пояснил он. — Ты же такую многозначительную паузу тянул! Но когда закончим, сразу начнем новую? А то как жить?..

— Не успеем начать, — ответил я горько. — Другие опередят!

Он вздохнул.

— Да, это обидно. Но как ты их разделял, как разделял... Вот-вот начну завидовать. Надо к Рундельштотту напроситься!

Мужчины и даже женщины выбежали в распахнувшиеся ворота, трое ребятишек вскочили на коней, крикнули, что посмотрят, все ли умчались от нашего замка.

Я с Фицроем прохаживался по двору, он если и заметил, что меня трясет, то не показывает виду, вот уж не заподозрил бы его в деликатности. Скорее всего, такие мелочи не замечает, по отношению к друзьям бываем удивительно толстокожими, зато как церемонно раскладываиваемся с противниками...

Ювал подбежал, поклонился.

— Хозяин, поймано тридцать восемь коней!.. Еще десятка два, а то и больше, умчались к лесу, сейчас их ловят. Что прикажете делать с... трофеями?

Я отмахнулся.

— Пусть заберут себе те, кто закопает трупы. За работу.

Он просиял:

— Все будет выполнено!

Он быстро передал мои слова оставшейся во дворе челяди, и та с ликующими воплями, весьма стимулированная, вихрем вынеслась наружу.

Фицрой кивнул вслед.

— Руками выроют яму, только бы опередить других. Не думаешь тела передать родне погибших?

— Нет, — отрезал я. — Это была не цивилизованная война по правилам, где есть место поклонам и церемониям. Напали какие-то разбойники!.. Пусть родня будет довольна, что трупы не повесили на деревьях воронам на расклевание и на расклевывание.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Из жестокого мира ты прибыл, доблестный глерд. Из очень жестокого.

— Из победившей демократии!

Он пробормотал:

— Тебя послушать, ужаснее демократии нет ничего на свете.

— Точно!

— Какие планы теперь?

— Ускоренными темпами усиливать обороноспособность родного отечества, — сообщил я. — Прежде всего, конечно, в региональном масштабе.

Глава 10

Всю следующую неделю усердно крепил оборону замка, в свободное время объезжал свое глердство и знакомился с принадлежащими мне деревнями, пересчитывал дома, чего не догадался сделать составляющий карту Фицрой, старательно расспрашивал о местных колдунах и волшебниках.

Отвечали мне покорно, но вижу, что брешут. Чистые здесь еще люди, нетронутые демократией. Брешут очень неохотно и натужно, сразу видно. Их реакция понятна, ее величество разрешает чародейство только под ее контролем, а все остальное должно быть уничтожено, потому мне как ставленнику королевы никто и не подумал даже

указать пальцем на местного колдуна или дать какую-то нить.

В то же время королева, то ли опасаясь народного волнения или хотя бы заметного недовольства, то ли из практических целей, не усиливает репрессии против магов. Магией заниматься нельзя, но если очень-очень хочется, то можно, однако по мелочи и не высокоразвиваясь.

Думаю, я отыщу и других колдунов, наверняка где-то прячутся или хотя бы не высовываются, но это потом, сейчас нужно обезопасить этих хреновых людышек, что не могут позаботиться о себе сами...

За эти дни я уже начал забывать о начатых поисках источников магии, как однажды вошел Ювал, поклонился и сказал несколько нерешительно:

— Там... крестьянин... говорит, что принес что-то для вас...

— Что? — спросил я.

— Говорит, — ответил он, запинаясь, — вы лично посыпали...

— Прекрасно, — сказал я бодро, — хоть какие-то зримые неприятности!

Он вытаращил глаза.

— Почему... неприятности?

— А что обычно сваливается на все мои восемь голов? — спросил я. — Приятностей уже давно не видывал. А неприятности, что особенно неприятно, незримые!

— А-а, — протянул он, — а зримые лучше...

— Где тот крестьянин?

— Во дворе ждет.

— Пойдем, покажешь.

Во дворе тощий мужичонка сорвал шапку с головы и низко-низко поклонился.

Я сказал терпеливо:

— Если принес то, что надо, можешь вообще не кла-
няться. Если не то, будешь биться лбом о землю. Ну?

Он порылся в сумке и вытащил целый пучок сине-
желтых стеблей.

Я осмотрел, сердце застучало чаще, спросил с подо-
зрением:

— А нарвал где?

Он переступил с ноги на ногу.

— Ваше гледство, это в десяти милях отсюда. Как
раз на опушке нашего леса. Мы за дровами ездим, там
поворот... Но углядеть такое трудно, вообще-то место
неприметное.

Сердце мое радостно застучало, я сказал сдержанно и
солидно:

— Прекрасно! Если трава оттуда, то мой дорогой учи-
тель, чародей Рундельштотт, для которого я так стара-
юсь, будет рад или хотя бы доволен. Пойдем, покажешь,
где это растет.

Место оказалось в самом деле крохотное, даже этот
наблюдательный мужик вряд ли бы заметил, если бы те-
леги не делали крутой поворот, с трудом объезжая вели-
канский пень, а дальше уже снова по прямой в лес.

Я с волнением и надеждой смотрел на остатки бурья-
на с сине-желтыми стеблями. Рачительный крестьянин
собрал его почти весь, но сделал это, как все мы дела-
ем: из земли остались торчать кончики длиной в два-три
пальца.

— Отлично, — сказал я бодро. — Вот тебе настоящая
золотая монета. Покажи своим селянам, пусть смотрят и
завидуют! Ты не украл, а заработал честно.

Он воскликнул восплюмененно:

— Спасибо!.. Я и не надеялся!.. Огромное спасибо!

— Старших надо чтить, — сказал я наставительно. —
Для своего учителя я всегда готов сделать больше, чем

для себя. Так и скажи детям своим, пусть и тебя чтут, как я чту своего чародея и учителя.

Он сорвал шапку и поклонился, на лице почтение, сам уже перешел в разряд старших, но вряд ли сыновья чтут его и хоть что-то для него делают, потому мои слова, как будто дал еще один золотой.

Я поднялся в седло, повернул конскую морду в сторону дороги и послал его в галоп.

Фицрой зашел, когда я в кабинете разлегся в кресле и рассеянно катал по столу ту светящуюся штучку, которую вручила химера. Вообще-то она не светится, можно принять за грецкий орех прошлогоднего урожая, но если взять в кулак, то свет бьет с такой силой, что видно не только кости, но и все жилки и кровеносные сосудики.

Я пытался представить, как она работает, вдруг снабжает магией не только химер, но и таких, как я, готовых поверить и довериться, а также рискнуть, но пока что ничего не чувствую.

— Красивая вещь, — сказал он. — Продашь?.. Или давай найду покупателя?.. Как я понимаю, это из неуничтожимых штучек?

— Что? — переспросил я. — Как это... неуничтожимая? Разве колдовские вещи не исчезают после смерти чародея?

Он зацепил ногой и придвинул кресло к столу, сел с таким вздохом облегчения, словно весь день возил на себе бревна из леса.

— Всегда, — ответил он бодро.

— Но...

— Кроме тех, — уточнил он, — что созданы не чародеями, а... как бы поточнее, гильдиями чародеев. Может быть, потому, что гильдии все еще существуют, а может... кто знает, чародейские дела темны для нормально-

го здорового человека. И такого нарядного. Как тебе мои сапоги?.. Знаешь, сколько я за них отдал?

— Спер наверняка, — буркнул я. — А сейчас такие вещи делают?

Он покачал головой.

— Сапоги такие шьют только в Уламрии. А шляпу привезли из Опалоссы!.. Здесь такие не умеют. Что смотришь?.. Ах, ты про этот камешек... Нет. Чародеи не стали слабее, как говорят в народе, но умные все-таки учатся, в отличие от нас, на своих ошибках, хотя это и скучно. Однажды приняли закон, чтобы никто никогда не создавал такие вещи. А для этого был принят второй закон, чтобы в гильдии никогда не было больше шестерых.

— Такие штуки, — спросил я, — создавали всемером?

Он усмехнулся, покачал головой.

— Нет, двенадцатью. Старые люди всегда осторожнее молодых. Это так, на всякий случай. Чтоб и близко не стоять к опасному числу.

— Мудро, — согласился я. — А мы такими будем?

Он содрогнулся всем телом.

— Ты что? Слюнь!..

— Да не старыми, — пояснил я. — Старыми, понятно, мы никогда не будем. А вот осторожными...

— Никогда, — отрезал он решительно. — Ну ты и сказанул, у меня вот руки трясутся! Надо пойти выпить, а то еще приснится что-то. Или тебе сюда носят?

— Носят, — подтвердил я, — но не уверен, что носят лучшее. Кто на их месте не оставлял бы себе самое-самое?

Он поднялся, сказал решительно:

— Пойду проверю. Ты вообще какой-то не такой... Любой хозяин в первую очередь проверяет винный погреб, потом берет новых служанок, а уж затем начинает оборудовать замок.

— Некогда было, — ответил я виновато.

Он засмеялся и ушел, громко и решительно топая сапогами, пошитыми во враждебной теперь для меня Уламрии.

Николетта сладко сопит, доверчиво прижавшись ко мне, как щенок к маме, голова на моем плече, ногу забросила на пузо, попробуй вырвись, но я все-таки очень медленно и осторожно выполз, освобождая себя по сантиметру, укрыл ее одеялом и заботливо подоткнул со спины.

Одевался тоже так, чтобы звяканьем металла не разбудить. Мешок на плечо не вскинул, опустил тихо-тихо, хотя на этот раз там не винтовка, а лопата.

Страж прогуливается у лестницы, тут же развернулся в мою сторону, руки метнулись к оружию. Я приложил палец к губам.

Глаза его стали еще шире, но на всякий случай кивнул, хотя хозяин замка мог бы ходить по женщинам и не прячась, это же его право грести под себя все, что в пластиях или юбках.

Я прошептал:

— Все в порядке... Нужно посоветоваться с богами.

— Ваше глердство?

— Мне кажется, — объяснил я таинственно, — надо подсказать им, какой дорогой идти... Чуеться, товарищи немножко сбились с пути. Все некогда было, даже сейчас, как видишь, от чего отрываюсь...

Он остался смотреть вслед совсем обалделый, а я спустился вниз, пересек двор и шмыгнул в конюшню.

Коня оседлал и вывел сам, не желая будить конюхов. Стражи на воротах меня видели и, как только я выехал на оседланном коне, с надсадным скрипом выдвинули засов на воротах и распахнули обе половинки.

Я выехал навстречу звездному небу, за спиной прокричали вдогонку пожелания счастья и снова торопливо засадили засов до самого конца, а конь уже понесся галопом по красно-желтой дороге.

В непривычно глубоком небе, что не черное, а фиолетовое, страшно и пугающе смотрится огромная бледная луна, вдесятеро крупнее той, которую привык видеть с детства.

Я поискал взглядом, ага, вон и вторая, быстро поднялась из-за темного зубчатого леса, ею словно выстрелило: пошла по высокой дуге, странно ускоряя движение...

Я невольно провожал ее взглядом, чувствуя, как неизвестно задерживаю дыхание и стискиваю кулаки.

Небо потемнело, а главная луна, что висит почти неподвижно, обрела привычно красный цвет, теперь это раскаленный шар из металла, уже покрытый окалиной, на нее вообще лучше не поднимать взгляд, иначе подозрительно ждешь катастрофу.

Это значило, что вторая уже скрылась за горизонтом. Где-то к полуночи появится и третья, которая зеленая, как молодой лягушонок, яркая и сияющая, но тоже умчится, и эта вот еще раз изменит цвет и останется висеть до утра.

Земля странно лиловая, как и придорожные кусты, а сухой стук копыт разносится далеко в ночи, заглушая стрекот ночных насекомых.

Конь с удовольствием пошел галопом, я покачивался в седле, почти не прислушиваясь к запахам, далекому волчьему вою, не всматриваясь вочные тени, все-таки этот мир обжитой, все страшное и непонятное где-то далеко...

Дорога метнулась через поле, потом вдоль леса, однажды увидел даже, как далеко за деревьями мелькают

светящиеся огоньки, кружатся в странном и таком знакомом танце, все-таки мы одной крови, даже если это не кровь...

Впереди речушка, но дорога уверенно повела на мостик, настоящий, хоть и деревянный, тяжело груженная телега пройдет уверенно...

Конь всхрапнул и прижал уши. Я натянул повод, из-под моста выскочили трое. Один, массивный и угрожающе высокий, сразу же ухватил за узду крепкой рукой, а двое с ножами зашли с двух сторон.

— Стоять, — велел мужик, что удерживает вздрагивающего коня. — Сбрось мешок, слезай сам!

— Мужики, — сказал я дрожащим голосом. — Давайте я вам отдам кошелек, в нем деньги... а коня вы мне оставите...

Двое захочатели, а их старший проревел с угрозой:

— Ты еще не понял, с нами не торгуются!

— Но все-таки возьмите кошелек, — сказал я просяще, — посмотрите, сколько там, вдруг да отпустите?

Я медленно протянул руку к пистолету, пальцы сомкнулись на рукояти, вытащил все так же медленно, но разбойники смотрели тупо то на меня, то на нечто непонятное в моей руке.

Старший рыкнул:

— Ну?

Я нажал на скобу, пуля с хрустом просадила ему лобную кость, повернулся к тому, что ждет справа, торопливо выстрелил, тут же дернулся на левую сторону.

Третий разбойник как раз занес нож для удара. Пуля ударила в ключицу, он ахнул и рухнул навзничь, а на грязной рубахе быстро начало расплзаться темное пятно.

— Кармалюки, — сказал я с неодобрением, — или робингуды, судя по землям... Да хоть скарамуши или дов-

буши, все равно вы напоролись на сторонника легитимной власти. Или нелегитимной, это не важно. Вообще-то любая власть нелегитимна, хоть и легитимна.

Третий разбойник простонал жалобно:

— Как ты мог... Мы же только на хлеб...
— А работать не пробовали? — спросил я и, не дождавшись, покачал головой. — Напрасно. Другие зарабатывают. И не только на хлеб.

Он просипел:

— Отвези к лекарю...
— Щас, — ответил я, — за кого меня имеешь? Я гуманист!

Он со страхом уставился в дуло пистолета, но, думаю, выстрела уже не услышал. Я сунул оружие в кобуру и, не глядя на дыру во лбу, повернул коня к мосту.

Копыта сухо простучали по толстому настилу из бревен, я пробормотал то ли себе, то ли коню:

— Ну вот и пристрелялся... Незачем забираться далеко, все с доставкой на дом. А также придорожное обслуживание...

А ведь в самом деле убиты магией. Пусть как угодно их осмотрят, но нет в их телах застрявших наконечников стрел. Все красиво, интеллигентно, аккуратно и демократично.

Далеко впереди пронеслись призрачные кони, можно бы списать на клочья седого тумана, который несет ветер, но отчетливо вижу каждую жилку и каждый выпуклый мускул. Целый табун красиво и гордо промчался с развевающимися гривами и пышными хвостами, а там канули в ночь...

Я придержал коня, ага, вон тот великанский пень, следы колес, а чуть дальше то самое место, откуда крестьянин наарвал нужной мне травы.

— Ну, лапушка, — сказал я коню, — привязывать тебя не буду... Но и ты не убегай. Помни, морковку сам из мешка не достанешь!

Он смотрел с недоверием, как я рылся в мешке, я достал лопату и две морковины, одну показал коню и спрятал обратно, другую сунул ему в пасть.

— Вторую получишь, — сказал я заговорщицки, — когда я здесь закончу!

Земля твердая, а лопата, подумать только, деревянная, долбил землю долго, проклиная корни, что как паутина пронизывают почву на всех уровнях.

Даже не представляю, как люди копают такими лопатами. Сам время от времени становился на колени, а потом ложился на пузо и, вытянув руку в яму, остервенело кромсал ножом волокнистые корни, заодно рыхлил и ссохшуюся землю.

Усталый, как загнанная лошадь, я углубился всего лишь до пояса, когда начали появляться мысли, что ошибся, но если такой труд проделан, то надо довести его до конца...

Но!.. А кто знает, как глубоко залегают скопившиеся залежи магической моши? Вдруг надо копать милю?

— Не увиливай, — прошипел я люто. — Не ищи оправданий для отступления!.. Давай, ленивая скотина, копай!.. Не на общество работаешь, а на себя, такого красивого и нарядного... Давай!.. И все бабы будут твои!

Сил прибавилось, я заставил себя вгрызаться лопатой в землю чаще, все-таки для себя, не для спасения человечества. Разогрелся так, что в глазах мутно от пота, течет не только по спине, но даже по морде. Сердце бухает в барабанные перепонки так, что наверняка выворачиваются наружу, как у восторженно поющей жабы перед самым спариванием.

Жар в ступнях ощущал, когда действительно засомневался: стоит ли долбиться впустую, там и корни толще, и земля как камень... Быстро долбанул еще пару раз и торопливо встал подошвами в самое глубокое место.

Тепло коснулось ступней, охватило голени, медленно потекло по ногам вверх, заполнило пузо и заставило затрепыхаться сердце, а спинной мозг превратился в раскаленный игольчатый стержень.

Тело залило жаром, я плотно зажмурился и даже прикрыл ладонями, и все равно мир вспыхнул таким неистово лилово-зеленым огнем, что зашипало веки.

Глава 11

Когда все погасло, я отнял от глаз ладони и некоторое время оставался в яме, прислонившись к стенке, чтобы не упасть, и старался привыкнуть к темноте, что постепенно наливается светом, звуками, а запахи в ночи становятся слышнее и отчетливее.

Через пару минут, цепляясь за края ямы и с трудом подтягиваясь, я выполз наружу и долго лежал, хватая широко раскрытым хлебалом воздух. Дикое ощущение, от усталости не могу шевельнуть пальцем, в то же время странное чувство, что могу сдвинуть горы.

Отдышавшись, снова взял проклятую лопату, ножом заострил излохмаченное лезвие, ага, лезвие, кое-как забросал яму, а потом очень старательно уложил верхний слой земли с торчащими стеблями бурьяна.

Луна светит достаточно ярко, щели засыпал раскрошенной в ладони землей, чтобы ни следа. Это на случай, если мужичок побахвалится, как заработал, а кто-то восхочет посмотреть на это место... И хотя это крайне мало-

вероятно, да и что могут найти, если скопившаяся магия вырвалась из заточения, но я, как истый демократ, человек осторожный.

Здесь никто пока не знает, что опытный геолог по траве и кустарникам может с точностью определить залегание не только нефти, но и других ценных пород, если они, конечно, находятся к поверхности достаточно близко.

Но пусть и не знают. Сперва нужно посмотреть, что за источник я выпустил из-под земли. Тогда Кабан и Ка-лило сказали, что магия иногда накапливается в земле, собирается в капли, а потом сливается в такие вот подземные бассейны, а когда переполняется, то постепенно начинает прорываться сквозь землю, а потом устремляется к звездам.

Всякий маг мечтает наткнуться на такое сокровище, это же какая мощь, но мечты мечтами и остаются. Только я понимаю, как можно находить вот такие подземные сосуды.

Назад ехал неспешно, прикидывая, как воспользоваться своей мощью, если она, конечно, прибавилась и как-то проявится.

Моя беда в том, что от магии не защищен абсолютно. И вообще не защищен. Снайперская — хорошо, пистолет — прекрасно, но тот маг едва не сжег мощным бро-соком файербола, в другие разы я чудом успевал выстrelить за секунды до того, как клинок меча раскроит мне череп.

Надо будет попробовать что-нить помасштабнее. На-пример, создавать уже не пули, а, к примеру, сам пи-столет. Не получится, так не получится, скажу, что не очень-то и хотел, хотя хочу очень. Но когда-то такая воз-можность может очень сильно пригодиться, как мне чу-ется спинным мозгом.

С утра проверить, насколько прибавилось сил, если прибавилось, не удалось: только раскрыл глаза, как в дверь деликатно постучал слуга, вошел, не дожидаясь ответа, и, поглядывая одним глазом на нечто укрытое одеялом в моей постели, прошептал:

— Ваше гледство... там вас ждут во дворе.

Я спросил шепотом:

— Кто?

— Какая-то женщина, — ответил он так же тихо. — Из деревни. Пришла еще ночью, но велела не будить. Не срочное, говорит. Дождусь, говорит, когда его гледство проснется.

— Хорошо, — ответил я. — Иди.

Как только за ним закрылась дверь, я тихонько выскользнул из-под одеяла, заодно укрыв получше Николетту.

Во дворе вблизи выхода сидит на перевернутой корзине Бдилла, чего я никак не ожидал.

Увидев меня, она вскочила, суетливо поклонилась.

— Ваше гледство! У меня большая просьба...

— Говори, — велел я настороженно, никто из нас просьбы не любит, все они чем-то да обязывают. — Наверное, важное, раз сама прибыла.

Она проговорила, чуть запинаясь:

— Для вас не важно, ваше гледство, а для нас...

— Понял, — сказал я. — Эй, Ювал, Стригун!.. И ты, Кувал, идите по своим делам. Нечего прислушиваться, о чем хозяин с женщиной интимничает. Она вот уже раздеваться начинает, не видите?

Они поспешили разошлись, Бдилла посмотрела на меня с укором, но и непонятной надеждой.

— Хозяин...

— Нечего им слушать, — сказал я твердо. — У нас секреты второго порядка, а то и третьего! Ну, говори.

Она быстро посмотрела по сторонам.

— Хозяин, слезно прошу принять... дать защиту...

— Кому? — спросил я. — У тебя уже есть. Кому-то еще?

Она кивнула.

— Да, хозяин. В лесу прячется, как зверь дикий, еще один из... таких же. Тихий, кроткий, всего боится. Кору жрет, травой питается, исхудал совсем.

Я спросил с недоверием:

— А кто он и что он?.. Может, по ночам на людей нападает?

Она затрясла головой, на лице сильнейший испуг, прошептала жарким шепотом:

— Хозяин!.. Да это самое безобидное существо!.. Он вообще не превращался уже много лет. Все время человеком ходит.

— А что в нем химерье?

Она сказала с неохотой:

— Может долго сидеть под водой. Хоть сутки. У него в воде появляются жабры, так и дышит.

Я пробормотал:

— Ну, сидение в воде вряд ли пригодится в народном сельском хозяйстве... У меня нет прудов, чтобы зеркальных карпов разводить. Если сумеешь приспособить на полезных родине и королеве работах типа за конями смотреть, скот кормить или в кузнице помочь, тогда возьму, мне люди нужны. Здоровое хозяйство нуждается в экспансии. А просто для сохранения редких видов... нет, время это не пришло. Пусть подождет столетий семь-восемь.

Она сказала с надеждой:

— Он еще умеет рыбу ловить! Как никто. А если у вас что-то упадет в воду, отыщет и достанет с любой глубины.

Я задумался, расширение возможностей никогда не вредит, хотя кто знает, но я готов рискнуть, все-таки я человек несерьезный и безответственный, но это не я виноват, такими нас вырастила партия, общество, власть, улица, зомбированная пресса, а так я вообще-то безупречен по своей изначальной сути, животные ж ни в чем не виноваты.

— Хорошо, — сказал я, — но все-таки условимся: защита моя не абсолютная. В смысле, воевать за вас не стану. Но укрыть укрою. И по мере моих сил защищать буду.

Она вскрикнула с великой благодарностью:

— Спасибо, хозяин!

Я огляделся.

— Где он? Не поверю, что ты не привела его сразу.

Она ответила смущенно:

— Хозяин... все вы сразу понимаете, даже страшно...

Мотыль! Иди сюда.

Я вздрогнул, в трех шагах от стены отделился человек, сорвал с головы шапку и низко поклонился.

— Ваше гледство...

— Ты где был? — спросил я с подозрением. — Через стены ходишь? В спальнях подсматриваешь? А в женской бане?

Его затрясло от испуга, а Бдилла сказала торопливо:

— Нет, но он умеет становиться, хоть и ненадолго, как что-то неживое!.. Когда прячется под деревом, то вроде дерево стало толще, а когда вот так у стены...

Я махнул рукой.

— Понятно, умеет хамелеонить. Очень полезное качество. Можно подкрасться к кому-то на цыпочках, а потом ка-а-ак гавкнуть над ухом!.. Кони тебя боятся?

Он замотал головой.

— Наоборот, любят. Я умею прикидываться жеребенком. И вообще от меня пахнет конем.

— Хорошо, — сказал я нетерпеливо. — Будешь помогать в конюшне. У нас оттуда двое пошли на повышение, теперь вон по верху стены ходят! Все, иди. Покажи себя на трудовом фронте. Труд — дело чести, дело славы!.. А убивать и дурак может. Я таких знаю.

Фицрой тоже прогуливался по стене с самым хозяйственным видом, не сидится на месте. Если не придумаю чего-нибудь, точно уедет куда-то искать приключений. Судя по властным жестам, указывает, где сложить камни, где разместить чан со смолой, где встать лучникам.

Я направился в донjon, надо попрактиковаться в магии, так я гордо называю судорожные попытки создания пистолета. А что, наглеть — так наглеть. Мне сейчас это жизненно важно, а что придется чем-то расплачиваться... что ж, готов рискнуть даже прической, вон Борис вовсе лысый — и ничего, не страдает.

Когда протянул руку к двери, Фицрой радостно заорал:

— Юджин!.. Гости!.. К нам едут!

Сердце мое дрогнуло и стало тяжелым, будто из сырого чугуна.

— Сколько?..

Он прокричал:

— Не трусь, всего трое! Иди взгляни.

Я бегом пересек двор, а на стену взлетел по ступенькам быстрее, чем кот на дерево, когда удирает от собаки.

К замку направляются трое всадников: впереди лорд, видно и по одежде, и по осанке, рядом что-то типа герольда, если верно различаю цвета, еще у него в руках

незнакомое мне знамя, а позади тащится на смиренной лошади крупный детина, явно слуга.

Фицрой сказал с восхищением:

— Это знак королевского посланника из Уламрии!..

Здорово. Надеюсь, тебе объявили войну.

Я дернулся.

— Ну и шуточки у тебя!

Фицрой покосился на меня в изумлении.

— Я думал, обрадуешься...

— Мы мирные люди, — заявил я, — а война — зло, потому что на ней и меня убить могут. А это нехорошо. Такого нужно избегать. Других убивать можно, а временами и нужно, а меня за что?

Он вздохнул.

— Как скажешь. Встречать пойдешь?

— А надо? — спросил я. — Ладно, если такой протокол... Надеюсь, переодеваться не надо.

Он буркнул:

— У нас даже к обеду не переодеваются. Иди, но не хами... слишком.

— Грубиян, — огрызнулся я.

Ювал уже ждет внизу у ступенек, последовал за мной почти вприпрыжку, а от ворот на меня оглянулись в ожидании распоряжений.

— Отворить ворота, — велел я. — Это не войско. А уважение нужно выказывать до тех пор, пока выказывать не надо. Я объяснил доступно?

Ворота распахнули, и трое всадников не останавливаясь продолжили путь во двор. Я рассмотрел лорда повнимательнее: красивый и приятный мужчина в опрятной одежде, доброжелательное лицо, мягкие манеры, улыбка на лице, сплошное очарование, которое нарабатывается только после долгих лет на королевской службе.

Такому палец в рот не клади, мелькнула опасливая мысль, потому я тоже заулыбался и сказал приветливо:

— Добро пожаловать! Мы всегда гостям рады. Я глерд Юджин, хозяин этого замка и всего некоторого глердства.

Всадник произнес, не покидая седла:

— Лорд Кельвин, к вашим услугам. Я тоже очень рад повидаться с вами, глерд Юджин. Вообще-то мы торопимся, но...

— Тогда не откажете выпить со мной по чашке вина? — спросил я. — А ваши люди выпьют с моими?

Он кивнул.

— Буду рад и признателен. Спасибо.

Седло он покинул неспешно, ничуть не рисуясь молодечеством, хотя тело сильное и поджарое, чувствуется либо участие во всякого рода войнах, либо усиленная подготовка к схваткам.

Я указал на вход в главное здание.

— Лорд...

Он поклонился учтиво и ответил приятным голосом:

— Благодарю вас, глерд. У вас так красиво...

Я промолчал, пошел рядом, указывая путь, слуги по дороге все поняли по моему виду, помчались на кухню.

Я провел в свой кабинет, указал на кресло у стола жестом гостеприимнейшего, нет, пока только гостеприимного хозяина, а то мало ли чего подумает.

Стол рабочий, потому на нем помимо карт и книг, найденных в кабинете, еще и тарелка с остатками пирога и следами вытекшего из сот меда.

Вбежал слуга, торопливо ухватил блюдо и унесся.

Я вдогонку крикнул:

— И вина!

Лорд Кельвин опустился в кресло с той же приятной и обходительной улыбкой, весь само очарование.

— Я специальный посланник короля Антриаса, — сообщил он, не сводя с меня взгляда. — Его всемилостивейшего величества короля Уламрии.

— Добро пожаловать, — ответил я сдержанно, — прошу вас, глерд... Чем обязан?

Он мягко улыбнулся.

— У нас больше принято называть лордами, но это как вам удобнее. В конце концов, титулы разные, а люди одни и те же...

— Уверяю вас, — ответил я легко, — мне это запомнить будет нетрудно. Я вообще за унификацию титулов, званий, чинов и степеней. Сейчас принесут вина. С дороги у всякого в горле пересыхает.

Он расположился в кресле предельно вольно, как на отдыхе, и в то же время без фривольности или чрезмерности, ухитряясь даже там оставаться полным достоинства лордом.

— Я к вам, — сказал он мягко, — уж простите, в самом деле по дороге. Был у лорда Финлея Барклема, это ваш сосед справа, потом нужно было к лорду Джеймсу Велли, это ваш сосед слева... Можно бы объехать ваши земли, что, как бревно тарана, углубились в земли королевства его величества, но я по старой памяти рискнул сократить дорогу. Надеюсь, вы не против. Раньше, когда глердство Остеранское принадлежало герцогу Келлеру, мы часто так сокращали дорогу, а герцог, в свою очередь, без всяких вопросов углублялся в наши земли во время охоты...

Он умолк и посмотрел очень внимательно в ожидании ответа. Сказано неспроста, я произнес с предельно-сдержанной любезностью:

— Нет-нет, я совсем не против. С соседями должна быть не просто дружба, а куда более близкие... как бы

сказать, близкие, почти интимные отношения. Конечно, если не ущемляет достоинства и чести сторон.

Он воскликнул:

— Конечно-конечно, дорогой глерд!.. Именно это я и хотел сказать. Моя роль как специального посланника короля заключается в поддерживании мира и согласия везде, где возникают очаги бифуркации. Вы меня понимаете?

— Да-да, — подтвердил я. — Бифуркации. Особен-но неприятны бифуркации Хопфа векторного поля на плоскости, это вообще ужас... Что пьете?.. Хотя у меня, честно говоря, и выбор вин невелик, и еще не успел все перепробовать.

Он добродушно рассмеялся.

— Что же вы так! Обычно хозяин винные погреба проверяет в первую очередь. Потом женщин... а вы, как я слышал, сперва занялись укреплением замка?

— Я неумелый хозяин, — пояснил я. — Титул глерда получил за некоторую услугу королеве... нет-нет, не интимного характера, хотя спасибо, если такое подумали. А с титулом получил и этот замок. Так что я многое не знаю, в том числе и то, что идет сперва, что потом... Так, наугад. Иногда и вовсе наобумно. По наитию, как говорят в простом народе.

Глава 12

Появились двое слуг; один подал холодное мясо, по-резанное на тонкие ломти, второй поставил перед нами по серебряной чаше и приготовился наполнять из кувшина вином.

Я сделал небрежный жест кончиками пальцев.

— Идите. Я сам налью дорогому гостю.

Они поклонились и ушли, а лорд Кельвин произнес с улыбкой:

— Вы очень любезны, дорогой глерд. Чувствуется атмосфера королевского дворца.

— Да, — согласился я. — Типичный королевский придворный. Не выше, но и не так уж ниже. Средний.

— Так безопаснее, — согласился он. — Но все же вы человек необычный...

Я на мгновение задержал кувшин над его чашей.

— Чем?

Он помедлил с ответом.

— Первое, как я уже сказал, вы не бросились жадно щупать все богатства, что вам достались, а сразу начали укреплять замок.

— Я трусливый, — сообщил я.

Чаши наполнились до венчиков, я с облегчением поставил кувшин на середину стола, вроде бы руки не трясутся, поспешно сел.

— Значит, — ответил он спокойно и внимательно посмотрел мне в глаза, — вы ощущаете свою незаурядность. Одно дело — погибнет простой и глупый глерд, другое — вы. Это будет потеря.

Я пробормотал, стараясь, чтобы в голосе звучала глупая польщенность:

— Ну, спасибо... Слышать такое приятно, хотя, боюсь, оценка завышена.

Он пил медленно, спокойно, поглядывал на меня задумчиво поверх чаши, наконец проговорил с интересом:

— А вы хорошо держитесь!

— В смысле?

— Не спрашиваете, — пояснил он, — почему вдруг специальный посланник короля посетил так срочно двух ваших соседей.

Я пожал плечами.

— Они в другом королевстве. С моей стороны это было бы бестактно. И вмешательством в суверенное пространство вполне независимых королевств.

Он отмахнулся.

— Да бросьте эти церемонии. Хорошо, если не спрашиваете, поясню сам. В землях лорда Вайтхеда возвышается башня чародея Аллерли. Это один из самых могучих магов Уламрии. О нем известно по всему королевству. Несколько дней тому он был убит...

Он сделал многозначительную паузу, при этом пристально наблюдал за моим лицом, но я, дитя жестокого и насквозь лицемерного мира, светло улыбнулся.

— Сожалею. Плохо, когда людей убивают. С другой стороны... он занимался магией? У вас это занятие не запрещено?

— В известной мере запрещено, — ответил он. — Просто обстоятельства гибели... гм... несколько странные.

— А у вас в любом случае проводят расследование?

Он ответил значительно:

— Человек он был незаурядный. Потому его гибель одних обрадовала, других огорчила, кого-то даже встревожила... но мало тех, кто остался бы равнодушным. Я имею в виду, из знати. Как вы догадываетесь, кое-кто прибегал к его услугам. Разумеется, инкогнито.

Я полюбопытствовал:

— А что за странные обстоятельства гибели? Упал с башни? Там высоко?

— Он жил на вершине башни, — подтвердил он и снова вперил в меня очень внимательный взгляд. — Вызывает изумление обстоятельство, что стены были пробиты в семи местах!.. Навылет. Великого чародея застигли врасплох. Его тело было буквально разорвано...

— Ого, — сказал я с прежним интересом. — На такой высоте... Вы предполагаете, кто-то стрелял из гастрофарта?.. Нет, что это я говорю, у вас же там чародеи резвятся вовсю... Кто-то файерболами побросался?

— Файерболы на такую высоту бросить невозможно, — объяснил он. — Или почти невозможно. Прибывшие по нашей просьбе маги не уловили ни малейших следов чужого чародейства.

— Ого, — сказал я, — серьезная комиссия. Значит, еще не определились, кого винить?

Он вздохнул.

— Расследование еще идет... но некоторые из магов уже указывают на вас.

Я охнул, привстал в волнении, снова сел.

— Меня? А я при чем?

Он развел руками.

— Уцелевшие после того избиения, что вы устроили у стен своего замка, рассказывали, что все погибали, не видя противника. Кто-то убивал их, не обращая внимания на расстояние, разделяющее голову колонны и ее хвост. Погибали почти одновременно. Значит, для кого-то расстояние не играло роли.

— Здорово, — сказал я с завистью. — Хотел бы я иметь что-то такое, чтобы расстояние не играло роли. Но нет. Мои люди были предупреждены и прятались там вблизи у дороги в кустах. Целый отряд арбалетчиков.

— Это еще не все, — сказал он значительно. — Домик чародея Аллерли был пробит в семи местах... только со стороны реки, разделяющей королевства Уламрию и Нижние Долины!

Я постарался улыбнуться как можно беспечнее.

— Лорд Кельвин... Во-первых, вы сами сказали, что домик был пробит в семи местах... навылет. Значит, семь

дыр с этой стороны, семь с противоположной. Нет дыр только справа и слева. Может быть, стоит подумать, кто мог напасть оттуда? И второе...

Он подождал, спросил вежливо:

— Да, благородный глерд?

— Неужели вы думаете, что я такой идиот, — ответил я и подумал, что идиот я действительно такой, а то и хуже, — что не зашел бы сбоку, чтобы бросить тень на кого-то другого?.. Нет, это кто-то старается отвести от себя подозрение. Вы же видите, мои люди уничтожили большой отряд противника, а тут же кто-то копирует мои действия и наносит удар уже по башне чародея, убирая соперника! Подумайте, кому это выгодно?

Он помолчал, лицо стало озадаченным, и хотя промолчал, я-то знал, о чем думает. Соперничество среди чародеев не меньше, чем среди лордов, а то и сильнее. Иногда убивают друг друга и в открытую, но чаще вот так, чтобы остальные не получили весомых улик.

— Вообще-то, — проговорил он, — чародея убили раньше, чем вы уничтожили отряд.

— Не знал, — ответил я не моргнув глазом, — потому и предположил...

Он коротко усмехнулся.

— Да, понимаю... Глерд, спасибо за угождение. Силы мои окрепли как от хорошего вина, так и от разговора с вами. У меня всегда прибывает сил и повышается настроение после беседы с приятным человеком!

Я вышел его проводить во двор, Ювал предложил поменять гостю усталого коня на свеженького, у нас их десять некуда, большинство отдали в села, но полдюжины оставили в замке.

Лорд Кельвин проговорил с понятным колебанием:

— Это было бы неплохо, но...

Ювал сказал с вежливым поклоном:

— Вы взгляните сперва на этих коней. Если понравится...

Кельвин кивнул, они надолго удалились в конюшню. Я ждал, подошел Фицрой, пахнет вином и свежим сеном, даже в волосах застрияла травинка, посмотрел вслед гостю.

— Коня продаешь?

— Меняю, — пояснил я. — У него хороший конь. Только устал еще сильнее, чем я устаю от тебя.

— Тогда это хороший обмен, — согласился Фицрой. — Жаль, без меня прошло... Я бы ему козу за коня впарил. Еще и доплату бы взял.

— Какой ты жадный...

Он сказал обидчиво:

— При чем тут деньги? Это же интересно...

В дверях конюшни показались лорд Кельвин и Ювал. Ювал вел за собой в поводу осиротевшего коня лорда Велли. Лорд Кельвин быстрыми шагами направился ко мне.

— Благодарю вас, глерд Юджин! В самом деле ничуть не уступает моему скакуну. Прекрасный конь.

— Рад, — сказал я. — Пусть это будет залогом хороших отношений с моими соседями на той стороне реки. Я не стремлюсь прослыть великим воином, потому у меня нет ни малейшего желания с кем-то ссориться.

— Очень мудро, — одобрил он.

— Посудите сами, — разъяснил я, — мне, бедному глерду, у которого и хорошего коня не было, ее величество подарила этот замок с селами и деревнями! Я поспешил, как вы заметили, укрепил замок и усилил гарнизон, а теперь, пока не отведаю вина из всех бочек в подвале и не перетрогаю всех женщин в деревнях, как вы посоветовали, даже не подумаю ни о каких приключениях!.. Да и потом не подумаю. У меня теперь не жизнь, а сказка!

Он вежливо улыбнулся, подумал, потом улыбнулся уже дружелюбнее, вполне по-мужски понимая мои появившиеся возможности, которыми не воспользоваться — себя не уважать.

— Я перескажу наш разговор его величеству, — пообещал он, — и постараюсь развеять его тревоги.

— От меня только одна просьба, — сказал я.

— Да?

— Чтобы новый сосед, — объяснил я, — который придет на смену Джеймсу Велли, оказался человеком... мирным. Мне своих крестьянок хватит на несколько лет, а там и новые подрастут... Я не пойду в чужие села. Пусть и он не ходит в мои.

— Передам, — пообещал он. — Передам.

Я нарочито помедлил и сказал подчеркнуто миролюбиво:

— Я человек мирный, но долго терпеть обиды не в моем скверном характере. Вообще-то...

Я сделал паузу, он выждал и поинтересовался:

— Глерд?

— И вообще не буду терпеть, — сообщил я с самой любезной улыбкой и проникновенно ласковым голосом, что выглядит серьезнее любых криков и прочих проявлений гнева. — Как-то вот так.

Он тоже посмотрел пристально, голос его прозвучал с зеркальной любезностью:

— Глерд, я все понял. И доведу ваши законные желания жить в мире до его величества.

Его слуга и герольд уже поднялись с помощью наших орлов в седла своих коней, весьма покачиваются из стороны в сторону, это Риттер постарался упоить, герольд даже попытался петь, но слуга ткнул кулаком в бок, и все трое величаво выехали на ту сторону ворот.

Риттер рявкнул, створки ворот пошли навстречу одна другой без спешки, но красиво и величественно, как тяжелые половинки бархатного занавеса в конце пьесы.

Глава 13

У меня есть некоторые преимущества в этом мире, однако я уступаю по силе чародеям, химерам и всяkim разным существам из зачарованных болот, лесов и подземелий. Да что там существам, никакие пистолеты не помогут, если несколько пьяных мужиков бросятся скопом с близкого расстояния.

Кстати, пистолеты. Если бы еще один пистолет, можно бы поражать сразу две цели. Вообще успевал бы свалить пятерых там, где сейчас только двоих...

Временами чувствую наполняющую меня мощь, но, к сожалению, ни в чем не проявляется. Я не стал сильнее, быстрее или выносливее, а перепрыгнуть не сумею не только ущелье, но даже широкую трещину.

Запершись в кабинете, я разобрал пистолет и начал изучать все детали, поворачивая их и запоминая, потом собрал воедино, повертел пистолет в руке, любуясь и восхищаясь изяществом научно-технической мысли, снова разобрал, и смотрел, и щупал, проводил кончиками пальцем по каждой грани и выпуклости.

— Давай, — прошептал я себе азартно, — давай!.. Ты же можешь!.. Ты все можешь, иначе какой из тебя царь природы? Или уж точно не венец творения... Докажи!

Промелькнуло еще двое суток, целых двое суток, хотя, знаю, Рундельштотт сказал бы, что всего лишь двое.

Наконец сегодня, передохнув, я сел за стол, положил руки на столешницу и, закрыв глаза, представил все сот-

ни раз ощупанные и расцелованные детали уже в самом пистолете...

Столешница под пальцами чуть дрогнула. Я поспеши-
но раскрыл глаза, сверкающий вороненой сталью писто-
лет лежит между моими ладонями!

— Сработало, — прошептал я с сильно бьющимся
сердцем. — Какой же я замечательный, умный, краси-
вый и даже петь, наверное, смогу...

Между ладонями снова пустое место на столешнице,
но сердце стучит мощно и ликующее, я чувствовал в себе
то буйство счастья, что заставляет щенка визжать и в
упоении кататься по полу, а кто-то, как говорят, кричал
в восторге, какой же он замечательный сукин сын...

— А ну-ка... еще раз...

Не получилось, слишком трясет всего в ликовании,
никак не сосредоточусь, да и слишком выложился, надо
поесть, отдохнуть...

Даже не успел понять, работающий или просто внеш-
нее подобие, а дальше сколько ни бился, повторить не
удавалось. Поел, отдохнул, снова опустился за стол и
впер бараний взгляд в середину столешницы.

На этот раз получилось с первой же попытки, но еще
несколько раз только появлялось дразняще и тут же про-
падало, но тужился, пыжился, старательно нащупывал
то состояние, когда должно даваться с легкостью, и ор-
ганизм вроде бы наконец-то начал соображать, что от
него требую, но еще раздумывал, что обойдется дешев-
ле, упираться изо всех сил или же пойти навстречу таким
причудам.

Пистолет задержался на поверхности стола, я успел
его ухватить, металл даже не горячий, но тут же пропал,
оставив ощущение приятной тяжести.

— Заработало, — прошептал я, — давай, ты же нашу-
пал, сосредоточься...

С третьей попытки сумел удержать пистолет настолько, что успел передернуть затвор, с десятой еще и прицелился в стену, и даже спустил курок. Где-то едва ли не с сороковой уже создал патрон и выстрелил в стену.

Грохнуло, кисть руки тряхнуло, а в стене брызнули мелкие осколки камня.

Я в бессилии рухнул в кресло. Теперь надо пожрать, живот присох к спине, жесткий язык обдирает горталь, словно не видел воды уже с неделю.

Дверь распахнулась, страж вырос в проеме, в руке уже оголенный клинок, а на лице готовность защищать хозяина.

Я вяло махнул ему рукой.

— Все в порядке... Крикни там, чтобы принесли поесть. И пить... Да побольше, побольше...

Еще через два дня, а то и на пятый день после визита лорда Кельвина, специального посланника короля Антиаса, владельца Уламрии, я, поупражнявшись в сокровении пистолета, отправился по пограничным селам, а Риттеру велел подготовить службу легких всадников для передачи экстренных сообщений.

На окраине сел по моему мудрому повелению начали спешно возводить легкие наблюдательные вышки, а на них собирать кучи сухого хвороста. Как только часовой увидит направляющиеся с той стороны воинские отряды, тут же должен поджечь хворост.

До замка далековато, не увидим, но заметят в селе к нам поближе, там тоже зажгут, а тот огонь будет зрим часовому на башне замка, так что сразу вышлем отряд на перехват противника. Естественно, мы с Фицроем, если найду его достаточно быстро, помчимся первыми.

В третьем селе вышку уже поставили, а когда я подъехал, у ее подножия торопливо стучат молотки, сколачи-

вают лестницу. Все бросили работу, начали кланяться, я сказал повелительно:

— Кланяться велю только бездельникам! Кто работает, пусть работает, не отвлекаются на всякую ерунду, вроде глерда.

Старшой бригады заулыбался первым, самый шустрый и быстро схватывающий.

— Ваше глердство! Мы кланяемся не потому, что надо, а потому что такому хозяину поклониться самому хочется. У меня до сих пор собаки заднюю лапу дракона грызут!.. А потом я ее над дверью в дом прибью.

Я кивнул.

— Хворост не забыли?

Он указал в сторону леса.

— Уже везут!

Две подводы, доверху нагруженные хворостом, прекрасно. Можно считать, примитивная сигнализация налажена. Потом нужно будет внедрять нечто более совершенное: передачу сообщений солнечными зайчиками.

Ладно, это чуть позже. Но сделаю, это же так просто для того, кто знает. А мы с детства пускали друг другу в глаза «солнышко» осколками разбитых зеркал.

— Отныне бдите, — сказал я строго, — от этого и ваши жизни зависят! Конечно, это не так важно, как ущерб моему благосостоянию, но все-таки...

— Все сделаем, хозяин!

— Ничего не хочу терять по вашей бесхозяйственности.

Они вежливо покланялись, юмор понимают, не женщины, а я повернул коня и понесся к другому близкому к границе селу. На сегодня это последнее, можно заканчивать с инспекцией, я сделал для обороны достаточно, дальше пусть обороняются сами.

Осталось только уговорить Фицроя принять замок... и дело в шляпе!

Я повеселел, послал коня через холм, а потом по мелководью. Дороги таким крутым не указ, они по большей части для громоздких телег, а конь у меня, похоже, вполне разделяет желание пронестись по зеленой густой траве и редкому лесу, вместо того чтобы глотать придорожную пыль...

Аккуратные домики уже появились на горизонте, когда я увидел внизу скачущих всадников. Троє преследуют одного, и, мне кажется, расстояние постепенно сокращается.

Я наблюдал заинтересованно, что-то побуждает вмешаться, но разум гуманиста говорит мудро: а оно тебе надо? Нельзя мешать людям жить по своим законам и развлекаться, как они хотят, согласно этнографическим традициям.

Хотя, возможно, там одни люди пытаются навязать свою волю другим... гм, это вроде бы не совсем хорошо, однако их большинство, а это и есть основа демократии, когда меньшинство подчиняется большинству.

Конь убегающего всадника заспрыкался и упал на полном скаку. Человек рухнул через голову. Нет, не рухнул, а перекатился, успев собраться в комок, вскочил и ринулся пешим не по дороге, где его сразу бы догнали, а в лес, причем в мою сторону.

На его беду деревья расположились с комфортом, никакой тесноты, земля покрыта зеленой травой, а дальше вся в сухой листве и в сосновых иголках, только одна валежина на пути, он ее перепрыгнул легко, но кони настигающих всадников одолели почти с такой же сноровкой.

Парень проскочил почти в трех шагах от меня, но смотрит только под ноги. Я подал коня в сторону, за-

гораживая дорогу всадникам, и требовательно вскинул руку.

— Стойте!.. Я хозяин этих земель!

Они от неожиданности начали придерживать коней, затем один крикнул двум со злостью:

— Избавьтесь от дурака! И за мной.

Пришпорив коня, он пронесся мимо, а его напарники вытащили из ножен мечи странной изогнутой формы и пустили коней в мою сторону.

Я выхватил пистолет.

— Стоять!..

Они ухмыльнулись и, вскинув мечи, начали заходить один справа, другой слева.

Я торопливо выстрелил в одного, крутнулся в седле, едва не перервавшись от судорожных усилий в пояссе, нажал скобу в тот момент, когда противник уже занес надо мной меч.

Пуля ударила его в раскрытый рот. Его отшатнуло назад, я так же быстро повернулся к первому. Тот, сцепив челюсти и с бледным лицом, одной рукой зажимает рану в груди, а другой направил острие меча в мою сторону.

— Дурак, — сказал я с отвращением.

Две пули одна за другой ударили ему в грудь, он начал валиться с коня, а я повернул свою лошадь и погнал за первым всадником, явно их вожаком.

Дорога мчится зигзагами между толстых стволов с угрожающе растопыренными ветвями, разогнаться не удается, но не удалось, как понимаю, и первому всаднику.

Зато добавило шансов беглецу. Я пригнулся к конской шее, увертываясь от веток, впереди раздался яростный конский храп, треск веток и злая брань.

Выметнувшись из-за деревьев, я увидел, как всадник, раздирая обезумевшему коню рот удилами, бросает его

то вправо, то влево, а беглец падает, перекатывается под защиту деревьев, вскакивает и снова мечется между толстыми стволами, но уже не пытается бежать, просто оттягивает момент гибели.

Я заорал:

— Всем застыть!.. Это моя земля, и здесь мои законы!

Всадник, не оглядываясь, нанес удар мечом по беглецу, у того слетела шапка, а острие меча срубило толстую ветку.

Рассвирепевший всадник заорал, не оглядываясь:

— Да ты знаешь, кто мы?

— Мне насрать, — отрезал я. — Меч в ножны!

Оклик мой прозвучал грозно, всадник вроде бы начал опускать меч, но опомнился, быстро вскинув клинок, поднял коня на дыбы и бросился на меня.

Я толчком каблука заставил своего резко отступить в сторону, теперь противник открыт, и быстро выстрелил дважды в середину груди.

Тяжелые пули заставили его качнуться в сторону крупа, но удержался в седле, посмотрел на меня бешеными глазами. Рука все еще держит меч, хотя тот пошел под своим весом вниз.

Выронив тяжелый меч, он другой рукой вытащил из ножен тонкий узкий кинжал.

— Еще не понял? — спросил я. — Ладно, дураков не жалко.

Кровь потекла у него изо рта, он проговорил с трудом:

— Ты тоже из... них?.. Или просто дурак?.. Но все равно... мы довершим...

— Не дури, — сказал я, — тебе лучше бросить ножик. Брось финку, я тебе говорю!

Наши кони сблизились боками, а ноги в стременах ударились одна о другую. Он начал замедленно поднимать кинжал, я хотел было выстрелить прямо в морду,

но вместо этого перехватил слабеющую руку за кисть, с силой вывернул.

Кинжал выпал, всадник с болезненным стоном рухнул с седла и тяжело упался о землю. Я огляделся по сторонам, беглец исчез, вот дурак, я же защитил, но вдруг это беглый преступник, а я сразил служителей закона?

Вожак погони распластался на спине, часто дышит, лицо уже бледное, кровь изо рта течет по обе стороны. Я запоздало обратил внимание, что всадник в железной кирасе, как в поножах и наручах, а под кирасой настоящая железная кольчуга, которых ни разу не видел в королевстве Нижних Долин!

Я покинул седло, повод набросил на толстую ветку. Воин не сводил с меня взгляда, в нем все еще горит ненависть, хотя жизнь вытекает с каждой каплей.

Подойдя ближе, я смерил его недобрыйм взглядом.

— Кто ты?

Он прохрипел:

— А кто... ты?

— Неуместный вопрос, — отрезал я холодно. — Тебе это знание ничего не даст, а вот мне... Возможно, мы на одной стороне.

— Тогда... почему...

— Это мои земли, — ответил я с надлежащей надменностью. — Только я имею право и должен творить суд, обрекать и посыпать на казнь!

Он скривился.

— Мелкий местный лордик... не видевший еще мира... что ты можешь...

— Лучшие из королей, — отрезал я, — получают корону не по наследству, а силой берут, будучи еще мелкими лордиками!

Он скривил губы в слабой усмешке.

— Тогда мы в самом деле на одной стороне... Мы — закон, и мы за крепкую власть... И против войн между королевствами... А это враг, что сеет вражду...

Он дернулся и умолк. Я сказал быстро:

— Говори! Кто он? Я сам найду эту сволочь!

Глаза его немигающие смотрели в небо. Я постоял немного, хотел было закрыть его глаза, как вроде бы положено, хотя, с другой стороны, кому какая разница, все равно тут не красивые похороны, а вороны выклюют глаза, хоть надвигай на глазные яблоки верхние веки, хоть не надвигай.

То же самое с похоронами. Как-то глупо копать могилку в лесу. Их делают для того, чтобы родня приходила хоть иногда и благочестиво клала на земляной холм дешевые цветы.

Конь с хрустом объедает молодые веточки, я поднялся в седло и сказал невесело:

— Проедем дальше... куда этот беглец мог смыться?.. Теперь найти и наказать — долг перед невинно убиенными некой торопливой сволочью в лесу.

Хотя, конечно, если бы не хамили, все было бы иначе. Но слишком разгорячены и разозлены погоней в лесу, где ветви исхлестали морды, а сучья изодрали одежду. К тому же привыкли чувствовать свою правоту, а всякий, кто противится закону, уже сам преступник...

Ладно, не все в жизни происходит так, как нам хочется. Я продолжил рейд по деревням, там еще две близко к разделяющей наши королевства речушке, как бы я хотел, чтобы она превратилась в широкую и глубокую, провел сигнальные вышки и вернулся в замок.

Еще издали услышал громовой голос Риттера Широкий Щит, дико орет на мечущихся по верху стены мужиков, но голос достаточно довольный.

Передо мной, как хозяином, распахнули обе створки ворот, Риттер вышел навстречу, могучий и уверенный, коротко поклонился.

— Глерд...

— Чего кричишь? — поинтересовался я.

Он отмахнулся.

— Да учу тут олухов. Слухи о победах и богатых трофеях прошли по деревням и селам, ваше глердство. Отбою нет от желающих служить вам! Вот отбираю лучших...

— И как они?

Он широко улыбнулся.

— Олухи. Но стараются. Так что скоро будет настоящий гарнизон. Сможем оборонять замок даже без магии.

— Вот это бы здорово, — сказал я с облегчением. — Мне бы так сделать, чтобы все шло без меня. Как-то надо наладить самоуправление, а то с правами человека здесь проблемы. Нужна демократия, чтобы каждый за себя и только Бог за всех.

Глава 14

Неделя прошла в обустройстве, за все время Риттер подготовил, как он сообщил с гордостью, два десятка молодцев, что сперва натаскали на стены камней и укрепили в деревянных корытцах на веревках, можно опрокидывать на головы осаждающих в любой момент, а еще половина из них прекрасно стреляет в лесу оленей, что значит, и в человека не промахнется.

— Уже утешает, — одобрил я. — В человека лучше не промахиваться. Человек — зверь злобный.

— Не промахнутся, — заверил он. — Такому глерду все служить рады! Я отобрал лучших.

Со стороны ворот раздался крик, Риттер сказал поспешно:

— Кто-то едет? Пойду посмотрю.

Смотрящий на воротах прокричал:

— Один человек! Открываю?

— Открывай, — велел Риттер, не дожидаясь моего позволения. Оглянулся на всякий случай, я кивнул довольно.

Для гостя открыли одну половинку ворот, всадник въехал медленно и с некой торжественностью, посадка в седле гордая, даже властная.

Пока ему помогали спешиться, я рассматривал гостя внимательно и настороженно.

Рост и сложение среднее, но лицо волевое, сильное, даже жестокое, такое должно быть у полководца, отправляющего на смерть сотни людей, чтобы спасти тысячи. Камзол темно-бирюзового цвета, принадлежность к высшему кругу знати — золотая нить по воротнику, это что-то типа высокого воинского ранга, точно не знаю, но самое главное — кираса отливает качественным металлом, мне кажется, это не простое железо, а уже сталь.

Я вышел навстречу, он спешился и ждет, выражение лица непроницаемое.

— Глерд Юджин, — назвался я. — Хозяин этого замка.

— Уильям Томсон, — представился он, — лорд Томсон. Я с чрезвычайно важной миссией...

Я прервал:

— Вы из Уламрии?

Он сдержанно улыбнулся.

— Вас такое задевает? Насколько я знаю, между нашими королевствами нет войны.

— Нет, — согласился я, — более того, вы мой гость, замок и все, что в нем есть, к вашим услугам.

Он поклонился.

— Спасибо.

— Вообще, — добавил я, — стою за мир без границ, за свободный обмен товарами, людьми, информацией. Так что с моей стороны вы не ощутите никакой ксенофобии.

Он улыбнулся еще шире.

— Вы не представляете, как меня радуют ваши слова! Я обратил внимание, с каким интересом вы рассматривали мою кирасу. Что-то необычное?

— Нет-нет, — заверил я, — все обычное, не волнуйтесь. Просто в этих местах технология несколько отстает...

Он приятно улыбнулся.

— Несколько отстает?.. Да, вы правы, совсем несколько. Хотя и очень даже совсем несколько.

Ювал подошел и с поклоном пригласил следовать за ним, но лорд Томсон покачал головой.

— Самое большее, — объяснил он ему вежливо, — что я могу себе позволить, это кубок легкого вина с нашим хозяином, очень уж в горле пересохло, а дальше просто вынужден ехать дальше и дальше.

— Чем-то могу помочь? — спросил я. — Прошу вас сюда.

Он пошел рядом, спокойный и уверенный, по сторонам не поглядывает, но чувствую, что замечает и оценивает все, что попадает в зону охвата взглядом.

— Да, — ответил он после паузы, — можете. Это же ваши земли?.. Трое моих соратников ушли впереди меня, но что-то от них нет известий, хотя все сроки прошли.

— Эти трое тоже из Уламрии?

Он кивнул.

— Да.

— У них была какая-то цель?

Он снова кивнул.

— Выслеживали опасного преступника.

Мы поднялись на второй этаж, я кивком велел слуге принести вина в кабинет, а гостю любезно придвинул кресло и сел напротив.

Он посматривал по сторонам с любезной улыбкой, слуга принес кувшин и кубки.

Я сам их наполнил и подал лорду.

— За ваше здоровье! Похоже, беглец ушел от них слишком далеко.

— Это невозможно, — возразил он. — Они на прекрасных выносливых конях, а он удирал пешим. Они должны были догнать его неделю назад.

— Мог украсть коня по дороге, — предположил я.

Он сделал большой глоток, подумал, кивнул.

— Да, это осложнило бы погоню. Потеряли бы пару дней еще... Но вряд ли намного больше.

— И они не вернулись?

Он покачал головой.

— Нет. Меня это тревожит.

— Он их перебил?

— Он не боец, — произнес он с пренебрежением. — Но что-то случилось неожиданное. Глерд Юджин, мне просто повезло, что вы встретились так вовремя. Я расчитываю на вашу помощь...

Я покачал головой.

— Этот замок достался мне меньше месяца назад без гарнизона и слуг. Я только начинаю понимать, где что происходит, где у меня какие села... Для охраны замка набрал парней из сел, но надо же обучить пользоваться хотя бы копьями!.. В общем, я с головой занят только внутренними проблемами. Однако...

Он сказал живо:

— Да-да, слушаю...

— Не буду вам мешать, — сказал я. — Хотя это мои земли, здесь только я вершу суд, однако понимаю высокие цели, которые могут быть выше, чем не только мои, но даже королевские. Так сказать, общечеловеческие.

Его лицо несколько помрачнело, посмотрел на меня исподлобья.

— Глерд...

— Юджин, — подсказал я.

— Глерд Юджин, — повторил он неспешно, — я не сам по себе, а представляю в своем лице очень влиятельную и могущественную организацию. Мы не только ценим помочь, но и всегда очень признательны за нее.

Я кивнул.

— Знаю-знаю, дорогой лорд. Вы за мир и прогресс, как я понимаю, судя по вашей великолепной кирасе. Я тоже, кстати. Но сейчас я в самом деле ничем помочь не могу. Вы же видите эту мусорную кучу, что называется моим хозяйством!

Он коротко усмехнулся.

— Вас тоже понимаю. Спасибо за хорошее вино.

Я развел руками.

— Чем могу... Успешных поисков!

Я не слишком уж чувствительный, если не сказать больше, вообще-то даже горжусь, что вот такая свинья грубая и неотесанная, но на этот раз пару раз даже просыпался ночью, пугая Николетту, все мерещатся те трое, которых я застрелил достаточно хладнокровно...

Ну да, я защищался, законная самооборона, иначе убили бы они меня, потому лучше я их, но все равно чувство гадкое. Потому, чтобы снять этот мерзкий осадок с души, если она у меня есть, хорошо бы самому найти того гада и пристрелить самому.

А те трое погибших... ну что ж, на войне гибнут и невинные. Война ожесточает, потому обошлись со мной так грубо...

Вообще-то хватит себя грызть, это не грубо, а слишком грубо. Острым мечом по голове... это даже слишком-слишком грубо. Но все равно получилось не весьма. Но закономерно.

Через два дня, как отбыл лорд Томсон, я собрался и выехал на то место, где застрелил тех троих. Лорд из Уламрии вряд ли найдет, это в стороне от дороги в неглубоком овражке, заросшем густой и высокой травой, но я помню прекрасно, словно как бурдюк с магией и память слегка взбодрил.

Но все-таки малость попетлял, пока нашел, а оттуда уже двинулся в том направлении, куда понесся тот беглец.

Пришлось перевалить пару холмов, в долине медленно передвигается туман из ближайшего болотца. Дома как будто плывут по серому застывшему морю, странный пейзаж, когда вот так небо затянуто тучами, то будто никуда не уходил из сумрачного осеннего Подмосковья...

Я пустил коня вскачь, я же глерд, на стук копыт из-за плетней начали выглядывать крестьяне, а я пронесся до середины единственной улицы, остановил коня.

— Эй, меня все знают?

Чем-то несмелый голос отозвался издали:

— Вы наш хозяин. Юджин, Победитель Дракона...

— Ого, — сказал я опасливо, — тяжелое звание. Как бы脊на не подломилась. И слишком уж обязывающее... Через эту деревню не проходил ли неделю назад чужак? У него ранена рука. Сам он не смог бы далеко уйти...

Потихоньку смелей, они выходили на улицу, столпились со всех сторон, часто кланялись, но помалкивают. Я сперва решил, что скрывают что-то, но они все с ожи-

данием повернули головы в сторону крепкого чернобородого мужика.

Он вскинул на меня взгляд черных разбойничьих глаз.

— Нет, ваше гледство, не проходил.

— Уверен?

— Я староста, — ответил он с достоинством, — знаю, что здесь у каждого на плите и в тарелках. Никто не проходил из чужих, но вчера приезжал на коне один знатный по виду гледр, спрашивал про троих всадников.

Я насторожился.

— И что он узнал?

Староста развел руками.

— Всю правду. Никакие три всадника к нам не приезжали. Ни три, ни два, ни один.

— И что сделал тот знатный гледр?

— Вздохнул, — сообщил староста, — повернул коня и поехал обратно. Похоже, даже выругался. Но не так, чтобы слишком уж громко. Все-таки здесь дети...

Я перевел дыхание. Все верно, трое и не могли сюда добраться, крестьяне не врут, вижу. А лорд Томсон, тоже это видя, сообразил, что дальше ехать глупо, нужно искаать в других направлениях.

— Хорошо, — сказал я величественно. — У вас сколько домов в деревне?

— Восемь, — сообщил староста. — А как женится Коряга на Выдре, то выстроим им девятый. Мы всегда помогаем друг другу. У нас опчество!

Я кивнул, повернулся коня, но один из мальчишек пискнул тонким голоском:

— Девять домов! Уже девять!

Староста цыкнул недовольно:

— Брысь, щенок!.. И не лезь, когда старшие говорят.

Мальчишка попытился, а я сказал заинтересованно:

— А что там за девятый дом?

Староста пояснил:

— То не дом, а хутор. Дитя малое, если не знает разницы, для него и сарай тоже дом.

— А что за хутор? Где?

Он пренебрежительно махнул рукой.

— Там, на краю леса. Дергач поставил лесную избушку, чтобы по своей лени не ходить далеко в село. Говорит, будет сразу отсыпаться на месте.

Я кивнул.

— Понятно. Спасибо, все свободны.

Был бы я повнимательнее, заметил бы тот домик раньше, когда проезжал мимо, он у самого леса, ночью волки наверняка заглядывают в окна.

На выезде из села встретил повозку, груженную хворостом и уже нарубленными поленьями, возница сорвал шапку, поклонился.

Я указал в сторону далекой хижины.

— Там Дергач и живет?

Возница помотал головой.

— Живет? Нет он там не живет...

— А где?

— Нигде не живет...

— Это как?

— Подрабатывает у разных людей, — пояснил он со степенностью человека, у которого есть постоянная работа, одна на всю жизнь, — спит обычно у них в сарае или на конюшне.

Я буркнул:

— Свободная натура, значит. Художник, бунтарь...

А где работает сейчас?

Он пожал плечами.

— Работал у Гонтиллы, но уволился, потом у Яноша, оттуда выгнали... затем был подручным кузнеца. Характер буйный, в таверне часто затевал драки. Но последние

дни он не выходит из своей халупки. Говорят, к нему теперь часто ходит Ягелла, дочка мельника...

— Спасибо, — сказал я. — Насчет дочки мельника — ценная информация.

Конь пошел вскачь, через несколько минут я соскочил на землю, накинув повод на вбитый в бревенчатую стену крюк, толкнул дверь и сразу же увидел за столом двух мужчин.

В одном моментально узнал того беглеца, а у плиты на kortochkaх сидит молодая девушка и заглядывает в поддувало.

Беглец вряд ли узнал меня, не до того было, но насторожился, одна рука пошла вниз к бедру.

Я выхватил пистолет, оба мужчины застыли, инстинктивно понимая, что если я предпочел эту штуку мечу, то она куда опаснее.

Беглец вскинул обе руки кверху.

— У меня нет оружия!

— Зато есть у меня, — прорычал я.

Они не шевелились, а от плиты тонко прокричала девушка:

— Великодушный глерд, он не враг!

— А кто он, — рыкнул я люто, — если за ним гнались люди закона?

Они повернули головы к беглецу, тот промямлил:

— Они не люди закона... Вернее, закона, но закон у них свой... закон их Ордена...

— Что за Орден? — потребовал я. — Ты что, химера?

Он помотал головой.

— Нет-нет, благородный глерд, я не химера!.. Я раньше был на королевской службе... Это я служил закону!.. Но, на свою беду, наткнулся на заговор против короля и по своей самонадеянности начал его разматывать. А у Ордена власти больше, чем у короля.

— Что-что?

— Незримой, — поправил он себя торопливо, — все, кто за короля, на виду, а людей Ордена никто не знает. Даже в Ордене не знают всех членов, это ведомо только великому магистру.

Я прорычал все еще зло:

— А что за цели Ордена? Может быть, дать счастье всем людям на свете?.. Ты вообще-то кто?

Второй мужчина, явно Дергач, хозяин хутора, тихонько попросил:

— Великодушный глерд... может быть, вы опустите свой ужасающий арбалет?.. Мирмик не враг, он испуган и просит нашей защиты.

Я спрятал пистолет в кобуру, сел на табурет у входа и сказал с неприязнью:

— Рассказывай. Можете сесть. Оба.

Мирмик робко опустился на краешек лавки.

— Они и говорят, — сказал он слабым голосом, — что хотят счастья всем людям вне зависимости от того, в каком королевстве те живут...

— Хорошая программа, — сказал я.

Мирмик и Дергач содрогнулись, а Мирмик продолжил совсем упавшим голосом:

— Для этого умело стравливают королевства, сеют раздоры, смуту, поднимают мятежи, а сами тем временем проталкивают своих людей все выше и выше в управление цехами, гильдиями, городами и даже в королевские дворцы. В нашем городе городской стражей руководит человек Ордена, однако, вы не поверите... одной из самых крупных банд управляет тоже их человек!

— Хорошая программа, — одобрил я. — А насчет того, что не поверю... Я такое уже видел. Очень действенный прием. Самая устойчивая власть та, которая руководит и оппозицией.

Он сказал печально:

— Это не просто война между двумя королевствами, те простые войны видят все остальные. А это незримое сражение идет не одну тысячу лет, и Орден все усилива-ется.

— Тысячи лет? — переспросил я. — Да что это...

— Они не спешат, — ответил он. — Каждый шаг выверяют очень тщательно. И никогда не ошибаются. Только потому никогда не откусывают кусок больше, чем смогут тут же проглотить.

Дергач буркнул с недоверием:

— Мирмик, ты загнул. В тысячи лет и я не поверю.

— А я вот поверить могу, — сказал я, — сам знаю один такой Орден, хотя он действует легально и назы-вает себя церковью. Работает уже третью тысячу лет... Но разве этот Орден собирается разжечь всеобщую войну? Гм...

Мирмик сказал с жаром, подбодренный, что я под-держал его хотя бы в одном:

— В такой войне они уцелеют. Да-да, это предусмо-трено. У них такие продуманные планы... А когда придут голод и хаос...

Я договорил:

— Легче будет выйти из тьмы и взять власть в свои руки... уже сбросив капюшоны. Так?

Он кивнул.

— Да.

Я подумал, сказал с неудовольствием:

— У меня своих проблем выше крыши. Впутываться в ваши разборки нет желания. Тем более — что-то ре-шать или помочь. Ладно, скажу одну не лучшую для тебя новость...

Они все трое смотрели с такой надеждой и мольбой в глазах, что мне стало совсем неловко.

— Из Уламрии, — сказал я почти со злостью на самого себя, — прибыл некий лорд Томсон...

Мирмик охнул, отшатнулся к стене.

— Томсон? Это глава отделения Ордена в Уламрии!

— Ага, — сказал я, — знаешь такого? Значит, не просто ему на ногу наступил?..

Его лицо медленно бледнело, он проговорил с трудом:

— Он убьет не только меня... но всех, кто мне помогал... Так у них заведено. Дергач, быстрее собери мне мешок в дорогу!

Дергач крикнул:

— Ты чего? Подожди Вовка, только он проведет через гору кратчайшим путем!

Мирмик замотал головой.

— Нет-нет, здесь оставаться опасно. Я лучше подожду его там... у горы.

Я поднялся.

— Ладно, не буду вам мешать.

Глава 15

Назад ехал злой и поколебленный, однажды даже натянул повод, намереваясь вернуться, но, с другой стороны, чем я могу? А если даже и могу, то этих бедных и угнетенных везде полно, не наспасаешься. Нужно как-то так, чтобы сами. Самооборона, самоуправление, самоспасение. Феодал должен вмешиваться только при нападении другого феодала.

Так оно и было вначале, а потом то ли сами феодалы стали брать на себя добавочные обязательства, чтобы крестьяне работали и на отвлекались на самооборону и разбирательства в судебных тяжбах, то ли крестьяне ухи-

трились хитро свалить на них все, вплоть до права первой брачной ночи.

Ладно, у меня сейчас задачи поважнее, сразу же, как приеду в замок, запрусь и...

Вернувшись в замок, я в самом деле заперся и несколько часов тренировался в материализации пистолета. Почему-то с ним особенно трудно, зато стало намного проще понимать, кто и как к тебе неровно дышит.

Достаточно было устремить на такого взор и сосредоточиться особым образом, ну как ушами пошевелить или быстро-быстро глазными яблоками, как тут же ловил идущую от него либо злость, либо зависть, хотя, чаще всего, конечно, полнейшее равнодушие.

А с материализацией тут, я слишком уж материалист, это мешает, но когда удается настроить себя на эту волну, то удается и патроны делать с такой легкостью, что даже не чувствуешь усилий, как бы само, только пожелай, и пистолет возникает вполне рабочий. Хоть и ненадолго.

Обед велел подать в кабинет, калории тратятся и на магию, кто бы подумал. Чем больше ею пользуюсь, тем больше жрется. Хотя, возможно, слово «пользуюсь» не совсем верное. «Расходуешь» куда точнее, что как бы напоминает, что если тратишь на хрень, может не остаться на нужное.

Так, ни на что не отвлекаясь, поработал с самодисциплиной разума или мозгов, у меня это не одно и то же, мало ли что у других. К вечеру пистолет начал получаться без усилий. Это главное, потому что когда он понадобится, боюсь, сосредоточиться не получится, а тишину и покой мне вряд ли обеспечат в момент боевой обстановки.

Сейчас же сумел приучить мозги, что пистолет возникает в ладони в тот же момент, как только возжелаю. И без усилий, без пыхтения и вытаращивания глаз. Соб-

ственno, титанические усилия были в самом начале, когда и пыхтел, и надувался, как жаба, и дико сопел, но теперь все хирургически точно и тонко: подумал — получил.

Правда, успеваю сделать только восемь выстрелов...

Сейчас задача: создавать пистолет хотя бы на пару минут, а потом... научиться распылять по своему желанию. Если не сумею сам, буду спрашивать у Рундельштотта.

В бесполезных сражениях со своей тупостью прошел еще день, а на третий, когда я с утра снова и снова создавал пистолет и считал секунды до его исчезновения, услышал через распахнутое окно взволнованные голоса Ювала и Риттера во дворе.

Раздраженный, сейчас мне все мешает, я бросился к окну, готовый наорать на всех. Там в середине двора на крупной лошади крутится в седле мальчишка и что-то горячо объясняет собравшейся челяди.

Мне показалось, что мальчионку уже видел, крикнул слуге в коридоре:

— Пойди узнай, в чем дело!

Он исчез ненадолго, вернулся уже не сам, а придерживая мальчишку за плечо.

— Ваше гледство, — сказал он виновато, — вам лучше самому послушать...

Мальчишка выпалил горячо:

— Я Орлик, сын старосты, вы были в нашем селе!..

— А-а, — ответил я, — помню теперь. Что там случилось?

— Дергача и Ягеллу, — выпалил он, — убили!.. И хутор спалили!

Я насторожился, остро захотелось, чтобы дело свелось к бытовой драке, но с холодком чувствовал, что этим не обойдется.

— Кто?

Он выкрикнул, почти плача:

— Это тот, кто искал какого-то беглеца!.. Он даже не скрывался!.. Его видели!..

— Он же уехал, — проговорил я, холода.

— Но никого не нашел, — проговорил он жалобно, — и вернулся. Сказал, что если не найдет снова, то и всем нам достанется...

Когда я прибыл в село, Дергача и Ягеллу уже похоронили. Староста хмуро сообщил, что оба тела оказались изуродованы самым зверским образом. Особенно поиздевался над Ягеллой, то ли потому, что женщина, то ли потому, что женщины слабее и скорее выдадут то, что пытаются сохранить в тайне. Я с трудом сдерживал ярость. Ягелла простая деревенская девчонка, ничем не примечательная, но женщин вообще убивать нельзя! Даже тех, кто бросается с оружием, стараемся убивать только при самой острой необходимости, а это была совсем беззащитная овца...

— Где он сейчас? — выдавил я через перехваченное судорогой горло.

Староста повернулся, указал рукой.

— Поехал туда... Но вряд ли пойдет по прямой. Он же не нашел того, кого ищет...

— Пойдет по кругу?

Он кивнул.

— Скорее всего. Будет искать следы.

Я чувствовал, что от злости не могу говорить, челюсти сведены так, что если разожму, будут лязгать.

— Я найду, — прошипел я наконец. — Я найду эту сволочь...

Носился по лесу я больше часа, пока не напал на след. И хотя следопыт из меня, как я уже говорит себе, никакой, однако то ли злость обострила все чувства, то ли та

скопившаяся во мне магическая энергия из-под земли, я даже не знаю, то ли остатки запаха, то ли какие-то особенности в оттисках копыт в мягкой земле, но когда я их увидел, уже достаточно уверенно развернул коня и пустил по следу.

И опять же, еще ничего не увидел за пробегающими мимо деревьями, а уже ощущил, что та надменная сволочь близко, как только обогну вот тот могучий дуб, так сразу и...

Конь мой вынесся за поворот мощно и с грохотом копыт, всадник в полусотне шагов резко оглянулся.

Я начал придерживать коня, а лорд Томсон развернул своего жеребца и ждал меня с холодным и высокомерным видом.

— Лорд, — сказал я хриплым от ярости голосом, — вы убили двух моих человек!

Он вскинул левую бровь.

— Они работали на вас? Выполняли ваши приказы?

— Они мои крестьяне, — выпалил я. — Они под моей защитой! Они работают, приумножают мое богатство и мою власть, платят налоги, а за это я обязан защищать их!

Он произнес холодно:

— Сожалею, но они оказали помощь преступнику.

— Меня ваши разборки не касаются, — выкрикнул я.

— Это не наши разборки, — подчеркнул он. — Дело касается настолько серьезных дел, что даже любые королевские... мелочь. Уж простите, глерд, но дела вашего глердства вообще...

Мне показалось, что он чуточку скосил глаза на придорожные кусты, всего на кратчайший миг, но я тоже зыркнул туда и сразу рассмотрел за оранжевыми ветвями синеватый силуэт опустившегося на колено человека.

— Это мои дела, — почти прорычал я, — и я запрещаю...

Он прервал с холодком:

— Глерд, вы показались мне очень умным человеком. Куда умнее, чем косолапые увальни, населяющие здесь замки. Глерды они или не глерды. Возможно, мы смогли бы даже привлечь вас на службу... Ведь наши взгляды на мироустройство совпадают, не так ли?

— Совпадают, — ответил я зло. — Еще как!.. Но все-таки я против самосуда.

Он возразил:

— Никакого самосуда! Этот человек осужден конклавом из семи человек. Единогласно, кстати.

Я ответил тише:

— Верю. Но здесь моя епархия.

— Я лишь исполняю приговор, — произнес он вежливо, но твердо. — Исполнители куда-то исчезли, потому я сам... Вам жаль тех двух крестьян?

— А вы как думаете?

Он кивнул.

— Понимаю. Я могу компенсировать их стоимость. Из своих личных средств, потому что наш суд не одобрят такое мягкое поведение. К сожалению, для суда важнее то, что они виновны в помощи преступнику. Мне ничуть не доставляет удовольствие то, что мне пришлось сделать, но я должен был услышать, куда ушел нарушитель.

— И они... сказали?

— Да, — ответил он. — Я его практически настиг. С большой вероятностью он прячется вон в той расщелине, видите? Их должно быть двое. Мой беглец и местный житель, который за плату переведет его через горы... Но теперь их обоих не минует кара нашего Ордена.

— Я не видел текста обвинения, — заявил я. — Не слышал показания свидетелей, адвоката, обвинителя и,

конечно, судьи. Конечно, я не сомневаюсь в вашей компетентности и умении тщательно разбирать подобные дела...

Он сказал с нетерпением:

— Так в чем же дело?

Я ответил со вздохом:

— С искренним сожалением, уж поверьте, должен повторить, что здесь я — закон. И только я выношу приговоры. Если хотите, чтобы я согласился с приговором вашего суда, я должен ознакомиться с материалами обвинения... Извините, мне очень не хочется такое говорить, вы человек не только знатный, но грамотный и очень умный, но... моя роль глерда предусматривает, что я обязан вести себя как глерд, хотя мне это очень и не нравится.

Он ответил резко, уже теряя терпение:

— Мы вам все предоставим! Потом.

— Боюсь, — сказал я, — что не могу согласиться...

— Глерд, — произнес он, повышая голос, — тогда и вы обречены!

Со стороны кустов резко пахнуло холодом. Я быстро пригнулся, выхватил пистолет и дважды выстрелил в синий силуэт. В тот же миг над головой вжикнула и с неприятным стуком погрузилась в ствол дерева короткая арбалетная стрела.

Лорд Томсон молниеносно выхватил меч, я отшатнулся, выстрелил почти автоматически. Лорд, содрогнувшись, начал опускать клинок, но все же заставил коня сделать шаг в мою сторону.

Я смотрел то в его перекошенное болью лицо, то как неровными толчками кровь выплескивается из двух отверстий с левой стороны блестящей кирасы.

Он наконец выронил меч, пошатнулся в седле.

— Кто... ты?

— Хозяин глердства Остеранское, — отрезал я. — Вы это знаете, благородный лорд. Что-то передать твоим хозяевам?

Он проговорил с трудом:

— У нас нет хозяев... Мы... свободны... А ты...

— Вы рабы Устава, — сказал я обвиняюще. — И тоталитарной доктрины!.. Гореть вам в аду...

Он рухнул с седла, но и там, распростертый на спине и уже умирающий, все еще смотрел на меня с непонятным изумлением.

Я услышал затихающий шепот:

— Давно не слыхал таких слов... Глерд, мы на одной стороне... Прошу вас...

В последнем усилии он стащил с пальца золотое кольцо с поблескивающим камешком и протянул мне.

— Спасибо, — ответил я, — у меня другая ориентация. Ни кольца, ни сережек в ушах, ни пирсинга...

Он прошептал с усилием:

— Это кольцо власти... Кольцо самого Эйнарда...

Он держал руку с таким усилием, что я невольно взял из его холодающих пальцев это кольцо. Рука его рухнула на землю, а он вздохнул и закрыл глаза.

Я сунул пистолет в кобуру, а кольцо в карман, пальцы все еще трясутся. Как-то не по себе, когда стреляю не в набегающих из кустов грязных разбойников, а в спокойного и мудрого лорда, знающего и просвещенного, в немалой степени обогнавшего время.

— Ладно, — проговорил я, нехотя и словно оправдываясь, — умные и просвещенные не всегда правы. Хотя просвещение право всегда, а вот просвещенные люди...

Если верить его словам, Мирмик вон в той расщелине. Горы уже перегораживают дорогу дальше, длинная и высокая горная цепь, любая погоня на конях останется на этой стороне.

Я несколько раз окликнул его по имени, один раз даже заверил, что лорд Томсон убит, но все оставалось тихо. Я послал коня между камней, он подобрался ближе к расщелине и почти сунул в нее морду, когда послышался шорох, покатились камешки.

Мирмик спустился ко мне, а там еще выше из второй расщелины выглянул лохматый мужик, что смотрит на меня с недоверием и сжимает в руке длинный нож.

— Лорд Томсон убит, — повторил я. — Он держался чересчур невежливо. А вам обоим желаю перебраться.

Мирмик переспросил с недоверием:

— Он точно убит?.. У них такие возможности...

— У меня тоже, — сказал я скромно. — Если что видели... я имею в виду нашу стычку с вашими преследователями, забудьте.

Мирмик торопливо закивал.

— Да-да, благородный глерд! И никогда не вспомним тот ужас.

— А еще, — продолжил я, — не вздумайте возвращаться. Оба. Особенно ты, Мирмик. У тебя, как я слышал, никого здесь нет, так что тебе все равно, где жить. Оставайся там. Возможно, по следам Томсона пройдут еще из его Ордена. Похоже, у них это пунктик — доводить все до конца. Надеюсь, если ничего не найдут, на этом и закончится. Но если кто-то из вас вернется...

Мирмик зябко передернул плечами.

— Ни за что!.. Я видел, что он сделал с Дергачом и Ягеллой. Ни за что, клянусь!

— Тогда сбросьте труп вон в ту яму, — велел я.

— Да-да, благородный глерд!

— И завалите землей и камнями, — добавил я. — Я против похорон мерзавцев, но это чтобы не нашли те, кто может отправиться на поиски. Я не знаю их возможностей.

Мирмик сказал быстро:

— Все сделаем! А потом сразу, как два горных козла...

— Кстати, — прервал я, — вон там в кустах еще один.

Труп, понятно. Его тоже сюда.

Оба смотрели на меня с безмерным изумлением.

— Еще один? — проговорил Мирмик. — Откуда вы знаете?

— Вдруг показалось, — ответил я кратко. — Показалось, что там кто-то умер от сердечного приступа. От разрыва сердца, как говорят в народе. Очень мощного разрыва.

Конь недовольно всхрапнул, когда я развернул его обратно. Я оглянулся на Мирмика и его проводника. Оба уже, пыхтя и напрягая слабые силенки, тащат труп лорда Томсона к яме.

— Давай обратно, — велел я коню. — Там отдохнешь. Я тоже. Второго коня брать не будем, не ревнуй.

Конь довольно хрюкнул и вскочь понес через лес к дороге.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

В замке деловая суeta, народу из сел прибавилось, все ощутили некую цель в жизни, жизнь кипит, а я, пообедав, уединился в кабинете и пару часов напряженно пытался создавать пистолет уже на предельное время. Или на то, чтобы успеть попользоваться хотя бы минут пять.

Но вот распылять пока не получается. Сам по себе внезапно исчезает, заставляя опустевшую руку глупо подпрыгнуть.

Догадываюсь, у чародеев еще и высочайшая ментальная дисциплина. Это же как нужно уметь сосредотачиваться, чтобы в воображении держать сотни, а то и тысячи разных объектов, дабы получилось нечто завершенное! А потом еще и удерживать долгое время...

Когда я вышел во двор, надо же показываться челяди суровым и грозным, а то хозяина-ботаника уважать перестанут, народ в самом деле задвигался быстрее, Риттер начал покрикивать на своих чаше, только Ювал, поклонившись, вдруг уставился на пальцы моей левой руки.

— Господин...

Я сказал благожелательно:

— Глаголь. Слушаю.

Он не отрывал взгляд от кольца с камешком на моем пальце.

— Это у вас не Эйнарда ли кольцо, хозяин?

Я спросил:

— Библиотекаря?

Он посмотрел в недоумении.

— Какого библиотекаря?.. Эйнард — великий колдун древних времен...

— Да? — переспросил я. — Чего же тогда у меня такие странные ассоциации с библиотекой?..

Он сказал почтительнейшим образом:

— Возможно, вы пробыли слишком много времени в библиотеке... гм... побивая множество врагов... но Эйнард вовсе не библиотекарь, ваше гледство.

— А кто?

— Великий и злобный колдун, ваше гледство. Как это кольцо оказалось у вас?

К нам приблизился, привлеченный тихим разгово-ром и серьезными лицами Риттер Широкий Щит, тоже с ходу уставился на мои пальцы.

Я пробормотал:

— Ювал, а что не так?..

Он тяжело вздохнул.

— Ваше гледство, вы в самом деле прибыли из дальних мест. Там же на кольце вон метка Эйнарда, с другой стороны еще одна! Посмотрите! Есть?

Я повернул руку ладонью вверх.

— Ну, есть...

Ювал и Риттер переглянулись, Ювал сказал торопливо:

— Вы знаете, что в этом кольце заключен могучий чародей?..

— Нет, — ответил я настороженно, — но тогда зачем...

Риттер сказал авторитетно:

— Я слышал, чародея можно вызывать и заставлять на себя работать. Хотя не всегда...

— Ваше гледство, — сказал Ювал, — я вас очень прошу, забросьте вы это кольцо в какое-нибудь болото! На самую середину. И в самое глубокое место, что еще тысячу лет не высохнет.

— Зачем?

— Для вашего блага, — сказал он, а Риттер кивнул. — Это проклятое кольцо. Еще никому это кольцо не приносило счастья.

Я спросил встревоженно:

— А что с ним не так?

Риттер тяжело вздохнул, на кольцо посматривает со странным желанием собственника и в то же время с опаской, а Ювал заговорил как можно более проникновенно, чтобы убедить тупоголового гледда, они же все тупоголовые:

— В очень-очень далекие времена, когда мир был совсем молодым, один чародей сумел овладеть такой властью, что покорял целые королевства!.. И никто не мог ему противиться. Он уничтожал как армии, так и других чародеев, что пытались с ним бороться. И тогда чародеи, что всегда враждуют друг с другом, сумели объединиться для одной цели...

— Этого чародея звали Эйнард? — спросил я.

Он кивнул.

— Да. Они победили Эйнарда и в наказание заключили его душу в это кольцо. Теперь он раб! Всякий владелец кольца волен вызывать его и приказывать, а чародей обязан исполнять все, что ему велят!.. Разве это не унизительно для некогда могущественного мага?.. И разве смирится он с этим положением?

Я спросил встревоженно:

— Он может вырваться из кольца?

Ювал покачал головой.

— Из кольца не вырвется, он в самом деле раб этого кольца. Но когда раб умнее хозяина, то он всегда... или почти всегда сумеет выполнить так, что это обернется против владельца.

Я сказал озадаченно:

— Ух ты, что я за дурак, о таком не подумал...

— Это не всегда случается с первым желанием, — сказал он успокаивающе. — Тем более что хозяин обычно настороже, все знают историю этого кольца! Однако на каком-то желании допускают ошибку или неточность, что и становится роковой. Так, желающие разбогатеть становятся нищими или заканчивают жизнь в тюрьме, возжаждавшие красоты превращаются в уродов...

Я подумал, кивнул.

— Ну да, это просто. Если кто-то пожелал, скажем, десять сундуков с золотыми монетами, джинн послушно доставит их прямо из королевской казны, но рассыплет по дороге горсточку монет, а это приведет стражу к дому похитителя... Да, ты прав, любое желание можно повернуть против хозяина так, что и не подкопаешься.

Ювал вздохнул, а Риттер посмотрел на меня с уважением.

— Ваше гледство сразу поняло. А другим хоть кол на голове теши...

— Да, — согласился я. — Как только мне разъяснили и несколько раз повторили, то я сразу и понял. Спасибо, ребята! Вы спасли мою драгоценную вообще-то шкуру. Хотя она у меня тонкая, даже на барабан не годится, но я ее все-таки ценю. У меня вообще-то ничего больше и нет. А от кольца, конечно, избавлюсь.

Они перевели дыхание с явным облегчением, а я вернулся к себе в кабинет. На столе несколько патронов для

снайперской, включая усиленные бронебойные, разрывные и зажигательные, а рядом с ними место для пистолета. Если сосредоточусь, то появится снова и остается на несколько минут.

Я сел в кресло потверже и снял кольцо с пальца.

— Итак... я, глерд Юджин, хозяин этого кольца... повелеваю заключенному в нем чародею Эйнарду явиться мне.

Из-под камешка потянулась тончайшая ниточка дыма. Я опасливо положил кольцо на стол. Дымок стал гуще, струйка поднималась, но не ушла к потолку, а сформировала сперва высокий лоб, бледный и просматриваемый насквозь, затем выступающие надбровные дуги, крупные, выпуклые, словно в бешенстве, глаза, горбатый нос и мясистый широкий рот.

Подбородок уже едва различим, а ниже то ли тумана не хватило, то ли могучие маги-победители сочли, что этого достаточно.

Я молчал, опасаясь, что голос сорвется на трусливый писк, а призрак произнес бесцветным голосом:

— Приказывай, господин.

Я тихонько перевел дыхание, даже сумел как бы небрежно пошевелить плечами.

— Знаешь, пока нет никаких приказов и повелений. Я тут новый, обживаюсь. Тебя видят все или только я?

— Только вы, господин.

Я кивнул.

— Это хорошо. Тебе уютнее сидеть в кольце или хотел бы малость побывать в этом мире?

— Господин, — произнес он ровным голосом, — мои желания — это мои желания. Я же выполню любые ваши желания. Которые, разумеется, в моих силах.

— Ладно, — сказал я, — у меня пока желаний нет, хотя они и есть, но их слишком много. Но меня учили

свою работу делать самому, хотя учили плохо и научить не сумели. Но я стараюсь. В общем, пока я придумаю желание, ты можешь побывать вне кольца... Полетай по землям, загляни в королевский дворец, посмотри, как женщины купаются, я слышал про шикарный бассейн... Сам бы хоть одним глазком... Говорят, сама королева туда входит обнаженная, что значит, без одежд, голая.

Он слушал с тем же непроницаемым видом, туман уже затвердел, и лицо мага выглядит, как гипсовая маска.

— Господин...

— Да? — спросил я.

— Это ваше желание?

Я ответил чуть жестче:

— Нет, это просто позволение. Но если оно тебе не нравится, отправляйся в кольцо.

Некая сила потащила его к кольцу, лицо снова превратилось в зыбкий туман, а голос донесся уже совсем тихий:

— Нравится... Позволь...

Я ответил с сильно стучащим сердцем:

— Позволяю.

Туман в доли секунды сформировался в бледное лицо мага. Я отвернулся, скрывая то, как меня трясет, и ощущил, что в комнате стало пусто.

Не доверяя зеркалу, оно может не показать призрака, оглянулся и с облегчением перевел дыхание.

Нет, это хрень какая-то, не мое дело играть в такие игры. Понимаю, чем человек глупее, тем увереннее себя чувствует, он же все на свете знает! Достали эти идиоты, что указывают правительству, как вести себя, как опустить доллар, как вылечить рак, как писать книги, как исследовать Антарктиду...

Я сам, конечно, такой же, люблю поумничать, но когда смотрю на себе подобных диванных хомячков, спохватываюсь, пусты и редко.

Потому пусть этот чародей порхает сам по себе, я не стану его использовать, а кольцо в самом деле заброшу в самое недоступное людям место.

Пистолет возник на столе, я поморщился, это устарело, я теперь обучаю себя, чтобы его рукоять появлялась у меня в ладони.

Конечно, дальше маячит еще более сложная задача: распылять пистолет на атомы одним движением брови или шевелением пальца. Да что там пальца или брови, откуда у меня такой примитив, одной мыслью!

Над созданием патронов уже не думаю, это как обучение аппаратуры с голосовым управлением: сперва сосредоточиваешься и наговариваешь команды, которые тот же телевизор в упор не понимает, но ты говоришь и говоришь разными голосами и с разной интонацией, понижая и повышая голос, наконец он сопоставляет слова и начинает выполнять. А потом уже просто шепчешь «включить», «выключить», все выполняет безукоризненно. А когда пришли штуки с управлением мыслью, тоже было трудно только в моменты настройки, а когда наконец-то аппаратура врубается, что от нее хотят, дальше все идет без сучка и задоринки.

Так и здесь, выхватывая пистолет и готовясь нажать на спусковую скобу, я уже знаю, патрон на месте и ждет удара бойка.

Сложнее придется с двумя пистолетами. Да, я с детства, насмотревшись боевиков, всегда мечтал красиво стрелять с обеих рук. Надеюсь, и тогда все трудности будут в начальном этапе приучения организма реагировать на автомате.

За окном слышно, как довольно загалдели во дворе. Я выглянул, так и есть — в распахнутые для него ворота влетел на рыжем жеребце любимец челяди Фицрой, всегда веселый, сорящий монетами, дружелюбный со всеми.

Я вздохнул, сейчас тренировки побоку, все равно не даст страдать такой непонятной фигней, вышел в коридор, напомнил стражу:

— Дверь не запираю, но никого не пускать!

Он вытаращил на меня глаза, зачем такое говорить, я же хозяин, без моего ведома никто не посмеет, а я сбежал по лестнице и степенно вышел во двор, господину суетливость не к лицу.

Фицрой красиво соскочил с коня, от него пахнуло жаром раскаленного тела, конским потом и ароматом хорошего вина. Вином, как мне показалось, пахнет даже от коня.

— Как хорошо, — воскликнул он, — что я тебя застал!.. Ты чего сидишь? Скорее в седло, я там та-а-а-акое обнаружил!

— Что? — спросил я с ленивым интересом.

— Руины древней крепости, — сообщил он, — их уже почти нет, но я знаю, как искать. Разгреб мусор, а под ним люк!..

— Люк? — перепросил я.

Он в нетерпении отмахнулся.

— Это такая дверь в полу. Почему называется так, а не просто дверь, не знаю. Представляешь, ход идет в подземелье, где уже давно никто не был!

Я передернул плечами.

— И что?

— Там могут быть сокровища! — заявил он, живо блесня глазами и жестикулируя. — А если есть, обязательно найдем!.. У меня нюх на золото.

— Нет, — ответил я. — Нет!

— Почему?

— Там пауки, — ответил я. — И паутина.

— Засохла, — сообщил он бодро. — Нет людей — нет и мух. А нет мух — нет пауков. Но золото не пропадает так вот просто!.. Золото... это золото! Пауки его не жрут.

Я отмахнулся.

— Наши шкуры дороже.

— Правда? — спросил он деловито. — Твоя сколько стоит? Если что, заработка... Чем сейчас занимаешься?

— Сам не знаю, — ответил я сварливо, — как это называть. Наверное, хозяйствую? Не мое это, если честно. Хорошо, хоть замок о себе сам заботится. Ты мне потом расскажешь, что он делает, а чего не умеет.

— Расскажу по дороге, — сообщил он. — Да что с тобой?.. Я тебе помогал без всякой просьбы, а тут уговариваю, а ты морду корчишь, через губу поплевываешь...

Я поморщился, посмотрел по сторонам, вроде бы ничего срочного нет, если не считать мои нынешние постоянные тренировки по созданию чего-то необычного для этого мира.

— Это далеко?

— Совсем рядом, — воскликнул он с воодушевлением, — рукой подать! Пару раз скакнуть, а можно и пешком!

Я подумал, ответил, рассматривая его внимательно:

— С условием.

— Каким?

— Потом я на некоторое время отбуду, — сообщил я. — Возможно, на долгое. В замке должен быть хозяин...

Он посмотрел с изумлением.

— И что?

— Кому, — спросил я, — как не тебе?

Он отмахнулся.

— Я его пропью, продам или в кости проиграю. Я человек веселый! Не то что ты.

— Не пропьешь, — ответил я. — Как увидишь, что к тебе протягивают руки и умоляют спасти... Ладно, поехали, по дороге поговорим. Но ты уже пообещал, помни! В неявной, но твердой форме.

Он обещал, что можно и пешком, рукой подать, но мы ехали и ехали, время от времени с рыси переходя в стремительный галоп. Я помалкивал, что пешком шли бы неделю, в самом деле рукой подать, но это же Фицрой, увлекающаяся натура, ему ничего не стоит приукрасть и даже сорвать, как, впрочем, и мне, так что ладно, столько уже проехали, теперь возвращаться в самом деле глупо.

Он все прибавлял скорость, жадно всматриваясь в даль, наконец вытянул руку вперед.

— Вон там лесок, видишь?

— Вижу, — ответил я с облегчением, — в нем?

— Нет, — пояснил он, за тем леском озеро, дальше река, а потом еще один лесок... ну, немножко крупнее этого... А уже за ним в поле на холме... нужные нам руины.

— Тебе нужные, — сказал я рассерженно. — Я от своей доли отказываюсь!

— За что тебя и люблю, — ответил он с чувством. — Теперь понимаю, за что в тебя такой влюбленный!.. За твою бескорыстность и чистоту нрава.

— Заткнись, — сказал я зло. — Знал же, с кем имею дело, но как это меня угораздило? Думал, ты только баб умеешь убалтывать...

Он довольно расхохотался. Я угрюмо молчал, но наконец миновали лесок, озеро, промчались через брод по реке, еще один лес, я перевел дыхание, когда распахну-

лась долина, а на ней выпятился шляпкой серого гриба холм. Угадывается курган, все-таки в подобных курганах хоронили вождей почти во всех странах. Это такие мавзолеи древности.

— Вот почти и прибыли, — сказал он с воодушевлением. — Ты чего дергаешься?

Я ткнул пальцем влево.

— Не нравится мне вон то...

В сине-зеленом небе возникла черная точка, вокруг нее начали медленно вращаться белесые струи, похожие на слабый дымок. Они вращались все быстрее, черная точка расширилась, тоже вращается, делая несколько оборотов, пока струй всего одна, это она их закручивает, раздвигаясь с пугающей необратимостью.

Фицрой смерил взглядом расстояние, посмотрел направо, лицо просветлело.

— Не обращай внимания.

— Не опасное? — спросил я.

— Очень опасное, — заверил он. — Но пройдем мимо. Само по себе не сворачивает, а сейчас ни ветра, ни стен... Я что хотел сказать? Ага, не дергайся, без тебя в твоем замке работа не останавливается. Люди всегда делают то, что должны делать... И не надо во все вникать!

Я кивнул на холмик земли у дороги.

— Видишь муравейник? Нам кажется, все муравьи бегают и собирают добычу, но на самом деле большинство трудится всегда под землей. Наверх поднимаются только строители, солдаты, фуражиры и разведчики. Строители не отходят от купола дальше, чем на полшага, солдаты — на десятки шагов, а то и сотни, охраняя подступы и фуражиров, а разведчики могут удаляться на мили, а дорогу обратно находят по звездам, которые только они видят даже днем. Понял?

Он хмыкнул.

— Еще бы. Мы рождены разведчиками.
— Разведчиков не может быть слишком много, —
сказал я. — Но без них муравейник погибнет. Как и род
людской.

Он сказал с кривой усмешкой:

— Понял, к чему ты клонишь. Значит, нам выпала не
такая уж и поганая участь.

Он понукал усталого коня, пока тот не остановился у
самого подножия холма, что когда-то явно был высоким
курганом, но ветры и дожди почти сровняли его с землей.

— Там, на вершине, — сказал Фицрой ликующее. —
Руины!.. Древние, из таких каменных блоков, с ума сой-
ти!.. Вот люди когда-то были... Или не люди, но кому это
важно? Лишь бы сокровища оставили...

— Несметные сокровища, — поддакнул я.

Он не заметил издевки, радостно потер ладони.

— Сейчас все сделаем. Я захватил две лопаты...

— Одной хватит, — сказал я твердо.

— Да, — согласился он, — тебе лучше взять кирку.

Парень крепкий, да еще глерд! Такому кирка пойдет
больше. Я захватил. Видишь, как я тебя люблю и ува-
жаю?

Я смотрел, как он торопливо счищает землю и кучу
листьев с каменного пола. Наконец показался краешек
люка, Фицрой прав, дверь в полу как будто вырезана по
циркулю.

— Какой ты осторожный, — сказал я. — Надо же
столько земли и дерья навалить... И почти не пахнет.

— Зато мы первые, — сообщил он. — Теперь помоги
поднять... Погоди, вставлю в щель... Тяни!

Я отковырнул прилипшее за века металлическое
кольцо, просунул два пальца, больше не помещается, по-
тянул с силой. Сперва не поддавалось ни на миллиметр,
потом начало потрескивать, но люк оставался на месте.

Фицрой сказал возбужденно:

— Погоди, поддень...

Люк чавкнул и поднялся, выпуская наружу застоявшийся воздух с примесью гнили. Фицрой аристократически наморщил нос и отшатнулся, но со вздохом помог откинуть люк полностью, сразу же наклонился, всматриваясь в темноту.

— У тебя есть, чем посветить? Ну вот, а еще маг...
Ладно, давай веревку. Только держи крепче, я после обеда тяжелый.

— Лезь, — согласился я. — Может быть, ноги откусят.

Мелькнула мысль посветить ему из смартфона, но там батарейка и так садится быстро, а тепла тела и вибраций хватает только на звонки и разговоры. С другой стороны, чем меньше знают о моих возможностях...

Он крикнул снизу:

— Тут неглубоко!.. Захвати из моего мешка пару факелов и спускайся.

— Там темно?

— Еще нет, — заверил он. — Но если пойдем дальше, факелы пригодятся.

Я спустился по закрепленной за камень веревке, света сверху в самом деле достаточно, чтобы осветить заброшенный склеп, довольно просторное помещение, однако видно, что грабители здесь побывали раньше нас. И не однажды.

Фицрой быстро высек огонь, факел вспыхнул, стены стали багрово-красными.

— Вот сюда, — сказал он, — иди за мной.

Багровый огонь факела становился все ярче по мере того, как отдалялся солнечный свет, тоннель высечен в сплошном камне. Вскоре вышли в небольшую пещеру.

Фицрой указал факелом вперед, там узкая вертикальная щель в стене с нависающим над нею каменным вы-

ступом, даже не хочу сравнивать, на что похоже, странные, хотя понятные ассоциации.

— Как же здорово! Видишь?

— Что здорового? — спросил я.

— Недавно был небольшой обвал, — сообщил он в сильнейшем возбуждении.

— Как здорово, — сказал я саркастически. — Ну правда знаю!

— Точно, — подтвердил он. — Обвал открыл вот это... чудо. Пойдем быстрее!

Он нырнул в эту странную щель, а я, чтобы не остаться в темноте, заспешил следом. Ход тесный, кое-как пробрались в комнату, там на каменном постаменте расположился такой же каменный гроб, крышка которого, как мне кажется, намертво приварились к основному ящику. Во всяком случае, щели даже не увидел.

— Осталось чуть-чуть, — сказал он бодро. — Вот сейчас сдвину... Ух ты, как прилипла... Ладно, сперва поддень... лучше вот с этого края... Нет, тут без зазора, зато на другом конце отбит краешек...

Я не поверил глазам: появилась тонкая щель, настойчивость города берет, а крышка со скрипом, скрежетом и скрипом начала приподниматься. Я торопливо выхватил пистолет и торопливо поворачивался во все стороны, готовый к яростной и долгой стрельбе.

Фицрой, багровый от усилий, прохрипел:

— Ты чего?.. Помоги лучше...

— Не могу, — огрызнулся я.

— Че... го?

— Должны напасть, — объяснил я нервно.

— Кто?

— Не знаю, — прошептал я страшным шепотом. — Но много... Опасные!.. И все с оружием получше, чем у

нас!.. Какое бы у нас ни было, у них будет лучше. И нас застанут врасплох.

Он спросил в недоумении:

— А ты откуда... такое знаешь?

— Знаю, — сказал я зло. — Тысячу раз видел!.. Это тошнит, что всегда в последнюю секунду появляются бандиты, террористы, боевые маги, захватчики, конки-стадоры, маньяки, повелители мира, демоны, вампиры, инопланетяне, конкуренты, археологи, маньяки, зомби, химеры... И только чудо спасает!

Он присел и снова подставил плечо под рычаг ломика.

— Если спасает, тогда и нас спасет. Помоги поднять крышку!

Я с осторожностью помог, не выпуская из другой руки пистолета. Фицрой сердился, но ничего выговорить не мог с перекошенной от напряжения рожей, только пыхтел и сверкал глазами.

Крышка наконец начала скользить, съехала в сторону и с грохотом обрушилась на каменный пол.

Я резко обернулся, снова готовый драться отчаянно, получать удары и бить в ответ, однако... по-прежнему все тихо, если не считать сопения Фицроя.

Он поднялся на постамент и жадно заглядывал в открывшийся каменный гроб.

Похоже, что-то пошло не так, я ощущал еще большую тревогу. Где же это все опасное, что неминуемо набросится, сомнет, будет рвать и терзать, а я стану отчаянно стрелять в упор...

Фицрой чем-то шелестел внутри гроба, слышно, как стучат кости, что-то позвякивает. Он довольно сопит, деловитый, как хомяк в своей кладовочке, а я чувствовал себя посрамленным, еще больше испуганным. Добро пожаловать в реальный мир, здесь все реально, а не по канонам.

Вообще-то хорошо, что не по канонам. Подумаешь, каноны. Они всегда ограничивают! А я человек неограниченный. Мне нужен размах и постепенный разбег вплоть до галактических масштабов. Если, конечно, психиатр не остановит раньше.

— Есть! — донесся ликующий голос Фицроя. Он свесился вовнутрь через край гроба так, что наверху только задница, и говорит со мной вроде бы она. — Теперь заживем!.. Теперь погуляем... И вообще...

Глава 2

Он выбрался, весь сияющий, в руке фигурка раскоряченного божка, вряд ли человека посмели бы изобразить в таком непотребном виде, а богов можно хоть египетскими крокодилами.

— Кто это? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он. Как мне показалось, отвечает честно. — Да какая разница? Во-первых, находка. Во-вторых, волшебная... Ну, наверное. Ну, и такой пустячок, стоит принять во внимание, что эта штука целиком из золота.

— Приятный пустячок, — согласился я, — Ладно, вылезаем? А то что-то как-то не совсем здесь радостно.

С той стороны, откуда мы пришли, донесся глухой грохот. Я дернулся, кожа пошла пупырышками. Вот оно, чего страшился...

— Там обвал, — сказал я обреченным голосом. — Не выбраться.

Он спросил недоверчиво:

— Какой обвал, какой обвал?

— Мощный, — сказал я зло. — Похоронивший нас. Теперь мы тоже мумии. Вот кто-то через тысячу лет обрадуется!

— Откуда ты знаешь? Такие почвы не обваливаются. Не так уж и глубоко мы забрались...

— Проверь, — сказал я. — Знаю, что говорю. Это всегда так. Если нет этих, что прибегут отнимать твою находку, то сама природа... ждет до этого момента.

— Дура она, — сказал он, — эта твоя природа.

— Она слепа, — согласился я. — И действует простым перебором...

Он соскочил с пьедестала, фигурка божка еще в ладони, но выхватил у меня из руки факел и с самым целеустремленным видом побежал вдоль стены.

— Ты чего? — спросил я.

— Если закрылось в одном месте, — крикнул он издали, — то откроется в другом...

— Ух ты, — пробормотал я, — кто из нас двоих изучал физику?.. Или это законы термодинамики?.. Даже политики... Я тоже посмотрю с этой стороны.

— Зажги другой факел!

— Обойдусь, — ответил я. — Я ленивый.

Фонарик в мобильнике достаточно мощный, но прожорливый, я сперва сузил конус света до узкого луча, потом уменьшил мощность до минимума, но только начал осматривать стены, как издали донесся торжествующий голос Фицроя:

— Я же говорил!.. Я же говорил?.. Ну почему гледесса Бланда не видит, какой я умный?

— Да дура она, — крикнул я. — Она ж красивая?

— Самая-самая, — ответил он, красные сполохи факела выхватывают его фигуру перед неровной трещиной в стене. — Несравненная!

— Ну вот, — сказал я, — чего ты еще хочешь... Ого!.. Пролезть можно. Давай, пойду впереди. Если что, отбьюсь.

— Давай, — согласился он. — Тебя не жалко, находка у меня. Только не оступись там.

Из щели навстречу мощно идет сухой воздух. Я притиснулся на три шага и сразу увидел огненный ручей, что вытекает из-под одной стены и уходит в отверстие под противоположной.

Ширина не больше полутора метров, перепрыгнуть легко, хотя нет разгона, а на той стене можно удариться о стену и рухнуть в этот поток жидкого огня.

— Приготовься, — крикнул я, — прыгать все-таки придется...

Я умолк на полуслове, на дне этого потока отчетливо проступил длинный меч с вычурной рукоятью. Сквозь огонь и дымок отчетливо не рассмотреть, но даже я, равнодушный к холодному оружию, ощутил великолепную завершенность и изящество оружия, которое кто-то бросил в ручей.

За спиной Фицрой спросил в нетерпении:

— Что, боишься прыгать?

Я с силой оттолкнулся и скакнул на ту сторону, стараясь проделать это по высокой дуге, чтобы огонь не подпалил копыта.

Фицрой прыгнул через секунду, мы вышли в неширокую пещеру, в дальнем конце которой забрезжил дневной свет.

— Ура, — сказал Фицрой с облегчением, — ура оврагам, что прокладывают такие глубокие траншеи.

В полутьме что-то мелькнуло, обдав меня запахом лесного зверя. Фицрой моментально пригнулся и выхватил меч. Я с пистолетом в руке присел рядом, до рези в глазах всматриваясь в сумрак.

— Оно быстрое, — произнес он напряженным голосом. — Очень быстрое.

— Я тоже, — ответил я.

Он посмотрел с сомнением.

— Оно быстрее. И умеет летать.

— Мои стрелы еще быстрее, — возразил я.

Он пожал плечами.

— Ладно, пошли. Я буду прикрывать справа. В таких делах помочь никогда не мешает.

Я трижды выстрелил, тень взвизгнула тонким голосом и пропала. Мы очень осторожно пробирались к свету, под ногами начали попадаться косточки мелких зверьков, комья сухой травы, мертвые птичьи гнезда, на конец рассмотрели ту дыру, что вывела на дно глубокого оврага.

Фицрой взыграл, но тут же охнул:

— Что за тварь...

Я резко обернулся. Прямо из глинистой стены вышел земляной, если он из земли, голем, выше нас в два раза и втрое толще. Я инстинктивно вскинул пистолет и выстрелил дважды, однако голем пошел к нам, совершенно не обращая внимания на пробивающие его пули.

— Да что ты, — прохрипел я сразу пересохшим горлом и, опустив пистолет, начал всаживать пулю за пулей в правое колено чудовища.

Голем, шагая тяжело и с усилием, начал вдруг распадаться на части: отвалилась рука, сползла и обрушилась на землю половина грудной клетки.

Меня передернуло, внутри кишмя кишат крупные белые черви, почти не перепачканные кровью, а тут еще отвалилась вторая рука, наконец съехала набок и повисла на широких липких нитях голова, что растягивались и растягивались, пока не оборвались.

Голова упала наземь, а там с нее быстро сползло мясо, словно голый череп намазан маслом. Оставшись без кожи, он не то задымился, не то пошел синим удущливым паром, зашипел, по гладкой поверхности пошли глубокие язвы, начал распадаться на части.

Одна за другой обломились ноги, обрубок тела упал прямо передо мной, продолжая рассыпаться, пока не остались кости, но и те задрожали и превратились в труху, что моментально впиталась в землю.

— Фу-ух, — проговорил Фицрой.

Он выглядел, как мне показалось, испуганным, из-за чего я сразу приободрился и сказал с небрежностью высокорожденного глерда:

— Может, он спросить хотел, где я такие сапоги купил?..

Фицрой фыркнул, не ответил, а быстро покарабкался вверх по насыпи. Мы вышли у самого подножия холма, отсюда видно, как на вершинке кони переговариваются и лениво щиплют травку.

— Откуда все это берется, — сказал я со вздохом, — химеры, големы... Нет, я знаю, откуда берутся, это так, риторический вопрос.

— Что такое... риторический?

— Это когда ответ не требуется, — объяснил я, — а поумничать хочется.

Кони приветствовали нас радостным ржанием, Фицрой сразу же сунул своему в пасть морковку, а мне перед моим конем стало стыдно, я развел руками и пробормотал:

— Ну, знаешь, я какой-то рассеянный в последнее время... Ты уж прости.

Конь легонько ржанул, видимо, простил. Я взобрался в седло, Фицрой уже тщательно упратял в сумку свою находку, я вспомнил, сказал живо:

— А в каких-то легендах есть насчет меча, что хранится в огненном ручье?

Он насторожился.

— А что случилось?

Я пустил коня вниз по склону, Фицрой догнал, я ответил с небрежностью:

— Да так, пустяки. В том ручье лежит именно меч... красивый, даже я понимаю!.. Не деревенские кузнецы над ним работали, столичные дизайнеры головы ломали...

Он охнул, развернулся всем корпусом ко мне, глаза стали отчаянные.

— И ты не сказал?

— А что, — спросил я, — это важно? Ну, бросил кто-то меч в огненную лаву, ну, и бросил!.. И что?

Он вскрикнул в великом возмущении:

— Но какой меч не сгорел бы за две тысячи лет?

— Ого, — сказал я с уважением. — Две тысячи? А ты откуда знаешь?

— Да я, — ответил он с придыханием, — может быть, только ради этого меча и приехал сюда!.. По легендам, великий Кракандепр бросил в огненный ручей, чтобы клинок богов не достался врагу. Но всякий, кто найдет... сможет отражать лезвием даже магию!

— Ого, — сказал я. — Вообще-то удивляюсь, почему маги не захватят власть в королевствах? С их мощью...

Кони сбежали вниз и пошли бодрой рысью обратно по дороге, что привела нас сюда.

Фицрой покачал головой.

— Магам не захватить власть, — пояснил он, — потому что не могут наносить удары... часто. Сильный маг может уничтожить одним ударом целое войско, однако для второго удара должен долго собираться с силами...

— Но к тому времени, — сказал я, — когда прибудет второе войско, маг будет готов!

— Любой вожак, — пояснил он, — что собирается убить мага, посыает против него двух-трех человек, остальные прячутся. Маг превращает их в пепел с легкостью, а тут выскакивают совсем с другой стороны остальные... вот и все. Маг даже заклинание прочесть не успевает. Потому правят всегда воины, а маги либо подчинены, либо прячутся где-нибудь в горах, лесах, пещерах...

— Так что меч тебе не так уж и нужен, — подытожил я.

Он сказал с тоской:

— А хвастаться?.. Как жить, если не хвастаться?.. Это и не жить вовсе.

— Не все сразу, — напомнил я. — Уже забыл, что у тебя в мешке?.. Ишь, глаза завидущие, лапы загребущие... Курочка по зернышку, так что скромнее надо быть, скромнее!

Он широко заулыбался.

— Да, теперь погуляем... Такую добычу нельзя не отметить... А что будешь делать ты?

Я помолчал, не зная, как объяснить, что вроде бы крестьян защитил, все сделал, можно и смываться, ответил несколько неопределенно:

— Ты же знаешь, я не стремился заполучить этот замок и эти земли...

Он насторожился.

— И что?

— Догадайся, — предложил я.

Он покрутил головой, на взгляд стал еще серьезнее.

— Если бы на твоем месте был я, догадаться несложно. Но ты...

— Ну да, — сказал я саркастически, — а я должен ухватиться всеми четырьмя, как женщина за сковородки, и больше никуда?

— Да нет, — объяснил он, — что-то в тебе от меня есть, в каждом же человеке должно быть хорошее, как бы ни прятал, но... что в самом деле?

Я кивнул.

— Знаешь, я никого не убивал на дуэли, и потому нет особой необходимости куда-то уезжать подальше от мстительного и могущественного рода. Но все-таки...

Он буркнул:

— Думаешь, меня гонят по землям трусость?

— Ты удрал из своей земли, — ответил я, — спасая шкуру. Любой бы так сделал. Но потом тебе понравилось переезжать с места на место, хотя такой орел легко мог бы осесть и обзавестись хозяйством. Мог же?

Он в неудовольствии подвигал плечами.

— Да что за жизнь, сесть и обзавестись?.. Ладно, понял. Просто я думал, ты нормальне.

— Нас, ненормальных, — ответил я, — много. Потому земля еще вертится... И мы слезли с деревьев вслед за первыми ненормальными. Но у меня нерешенные проблемы в другом месте... А здесь, если что и возникнет, ты быстро разгребешь, как хозяйственная курица обеими лапами.

Он осмотрел на меня с подозрением.

— Вот-вот. Всякий зверь гребет к себе, только курица от себя. Ты прав, я такой же... Твой замок быстро пущу по ветру. Не важно как, пропью или проиграю.

— Знаешь, — сказал я нерешительно, — что будет потом, меня как бы уже не волнует.

— Почему?

— Я передам тебе замок и земли, — пояснил я, — а с ними и ответственность. Что ты с ними сделаешь — твое дело. Я ни при чем, я не виноват!

Лес и открытые пространства сменяли друг друга, кони неслись то по густой траве, то проскакивали по мелководью одну за другой речушки, наконец вдали показались высокие башни моего замка.

Я подумал о Николетте, ее жених все еще собирает могучее войско, чтобы наказать Финлея Барклема, а она почти прижилась у меня, хотя сама этого еще не ощутила в полной мере.

Фицрой внимательно всматривался в замок, покачивал головой, я не замечал ничего особенного, разве что флаги висят вроде бы иначе, хотя не помню, как висели раньше.

— Там что-то случилось, — проговорил он настороженно.

— Где? — спросил я, всмотрелся внимательнее, ощущая недобродетельное чувство. — Чего они так...

Ворота замка распахнуты, несколько человек выскочили наружу и спорят, указывая друг другу в разные стороны. Со стороны леса примчался всадник на неоседланной лошади. На большой скорости, рискуя сбить с ног попавшихся навстречу, влетел в ворота.

Глава 3

Фицрой пригнулся к конской шее и пустил коня в галоп. Я запоздал и догнал, когда он уже остановился возле столпившейся челяди и мужиков Риттера, что сжимают в руках копья и зло оглядываются по сторонам.

— Что случилось? — потребовал он. Оглянулся на топот моего коня. — Быстро все рассказывайте!

Вперед вышел Риттер, всклокоченный и злой, кровь течет из раны над бровью и затекает в глаз, он быстро вытер и сказал сорванным голосом:

— Благородная гостья похищена!

Фицрой охнул, а я спросил растерянно:

— Но... как?.. Ворота были открыты?

Он покачал головой, кто-то сунул ему чистую тряпку, но он даже не обратил внимания, что у него в руке.

— Глердесса увидела через окно дивные цветы и возжелала собрать их. Я велел не открывать ворота, но она вышла через калитку, словно простая крестьянка. Я побежал следом и велел вернуться, но ее глердство сообщили мне, что не мне, мужику косоротому, ей приказывать. А вот если она пожалуется, меня пошлют свиней пасти...

Фицрой проворчал:

— Вот оно, благородное воспитание.

— Пошла одна? — спросил я.

Риттер посмотрел в недоумении.

— Нет, конечно. Я велел трем девкам пойти с нею, вдруг понадобятся, а двух парней послал тайком следом на случай, если волка увидят.

Фицрой перебил:

— Понятно, ты все сделал правильно. Как и кто похитил?

— Я на всякий случай смотрел с ворот, — признался Риттер. — Что-то недобroe чувствовалось. У старых солдат, сами знаете, есть такое... Увидел, как в лесу мелькнули цветные плащи, тут же велел нашим выскочить и бежать к глердессе. Она как раз уже нарвала цветов, хотела вернуться... Я тоже вооружился и пошел в ее сторону.

Он умолк, а один из молодых мужиков, что стояли рядом и жадно ловили каждое слово, быстро выпалил:

— Это я следил за ними тайком!.. Только и успел увидеть, как из леса вылетели сразу трое, один подхватил глердессу к себе на седло, двое вытащили мечи и показали девкам, те с визгом обратно к замку... Караганчик, это второй, что был со мной, вскочил на коня и погнался следом.

— Еще не вернулся?

— Нет, ваше глердство!

Я овернулся к Риттеру.

— А где тебя задело?

Он отмахнулся.

— Успел одного перехватить на коне. Коня забрал, труп оставил. Пустяки, царапина. О камень стукнулся, когда он с коня на меня прыгнул.

Фицрой проговорил медленно:

— Похоже, дорогой глерд Юджин, это вам придется остаться на хозяйстве. А я проедусь по следам, посмотрю, куда ее увезли.

Я сказал люто:

— Это я отвечаю за женщину как мужчина и человек, давший ей убежище!

— Ну, я ж не спорю...

— Это оскорбление мне, — заявил я, распаляясь все сильнее, — потому еду прямо сейчас.

— Я с вами, — сказал Фицрой. — Дорогой мой друг, мне почему-то кажется, что вы совершенно не умеете читать следы, как всякий житель большого города. А что вы житель большого города, самого его центра, и не отказывайтесь.

Я повернулся к Риттеру:

— В какую сторону?

Он указал рукой.

— Вон между теми громадными березами!

Я молча послал коня в галоп, за спиной застучали конские копыта, Фицрой обогнал, но когда березы стремительно приблизились, крикнул резко:

— Стой!

Сам спрыгнул и сперва пошел, пригнувшись и всматриваясь в землю, потом опустился на колени и ощупывал почву кончиками пальцев.

— Ну что там? — спросил я в нетерпении.

— Их было намного больше, — сказал он, — пятеро или семеро. — Кони неподкованные, как и везде, кроме столицы Нижних Долин и окрестностей. Земля здесь мягкая, поскакут даже быстрее наших. Ушли через лес напрямую, торопились, но дальше наверняка разделятся на три-четыре группы.

— И мы не будем знать, — сказал я, — за кем гнаться?

— Мы будем, — ответил он, — но вообще-то сбить со следа вот так удастся. Конечно, не таких орлов...

— Спасибо, Фицрой.

Он удивился.

— За что?

— Я не орел, — признался я. — Это ты орел.

— Тогда ты, — сказал он весело, — дракон!.. Нет, еще круче — Убиватель Драконов!.. Ха-ха!..

Он поднялся в седло, я тут же пустил коня за ним. Сердце стучит часто и сильно, пистолет в кобуре всажен плотно, хотя покидает ее легко, убью любую сволочь, что только пикнет, только хрюкнет, не так посмотрит...

Белокорые березы закончились быстро, дальше пошли неизвестной породы гиганты в три обхвата, поросшие толстым слоем зеленого мха. Конские ноги проваливаются в листья так, что не видно копыт, зато в таком мрачном месте не растет трава и даже кустарник, потому видно на сотни шагов вперед.

Так мчались до позднего вечера, галопом пронеслись через пограничную с Уламрией реку, и уже почти в по-темках Фицрой выбрал место для ночлега.

Могучий дуб, раскинувший ветви так, что легко укроет небольшое войско с конями и катапультами, принял и нас, ручеек дружелюбно позволил напиться холодной воды и ополоснуть ею разгоряченные морды.

И хотя выехали на рассвете, замок увидели чуть ли не к полудню. Фицрой уверял, что успели бы раньше, но похитители довольно умело запутывают следы, так что все хорошо, все равно нашли, следы ведут прямо к воротам замка.

Все-таки замок еще дважды напрочь закрывался лесом, дорога виляет, как пьяная, но наконец выплыл на встречу натужно величавый, напыщенный, с претензией выглядеть полузамком-полудворцом, из-за чего смотрится довольно нелепо.

Стража, однако, несет службу честно: нас заметили издали, успели переговорить между собой, а когда мы подъехали, ворота отворились без лишних расспросов сверху, кто и куды.

Фицрой сидит в седле вроде бы улыбающийся и довольный, подкручивает ус и уже высматривает женщин, но я успел его узнать чуть лучше, хотя до полноты далеко, вижу, как зорко замечает, где и сколько людей при оружии.

Из донжона вышел коренастый и широкий мужчина в одежде лорда, довольный и улыбающийся, слишком широко, на мой взгляд, сказал приподнято:

— Как же я рад, когда в мое заброшенное на край света гнездо заезжают гости!.. Могу я поинтересоваться...

— Глерд Юджин, — назвался я. — А это доблестнейший глерд Фицрой. Мы прибыли по неотложному делу...

Он сказал радостно и фальшиво:

— Прошу вас, заходите. Меня зовут Анжел Могеринс, я здесь хозяин, а это мои люди...

Я кивнул Фицрою, мы покинули седла, коней тут же увели, меня тут же посетило странное чувство, что больше нам их не видать, а хозяин с той же фальшивой улыбкой отступил от входа, приглашая идти впереди.

Холодом от него веет, но ничего жутко леденящего, а это значит только, что либо мы ему просто не нравимся, либо в дальнем родстве с убитым мною Джеймсом Велли.

Я сказал, не замедляя хода:

— Дорогой лорд Могеринс, мы, конечно, устали, как и наши кони, однако у нас неотложное дело...

Он прервал:

— Но по чаше вина выпить успеете?

— Это да, — согласился я. — Неотложность в том, что у меня гостила некая благородная глердесса.

Он плотоядно заулыбался.

— Поздравляю! Когда-то и я был молодым...

— Но вчера, — продолжил я, — пользуясь моим отсутствием в замке, ее нагло выкрали и увезли.

Мы прошли в небольшой и богато обставленный зал, лорд Могеринс пригласил нас жестом за стол, но Фицрой остался на ногах, поглядывая на меня.

Я сказал с нажимом:

— Лорд... у вас есть что-то сказать по этому поводу?

Он ответил почти весело:

— Глерд... все не так, как вы почему-то решили. Неужели я стал бы похищать эту глердессу... как ее имя?

— Николетта, — подсказал я.

— Николетта, — повторил он. — Да, что-то слышал, но детали не помню...

— Следы привели сюда, — напомнил я.

Он покачал головой.

— Это не мои кони. Мои не покидали конюшен. Проверить нетрудно. Поговорите с ними, они все расскажут, у меня кони умные...

Я стиснул челюсти, ублюдок уже издевается, и чем больше у меня на лице будет разрастаться выражение неуверенности, тем будет наглее.

Фицрой посмотрел на него, на меня, сказал неожиданно:

— Глерд, я вижу, вы очень хотите нам помочь.

— Да, — ответил Могеринс уже совсем издевательски, — очень даже.

— Мы хотели бы осмотреть помещения, — сказал Фицрой. — Так, на всякий случай. А то злые языки будут говорить, что вы помогали похитителям... а мы им разразим и защитим вашу честь. Как понимаю, абсолютно незапятнанную!

Могеринс дернулся, в глазах на миг промелькнуло нечто вроде страха, но тут же напыжился и произнес со всевозможной надменностью:

— Я бы рад пойти вам навстречу, но это оскорбительно для меня!.. Если вам недостаточно моего слова...

— Глерд, — прервал я, — я хочу поверить, но обстоятельства слишком уж... Нужно спасти глердессу. Потому либо мы проверим все помещения в этом замке...

Он усмехнулся, отступил на шаг, сказал уже совсем другим тоном:

— Глерд Юджин, я кое-что о вас уже слышал, но не думаю, что вы сами понимаете, что говорите. Вы являетесь в чужой замок всего лишь с одним человеком, угрожаете хозяину замка и делаете вид, что совсем не замечаете охрану.

— Замечаю, — ответил я. — Как такое не заметить? Всего лишь пятеро загораживают выход, двое с арбалета-

ми вон там на балконе и трое у окон. Довольно глупо, я не собираюсь выпрыгивать с такой высоты или высовываться и звать на помощь... Глерд, обычно это меня зовут на помощь!

Он натянуто улыбнулся.

— И что придает вам такую уверенность, что вы уйдете отсюда живыми?

— Если приведете сюда глердессу, — ответил я, — то и не узнаете. Если не приведете...

Я сделал паузу, он невольно спросил:

— Тогда что?

— Тогда узнаете, — ответил я, — но рассказать уже никому не сможете. А мы уйдем с глердессой.

У него дернулась щека, неуверенность во взгляде появилась снова, даже успела смениться страхом, но взял себя в руки и сказал небрежно:

— Вы правы, глерд. Стойте там, где стоите. Я могу убить вас на месте, но кое-кто очень просил задержать вас до его прихода. Не волнуйтесь, это будет скоро. Гонца я послал сразу, как только вас увидели со стены.

Сердце уже бухает так, что больно ребрам. К этому времени я все оценил, прикинул и даже перепроверил, потому сказал медленно:

— Глерд, это был... неразумный поступок... Фицрой, на пол!

Я отпрыгнул в сторону, выхватил пистолет и трижды выстрелил в арбалетчиков. Один, падая, все же нажал на спусковую скобу, и стрела вжикнула через зал.

Фицрой упал было на пол, тоже видел стрелков на балконе, но тут же подхватился и с оголенным мечом бросился на Могеринса.

Я торопливо стрелял в тех, что у окна, они почему-то бросились первыми, затем в ту пятерку, что ждала, когда же буду прорываться из зала, и заранее сомкнула ряды.

За их криками сам почти не слышал грохота выстрелов, только видел падающие тела. Последними всадил две пули в набегающего гиганта с поднятым топором, сделал шаг в сторону, а он в падении едва не повалил Фицроя.

Фицрой рассерженно оглянулся, но острие меча от горла лорда не убрал.

— Какой ты неуклюжий!

— А ты зажрался, — буркнул я.

Меня все еще потряхивает, когда же научусь в самом деле убивать, а потом пить кофе, те психиатр и аналитик меня перехвалили, резко сказал лорду Могеринсу:

— Сейчас мы обрежем ваши уши... Если и тогда не скажете, где спрятали глердессу...

— Обрежем кое-что пониже, — вставил Фицрой. — Я сам это сделаю! Все женщины должны принадлежать нам, а не всяким тут...

Могеринс, бледный и дрожащий, жалко пролепетал:

— Она на верхнем этаже!.. Там у нее хорошая комната.

— И ее даже не били? — спросил я с тяжелым сарказмом.

Он вскрикнул:

— Нет, клянусь!

— Цену вашим клятвам уже знаем, — оборвал я. — Иди вперед, скотина! Показывай. Шаг вправо, шаг влево — смерть за попытку к бегству!.. Понял? Вздумаешь подпрыгнуть — смерть за желание взлететь. Споткнешься — смерть за попытку зарыться в камни.

Фицрой вскинул брови, еще не понял, в самом ли деле такое возможно, посмотрел на меня с большим уважением.

У дверей комнаты на самом верху испуганно бегает взад-вперед стражник с мечом наголо, раздираемый

между желанием броситься на шум и не решаясь покинуть охраняемое место.

Завидев лорда, он вскрикнул с облегчением:

— Хозяин, будут ли...

Могеринс не успел распахнуть рот, я ответил резко:

— Ты свободен.

Пуля ударила стражника в лоб, отшвырнула на стену, а когда сполз по ней на пол, на камне осталось огромное кровавое пятно. Фицрой покачал головой: во лбу крохотная дырочка, заткнутая изнутри кровяным тромбом, а вот затылок разнесло весь...

Могеринс тряслся в ужасе, Фицрой с силой ударил ногой в дверь и ворвался в комнату, держа перед собой меч.

Мы вошли следом, Николетта, испуганная и дрожащая, отшатнулась и держится ладонью за лоб, нос красивый и на глазах распухает.

— Это... это вы... — пролепетала она.

Фицрой галантно подхватил ее в объятия и усадил в кресло.

— Сейчас, гледесса, — проговорил он быстро, — сейчас... Дверь действительно из твердых пород дерева... Хорошо бы из сосны, но тут точно дуб... Очень больно?

Она проговорила плачущим голосом:

— Я вам так рада... так рада... Это я от счастья реву...

Ой, не притрагивайтесь!

— Нужно холодной воды, — сказал я хозяину.

— Я принесу!

— Пойдемте вместе, — предложил я.

Выйдя в коридор, я сказал зло:

— Глерд, пособничество карается тоже. В военное время — по сокращенной программе. Мене, текел, фарес...

Он распахнул глаза в ужасе. Я выстрелил ему в лоб, отшатнулся на случай, если брызнет кровью, но брызнуло, даже хлестнуло, из затылка, а в стене, обшитой узорными панелями из дерева, за его спиной образовалась ямка, как если бы с силой ударили острием копья.

Я вернулся, пряча пистолет. Фицрой спросил понимающе:

- Пытался взлететь?
- С его-то задом? — спросил я. — Скорее, хотел закрыться.
- Он внимательно посмотрел в мое потемневшее лицо.
- Не огорчайся. Военная необходимость.
- На войне, — ответил я со вздохом, — как на войне. Даже гражданских защищают, а уж пособников... Николетта, вы можете идти?
- Да, — ответила она храбро.
- Жаль, — сказал Фицрой, — я надеялся вас понести.
- Бессовестный, — пошептала она с укором. — У меня есть жених. Я порядочная девушка!

Глава 4

Когда сбежали по лестнице на первый этаж, в просторном зале, а потом и в холле пришлось почти безостановочно стрелять в вырастающие в дверных проемах фигуры. Злость ожесточила так, что не чувствовал ни жалости, ни угрозения, когда вместе со стражниками выскочил и челядин, то первая пуля досталась ему.

Мое право убивать основано на незыблемом и священном праве защиты, когда убиваешь тех, кто старается убить тебя, и я стрелял холодно и расчетливо, помня

только, что патроны считать не нужно, бей и круши, врага нужно уничтожать, повергать и вообще не позволять ему жить...

Со стороны распахнутого выхода во двор шум, топот, всполошенные крики, начал сбегаться народ.

Я сказал резко:

— Фицрой, выводи Николетту!.. Не сильно отставай.

— А ты не беги...

— Что, не успеваешь сдирать со стен трофеи?

Он сказал за спиной с пафосом:

— Как ты можешь такое говорить! При даме... Было бы что сдирать в этой глуши...

Из коридора выбежали двое, я подпустил их ближе и свалил двумя выстрелами в упор, а контрольными в затылки успокоил, чтобы не дергались так безобразно и не матерились при женщине благородных кровей.

Николетта испуганно взвизгнула:

— Ой, я туда не пойду.

— Я понесу! — сказал Фицрой.

— Нет-нет, — вскрикнула она. — Только мой жених может касаться моей... моих...

— Я только перенесу через труп, — предложил он.

— Нет-нет, — прошептала она трепетно, — я постараюсь сама... не наступать...

Я двигался впереди, некоторые выскочившие на встречу сразу же прячутся, несмотря на оголенные мечи в руках, а другие, хоть и с простыми дубинками, бросаются навстречу, дескать, впятером да не завалим двух лордиков?

Я стрелял и стрелял, чувствуя все сильнее разгорающуюся ярость. Выскочили во двор, Фицрой потащил Николетту вдоль стены в сторону конюшни, я прикрывал их и себя, стреляя во все, что движется, здесь все врачи, а кто не виноват, пусть не высовывается.

В конюшне Фицрой, оставив Николетту дрожать и попискивать, ринулся выбирать коней. Наши стоят на виду, устало жуют овес, но Фицрой высмотрел пару крепких и свежих жеребцов, принадлежащих явно самому хозяину, ухватил два седла и ринулся к ним.

— Следи за дверьми! — крикнул он.
— Ха, — сказал я, — что нам двери...
Он оглянулся в беспокойстве.
— Ты что?
— Вон там за стеной бегут четверо, — сказал я.
Он переспросил с недоверием:
— Ты что, видишь сквозь доски?
— От них дурно пахнет, — объяснил я. — Не от досок, конечно.

С той стороны в самом деле в сторону распахнутых ворот конюшни, уже перейдя на шаг, осторожно пробираются четыре синеватые фигуры. Доски достаточно плотные и без щелей, это чтоб коней не продуло сквозняком, потому силуэты нечеткие, расплывчатые.

Я выстрелил трижды, двое опустились, цепляясь за стену, на землю. Еще двое замерли, держа мечи наготове. Я чувствовал их страх и жажду убивать, жестом велел Фицрою и Николетте не двигаться, тщательно прицелился, ориентируясь по неподвижным синим пятнам, дважды нажал на скобу.

Николетта слабо взвигнула, в доске появились две круглые дыры, а на той стороне раздались стоны. Синие фигуры задергались, рухнули.

— Повезло, — ответил я скромно.
— Мы с тобой везучие, — подтвердил Фицрой. — Но мне повезло больше.

Я покосился на Николетту, что в страхе припала к нему горячим нежным телом, даже не замечает, по каким местам он ее оглаживает, успокаивая как бы по-дружески.

— Ты про коней не забывай, — напомнил я сварливо.
Он сказал с отвращением:
— Ну что за человек...

Я прикрывал вход, Фицрой торопливо седлал коней, подсадил Николетту, она отважно взяла в руки повод, а издали донесся конский топот, крики.

Через распахнутые ворота во двор с грохотом и шумом ворвалась целая лавина вооруженных людей. Половина тут же соскочила на землю и, прячась за укрытиями, выставила наружу окованные металлом дуги арбалетов, а всадники, пригибаясь за конскими шеями, с самым хищным видом кружили по двору, держа в руках уже оголенные клинки.

Фицрой крикнул:

— Это люди Барклема!.. Успел, сволочь!

Я затравленно огляделся. С такой оравой не совладать, они могут проломить стены с разных сторон и навалиться массой...

— Там дверь! — крикнул Фицрой. — Надо попробовать прорваться оттуда!

Я бросил взгляд в дальний конец конюшни. С той стороны дверь в подсобное помещение, где хранят для коней овес, зерно и сено. Такое же вытянутое, и можно, если быстро успеть проскочить, выбраться из торца.

— Быстрее, — крикнул я. — Вперед, я прикрою!

Фицрой ухватил повод выбранного для меня коня, гикнул и погнал своего, бережно придерживая Николетту в седле, вдоль двух рядов выглядывающих из стойл конских морд.

Я выстрелил несколько раз в дверь и через стены. Пули ушли где-то мимо, где-то задели, слышу по крикам боли, хорошо, это событей победный дух нападающих.

Никогда не бегал так быстро, как по этой конюшне. Дверь в сарай распахнута, навстречу мощно пахну-

ло ароматом свежего сена, по обе стороны вдоль стен целые тюки до самой крыши, ряд толстых столбов по-средине, что держат кровлю, две огромные бочки, заполненные водой для коней, и запертая дверь в левой стене.

В раскрытую дверь со стороны конюшни вбежали сразу трое с топорами в руках. Я выстрелил трижды, двое упали, но третий понесся к нам с поднятым над головой топором.

Я всадил в него три пули, и он рухнул, заливая пол кровью. Я держал пистолет направленным на дверной проем и, как только там мелькнул кто-то, выстрелил несколько раз.

— Коней не задень, — крикнул Фицой.

— Они вдоль стен, — напомнил я, — а эти дураки бегут посередине.

В дверном проеме возникла фигура человека в длинном халате и широкополой шляпе. Я от неожиданности запоздал с выстрелом, а он рывком выбросил в нашу сторону обе руки, из ладоней сорвались два огненных шара.

Я торопливо выпалил дважды, одновременно прыгая в сторону. Огненные шары, опалив ухо, с такой силой ударили в противоположную стену, заставленную тюками с сеном, словно не сгустки огня, а раскаленные чугунные ядра.

Я еще с пола трижды выстрелил на всякий случай в пустой проход, две ушли в воздух, и под третью пулю как раз выскоцил какой-то дурак.

— И то хорошо, — пробормотал я, боковым сознанием отмечая, что сказал жуткое «хорошо» на убийство человека, — чем их меньше, тем для нас баб больше...

Так, наверное, говорили еще питекантропы, но что изменилось, мы еще какие питекантропы, всем питекантропам питекантропы, у нас же свобода от религии

и сковывающих, как цепи, наши общечеловеческие инстинкты...

Тюки с сеном вспыхнули, как порох. Пыхающий и разбрасывающий искры огонь перекинулся на правую сторону, оттуда вывалилась пара огромных пылающих тюков и стеной огня отгородила меня от Фицроя и Николетты.

— Я иду! — крикнул я. — Фицрой... ничего пока не...

В проходе снова показались оскаленные морды с топорами в руках. Я начал стрелять и всаживал туда пулью за пулей, пока все не исчезли, а упавших в проеме двери не утащили за ноги. Я выстрелил несколько раз и в ту сторону, пробивая доски и слыша истошные крики.

Это их задержит на какое-то время, оглянулся, горящее сено, надеюсь, не горящая нефть, разбежался и прыгнул, закрывая лицо локтями.

В стене пламени ногой задел за горящий тюк и грохнулся на пол, больно ударившись лицом и руками. Едва-едва не выронил пистолет, но зато в кровь разбил kostяшки пальцев о каменный пол.

Сильные руки Фицроя подхватили, он хрипит и кашляет, кое-как поднял меня на ноги, я затравленно оглядывался, а сверху раздался треск, горящая балка обрушилась совсем рядом, обдав невыносимым жаром.

По правой стороне головы Фицроя течет кровь и заливает глазницу, он раздраженно смахивает полной горстью, под ногами двое стонут в крови, еще один рассечен почти пополам. Со всех сторон дикие крики, треск горящего дерева, сильнейший жар вот-вот воспламенит одежду...

Фицрой упал на пол, хрипя и кашляя, сбивал огонь. Стена пламени слишком близко, если кто выскочит, не успею выстрелить, потому я просто торопливо и как

можно чаще стрелял через ревущую оранжевую стену из жара и треска.

Огонь — это не доски в конюшне, сквозь него просто не вижу, жар начинает жечь уже так, что пойдут пузыри, я стрелял почти вслепую, потом поднялся и попятился, продолжая стрелять.

Фицрой крикнул надсадно:

— Здесь... вспыхнет все..

— Идем на прорыв, — проговорил я с трудом через пылающее горло, — а где... Николетта?

Он с трудом поднялся, машинально пощупал голову, на ладони осталась кровь.

— Николетта... ох, я же ничего не... ее нет?

Я прошипел сквозь стиснутые челюсти:

— Ее что, успели схватить?

Жар охватывал нас со всех сторон, я увидел две бочки с водой, откуда конюхи черпают для коней, крикнул:

— Сейчас пойдем на прорыв!

Я почти впрыгнул в бочку, держа руку с пистолетом над водой, тело ожгло холодом, на мне едва не зашипело, как на раскаленной сковороде.

Фицрой мгновение смотрел, выпучив глаза, потом прыгнул ко второй бочке, моментально погрузился с головой и тут же вынырнул.

— Хорошо придумал! — крикнул он бодро. — Здесь вообще можно пересидеть до конца, пока все сгорит...

— Барклем, — сказал я, — серьезный противник. Он как раз может догадаться, что попытаемся переждать пожар здесь в воде.

— Неужто и он умный?

— Я бы тоже хотел, — признался я, — чтобы наши враги были только тупыми... Готов?

Он выбрался из бочки, вода стекает на пол широкими струями, но меч все так же держит острием в сторону

запертой двери склада, в то время как я направил ствол пистолета в открытый проход конюшни.

— Сперва расчищу, — сказал я.

Он отступил в сторону, я выстрелил несколько раз в дверь и рядом с нею, Фицрой пинком распахнул, я выбежал с ним плечо в плечо и отчаянно стрелял в ринувшихся в нашу сторону людей с мечами и топорами в руках.

Фицрой бросился в сторону троих всадников, хотя в сторонке с десяток оседланных лошадей привязаны к забору. Те трое обнажили мечи и пустили коней ему на встречу.

Он успел скрестить с одним меч, я помчался к ним и выстрелил трижды. Двое всадников выронили мечи, а третий, с которым дерется Фицрой, зазевался, и Фицрой, проткнув мечом ему бедро, сбросил на землю.

Конь слегка заартачился под другим хозяином, но Фицрой натянул удила с такой силой, что конь присел на зад, как исполинский кенгуру.

Я торопливо ухватил другого с опустевшим седлом, он пытался удрать, но я успел вставить ногу в стремя и оттолкнуться от земли. Он взвизгнул и ринулся в сторону распахнутых ворот замка.

Фицрой понесся рядом, злой и сверкающий торжествующей усмешкой.

— Все-таки они дураки!

— Гони вперед, — крикнул я.

— Чего вдруг?

— Загораживаешь, — прокричал я.

Но стрелять почти не пришлось, мы выметнулись за ворота, Фицрой начал придерживать коня, некоторое время шли галопом, потом он перевел на рысь.

— За нами никто не гонится, — сообщил он деловито. — Даже обидно.

— Что с головой? — спросил я зло. — Если мозги вытекли, не важно, но кровь терять не стоит.

— Еще бы, — согласился он. — Я же знаю, где она востребованнее. Нет, это царапина. Хоть и глубокая. Топором рубанули...

Я буркнул.

— Что у тебя за голова? Литая, видать.

— Так не в полную силу, — сообщил он. — Мы оба боролись за топор.. потом я его же. Тебе не кажется, что нас боятся больше, чем мы того стоим? Им достаточно было не удирать с Николеттой.

Я хмуро кивнул. Да, проще было подождать, когда сгорит и рухнет сарай. А если мы все же выскочим — добить. Но Барклем предпочел не рисковать.

— Ему главное, — сказал я, — украдь Николетту. Не важно, убьем оставленных им людей или они нас убьют. Важнее всего — увезти Николетту, объявить ее своей женой и провести церемонию вступления в брак.

— Неужто она такая богатая? — спросил он с надеждой. — Он даже пожертвовал десятками своих людей...

Я спросил быстро:

— Сколько до замка Барклема?

Он снова потрогал голову, поморщился.

— Да тут не так уж и далеко. Но вряд ли в таком лесу догоним.

— А вдвоем замок не захватить, — проговорил я.

Фицрой сказал почти с одобрением:

— А они молодцы. В самом деле, у этого Барклема люди получше, чем у Могеринса!.. Настоящие воины. Видно, уже побывали в войнах. И не шелупень, как у тебя. Нас ждет потеха.

— Возвращаемся, — сказал я.

Он охнулся.

— Ты что?.. Ты уже забыл, что они увезли нашу девочку?.. Это оскорблениe.

— Месть нужно огудить, — сказал я. — С Барклем не получится точно так же, как с этим дураком Могеринсом.

Он спросил непонимающе:

— Не хочешь устроить погоню?

— Мало ли чего я хочу, — огрызнулся я. — Когда я заявлял, что мне чего-то хочется, мать всегда говорила: «Перехочется». Вернемся в замок!.. Этот Барклем надеется, что бросимся в погоню и напоремся на что-нить неприятное.

— На что?

— На то, что он приготовит для нас.

Он проговорил медленно:

— Ты хочешь... довооружиться?

— Да, — ответил я. — И явиться с неожиданной стороны. Заодно узнаем побольше об этом проклятом Барклеме. Что-то все о нем говорят... Страшнее кошки зверя нет? Мы докажем, что есть.

Глава 5

Усталые кони с трудом поднялись шагом на гору к запертым воротам замка, на стенах вооруженные люди во главе с Риттером радостно закричали. Для нас отворили издали, я сделал пару глубоких вдохов, надел на лицо довольную улыбку.

— Враг найден, — сообщил я бодро и звучно. — Ему нанесен тяжелый урон.

Риттер ухватил повод, лицо серьезное, но не стал спрашивать, где Николетта.

— Останетесь или...

— Или, — ответил я. — Подбери двух свежих коней. Повыносливее.

— Все сделаю, глерд, — ответил он. — Не сомневаюсь, враг все равно будет разбит.

Фицрой покинул седло, голос его прозвучал уверенно и бодро:

— Вдребезги! Юджин, ты собирай свое, а я захвачу поесть в дорогу. Я когда голодный, становлюсь злее. Сам себя пугаюсь.

— Не задерживайся, — бросил я.

Снайперская винтовка теперь в сложенном виде за-
ботливо упакована в мешке, патроны уже без надобно-
сти, но я по трусости захватил еще и магазин, вдруг да
что пойдет не так, осмотрелся, что бы еще взять, но все
как-то не выглядит крайне необходимым.

Фицрой принес два увесистых выюка, я посмотрел с подозрением. Он перехватил взгляд, расхохотался.

— Все понял? Верно, когда едешь веселиться, то вина не бывает много.

Я буркнул:

— Мы едем выручать Николетту. Дернуло же меня дать ей приют! Погнал бы прочь, никаких забот бы сейчас...

— Все верно, — согласился он. — Мы сами во всем виноваты. А вот женщины — никогда.

— Даже ты так считаешь?

Он фыркнул.

— Я всегда считаю так, как мне выгодно. Я не тупоголовый фанатик, всегда могу сменить неправильную точку зрения, если на другой стороне заплатят больше или предложат морковку крупнее.

Я сказал рассерженно:

— Грузи все быстрее, демократ! Спешка нужна не только... в общем, нужна.

На воротах молча распахнули перед нами ворота, никто не посмел даже пожелать удачи. Все чувствуют, что хотя и держусь орлом, но вообще-то вернулись ни с чем.

Сейчас просто вторая попытка.

Фицрой на этот раз едет молча, задумался глубоко, а я прикидывал, как освободить глердессу без долгой войны, без осады замка, все-таки не вдвоем пытаться взять замок, перебить гарнизон и освободить прекрасную деву...

То ли из-за тряски, то ли усталости, но ничего не приходит в голову, кроме как залечь на возвышенности в пределах мили и тупо расстреливать все, что движется в замке. За исключением женщин. Мужчин можно всяких, они виноваты уже тем, что мужчины.

Мелькнула мысль, что сама винтовка меняет мировоззрение, как сказал великий Мао. Когда в руках молоток, все кажется похожим на гвозди. Не так уж и трудно стрелять издали в стражников, что вооружены только копьями да топорами. Хотя и в их случае могут дать хороший отпор, применив луки...

Фицрой вел через лес уверенно, с картой не сверялся, а когда я спросил почему, безмерно удивился, дескать, он же посмотрел на нее один раз, чего же еще? Это женщин нужно забывать на второй день, а карты и кости следует запоминать, пригодится.

Я поглядывал по сторонам с осторожностью. Барклем понимает, что мое оскорбленное самолюбие заставит хотя бы сделать пару попыток вызволить пленницу, честь глерда требует отмщения или хотя бы сатисфакции.

А раз так, то наверняка постарается что-то да приготовить. Его не устрашила гибель его капитана с отрядом, но он понял, что я очень опасный зверь, и чтобы со мной сладить, нужно будет...

Переночевали уже на землях Уламрии, утром мино-вали лесок, Фицрой сказал, что начинаются владения Финлея Барклема, нужно быть вдвойне осторожнее.

В долине низкий туман, верхушки травы торчат, как из молочного киселя, пахнет сыростью и болотными травами. Со стороны поля доносятся скрипящие крики местных птиц.

Финлей прислушался, я тоже уловил натужный скрип колес под тяжело груженной телегой. Спустя время показалась в самом деле доверху нагруженная мебелью подвода, за нею еще одна, тоже с мебелью.

На облучке первой тощий мужичонка с кнутом в руках, откровенно дремлет, вздрагивает, только когда колесо потряхивает на рытвине, но и тогда ленится даже цыкнуть на коней, начинает клевать носом снова.

Мебель просто великолепная, кое-как прикрыта рогожками и стянута толстыми веревками, блестит лакированная столешница, а самое интересное, что сразу приковало мое внимание, — два маленьких стульчика с резными ножками...

Фицрой поехал было мимо, но я крикнул вознице:

— Погоди!.. Что-то такую дорогую мебель везут не в замок, а из... признавайся, укради?

Мужик вздрогнул, посмотрел по сторонам очумело, потом только обратил внимание на двух всадников.

— Чё?

Я повернул коня и послал его рядом с телегой. Мебель дорогая, чувствуется, что везут человеку богатому.

— Куда везешь? — спросил я громко. — Ответствуй быстро и четко, как Томлинсон перед святым Петром!.. За краденое пойдешь на виселицу!

Фицрой фыркнул, щас я буду следить за порядком во враждебной Уламрии, а возница вскричал испуганно:

— Как украденное? Почему украденное? Никакое не украденное!

— Тогда почему? — прорычал я.

Он пролепетал:

— Приказано было...

— Кем?

— Господином управляющим...

Я сказал злее:

— Ты не юли, а ответствуй, как лист перед травой!..
Чей управляющий, кому везешь, где продавать будешь?

Он сказал плачущим голосом:

— Управляющий высокого лорда Барклема... везу туда... ну, в имение лордессы Марельды!.. Госпожа изволила, вот и...

Фицрой еще не понял мой интерес, смотрит то на меня, то на возницу, а я спросил вкрадчиво:

— Ну-ну, что изволила?

— Госпожа привередливая, — объяснил он пугливо, — часто заставляет переделывать мебель, веранду, меняет ковры... А уж посуды так и вовсе не напасешься.

— Марельда, — спросил я, — это кто?.. У нее замок или простое имение?

Он посмотрел на обоих с растущим подозрением.

— Не знаете, кто такая госпожа Марельда?

Фицрой сказал быстро:

— Мы издалека. Столичные. С чего нам знать провинцию?

Возница объяснил с обидой:

— Госпожа Марельда правит всеми этими землями!

А замком управляет ее сын, лорд Финлей Барклем.

Фицрой заинтересовался, поехал со мной стремя в стремя.

— Где имение? — спросил я.

Мужик указал кнутовищем.

— Вот там, миль пять всего... уже видно крыши. Вон те, с синей черепицей.

— Стульчики, — потребовал я, — для кого?

Он посмотрел на меня с изумлением.

— Для его детей. Тивила и Голеща. Отец в них души не чает, балует, но господам это можно...

— Да, — ответил я, — можно.

Я остановил коня, обоз протащился мимо, Финлей в нетерпении повернул в направлении замка, некоторое время мы двигались стремя в стремя бодрой рысью.

Я некоторое время прикидывал варианты по инерции, потом резко натянул повод и звучно хлопнул себя по лбу.

— Погоди-погоди!.. Глердесса Марельда... как я понимаю, мать этой сволочи Барклема?

Фицрой сказал с одобрением:

— Ты молодец!.. Всего пять раз тебе повторили, что это мать Барклема, как ты сразу это понял!

— Зараза ты, — сказал я, — а не друг. Даже сейчас пытаешься сбить с гениальной мысли, что и так убежала. Мелькнула и убежала...

— Начни сначала, — посоветовал он.

— Мебель, — сказал я. — Видать, очень уж любит своих отпрысков, если даже стульчики для них заказал по росту!..

Он кивнул.

— Это тоже тебе сказали. Что-то ты сегодня совсем не такой... Съел что-то? Балует, как сказал слуга. Другой отец велел бы сперва подрасти, чтобы сразу на взрослые... А что?

— Есть идея, — проговорил я медленно. — Как всегда, гениальная. Сделаем мир лучше: привнесем в него более современные методы. Великий философ и просветитель Чернышевский сказал: «Стремитесь к нему, ра-

ботайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можно перенести».

Он сказал заинтересованно:

- Ну-ну?
- Поворачиваем, — сказал я в нетерпении, — нужно прибыть в то поместье Марельды раньше обоза. Желательно и отбыть тоже.
- Зачем?
- По дороге объясню, — ответил я. — Ты же готов открыться новому, прогрессивному?.. Тогда насладись главой об использовании заложников в мирных целях терроризма.

Глава 6

По-моему, Фицрой как-то не слишком вдохновился благородной идеей захвата детей в заложники, слишком старомоден, но я убеждал с жаром, что это самый многообещающий тренд в общественной политике. В моем далеком королевстве это обычное дело, мир широк и многоцветен, нельзя быть таким узкобым, победителей не судят, все средства хороши, историю пишет победивший, и о том, как все было, мир узнает только с его слов.

Поместье матушки Барклема открылось в долине просто грандиозное по размерам, хотя жилое помещение не так уж и велико, зато какие конюшни, псаарни, пруды для дивных рыб...

Живет она, как понимаю, привольно и беспечно: имение на открытом месте, окружено садами и клумбами, все красиво, никаких заборов.

Цветы почему-то топтать считается нехорошо, потому я пустил коня по прямой твердой дорожке, красиво выложенной по краям крупными камешками.

День солнечный, перед домом на лужайке играют трое детей, а двое то ли слуг, то ли наставников наблюдают за ними и солидно подают умные советы.

В сторонке под раскидистым деревом расположились в креслах две солидные дамы в нарядных платьях и под роскошными шляпами с цветами.

— Надеюсь, — сказал я, — из тех троих детишек двое Барклемовы. Или хотя бы один.

Фицрой пробормотал:

— Как мне такое не нравится...

— Все хорошо, — заверил я. — Не придется поджигать дом, чтобы выкурить этих крыс! Судьба нам идет на встречу, как самым умным и предпримчивым. Или ты не такой?

Он буркнул:

— Да я как-то по-другому предпримчивый.

— Карл Маркс говорил, — сказал я, — что если человек предпримчивый, то у него нет границ для повышения прибыли. Ни моральных, ни географических. Поехали!

Наставники детишек первыми заметили нас и, сразу насторожившись, сделали несколько шагов вперед. Женщины тоже прервали разговор и уставились в нашу сторону, все-таки приличные люди уже бы спешились.

Я вежливо поклонился, не покидая седла.

— Здравия желаю! Как я понял, это усадьба Барклема и здесь его семья?

Одна из женщин проговорила с холодком:

— Вы не представились, лорды. Да, я Марельда Барклем, мать лорда Финлея Барклема!

Тон, которым это было произнесено, говорил о том, что я должен покинуть седло и пасть ниц перед величием рода Барклемов.

— Рад, — ответил я. — А это детишки лорда Барклема? Все трое?

Она сказала с растущим возмущением:

— Как можно? Вы с ума сошли?

Фицрой шумно вздохнул и посмотрел на меня с укором, дескать, ну как можно не видеть по одежде, что двое из знатной семьи, а третий — сын старших слуг.

— Прекрасно, — сказал я и медленно послал коня вперед в сторону детей, что прекратили игру и смотрят на меня настороженно, как мелкие зверьки на крупного. — Это нас устраивает.

Наставники детей разом вытащили мечи и выставили их остриями в нашу сторону.

Один смерил меня злым взглядом и сказал резко:

— Кто бы вы ни были, я требую, чтобы вы покинули пределы поместья лорда Барклема!

Я прервал:

— Ценю твое мужество, дружище. Но тебе придется отступить.

Он повертел меч из стороны в сторону, показывая, что владеет лучше простого мужика, и загородил собой ближайшего мальчишку.

— Нет!

Я выхватил пистолет, Фицрой охнулся, крикнул:

— Не надо!..

Выстрел грянул громко и злобно. Звякнула сталь, меч вылетел из руки наставника и, разделившись на две половинки, отлетел на десяток шагов в разные стороны.

Фицрой вздохнул с облегчением, я сказал резко:

— Отступи, тупой дурак. Думаешь, твою напомаженную голову разнести труднее, чем твой меч?

Он в растерянности оглянулся на улетевший клинок, рукоять торчит из травы, а сам клинок уже и не видно.

— Нет, — произнес он и бесстрашно посмотрел мне в глаза. — Нет... и ни за что...

Он потащил из ножен на поясе кинжал. Я быстро пустил к нему коня и сильно ударил рукоятью пистолета в темя. Леди Марельда вскрикнула, наставник даже не пикнул, рухнул лицом вниз и застыл недвижимо.

Я быстро ухватил мальчишку за шиворот, он отчаянно забрыкался, но я грубо вздернул к себе на седло.

— Ни звука, — прошипел я. — Удавлю, как жабу. Понял?.. Фицрой, хватай второго ублюдка, я прикрою!

Обе женщины истошно завизжали. Фицрой нехотя повернул коня в сторону второго мальчишки. Из конюшни на крик вышли трое крепких мужиков с косами в руках. Появился с четвертый с вилами. Угрюмые и решительные, начали осторожно приближаться к нам, крепко сжимая в руках древенского оружия.

— Назад, — велел я. — Нет у меня жажды убивать трудящихся, хотя именно вас и убивают в первую очередь, так что назад!

Они не слушали, подходили все ближе, постепенно смелея. Я выстрелил двоим в ноги. Все трое растерянно остановились, один ухватился за голень, где сбоку пропустило красное пятно, второй повалился со стоном, выронив косу, третий поспешил отпрыгнуть.

— Назад! — крикнул я люто. — Иначе всех убью!

Они бросили свое оружие и, хромая, заковыляли обратно в конюшню. Фицрой наконец ухватил мальчишку и втащил к себе на коня.

Я повернулся к женщинам, они в ужасе даже перестали визжать, а я сказал громко и четко:

— Леди Марельда, слушайте и запоминайте. Сейчас вам из замка привезут мебель. Советую сразу же послать гонца сыночку с сообщением, что его дети вернутся це-

лыми и невредимыми в ответ на освобождение гледессы Николетты!

Леди Марельда охнула:

— Он все-таки сумел?

— Да, — подтвердил я. — И, как видите, из-за своих амбиций и непомерной дури может потерять обоих детей, а новых Николетта может и не родить...

— Что, — пролепетала она, — что вы хотите?

— Всего лишь вернуть ему его детей, — сообщил я. — В целости и сохранности. Разумеется, в обмен на леди Николетту.

Она проговорила в страхе:

— Только ничего не делайте с моими внуками!

— Это будет зависеть от вашего сына, — напомнил я.

— Передайте, будем ждать вблизи дороги, что идет от замка к этому поместью. Прощайте!

Я пустил коня обратно, грохот копыт коня Фицроя некоторое время слышался сзади, потом он поравнялся со мной, мальчишку посадил впереди себя и прижимает крепко, но на лице смущение и даже укор.

— Что-то мне такое не нравится, — проговорил он.

— Да ну?

— Как-то нехорошо, — сообщил он.

— А нашу Николетту выкрадывать было хорошо? — огрызнулся я. — Покажем сволочи, что если он переступает черту, то мы можем тоже. И так переступим, что мало не покажется!..

Он крикнул на скаку:

— Нас осудят!

— Мы свою версию распространим первыми, — напомнил я. — А кто первый, тому и верят. И вообще будем убедительнее. Главное, больше и напористее говорить о человеческих ценностях!.. А ну не брыкайся, щенок!

Мальчишка в моих руках прошипел лютно:

— Мой отец вас повесит кверху ногами... Но сперва выдерет кишки и бросит собакам!

— Достойный сын папаши, — согласился я. — Фицрой, сколько еще?

— Не больше пяти миль, — ответил Фицрой. — Мой волчонок вроде бы смирный, быстро понял, кто здесь кто. Правда, сперва получил по морде.

— Хороший способ, — согласился я. — А мне приходится своего придушивать, чтобы понимал, кто сильнее. Думаю, поймет это быстрее, чем его папа.

Кони взбежали на возвышенность, дальше ровная зеленая долина, а на том конце высится замок Барклема, как сказал Фицрой. Я передернул плечами, если мой замок Мяффнер уважительно называл крепостью, то у Барклема вообще даже не знаю, как и обозвать, разве что город из камня, обнесенный тремя кольцами толстых стен.

Я огляделся, мы на ровной вершине очень полого холма, слева лес. Деревья в основном лиственные, кустарник победно захватывает свободные места, прятаться легко.

— Привяжи мальчишеч к дереву, — велел я. — Мы не можем следить и за ними, и за этим ублюдком Барклемом.

Младший вскрикнул:

— Мой отец не ублюдок!.. Это ты ублюдок!

— Сейчас узнаем, — ответил я. — Хотя даже звери за своих щенков на кого угодно бросятся, так что это не показатель.

Фицрой отвел в лес и обоих коней, привязал там к деревьям и насыпал в привязанные к мордам торбы зерна. Я установил на пригорке за жидким кустиком снай-

перскую винтовку, подготовил к стрельбе и припал к окуляру.

Ждать пришлось недолго, через четверть часа по дороге к замку пронесся всадник, вздымая пыль, едва не ударился о ворота, что открыли недостаточно быстро, влетел вовнутрь и пропал.

Я переводил прицел с одного часового на стене на другого, что-то дремуче-демократичное подмывает нажать на спусковую скобу. Это же так просто: жму здесь, а там падает фигурка. Не человек, а так, живая сила противника. Человека убивать вроде бы нельзя, во всяком случае не совсем хорошо, а вот живую силу противника можно и нужно. Это наш долг как сознательных граждан во имя демократических ценностей и победы разума.

И всякий раз убирал палец, но вовсе не из допотопных убеждений насчет сострадания и человечности, какая на хрен может быть человечность, когда нас уже восемь миллиардов, а руководствуясь холодной логикой.

Крепость таким обстрелом не взять, там быстро поймут, откуда идет смерть, вышлют из других ворот отряды, те зайдут с тыла, и кончится твоя дурная героика.

Ворота распахнулись довольно скоро. Первым выметнулся молодой парень с баннером в руке, следом выехали двое богато одетых всадников на укрытых красными попонами конях.

Баннерщик пронесся вперед, вернулся, похоже, по окрику и чинно поехал впереди.

Фицрой дважды приходил за новостями, я заверил, что все по плану: Барклем уже выехал на переговоры.

— Хорошо бы, — сказал он со вздохом. — Надеюсь, у тебя все получится.

— У нас, — уточнил я. — У нас получится.

Он как-то странно посмотрел, отвел взгляд в сторону.

— Да-да, у нас. Ладно, пойду к ребятишкам.

Я посмотрел ему вслед с чувством некоторой неловкости. Все-таки он инстинктивно старается отстраниться от такой не совсем благородной операции. А с виду и по словам вроде бы такой хитрец и жулик, клеймо ставить некуда, но вот, оказывается, и у него есть нормы и границы, за которые переступать не может. Ну да ладно, здесь же все примитивные, а вот мне все можно, я цивилизованный и уже знаю, что можно все, что можно, а можно в самом деле для свободного и раскрепощенного человека все.

Упрятав винтовку в кусты, я вышел вперед и в непринужденной позе человека, который владеет ситуацией, стал дожидаться Барклема.

Троє всадников идут галопом, но по мере приближения сперва перешли на рысь, а шагов за двести кони пошли шагом.

Когда расстояние сократилось еще, Барклем вскинул руку, и его спутники натянули поводья, останавливая коней, а он один продолжил путь.

Я стоял неподвижно, руки висят по сторонам без оружия, но слегка растопырены, напряжены, в любой момент готов выхватить пистолет.

Барклем остановил коня шагов за десять, некоторое время мерил меня злым взглядом с головы до ног.

— Где мои дети?

Голос его прозвучал резко и повелевающе. Думаю, его услышал и Фицрой, наблюдающий за нами из кустов.

— Сойти с коня! — велел я.

Думаю, мой голос прозвучал еще резче и злее. Лицо Барклема налилось гневом, но у меня не дрогнул ни один мускул лица, и он с великой неохотой медленно покинул седло, ибо пеший может разговаривать со всадником только в случае, если признает его полное пре-

восходство, что, как Барклем понимает, немыслимо для человека, у которого двое детей в заложниках.

Держа повод в руке, он повторил:

— Где мои мальчики?

— У нас, — ответил я. — И достаточно близко.

Он проговорил медленно и с угрозой:

— Я хочу убедиться.

— Разве вам в поместье не сказали? — отрезал я. —

Ваша мать хотя бы?

Он покачал головой.

— Этого мало. Вы их могли убить по дороге.

— Хорошо, — ответил я нехотя. — Фицрой, покажи их. Издали!

Через пару минут в лесу за сотню шагов от нас кусты расступились, Фицрой вывел обоих мальчишек, связанных с веревками на шее.

Барклем тут же развернулся в их сторону, ладонь легла на рукоять меча.

Я крикнул резко:

— Стоять!.. Еще шаг, и вашим детям перережут глотки!

Барклем грузно повернулся в мою сторону, лицо налилось дурной кровью.

— Вы не посмеете!

Голос его звучал, как небесный глас, я сказал еще злее:

— Ублюдок, если думаешь, что можно захватывать в плен невинных женщин, то найдутся и такие, что захватят твоих детей! И выпустят им кишк!.. И подвесят на них! Ты, скотина, думал, один такой подлый? И потому можешь все... Ты еще не знаешь, идиот, на что способны настоящие мужчины!.. Уведите их обратно!

Фицрой ухватил обоих мальчиков за шивороты и уволосил, ломая ветви. Барклем долго смотрел вслед, наконец

обернулся ко мне. Лицо его обвисло и постарело, а голос прозвучал почти сломленно:

- Я велю доставить сюда глердессу Николетту.
- Разумно, — ответил я холодно.
- Но мы, — сказал он жестко и посмотрел мне в глаза, — на этом не закончим наши счеты.
- Надеюсь, — ответил я, — вас не придется искать в дальних королевствах, чтобы выпустить кишки и удавить ими. Вам придется убедиться, что я не чистоплюйничаю. С теми, кто играет без правил, я тоже играю без правил.

Не удостаивая меня ответом, чтобы разговор благородных людей не перешел в перебранку простолюдинов, он медленно поднялся в седло, повернул коня и поехал сперва шагом, потом послал его в злой галоп.

Я ухватил мешок с винтовкой и быстро перебежал вперед на пригорок на самую высокую точку, плюхнулся на живот и быстро вытащил оружие.

Прошло не больше десяти минут после того, как их отряд втянулся в крепость, и далеко из-за леса выехал небольшой конный отряд. Впереди лорд Барклем, рядом на небольшой лошади глердессы Николетта, руки связаны впереди, а ноги, как я рассмотрел в окуляр прицела, соединены между собой веревкой, протянутой под конским брюхом.

Глава 7

Я очень быстро нырнул в заросли, в которых обосновался Фицрой, в двух словах объяснил, как действовать, и бегом вернулся к оставленной снайперке. Прильнув к оптическому окуляру, я торопливо перевел крестик прицела поверх головы отряда Барклема. Далеко на дорогу

в достаточном отрыве от него выезжает большая группа хорошо вооруженных всадников. По тому, как держатся и посматривают по сторонам, видно, что у них другая, чем сопровождать лорда, задача.

Так и есть, вскоре свернули в лес, я все-таки молоц, у меня чутье и опыт сотен тысяч моих предков: не зря обосновался на самом высоком месте, где ничего, кроме кустарника, а редкие деревья начинаются шагов за пятьсот-семьсот, никто не подкрадется незамеченным.

— Молодцы, — пробормотал я с сильно стучащим сердцем, — все верно... продумано хорошо... но ты не знаешь, сволочь, про некоторые сюрпризы... современных локальных конфликтов...

Набросив на винтовку еще и мешок сверху, я выскочил из кустов и ринулся бегом навстречу лесу, пригибаясь, как под артиллерийским обстрелом.

Конь Барклема показался буквально через полминуты, как я остановился и, удерживая рвущееся из меня дыхание, ждал его с самым надменным видом, что указывает на высокое происхождение.

Барклем слегка изменился в лице, завидев меня так неожиданно сменившим место, но постарался не показывать виду, что это несколько смешало карты, раз уж второму отряду он дал несколько иные мои координаты.

Николетта при виде меня засияла, как ясное солнышко.

Я кивнул ей, а Барклему сказал ровным голосом:

— Надеюсь, вы не нарушили слово чести...

Он спросил надменно:

— Разве я не привез эту женщину?

— Я имею в виду, — сказал я, — что не привели с собой целый отряд вооруженных людей. Иначе вы в ответе за их гибель.

Он усмехнулся.

- Вы их где-то видите?.. Значит, их нет.
- Это хорошо, — сказал я и, повернувшись к зарослям кустарника, помахал рукой: — Фицрой, давай сюда мальчишек!

Фицрой поднялся в десяти шагах от Барклема, связанных мальчишек держит за шивороты. Они пытались то ли заорать, то ли завизжать, но у обоих из распахнутых ртов торчат кляпсы из старых тряпок. Фицрой вытащил обоих из кустов, но не отпустил, одной рукой выдернул кинжал из ножен и, как и пообещал мне, приставил к горлу старшего.

— Ну?

Я подошел к Николетте, перерезал веревку, связывавшую ноги, она наклонилась и упала мне в руки. Фицрой подвел мальчишек ближе, Барклем соскочил на землю и бросился к сыновьям.

Пока он разрезал веревки на их руках и вытаскивал кляпсы, Фицрой подвел наших коней. Я подсадил Николетту в седло Фицроева коня. Фицрой убрал кинжал, но вытащил меч.

Барклем поднял мальчишек одного за другим на коня, на котором привез Николетту, ухватил его за повод и быстрым шагом повел за собой в сторону дороги.

Я шепнул Фицрою:

— Дуй к замку. Постарайся не останавливаться, пока не догоню.

Он ответил, едва шевеля губами:

— А ты что задумал?

— Он привел целый отряд, — ответил я шепотом. — Надеется догнать нас еще до реки.

— Вот сволочь, — ответил Фицрой тоже шепотом, он прожигал удаляющуюся спину Барклема ненавидящим взглядом. — А он это сделать сможет! Сколько у него человек?

— Не меньше полусотни.
Он озадаченно присвистнул.
— Ого!.. Так я себя уважать начну.
— Давно пора.
— Да я давно и уважаю, — сообщил он. — Это я так, из скромности.
— Быстрее, — сказал я.

Он кивнул, а я бросился к своему коню, а когда взобрался в седло, шляпа Фицроя уже стремительно удаляется над ветвями высокого кустарника.

Мой конь пронесся по его следам, ниже облюбованного пригорка я привязал коня, там за кустами его вообще не видно, а сам быстро взбежал обратно и торопливо плюхнулся животом на землю, сразу хватаясь за винтовку.

Все-таки я быстр, а у Фицроя больше времени, чтобы увезти Николетту дальше. Первые всадники выметнулись из леса минут через пятнадцать, явно Барклем велел им прятаться вдали от опушки, чтобы случайно не выдали его замысел.

Идут хорошим наметом, в прицел вижу довольные лица, почти не крутят головами и не переговариваются, Барклем все разъяснил предельно четко, как мы поедем и где примерно настигнут нас... да только не успел предупредить, что я сменил дислокацию, еще раз выбрав место с учетом новых данных.

Медленно поймал в прицел голову переднего всадника, все идут на меня, целиться легче, мишень почти не сдвигается из стороны в сторону, нажал на скобу, тут же ухватил в крестик лицо второго...

Выстрелы там услышали бы через десять секунд, но с глушителем и пламегасителем их не отличить от стрекота кузнечиков уже за сотню шагов, и я стрелял, стрелял, пока не опустело с дюжину конских седел.

Всадники начали придерживать коней, вертеть головами, а сзади напирают новые герои. Некоторые остановились, но самые горячие помчались дальше, и я снова начал ловить в прицел их лица и нажимать на спусковую скобу.

Из-за того, что я выбил центр, они пошли широкой лавой. Я некоторое время стрелял, лихорадочно высчитывая, сколько у меня осталось времени, потом подхватился, цапнул винтовку и ринулся к коню.

Едва успел мешок приладить позади себя, как передние всадники увидели врага и сразу послали коней в галоп.

— Ну, лапушка, — сказал я своему вороному тревожному, — давай не подведи... Ты вроде бы отдохнул. А правда, что вороные не самые быстрые кони?

Он обидчиво всхрапнул, а я подумал, что за полчаса скачки я точно догоню Фицроя с Николеттой, потому начал придерживать скакуна, делая вид, что это наш предел, быстрее ну никак...

Всадники с торжествующими криками начали догонять, я оглядывался часто и видел холодный блеск клинков в их руках.

Передний прокричал гневно:

— Трус!.. Остановить и дерись, как благородный глерд!

— Щас, — ответил я громко. — Щас остановлюсь... Но лучше ты остановишься.

Он дрогнул меня, вскинул меч для удара. Я выхватил пистолет и выстрелил ему в лицо. Его отшатнуло, на месте носа появилась красная дыра, кровь хлестнула широкой струей.

Так же быстро я выстрелил дважды во второго всадника, что начал было обгонять смертельно раненного, и несколько раз в тех, кто скакет следом.

Погоня на некоторое время отстала. Я иногда оглядывался, хотя больше прислушивался к нарастающему конскому топоту и чувству неприятного холода в загривке.

Фицроя не видно, но вовсе не потому, что далеко, дорога петляет. Правда, если погоня пойдет напрямик, то застрянет в лесу и болотах, лучше уж по ровной и безопасной дороге.

Наконец далеко впереди мелькнул всадник, я узнал красный плащ Фицроя. Тут же снова выдвинулся сбоку лес, а холмы скрыли их обоих.

Я оглянулся, наиболее настырные или просто тупые оставили сброшенных с седла товарищей и продолжают погоню.

— Не все так просто, — пробормотал я. — Воюют не числом, а материально-технической базой.

Грохот копыт нарастает, острым холодом кольнуло не только в загривок, но и в спину меж лопаток. Я поспешил пригнуться, пистолет уже в руке, выстрелил почти наугад, совсем рядом раздался крик боли.

Чуть повернувшись в седле, я выпалил в лицо всадника, зажимающего ладонью плечо, и тут же двумя выстрелами свалил еще одного героя, что попытался достать меня копьем.

Остальные натянули поводья, кони поднялись на дыбы, а я пошел галопом.

Фицрой то и дело оглядывается, услышал конский топот, Николетта чуть шею не свернула, стараясь увидеть, как там и что со мной.

— Вперед, вперед! — крикнул я. — Вдруг да еще дураки найдутся!..

Фицрой кивнул, лицо остается обеспокоенным. Я догонал, поравнялся с ними. Николетта протянула ко мне руки, я с сожалением покачал головой, хотя когда пред-

ставил, как она будет в моих объятиях, испуганная, дрожащая и горячая...

— Что-то тревожит? — спросил я.

Фицрой сказал наигранно бодро:

— Нам придется заночевать по дороге. На чужой земле. Это здорово, будет о чем рассказывать... Только как бы девушка не напугалась всякой ерунды.

— Они только ерунды и боятся, — согласился я. — Серьезного просто не замечают, счастливые... Думаю, ночевка не страшна. Но эта сволочь... даже не знаю... отстала или нет?

Фицрой ответил без колебаний:

— Догнать уже догнали. А ночью в темноте больше шансов навалиться скопом.

— Идиоты, — прорычал я. — Сколько уже рухнуло в пыль и грязь!

— Они даже не поняли, — бросил Фицрой. — Или не могут поверить... А самое главное — остальным честь не позволяет отступить.

Я сказал зло:

— Вот так благородные люди и позволили выбить себя начисто! А всякая сволочь осталась.

Фицрой посмотрел на меня несколько странно.

— Надеюсь, имеешь в виду... не себя?

— Есть еще хуже, — сообщил я недовольно. — Вовсе позабывались в норки и дрожат. Мелкой дрожью.

— Лишь бы не крупной, — сказал он серьезно, — то вообще...

Я смолчал, всматриваясь в разворачивающийся перед нами пугающий простор, где никаких дорог, только слева жидкий лесок, справа широкая река, а за нею неприятно горбятся невысокие горы.

Кони идут неутомимо экономной рысью, потом впереди замаячил лес, время от времени сдвигаясь то влево,

то вправо, но дорога хоть и виляет, но идет прямо на деревья, что значит то ли обойти не удается, дороги вообще-то не любят леса, то ли насквозь пройти проще.

Дороги в лесу не оказалось в самом деле, а если и есть, то погребена под толстым слоем листьев.

К счастью, полоса леса оказалась узкой, дорога это явно знала, и когда мы наконец прорвались через него, почти сразу же конские копыта вступили в воду.

Река широкая, но Фицрой умело вывел к броду, в самом глубоком месте коням оказалось по брюхо. До середины прошли достаточно уверенно, дальше вообще мелководье, из воды торчат спины огромных валунов, похожих на черепашины панцири, вода возле них пенится, изображая усилия, словно это в горах, а вот она трудится изо всех сил, стараясь разрушить или хотя бы сдвинуть эту оскорбляющую реку преграду..

Николетта то и дело бросает в мою сторону умоляющие взгляды, но я делаю вид, что жутко занят вопросами обороны: то скаку вперед и смотрю, нет ли засады, то отстаю и проверяю, далеко ли отстала погоня.

И снова мирный пейзаж, отсутствие людей, непуганое зверье, однако Фицрой, несмотря на похояхатывание и бесконечные рассказы о приключениях и удачных сделках, тоже насторожен, как дикий зверь, все видит и замечает впереди и по сторонам.

Мой конь от таких рывков начал уставать больше, чем у Фицроя, хоть тот везет двух седоков, я поглядывал на желто-зеленое небо, что медленно подкрашивается алым, а Фицрой радостно вскрикнул, вытянув вперед руку:

- Вот там, впереди и слева!
- Я всмотрелся.
- Что там?
- Место для ночевки, — сообщил он.

Почти у самого горизонта вздымается пологий холм, очень пологий, такими обычно становятся лысые горы, на которых ведьмы устраивают свои омерзительные и непристойные шабаши.

В начале пубертатного периода мне всегда страстно жаждалось посмотреть, что же это такое за непристойное, но когда еще повзрослел, вскоре понял, что современные женщины дадут всем этим ведьмам сто очков вперед и при этом вовсе не будут считать, что вытворяют что-то непристойное.

— Нас будет видно издали, — ответил я. — Если ночь лунная. Может быть, лучше там, где и ночевали по дороге сюда?

— Ночь будет лунная, — согласился он. — Даже двулунная.

— И как тогда?

— Там развалины древней крепости, — ответил он жизнерадостно. — Или могильника!.. Костей, скелетов, черепов... жуть!

Николетта содрогнулась, он заботливо поправил на ее плечах плед и прижал крепче.

— Откуда знаешь?

— А у меня эти места на карте, — напомнил он. — Народ такие места избегает, потому там что-то нашарить иногда удается. Нас не увидят. Даже костер спрячем за камнями.

Я посмотрел на небо, что уже начало полегоньку багроветь, предвещая скорый выход громадной красной луны.

— Скажи честно, — поинтересовался я, — там удобно для обороны, если чего... или у тебя другие интересы?

— Какие интересы, — сказал он фальшивым голосом, — какие интересы?.. Только о деле и думаю!

— О каком? — спросил я с подозрением. — И вообще тута далековато. А кони устали.

— До ночи успеем, — заверил он.

— Чего лыбишься? — спросил я с подозрением.

— Да так...

— В могилу не полезем, — сказал я твердо. — Хватит, налазились.

— Но в прошлый раз кое-что нашли, — напомнил он.

— Дважды удача не приходит.

— Верно, — согласился он. — Но при чем здесь удача? Николетта пропищала пугливо:

— О чем вы говорите такое страшное?

— Это он шутит, — сказал я сердито. — Конечно же, нет там никаких скелетов. И вообще, немного передохнем в тех развалинах, а то кони устали, а на рассвете сразу же помчимся и поскакаем.

Она спросила трепетно:

— А еще долго?

— Завтра к обеду будем за крепкими стенами замка, — пообещал я.

Она с облегчением вздохнула, не представляет еще, что эта ночь может стать для нас всех последней.

Оранжевое солнце медленно сползает к горизонту, а когда оставалось чуть-чуть, выдвинулось белое, залив весь мир призрачным светом электросварки.

Глава 8

Я поспешил опустить голову, все еще не привык. Хорошо, что оранжевое висит в небе весь день, а белое и зеленое проскакивают, как шустрые зайцы, за которыми гонится стая волков.

Луна подниматься не торопится, даже когда за горизонт опустилось и оранжевое светило, а мы за это время только-только добрались до подножия холма, и дальше поднимались почти на ощупь.

К счастью, холм действительно лысый, только низкорослая трава, а когда добрались до середины, из-за далекого темного страшного леса неспешно всплыла огромная красная луна, похожая на раскаленный шар, местами покрытый остывающей окалиной.

Фицрой понукал коня, потом соскочил на землю и торопливо побежал наверх, волоча коня с Николеттой в поводу.

Я держался позади шагах в пяти, это чтоб Николетта не попросилась ко мне, а Фицрой тащил коня, как бурлак корабль на Волге, а на вершине завизжал ликующе:

— Я ж говорил!.. Я ж говорил!

Он собрался было снять Николетту с седла, когда я приблизился, но как-то забыл о женщине, настоящий мужчина, а жадно рассматривал руины.

Я быстро окинул их взглядом. Не знаток, но никакие не развалины крепости, а напротив, древнее захоронение, с которого дожди и ветра за сотни лет смывали слой за слоем, так что тайный склеп, упрятанный глубоко под землю, как бы поднялся к поверхности.

— Сейчас выберу место для костра! — крикнул Фицрой в лихорадочном возбуждении. — Присмотри за лошадьми и женщиной. Я быстро!

Я бережно снял трепещущую, как нежная бабочка под холодным ветром, Николетту, опустил ее дрожащими задними лапками на землю.

Мне показалось, она чуточку дернулась, чтобы снова залезть на меня, как мартышка на дерево, но сдержалась, произнесла вздрагивающим голосом хорошо воспитанной леди:

— Благодарю вас, глерд Юджин. Вы так много для меня делаете...

— Всего лишь ночь, — заверил я. — А завтра уже в безопасности. В замке. В тепле и уюте.

Она проговорила дрожащим голосом:

— Я верю вам, глерд Юджин. С вами не страшно.

Фицрой издали крикнул уязвленно:

— Со мной еще не страшнее!

Она попыталась улыбнуться ему, получилось очень бледно, но видно, что девочка храбрится изо всех сил.

— Да, глерд Фицрой, вы очень... отважный человек. Я отлучусь на минутку, вы же все равно пока разжигаете костер, да?

— Далеко не уходите, — посоветовал Фицрой дружески. — Лучше вон в ту сторону.

Она послушно отступила в темноту, я услышал только шелест травы, спросил тихонько:

— А почему туда?

— Ветер отсюда, — пояснил он знающе. — Я далек от того, чтобы считать, будто красивые и нежные только кушают и ничего больше. У тебя там в мешке что-то осталось?

— Он у тебя, — напомнил я. — Думаю, ты с ним ни за что не расстанешься.

— Еще бы, — подтвердил он. — Как можно потерять такое? Я скорее Николетту потеряю...

Николетта вернулась тихая, но чуть прибодрившаяся, тихохонько села возле костра и уже оттуда посмотрела с возмущением, даже шутки такого рода неуместны от благородных глердов.

— Как вам не стыдно?

Фицрой ответил ей обезоруживающей усмешкой.

— Но вино мы даже не пробовали!

Я поднялся, костра вроде бы издали не видно, на всякий случай дважды обошел по периметру, хотя и так понятно, что не надо быть особо искусными следопытами, чтобы искать нас где-то помимо вершины холма.

Из-за циклопических камней слышен довольный хохоток Фицроя, рассказывает нечто веселое, заодно старается впарить ей не то земли в горах, не то каких-то единорогов.

Вообще-то вынужденная остановка на территории врага выглядит почти пикником. Для Николетты мы шутили и веселились, стараясь ослабить ее страх, угожали мясом и сыром, совали в руки бутыль с вином, снова шутили, но я уже лихорадочно высчитывал скорость продвижения погони.

Николетта хоть и вжимается в меня спиной, но, чувствую, уже озябла. Я дотянулся до мешка, вытащил плед и укрыл ее, закутав, как ребенка.

Фицрой что-то ощущил, уговорил Николетту сделать большой глоток, умеет, морда хитрая, а сам поднялся и, ухватив меня за локоть, отвел в сторону.

— Что-то чуешь?

Я помотал головой.

— Нет, это я осторожничаю. Я не трусливый, но осторожный. Со мной умрет вся вселенная, а я этого не перенесу.

Он вряд ли понял, спросил деловито:

— Если и нападут, то под утро.

— Почему?

— Самый крепкий сон, — пояснил он. — Валит с ног даже матерых часовых. Часовые бывают матерыми?

— Если под утро, — ответил я, — это не худший вариант. Но все равно лучше быть готовыми уже сейчас. Кто знает, насколько Барклем рассвирепел. И какую цену готов заплатить, чтобы все свершилось по его замыслу.

Он хмыкнул.

— Цену готов заплатить высокую. Думаешь, его остановит, если даже перебьем всю погоню? Если ему удастся заполучить Николетту и жениться на ней, это с лихвой покроет все убытки.

— Это меня и беспокоит, — признался я. — Но мы хороши! Только вдвоем бросились освобождать дрожащего зайчика из лап льва! Прямо из его логова.

— Хороши, — согласился он гордо и подкрутил ус. — Но вообще-то, если честно, а как было иначе? У тебя нет армии.

Я сказал честно:

— Ты стоишь целой армии, Фицрой.

— Ну спасибо, — протянул он и тут же добавил деловым тоном: — Но слишком на это не рассчитывай. Я не люблю связывать себя обещаниями.

— Можешь и смыться?

Он заверил с довольным видом:

— Легко!.. Чтобы насладиться... Понимаешь, в гнусных поступках тоже что-то есть приятно щекочущее. Как редкое блюдо.

— Ладно, — сказал я, — пойду пока приготовлюсь. Заранее.

— Трус, — сказал он.

Я ответил хвастливо:

— Еще какой!

Он вернулся к Николетте, а я снял с винтовки прицел ночного видения, всего одно движение, как и поставить обратно, зато видно как днем, разве что цвета потеряны. Увеличение позволяет рассмотреть зубы на жвалах муравья, выбравшегося на ночную охоту, просматривается все вплоть до далекого леса, откуда и выходит дорога.

Всадники выехали оттуда через полчаса. Всех хорошо видно в кроваво-красном свете луны, долго ждали, не-

которые слезли и, привязав коней к деревьям, вернулись в лес, другие гарцевали взад-вперед, переговаривались и жестикулировали, пока не появилась еще группа во главе с самим Барклемом.

Я торопливо приладил прицел обратно на винтовку, лег и всмотрелся, за это время уже многие покинули седла и пошли тесной группой в сторону холма.

В окуляре мелькают крупным планом бородатые оскаленные морды, пришлось даже подкрутить верньеры, уменьшая размер изображения.

Барклема не видно, эта сволочь вернулась в лес по-торопливому прибывающих, а как бы здорово все закончить одним удачным выстрелом, как получилось с чародеем Аллерли. И хотя выстрелов было больше, чем один, но все же операцию можно считать ювелирной.

За спиной послышался ворчливый голос:

— Ну что там? Шевелятся?

Я буркнул:

— Не высовывайся.

— Ого, — сказал он. — Думаешь, и они видят нас так же, как ты их?.. Разве что с ними чародей или хотя бы нехилый колдун.

— А почему им не захватить с собой и колдуна?

Он сказал с покровительственной ноткой:

— Колдуны — товар штучный. Ты одного уже завалил там, в конюшне, а второго отыскать и уговорить работать на себя не так просто.

— Посматривай на другую сторону, — посоветовал я.

— Могут попробовать пойти со всех сторон.

— Обязательно пойдут, — заверил он. — Но сперва должны убедиться, что с этой не получается.

— Постараюсь убедить, — процедил я сквозь зубы.

— Тогда исчезаю, — ответил он бодро. — А то у меня тут начатое дело...

Шаги удалились, я не успел поинтересоваться, что там за дело, если он должен сидеть на месте и успокаивать Николетту. Или слишком уж вошел во вкус успокаивания...

По небу тяжело передвигаются тяжелые тучи, время от времени лунный свет исчезает, а через окуляр хорошо видно, как на это время спешившиеся всадники замирают, с нетерпением поглядывают на тучи.

Первая группа в десяток человек, пригибаясь и стараясь двигаться неслышно, уже пошла вверх по холму.

Я поймал впередиидущего в прицел, палец лег на скобу, но удержался, этих успею, лучше достать пока вон того на опушке, его Барклем оставил вместо себя, ишь распоряжается...

Тщательно навел крестик прицела на середину его груди, дышу ровно, палец придавил скобу в момент между вздохами.

В прицел со злорадством увидел, как тяжелая пуля ударила, как конь копытом. Брызнула кровь из рваной дыры, куда пролез бы мой кулак. Тело красавца вломилось спиной в кусты и там осталось ногами вверху.

Не теряя мгновения, я перевел прицел на соседа, тоже знатного глерда, то бишь лорда, выстрелил и поспешил посмотреть на эту десятку, что поднимаются по склону к нашим руинам.

Луна спряталась, они сперва остановились, потом продолжили движение, но уже осторожнее, выставив перед собой руки и нащупывая подошвой землю перед собой.

— Ребята, — прошипел я сквозь зубы, — вас ждет сюрприз... Думаете, что загнали оленя? Я не совсем олень, хотя иногда, конечно...

На короткое мгновение даже ощущил нечто вроде стыда, нет, просто неловкость, все-таки простые дураки с

копьями и топорами, а я с современной винтовкой, еще бы не победить, но, с другой стороны, когда целый отряд, не всегда и винтовка поможет.

К тому же стараются добраться до меня вовсе не для того, чтобы спросить, как пройти в библиотеку. Убьют и не поморщатся, так что имею полное моральное право убивать и не морщиться.

Нет, морщиться все-таки буду, я же гуманный человек, жестокости и прочие убийства осуждаю, однако, учитывая, что не все в мире такие же совершенные существа, как я...

Не додумав мысль, я спустил курок. Самый дальний в отряде беззвучно завалился навзничь, а остальные, в темноте не заметив потери бойца, продолжали подъем.

— Прекрасно, — прошептал я, — даже чудненько...

Взял на прицел еще одного, слишком отдалился от группы, а нехорошо отрываться от коллектива, можно только таким уникальным, как я, палец плавно придавил спусковую скобу.

В окуляр хорошо видно, как пуля ударила в подбородок, мгновенно разворотила там все с такой силой, что в стороны брызнули зубы и осколки костей. Пуля просасала насеквоздь, отбившаяся овца умерла мгновенно, что, несомненно, мне плюс: чем так жить, лучше красиво умереть, знаю, читал...

Еще двое пали, прежде чем остальные насторожились, начали тихонько переговариваться, судя по движению губ, остановились, настороженно таращатся во все стороны.

Один вовсе опустился на четвереньки, вот уж точно происхождения самого неблагородного. Я тщательно навел прицел ему на макушку и нажал на спуск.

Он ткнулся лицом в траву и больше не двигался, но теперь остальные, перекликаясь, явно обнаружили недо-

стачу в своих рядах. Один из идущих впереди посмотрел быстро по сторонам, хотя что здесь увидишь, рявкнул приказ, даже до меня донесся его злой голос, и все начали поспешно садиться на траву.

— Это еще лучше, — пробормотал я. — Когда еще догадаетесь, что такой толпой и слона завалить нетрудно... а меня еще проще...

Их осталась дюжина, пятерых я уложил на месте, как в тире, остальные ощутили что-то неладное и начали в испуге подниматься, еще одного я подстрелил довольно неудачно, пуля вырвала ему верх плеча, он заорал, все заметались, а тут еще и луна неспешно выплыла из-за тучи.

Я выстрелил поспешно еще. Шестеро уцелевших на конец-то сообразили, что если двенадцать человек не сумели, то у половины отряда шансов еще меньше, повернулись и понеслись вниз по склону.

Торопливо захватывая их спины в крестик прицела, я выстрелил еще, еще и еще, но свалил только двух, заставил себя успокоиться, сердце все равно толчками подбрасывает руки, задержал дыхание и нажал на спуск.

Осталось трое, вообще-то можно бы и оставить, нехорошо стрелять в спины... хотя почему нехорошо, если так удобно?..

Пули догнали остальных, когда со всех ног сбежали с холма и неслись к темной стене из великанских деревьев.

Я некоторое время понаблюдал, как оттуда выезжают все новые, убитых деловито унесли под укрытие. Привычное дело, мужчины и должны красиво гибнуть в боях, умирать в постели от старости — последнее дело. Знаю, читал, нравилось.

Фицрой крикнул издали:

— Ты как?

— Терпимо, — ответил я, — а ты чего так тяжело дышишь?

— Я? — переспросил он. — А-а, в самом деле чуть за-
ыхался... Да так, чуточку потрудился. Они уже близко?

— Готовятся подойти незаметно, — ответил я. — Этую
атаку отбил. Теперь мы должны успокоиться и решить,
что они уйдут с позором... вот тут-то и нагрянут.

— Давай я посторожу, — сказал он, но в голосе энту-
зиазма я не ощутил, — а то ты слабый...

Я оглянулся, он подходит вразвалку, обеими руками
затягивает ремень на пояссе потуже, морда нагло-доволь-
ная.

— Что-то случилось? — спросил я.

— Пустяки, — ответил он со скромным самодоволь-
ством. — Так, по мелочи. Но все-таки тебя удивит...

— Зная тебя, — сказал я недовольно, — ничего уже
не удивит.

— Они понесли потери, — сказал он, — но, похоже,
Барклем не отступится. Теперь это для него уже дело че-
сти.

Я снял с винтовки прицел и смотрел в него, как в под-
зорную трубу.

— Думаешь, вот так и останутся? Это же не его земли?

— Хуже, — ответил он. — Это земли лорда Джеймса
Велли. Его родня мечтает отомстить тебе больше, чем
сам Барклем. Уверен, они с радостью примут участие в
осаде...

— Если уже не приняли, — согласился я мрачно. —
Да что за... я же такая божья коровка, никогда никого!
Откуда столько врагов?..

Он не ответил, смотрел внимательно на тучи, явно
прикидывает, с какой скоростью двигаются и когда при-
откроют луну.

— Тогда покину тебя, — сказал он невпопад и доба-
вил: — На некоторое... время.

— Иди-иди, — сказал я горько, — предатель...

Глава 9

Барклем, сволочь, совершенно не считается с потерями среди его людей. Да и они что за идиоты, в самом деле их жизни ничего не стоят?.. Ну да, не стоят, согласен, но это я знаю, что не стоят, но чтоб каждый из них тоже так думал... Или рассчитывают, что убью соседа, а их это не коснется?

За время долгой передышки, когда я надеялся, что уже отступились, они окружили холм и пошли наверх со всех сторон. К счастью, решили по глупости, что лучше всего подобраться в темноте, потому дождались, когда луна уйдет за тучу, и осторожно пошли вверх, держа копья, мечи и топоры наготове.

Руки мои тряслись, когда я лег за винтовку. На этот раз не получится вот так пощелкать по одному, если они все-таки не запаникуют. Я почувствую, когда опасность приблизится сзади, но не могу стрелять перед собой и одновременно за спину.

— Без рефлексии, — сказал я и спустил курок.

Воин с копьем в руках дернулся и беззвучно упал на бок. Еще один, чуть ближе ко мне, отшатнулся и рухнул лицом вниз, густая трава заглушила шум падения.

Я быстро выбирал новую цель и торопливо нажимал на спусковую скобу, как только на голове или груди появлялась красная точка.

Жертвами становятся самые отставшие, остальные если и услышат, что кто-то свалился, решат, что споткнулся о корягу или упал в ямку, их много со всех сторон холма.

Поднявшись с винтовкой, я перебежал на другой конец развалин, оттуда стрелять еще удобнее, но противник подошел слишком близко. Отставших выбирать

поздно, и я начал стрелять торопливо в идущих впереди.

Несколько человек рухнули, а затем случилось то, что и должно было случиться: в цепи поняли, что их видят и убивают, поднялся дикий крик, прозвучала резкая команда идти вперед быстро, и все разом вместо осторожного продвижения ринулись наверх со всех ног.

Я успел выстрелить еще только дважды, а потом отступил за остаток стены, что мне по грудь, и торопливо стрелял из пистолета, уже не целясь, в набегающую толпу промахнуться трудно.

Плотные кричащие тела начали валиться под ноги, я отступил еще, но и с той стороны нарастают дикие крики, в бледном красноватом свете выглянувшей луны заблистали клинки.

Я развернулся и несколько раз выстрелил в ту сторону, но крики уже со всех сторон, топот. Раздался отчаянный визг Николетты.

Я упал, стрелял снизу, сверху валятся потные тяжелые тела, несколько раз сильно ударили тяжелым, а какая-то сволочь разрядила в меня арбалет, я чувствовал, как хрустнули ребра.

И все-таки я, изворачиваясь под ударами, стрелял и стрелял, уже почти погребенный под телами, как вдруг услышал приближающийся крик, полный победного торжества:

— Галан, заходи слева!.. Лорд Сендер, отрежьте копейщикам дорогу, чтоб ни один не убежал!

Откуда-то выпрыгнул запыхавшийся Фицрой, обнаженный меч в правой, а левую вскинул над головой и подает условные знаки бегущим сзади.

Нападающие остановились, я воспользовался мгновением и все так же торопливо стрелял, почти не целясь. Уцелевшие наконец дрогнули и понеслись вниз по склону.

Я оглянулся, спросил быстро:

— А где люди, которых ты привел?

Фицрой вытаращил глаза.

— Какие люди?

— А кого привел, нелюдей?

Он фыркнул:

— Кого тут можно найти?.. Да и зачем, если я, по словам тут некоторых знатоков, стою целой армии?.. Не волнуйся, Николетта в порядке. Главное, мы победили... ну, на какое-то время. А теперь давай за мной.

Голос его звучал не столько повелевающе, сколько по-деловому.

Я подхватил винтовку, он побежал вперед, лавируя между камнями, там в самом низу уже стоит Николетта, глаза от страха огромные, как у молодого совенка.

— Коней придется оставить, — сказал Фицрой с сожалением. — Но ничего, мы с Барклема потом целый табун возьмем... Еще не понял? Лезь вон туда!

За камнями ниже недобро темнеет нора, человек пролезет достаточно легко, но у меня сами собой передернулись плечи.

— Ты проверил?

Он огрызнулся:

— А где я, по-твоему, был?.. Или ладно, пойду впереди, потом глердесса, а ты прикроешь отход.

Он так быстро юркнул в нору, словно умеет сплющиваться, Николетта замешкалась, я помог ей освободить платье, что задралось выше головы, снизу донесся довольноый голос Фицроя, сыплет комплиментами насчет ее дивной кожи, но, к счастью, больше ничего не упомянул.

В одном месте лаз оказался таким узким, что Фицрой едва протиснулся, Николетта проползла с легкостью, а мне пришлось еще труднее Фицроя, широкие плечи не всегда оказываются в плюс.

Позади послышались ликующие вопли, кто-то заорал радостно:

— Догнали!.. Бей их!..

Я охнул, Фицрой и Николетта ухватили за руки и плечи, я сам поднапрягся, вот уже вижу просторную пещеру, Фицрой велел выдохнуть воздух, наконец я вывалился на пол, кое-как поднялся, жадно хватая воздух.

Фицрой обнажил меч, за мной уже лезет воин в кожаной шапке. Я выхватил пистолет, но Фицрой крикнул быстро:

— Не стреляй!

— Почему?

Он сделал выпад и всадил клинок в правое плечо противника. Тот вскрикнул, дернулся, пополз с усилием назад.

— Я бы лучше убил, — сказал я. — Он бы дыру закупорил.

— На одну минуту, — возразил Фицрой. — А так им возиться с раненым! Раненый для отряда хуже, чем убитый.

— Соображаешь, — сказал я с уважением. — Ладно, пробирайтесь дальше, а я потопчуся здесь. Ты прав, буду просто лишать их обороноспособности. Жаль, лезут не ногами вперед.

— И куда бы ты стрелял? — спросил он весело.

Николетта покраснела и отвернулась.

— В ноги, — ответил я бесхитростно. — Чтобы их потом несли те, кто мог бы воевать.

Он посмотрел на меня весело, сказал Николетте покровительственно:

— Хороший он у нас, правда? Такой чистый и честный... Пойдем.

Я посматривал на узкий проход, с той стороны брань, злые голоса, всем понятно, что защищаться изнутри

могу часами даже с голыми руками: взять камень и бить по голове любого, кто высунется.

На всякий случай я встал, как и тогда Фицрой, чуть сбоку, вдруг да с той стороны кто-то шмальнет из арбалета. Хотя вряд ли, я же помню, что дважды поворачивал, это же нужно тащить с собой и сам арбалет, а он точно застрынет.

С той стороны раздался злой голос:

— Ну что, крысы, попались?.. Теперь и гнить вам всем там. Сдохнете от голода...

Другой голос сказал ехидно:

— Их местные крысы сожрут раньше!

— Заживо, — крикнул еще кто-то.

Я уже раскрыл рот, чтобы ответить, но вовремя сообразил нехитрый ход, люди Барклема хотят узнать, застряли мы там или же сумели продвинуться дальше.

Некоторое время выкрикивали оскорблений, иногда настолько гнусные, что даже Фицрой, наверное, не выдержал бы и полез в драку, но я молчал, демократа голыми руками не возьмешь, даже не двигался, пусть в самом деле решат, что мы уже далеко.

На той стороне спорили и ругались довольно долго, наконец послышались решительные окрики, то ли командир появился, то ли бросили жребий, кому лезть первому.

В проходе зашуршало, моя рука с пистолетом взлетела, как подброшенная пинком, пуля готова ударить в то место, где появится голова, потом вспомнил урок Фицроя и чуть сдвинул.

Воин ползет с усилием, лицом вниз, все равно защищаться не может, куда бы ни смотрел, я сказал громко:

— Возвращайся обратно живым!.. Остальных будем убивать.

Выстрел прозвучал гулко, тело несчастного дернулось, словно в плечо ударили с размаху кувалдой. Дыра возникла только на мгновение, кровь брызнула тремя тонкими струйками и обильно потекла по стене на пол.

Раненый закричал, его тело задергалось и начало уползать обратно. Я выждал, прислушался к далеким голосам. Теперь там понимают, что полная тишина с нашей стороны вовсе не значит, что здесь никого.

На цыпочках отступив, я отбежал на другую сторону пещеры, там неприятная с виду щель, но если Фицрой и Николетта пройти сумели...

Торопясь и обдирая до крови локти, я торопливо пробирался по щели, что виляет в стороны, иногда расширяется настолько, что понятно, строители подземного хода воспользовались готовыми наработками природы, лишь кое-где что-то приспособили, подогнали под свой рост и размеры.

Сперва я услышал шорох шагов, потом в красноватом свете увидел Николетту с факелом в одной руке, грязную, в порванном платье и примученную.

Она почти хватается за стены, Фицроя не видно, я спросил почему-то шепотом:

— А где он?

Она оглянулась, полная божественного испуга, подняла факел над головой, увидела меня.

Ее лицо просияло.

— Ой, это вы, глерд... Ваш друг ушел вперед. Говорит, здесь боковые ходы, ведут в тупики.

— А вы с ним точно не заблудились? — спросил я.

Она ответила с опаской:

— Не знаю... Но сейчас вы с нами, теперь я ничего не боюсь.

— Тогда с собой, — сказал я, — попробую и я не бояться. Позвольте, я пойду впереди, так будет чуть быстрее.

Я забрал из ее руки факел. Она послушно пошла следом, я торопился, полный опасений, что если вдруг ход там дальше завален, то мы в ловушке.

Мои обострившиеся чувства подсказали, что Фицрой уже близко, то ли молекулы запаха с его кожи достигли моего обоняния, то ли уши уловили топот его сапог, но я сказал уверенно:

— Николетта, не отставайте! Фицроя вот-вот догоним. И отлупим, что тебя оставил.

— Он не оставил, — возразила она. — Он еще и в стороны успевает!.. А мне легче.

— Когда мужчина успевает и на стороне, — согласился я, — всем легче. Николетта, я восторгаюсь вами.

Она прощебетала с наивной непосредственностью:

— Глерд, вы же понимаете, что меня ждет, если нас захватит Барклем...

Я не успел ответить, вдали появилось пламя догорящего факела, вынырнул Фицрой, усталый, но счастливый.

— Догнал? — спросил он одобрительно. — Хорошо... Правда, здесь здорово?.. Теперь быстрее вперед. Я проверил дорогу, только в одном месте придется нагнуться, а вообще-то хоть на коне можно.

— Да, — пробормотал я, — это бы да.

Он некоторое время шел молча, без устали поводя факелом вправо и влево, словно рассматривая прожилки в каменных стенах, вдруг оживился и прошептал как-то странно сладострастно:

— Ух ты... Вон там слева видишь щель?

— И что? — спросил я замученно. — Тупиковый ход?

— Ну и что? — спросил он в изумлении. — Заглянем?

— Чего вдруг?

Он прошептал горячо, едва не обжигая мне ухо:

— Да ты знаешь, что там?

— Не знаю, — огрызнулся я. — А ты знаешь?

— Нет, — ответил он в изумлении, — откуда? Но в таких же точно Даркенских горах когда-то нашли самоцветы!.. Ты знаешь, сколько?

— Сколько? — спросил я.

— Обалдеть! — назвал он точную цифру. — Вот именно в таких же пещерах... Хотя там вроде бы лес... Да кому это важно? Заглянем, раз уж все равно по дороге?

— Щас, — ответил я сипло, — вот прям щас побегу. За нами погоня, впереди неизвестно что, а я для Барклэма буду самоцветы искать?

Он подумал, сказал со вздохом:

— Сколько замечательных мест в мире, куда не успеваю заглянуть! Как жить? Но мир прекрасен и удивителен, правда?

— Иди вперед, — напомнил я. — Пусть твоя интуиция окажется верной.

Он посмотрел с укором.

— Я же сказал только, что это подземный ход! Но, конечно, могли засыпать, свод мог обвалиться... да мало ли чего!

— Утешил, — ответил я с сарказмом. — Ну ты и свинья, Фицрой.

Он умчался, как горный козел, далеко вперед, но вскоре я услышал его хохот и радостный вопль:

— Я же говорил, я же говорил!.. Впереди завал!

Николетта посмотрела на меня с вопросом в больших печальных глазах.

— Это что... хорошо?

— Ну да, — ответил я без уверенности.

— Почему?

— Он понимает, — сказал я медленно, перебирая, какое вранье ее утешит больше, — что это как бы конец... гм... пути.

— Ой, — сказала она радостно, — сейчас все разгребет, и мы выйдем на солнышко?

— Да, — подтвердил я. — Разгребет быстро и мощно, как курица лапами. Только нужно отойти в сторону. Курицы, насколько помню, гребут под себя, камни могут лететь в нашу сторону.

— Поняла, — пискнула она и торопливо отошла к стене. — Он хороший, правда?

— Просто чудо, — сказал я.

Фицрой далеко впереди в самом деле швыряет в нашу сторону камни, словно исполинская курица, хотя вообще-то больше и кидать некуда.

Я уклонился от летящего прямо в лоб булыжника, подошел и взялся за камень побольше.

— Шансы есть?

— Они всегда есть, — ответил он бодро.

— А если их нет?

Он жизнерадостно заржал.

— Об этом уже не узнаешь! Здорово, правда?.. От победы к победе!

— Ну ты и гусь, — сказал я. — Аристотель! Спиноза, Декарт...

— Они тоже камни таскали? — спросил он. — Как мы в каменоломне? Видишь, не зря там позабавились. Кое-чему научились!

Я не стал уточнять, чему же научились в каменоломне, дыхание надо беречь, воздух здесь спергый, быстро взмок, уже молча выдирил камни из слежавшейся кучи и отбрасывал за спину.

Николетта от дурного воздуха побледнела еще больше, без сил опустилась на камень, но не заплакала, а с

такой надеждой смотрела на обоих, что сердце рвется от горячего сочувствия, хотя вообще-то завалило не только для нее, но и для меня тоже, а это важнее всего на свете.

Я так устал, что не услышал, что крикнул Фицрой, но за спиной счастливо завизжала Николетта. Яркая, как кончик лезвия ножа, точка сверкнула между камнями, исчезла, но Фицрой быстро вытащил из груды камней массивную глыбу, остальные сдвинулись, луч света исчез, но тут же выше появились сразу две щели с ослепляющим светом.

Вдвоем разбросали камни, Фицрой первым вылез в нестерпимо яркий, просто ослепляющий свет. Я подал ему Николетту, кое-как выбрался сам.

Фицрой не стал унижать меня помошью, хотя я как демократ от помощи в любой форме никогда не откажусь.

— Где это мы? — спросил я.

Николетта осматривалась тоже, хотя что может узнать женщина, запертая в высокой башне, где должна беречь женскую честь, заодно и честь рода.

— Ушли мы не так уж и далеко, — сказал Фицрой беспокоенно, — давай быстренько забросаем камнями выход, пусть о нем будем знать только мы.

— Между нами, — сказал я, — только этот лес? Даже не лес, роща? Я имею в виду, между этой дырой и моим замком?

— Да, — ответил он, — вершина того холма вон торчит. Потому давайте перебежками за кустами... Вон до тех деревьев. А дальше, если на карте все точно, в долине большое село. Хоть и чужое, но коней купить сможем.

Я отметил это непривычное «перебежками за кустами», что очень нехарактерно хоть для глердов, хоть для лордов, те и другие никогда не склоняются перед опасностью, всегда в полный рост...

Хотя Фицрой может и не быть глердом. Или быть тем глердом, что приучился подкрадываться к чуткому зверю на расстояние выстрела из арбалета. Или к человеку...

— Побереги Николетту, — распорядился Фицрой, — а я пока сбегаю в село...

Уходя, он подбадривающе хлопнул меня по плечу, я охнул и скривился. Фицрой сразу же посерезнел.

— Ты ранен?

— Вряд ли...

— Но ты весь в крови.

— Чужая, — сказал я.

— Сними рубашку, — велел он и сам принялся стаскивать ее с меня, а я постанывал, взмыкивал и морщился.

Они с Николеттой смотрели на меня во все глаза. Я пощупал ребра с обеих сторон, вроде бы целы, хотя кровоподтеки будут, ноет здесь, ноет там, дергает в этом месте...

Фицрой сказал озадаченно:

— Чем это они тебя?.. Мне показалось, тыкали копьями...

— Мне тоже показалось, — признался я. — Но, наверное, недотыкали...

Он бросил быстрый взгляд на рубашку, словно догадываясь о ее прочности.

— Ладно, тебе повезло. Ждите с Николеттой здесь! Я быстро.

Глава 10

На окраине леса мы присели за деревьями и кустами, а потом и вовсе прилегли в ожидании Фицроя. Николетта под моим чутким руководством содрала с меня

рубашку и старательно разминала мне спину и плечи, чтобы кровоподтеки ушли скорее. Я прислушивался к ее довольному сопению, девочка безумно довольна, что так многому со мной научилась, вот так же будет снимать боль и залечивать раны у своего возлюбленного Илвара.

Потом она, разогревшись, начала уже по своей инициативе применять и некоторые другие знания, полученные от меня, такого мудрого и раскрепощенного. Надо как-то не забыть осторожненько сообщить, чтобы Илвару не вываливала все сразу, насторожиться, а так, медленно и постепенно, вроде бы сама додумалась. Вот так и создам счастливую феодальную семью...

Далекий стук копыт раздался в весьма неподходящее время, но разве не так обычно в нашей грабаной жизни?

Николетта тоже вскинула голову, прислушиваясь.

— Фицрой?

— Он, — ответил я с досадой. — Мы так хорошо спряталась, никто другой нас бы не отыскал...

Фицрой напевал песню, с шумом проломился через кусты, сам в седле неплохого коника, а в поводу еще одна лошадка, не слишком уж, но и не крестьянская.

— Прошу простить, — сказал он с самым сокрушенным видом, — но удалось купить только одного. За другим пришлось мчаться в соседнее село. Но и там сторговал только вот этого! В бедности живут крестьяне в Уламрии, скажу вам!

Николетта сказала живо:

— Ничего, нам же недолго ехать? Я сяду к глерду Юдину.

Фицрой пробормотал озадаченно:

— Эх, надо было тогда и третью лошадку купить... Шучу-шучу! Не было третьей. Но обидно, все Юдину и Юдину.

— Я все время ехала с вами, — напомнила она с укором.

— Сколько того времени, — протянул он уныло. — Я бы так с вами ехал вечность...

Он дождался, когда посажу Николетту и придержу ее одной рукой, послал коня вперед, впереди время от времени пригибался, проскакивая под низкими ветками, и я автоматически пригибался следом, так проще, чем всматриваться, и если он где-то начнет пригибаться на пустом месте, то я, уже приученный, буду повторять те же движения... что-то в этом есть полезное и нужное, но не соображу вот так сразу.

Ювал по случаю победного возвращения объявил с моего милостивого разрешения выходной день, даже праздничный, после чего все оделись в чистое и в главной людской устроили веселый пир.

Николетта счастливо повизгивала, настоящая женщина, тут же забыла о всех неприятностях и так радовалась, что снова дома, Фицрой поглядывал на меня хитро, рискну ли напомнить, что вообще-то она не совсем дома, но, конечно, где и с чего бы где-то нашелся такой сумасшедший, женщины везде дома, куда бы и к кому бы ни пришли.

В первую же ночь после победного возвращения приснилось, что брошка, которую королева подарила моей матери, вдруг превратилась в скорпиона и ужалила ее. А потом этот скорпион вырос и начал все крушить в доме...

Я не досмотрел, проснулся в холодном поту и с сильно стучащим сердцем.

Николетта проснулась, подгреблась ближе. Я не шевелился, и она, забросив на меня ногу и прижавшись

щекой к предплечью, тут же сладко засопела, как щенок под боком у мамы.

Я заснул только под утро, а пробудился с мыслью, что, как только вернусь, нужно сразу же побывать у матери, и если все еще носит ту брошку, убедить, что такую безвкусицу лучше хранить в столе.

Еще два дня упорно упражнялся с пистолетом, создавая прямо в ладони и отсчитывая секунды до исчезновения, а на третий со двора донеслись громкие голоса. Мой обостренный слух вычленил хохот Фицроя, потом крикнул громко:

— Ювал, срочно вниз хозяина! Чем бы он ни занимался.

Заинтересованный Фицрой обычно сам все решает, я оставил на столе пистолет, все равно исчезнет через пятнадцать секунд, покинул кабинет, бодро пробежался по лестнице, а во двор начал было выходить степенно и важно, но махнул рукой и выскочил почти вприпрыжку.

Я — босс! Пусть не могу заставить всех подстраиваться под меня, да и не хочу, я же демократ, но как демократ и сам не хочу подстраиваться под вкусы и взгляды людей простых и недалеких.

Фицрой резво сбежал с площадки над воротами, веселый и хохочущий.

— Ты знаешь, кто приехал?

— Нет, — ответил я настороженно.

Он обернулся к стражникам у ворот.

— Не открывать, не открывать!.. Глерд Юджин выйдет сам. Он сейчас трезвый, у него получится...

Я рассерженно толкнул калитку и, пригнувшись, вышел наружу. В пяти шагах двое всадников: лорд Барклем и герольд, в руках герольда белый флаг.

Еще с десяток воинов Барклема, что явно мало для штурма, держатся на расстоянии сотни шагов внизу дороги.

Я выпрямился, кровь бросилась в голову, а пальцы зачесались, почти чувствуя рифленую рукоять пистолета.

Барклем, не двигаясь в седле, проговорил густым мрачным голосом:

— Глерд Юджин, я весьма сожалею о нашем столкновении. Сейчас я прибыл затем, чтобы заверить о прекращении попыток захватить леди Николетту... а также я не желаю вступать с вами в противостояние.

Я все еще боролся с желанием выхватить пистолет и всадить в него десяток пуль, но Барклем в самом деле крепкий орешек: со стен могли изрешетить арбалетными болтами еще до того, как я появился во дворе. Верит, что никто не пойдет на такую гнусность, как убийство человека с белым флагом.

— Хорошо, — ответил я коротко, — принимаю.

Он чуть наклонил голову.

— Всего хорошего, глерд.

Уже начал разворачивать коня, когда я вспомнил, что эта сволочь не изволила покинуть седло, он разговаривал свысока, как с простолюдином, и, вскипев, я сказал резко:

— Барклем!

Он обернулся, удивленный и встревоженный, что я не присовокупил ни «лорд», ни «глерд».

— Глерд?

— Я обещаю, — сказал я четко, — что не пойду захватывать и разрушать ваш замок!.. Однако вам лучше не попадаться мне на узкой дорожке. Я убивал и за многое меньшее. Всего хорошего, лорд!

Блин, что я такой чувствительный, прямо тряхнуло от ярости, и всего лишь эта сволочь не слезла с коня.

А не слезла потому, что вообще не привыкла ни перед кем слезать, все людишки ниже, все слабее, все васильнее.

Он молча кивнул, повернул коня и пустил рысью прочь. Вид у него был таков, что и мне лучше не попадаться. Даже на широкой дороге, если у него будет явное преимущество.

Фицрой пролез через калитку, глаза его проследили за всадниками, что пропустили Барклема сквозь свои ряды, а потом развернулись и поехали следом.

— Ты ему веришь?

— С какой стати? — спросил я. — Он в самом деле боится. Никогда не боялся, но сейчас боится.

Он сказал с удовольствием:

— А мне было смотреть здорово. Чтобы напугать Барклема, одной отваги маловато.

— Он понял, — ответил я, — что умею переступать через моральные скрепы. Он думал, один такой...

Он пробормотал:

— Но все же не трус. Рискнул приблизиться к воротам.

— Расчетливая тварь, — процедил я. — Понимает, что на людях буду держаться так, как и принято благородному глерду. Тем более он с белым флагом.

— А без белого? — спросил он с легкой насмешкой. — И на узкой дорожке?

— Уже знает, — ответил я, — что я его забарклемю и перебарклемю. Ему бы и в голову не пришло детишек в заложники! Но я смог! Теперь полагает, что могу воспользоваться первой же возможностью, чтобы снова украсть его детей. И потребовать что-то еще. А так как он не может их постоянно держать взаперти... то вот и приехал договориться о прекращении боевых действий.

Он покачал головой.

— А все-таки... Если ты умеешь переступать через правила, то как тогда... договорился?

— По выгоде, — ответил я с досадой. — Не втягиваться же мне в эти сраные конфликты, которые вообще-то меня не касаются? Пусть все идет как идет. Если возникнет снова... что ж, буду принимать адекватные, хоть и несимметричные санкции.

Он пробормотал, поглядывая на меня несколько странно:

— Это так... Но твое положение поганое.

— Почему?

— Что-то мне подсказывает, — пояснил он, — ты все равно не пошел бы его убивать только потому, что он попытается тебя убить. Ты сможешь только в случае его нападения...

— Я что, — спросил я с сарказмом, — такой вот правильный?

Он пожал плечами.

— Пока не пойму. Иногда куда там лесному зверю... Потом вдруг в тебе выныривают какие-то нормы! Даже слишком строгие и возвышенные... я и то бы на них плюнул... И что будешь теперь?

Я поморщился.

— Что и собирался, Фицрой. Мне срочно... просто необходимо уехать. Прошу тебя остаться и порулить вместо меня. Все, что сделаешь, будет правильно. Я бы просто передал тебе глердство целиком, но такое должно одобрить королева, а она вряд ли, глердство слишком большое и богатое. А как временное управление...

Он смотрел исподлобья, взгляд стал таким нехорошим, что у меня и голос сел, и сам я ощущил, что оправдываюсь в каждом слове, слишком часто развозжу руками и даже приседаю, чуть ли не как дама перед королем.

— Знаешь, — произнес он нехорошим голосом, — что я тебе скажу...

Внизу у подножия горы с моим замком громко и красиво пропел рог. Это было так необычно и романтично, что мы оба сразу повернули головы, там далеко внизу по дороге к замку начинает подниматься большая группа всадников в празднично цветных одеждах.

— Сегодня день гостей, — сказал я чуточку заискивающе, — но этого не знаю...

— Знаешь, — отрубил Фицрой все еще сердитым голосом, — это ж Илвар Серебряная Стрела!.. Жених Николетты.

— Ах да, — сказал я, — ну да, а как же... Наверное, у него что-то сдвинулось. В ситуации, имею в виду, а не... Чего так смотришь?

— Идет громко, — согласился Фицрой. — Победно. Хотя Барклем только что отъехал с выгодным для себя договором... Что ж встречай.

Я обернулся к стражникам на воротах.

— Открыть ворота!.. Это наш союзник. Наверное.

— Возможно, — подтвердил Фицрой. — Хотя все в мире меняется. Кроме меня, такого нарядного.

Мы вернулись во двор, а спустя несколько минут нарысях въехали несколько человек, но остановились в отдалении, дабы не создавать напряженности, а вперед послал коня счастливо улыбающийся Илвар.

Фицрой приложил ко лбу ладонь козырьком, закрывая от бьющего в глаза солнца, и рассматривал прибывших с явным удовольствием.

— Сумел собрать войско, — сказал он, — молодец. Встречай жениха!

Илвар за эти дни показался мне повзрослевшим, исчезла детская припухлость щек, взгляд стал строже, несмотря на ликующую улыбку.

Я сделал пару шагов навстречу, а он покинул седло и грациозно поклонился.

— Глерд Юджин, — произнес он с чувством, — отныне я ваш вечный должник!

Я отмахнулся.

— Да пустяки.

Он возразил с жаром:

— Приютив леди Николетту, вы дали мне возможность полностью посвятить себя созданию коалиции из родни!.. Сейчас десятитысячное войско взяло в плотное кольцо крепость Финлея Барклема!.. Мышь не выскользнет... Нет-нет, мы не будем осаждать. С такой армией легко возьмем штурмом.

— Прекрасно, — сказал я с огромным облегчением.

— Он лишится своего замка и привилегий, — сообщил он. — Сейчас у короля мои родственники рассказывают при дворе, как гнусно Барклем пытался воспользоваться беззащитным положением леди Николетты. Король ему такое не простит хотя бы потому, что иначе это вызовет возмущение всех знатных лордов королевства...

— Прекрасно, — повторил я. — Могу заверить вас, леди Николетта вела достойный благородной девушки высокого происхождения образ жизни. Ее девственность, вне всяких сомнений, принадлежит вам, будьте уверены.

Он церемонно поклонился.

— Глерд...

— Останетесь на обед? — предложил я.

Он развел руками.

— Почту за честь, но... в другой раз. Со мной две тысячи конницы, я не хотел бы их оставлять и на минуту. А столько вы не прокормите, простите за шутку.

— Очень достойно, — согласился я. — Это слова настоящего полководца!.. Ювал, пригласи глердессу Николетту!

Ювал поклонился и ринулся в донжон, Илвар улыбнулся ему вслед.

— Переходя кордон, — сказал он доверительно, — мы становимся глердами и глердессами, но такие различия важны только тем, кто не покидает своих родовых гнезд. Не так ли, доблестный глерд?

— Рад услышать столь зрелые мысли, — сказал я. — Чувствуется, вы не только покинули родовое гнездо, но и облетели вокруг него несколько раз.

Он засмеялся.

— Это точно! Все расширяя круги.

Головы воинов и челяди, заинтересованно слушающих нас, вдруг повернулись в сторону входа в донжон.

Глава 11

На крыльце появилась Николетта, поддерживаемая под локоть Ювалом. Счастливая, разрумянившаяся, с блестящими глазами, она не отрывала от лица жениха сияющего взора, и если бы могла летать, то перепорхнула бы разделяющее их расстояние и повисла у него на шее.

Однако же, будучи хорошо и примерно воспитанной, она сошла во двор медленно и торжественно, подошла к Илвару и присела в церемонном поклоне.

Илвар поклонился еще замедленнее, сделал руками нечто плавательное, вроде брассом, и малость утонутое.

— Леди Николетта...

— Лорд Илвар, — ответила она щебечущим голоском.

— Леди Николетта, — произнес он, с трудом сдерживая бьющее из него счастье, — позвольте ли...

— Да! — выдохнула она пылко. — Да, лорд Илвар!

Ряды его конных воинов расступились, вперед выехал нарядный всадник, за ним, грациозно цокая копытцами, вышла изящная тонконогая лошадка под широкой красной попоной и с женским седлом. Между ушами торчит хорошо закрепленный на ремнях султанчик из крашеных перьев, уздечка отделана серебром, а сама лошадка выглядит как игрушечка, но в то же время достаточно резвая игрушка.

— Ой, — вскрикнула Николетта, — это же моя Ромашка!

Илвар счастливо улыбался, а Николетта повернулась к нам с Фицроем, обняла по-братски и каждого чмокнула в щеку.

— У меня нет ни сестер, — сказала она, — ни братьев. Вы двое стали мне старшими братьями, мудрыми, добрыми и отважными! Спасибо вам! Спасибо. Спасибо...

Илвар помог ей подняться в седло, ему тоже подвели коня, мы смотрели, как он занял место во главе группы, красиво отсалютовал нам и развернул отряд в сторону ворот.

Фицрой шепнул мне:

— А жаль, правда?.. Она как солнышко.

— Да, — ответил я, — да... но, если вообще-то...

Он засмеялся.

— Не продолжай. Женщины необходимы, как воздух. Но и воздух нужно выдохнуть вовремя, иначе можно задохнуться.

Ворота за ними закрылись, я все еще смотрел вслед, чувствуя странную смесь досады и облегчения. Присут-

ствие Николетты потрепало нервы, ввергло в опасности, а я по натуре избегатель любых неприятностей, пусть они там за окном все друг друга поубивают, лишь бы меня это не касалось, но вот ушла она и унесла все траблы, однако же унесла и радость...

— Все, — сказал я твердо. — Все проблемы решены. Все уложено. Даже за Николетту не отвечаю.

Он сказал понимающе:

— А на сердце печаль?

— Иди ты, — ответил я. — Это не первая печаль на свете и не последняя. Нас еще многое будет... опечаливать. А пока что прости, дружище...

Он помрачнел, посмотрел снова исподлобья.

— Знаешь, эта Николетта настолько хороша, что я прощаю тебе свою свинскую свинскость. Собираешься уезжать... когда?

— Прямо сейчас, — ответил я.

— Понятно... Боишься, что снова что-то взвалят на твои плечи?.. Ладно, поезжай. Но если хочешь оставить этот замок и этих людей на меня, то есть одно условие...

Я спросил настороженно:

— Какое?

— Твой путь все равно через столицу? Ну вот, я так и понял... В общем, я не хочу считаться захватчиком замка. Пусть не королева, но кто-то из высших ее министров должен знать, что ты оставляешь меня временно... временно!.. присматривать за этим замком. Только на этих условиях, понял?

Я сказал с облегчением:

— Обещаю. Пойдем седлать коней.

Огромное оранжевое солнце светит сильно и ярко, по возвращении в мой мир все кажется потускневшим и скучным, а здесь все радостное, воздух чист, до беско-

нечно далекого горизонта все вижу с немыслимой четкостью...

— Дорога знакомая, — сказал я. — Это по ней ехали в прошлый раз?

— Да, — ответил Фишрой. — К кому-то хочешь заехать?

— Не-е-ет, — сказал я, вздрогнув, — как раз наоборот. Чтоб никого не встретить. А то вдруг снова что-то понадобится.

— Есть другая, — сказал он с готовностью. — Правда, похуже, ею пользуются реже. Там колдобины, телеги застrevают... Ремонтировать некому, сел по дороге ни одного, только пара деревенек...

Я прервал:

— Сворачивай!.. Мы же не на телеге? А кони пройдут везде. Мне бы пробраться до столицы без помех и задержек.

Он расхохотался весело и запрокидывая голову.

— Неужели тебе так досадило глердство?.. Ха-ха!.. Как я прав, что не вешаю на себя обязанности.

Я сказал торопливо:

— Ты обещал!

— На время, — ответил он, посеръезнев. — Пока не сделаешь то, что пока хранишь в тайне. А потом сам отправлюсь в дальние страны... как хорошо! Увижу неведомые моря...

— А за ними океаны, — подсказал я. — Море что, мелкая лужа... А в океанах острова и даже материки с неведомыми народами и чудовищами. И жизнь будет полна приключений, находок и потерь.

Он посмотрел на меня очень внимательно.

— Ты так говоришь, словно и самому хочется.

— Мало ли что нам хочется, — возразил я. — А как подумаешь, что для этого надо вытаскивать толстую жопу из уютного кресла...

— У тебя ж не толстая!

— Будет, — пообещал я твердо и с гордостью демократа. — И пузо будет! До колен. Я слабый. Если можно не бежать, а идти, я иду. Если можно не идти, а стоять — стою. Если можно не стоять, а сесть, то сижу...

— А если можно лечь, — прервал он, — лежишь?

— У меня такой классный диван, — похвастал я. — А море... это дождь, и ветер, и звезд ночной полет... бр-р-р! А еще бригантина поднимает паруса, вообще гады, грабители, нападут и всех утопят. Нет уж, ты плыви, а я, лежа на диване, помечтаю, как славно быть пиратом, пиратом, совсем простым пиратом...

Он покачивался в седле, слушая вполуха этот бред. На лице полнейшее недоверие, как можно говорить такое серьезно, хотя именно сейчас я серьезен, как никогда раньше.

— Дорога пройдет через лес, — предупредил он. — Не пугает?

— Разве сейчас ночь? — спросил я.

Он ухмыльнулся.

— Да это так, попугать. Они везде через леса. Но я слышал про некое королевство, где деревьев нет вовсе. Легенды, легенды...

— Какие легенды, — проговорил я. — Ты саванн и пустынь не видел?.. Хотя да, конечно. Нет, легендарные страны лежат дальше. Сперва их отодвигали на дальние острова в океане, потом и вовсе на Луну и Марс.

Мимо проплыла небольшая деревня, я инстинктивно хотел было прибавить ходу, но до этого долго шли галопом, коням надо отдохнуть, и только когда деревушка осталась позади, я перевел дыхание.

И тут же раздался за спиной конский топот, нас догнал на неоседланной лошади мальчишка лет десяти, худой и коричневый от солнца.

— Глерды! — прокричал он тонким голоском. — Благородные глерды!

Фицрой сказал важно:

— Это вон он благородный глерд. А я так, простой. ПРОШЕ НЕКУДА.

Он даже снял шляпу и с таким величайшим почтением поклонился мне, как не кланялся, наверное, и королю. Мальчишка повернулся в седле ко мне. Глаза с надеждой и отчаянием смотрели в мое государственное лицо.

— Благородный глерд!.. Как нам повезло, что мы вас увидели!

Я пробормотал:

— А как нам повезло...

— Староста, — сказал он торопливо, — сразу же послал меня догнать вас!.. Говорит, великий и ужасный глерд Юджин все поймет и везде наведет порядок!

— Нет уж, — начал было я, но Фицрой прервал:

— Деревушка крохотная, у таких и проблемы крохотные.

— Вот пусть сами...

Он воскликнул чересчур возмущенно:

— Какой же ты глерд? Власть нельзя выпускать ни на минуту! Ничего с нами не случится, если послушаем.

— Ерунда какая-нибудь.

— Люблю ерунду, — сказал он. — Особенно хорошо зажаренную...

Он плотоядно потер ладони, глаза заблестели, потому я повернул за ним коня с растущей неохотой и недобройми предчувствиями. Чует трусливое сердце, что будет задержка, а уж как ее не хочу, даже вышептать трудно.

Мыслями и душой, ну какая есть, уже там на диване и с банкой холодного запотевшего пива в ладони...

Мальчишка погнал коня галопом в село, и когда мы подъехали, на окопице уже быстро собиралась толпа.

Мы подъехали медленно, как и надлежит глердам, что контролируют положение, спешить и суетиться позволено только слугам.

Старостой на этот раз оказался еще молодой мужик, но здоровенный, бородатый и с могучими руками, он смерил нас недоверчивым взглядом и заговорил без всякого подобострастия:

— Глерды, если вы не поможете освободить нас от этого чудовища, мы не сможем заплатить налоги!.. Каждую ночь из леса появляется что-то ужасное...

Фицрой спросил с интересом:

— Насколько ужасное?

Крестьяне загалдели, мужик свирепо рыкнул на них и, когда все испуганно затихли, сказал резко:

— Убивает коров, убивает быков так же легко, как лиса кур. И уносит с собой так быстро, что не остается даже крови!.. Мы выставляли стражу, но ничто не помогает!.. Только двое наших погибли зря...

— Это интересно, — сказал Фицрой с энтузиазмом. — Если зверь большой и опасный, то это даже интереснее. Чем крупнее и опаснее...

Я прервал его с натужной бодростью:

— К сожалению, ее величество изволит... да, изволит срочно вызвать меня для совета. Но вам повезло! Вот величайший глерд в истории соплеменных королевств, великий и ужаснейший... особенно когда пьян, сам доблестный Фицрой!.. Он займется вашим частным случаем как доблестнейший воин, герой, победитель и отважнейший искатель противников!.. В смысле, он сам их ищет, а тут, какое счастье, даже искать не надо.

Крестьяне с надеждой в глазах повернулись к Фицрою. Он подбоченился и подкрутил ус.

— Что за зверь? — поинтересовался он. — Размеры?.. Чем ценен? Шкура, рога, внутренности?.. Есть ли че-

шуя?.. Какая, простая или с шипами?.. Если с синими такими шипами, то можем сразу же и начать...

Я с ревностью заметил, что на него сразу посмотрели с большим уважением, чем на меня. Я какой-то далекий от них герой, а вот Фицрой и вопросы задал правильные, и что-нибудь придумает такое, чтобы даже шкуру не по-вредить, целая стоит намного дороже.

Староста сказал с сожалением:

— Нет, шипы простые...

— Откуда известно? — спросил Фицрой.

— Когда забор повалил, — объяснил староста, — и стену саarya проломил, там зацепилась одна чешуйка... Хотя, похоже, клыки огромные. Говорят, если растереть и настоять...

Фицрой поморщился, но все же сказал благожелательно:

— Время терпит. Я сейчас в столицу, а на обратном пути заеду и помогу изловить живьем. От живых толку больше.

Староста вскрикнул:

— Так он же скот дерет!

Фицрой отмахнулся.

— Еще одну корову или пару коз — ерунда. Когда поймаем и снимем шкуру, все окупится. А сейчас просто постарайтесь двое суток не выходить по ночам. Как только солнце зайдет — все по домам! И двери на запор. Все поняли?

Староста сказал со вздохом:

— Да, поняли... Возвращайтесь скорее, глерд...

Я подсказал:

— Глерд Фицрой. Уже благородный глерд. Еще несколько дней — и станет высокорожденным. Он решит все ваши проблемы!.. Некоторые сам создаст... но тоже решит.

Фицрой сказал досадливо:

— Поехали. Нас королева ждет, не дождется! Все глаза проглядела.

— Точно, — сказал я с повеселевшим сердцем.

Крестьяне почтительно затихли, а мы пустили коней вскачь. Лишь на околице Фицрой сказал сварливо:

— Я понимаю, как высокорожденными становятся за неделю, но что насчет проблем, которые я создаю?

Я сказал с подъемом:

— Это значит, что ты — герой! Тебе мало простых проблем, что выдвигает сама жизнь, ты сам создаешь и сам героически преодолеваешь! Есть ли выше подвиг?

Он покосился на скаку искоса.

— Это другим заливай.

— Да ладно, — сказал я весело, — как же хорошо... От сердца отлегло!

— Чего так?

— Были дурные предчувствия, — признался я. — Пуганая ворона куста боится, но пока — тыфу-тыфу! — все путем. Как же хорошо, что и я, такой замечательный, могу иногда ошибаться!

Он фыркнул:

— В свою пользу?.. Все мы так умеем.

Деревня осталась далеко позади, а впереди только дорога, в самом деле местами заброшенная, но все равно мы не раз видели на ней и телеги, и подводы, и даже повозки.

По дороге трижды останавливались перекусить. Я всякий раз наотрез отказывался заезжать в деревни, а Фицрой похочатывал и предлагал все настойчивее, стараясь распалить мое воображение вином, горячим мясом и податливыми девками.

Вдали встало мощное зарево, охватившее полнеба. Я ощутил беспокойство, повертел головой. При всем ге-

ографическом идиотизме уже запомнил, в какой стороне все три солнца встают, а в какой они все опускаются.

— Что там такое?

Он оглянулся, повел плечами.

— Это далеко, не волнуйся.

— Не знаешь?

— Не знаю, — огрызнулся он. — Это далеко отсюда.

Я же не местный!.. Там, я откуда я родом, на такое и внимание не обращают!

Я буркнул:

— А что там у вас... такое?

— Может быть, — ответил он загадочно, — еще уви-дишь.

Он все присматривался к лесу, который огибает дорога, вдруг резко свернул и погнал коня, как мне показалось, в чащу. Однако, как я понял минуту спустя, здесь с лесом время от времени начиналась война: отчетливо вижу в стене могучих деревьев широкую просеку, заросшую высокой лесной травой и даже мелким кустарником, словно некто из могущественных императоров велел проложить дороги для его победоносных войск.

Хотя, вполне возможно, по этим просекам войска и прошли. И либо сгинули, либо там захватили королевства, но со временем и обязательными междуусобными сварами все связи оборвались.

Последние сутки перед прибытием в столицу ехали даже ночью, благо небо чистое, а огромная красная луна освещает весь мир, высвечивая на земле каждую песчинку.

Я в нетерпении ерзал в седле, всматривался в освещенные луной места, которые скоро покину навсегда.

Красное небо ночи очень медленно превращается в сине-зеленое, лес просыпается, сонно вскрикивают тонкими голосами птички, мелкие зверьки высовываются

из норок, зевают и раздумывают: на охоту или еще поспать, — в воздухе появились первые стрекозы, согнанные с верхушек трав хозяйственными муравьями.

Рассвет начался где-то высоко, словно в другом мире, там уже не утро, а солнечный день, а мы еще едем через ночь, затем солнце стекло по стволам деревьев, как жидкое золото, но за ними густые кустарники хранят недобрую тьму.

Глава 12

Фицрой так часто ерзает в седле, что либо его пропрет до конской спины, либо дырка в штанах появится раньше, чем увидим стены Санпринга, блистательной столицы королевства Нижних Долин, хотя без иронии могу сказать, что она в самом деле блистательна. Даже я, привыкший не обращать внимания на архитектурные излишества, понимаю, что другие восторженные идиоты смотрели бы с распахнутыми ртами и шептали с благовением: «Версаль... Ланже... Вассершлос... Блуа... Эльц... Алькасар...»

— Ты хотя бы пострелял, — сказал Фицрой. — К какой-то ты весь деревянный! Как можно владеть таким крохотным арбалетом и не стрелять во все стороны?

— Не гавкай под руку, — предупредил я. — Это мешает сосредотачиваться... духовно, так сказать.

— А в чем сосредотачиваешься? — спросил он с азартом. — Давай помогу!

— Ты поможешь, — сказал я опасливо, — без сапог и коня останусь. Нет уж, буду мучиться сам. Интеллигенция всегда страдает. Даже когда не страдает.

Впереди в золотом желтом свете начали подниматься, словно вырастают из земли, башни крепостной сте-

ны Санпринга, а затем и сама стена, ровная и высокая, дальше дворцы и добротные дома, издали кажется, что стиснуты вплотную, хотя уже видел почти перед каждым небольшой садик или цветы у крыльца.

Мы то и дело обгоняли тяжело груженные телеги, ползущие с сельским товаром в прожорливый город, городские врата широко распахнуты, стражи с кувшином вина сидят в сторонке и не обращают внимания на поток подвод.

Я подумал, что власти ведут себя либерально: могли бы взимать плату за въезд, что только справедливо, все-таки телеги портят дороги, однако, видимо, королева не желает притеснять торговцев и обеднять снабжение города.

Внимание на двух всадников почти не обращают, это столица, большинство куда наряднее, да и конская упряжь у них в серебре и золоте, так что выглядим, кто бы подумал там, в моем глердстве, достаточно скромно.

Где-то на перекрестке второй улицы Фишрой придержал коня.

— Знаешь, дружище... Пока не хочу во дворец, там меня не знают. А кто знает, то... тем более. Ты переговори там хоть с королевой, хоть с чиновниками, а мне завтра скажешь, хорошо?..

Я фыркнул:

— Так и скажи, что во-о-он в ту таверну нацелился!..
Где тебя искать?

Он ухмыльнулся.

— Если сегодня, то в ней и найдешь.

— А если завтра?

— Может, здесь, если мне сильно повезет, но, скорее всего, ищи дальше по улице. А потом в соседнем квартале.

Он приподнял шляпу в прощании, пустил коня вскачь и быстро скрылся за поворотом.

Я перевел коня на рысь, чтобы не топтать пешеходов, так проскочил несколько улиц, дальше знакомая площадь, а на той стороне высокая ограда королевской резиденции с прекрасным дворцом в глубине сада.

Я охнул, на воротах в сад удвоенная стража, все в доспехах, мечи на этот раз хоть и в ножнах, но копья не выпускают из рук. Меня пропустили без вопросов, но посмотрели как-то странно, а один с заметным сочувствием во взгляде.

Встревоженный, я пустил коня в сторону зданий дворца крупной рысью. Вдоль дороги к главному дворцу то и дело попадаются группы гвардейцев по два-три человека, все тоже в доспехах и при оружии.

Что за, мелькнула тревожная мысль. Дворцовый переворот загасили в самом начале, и хотя еще может чувствовать некоторая нервозность, но только у самых пугливых. Остальные на второй-третий день перешли к мирной и спокойной жизни, что есть правильно и человечно.

Я крикнул одному из гвардейцев:

— Что-то еще случилось?

Он вытянулся, ответил так бодро, словно именно я его непосредственный командир:

— Случилось!

— Что? — спросил я в некотором раздражении.

Он понизил голос, огляделся по сторонам:

— Рассказывать не велено. Но если встретите господина Картера...

— Понял, — ответил я, — сейчас я его встречу. Куда бы ни пошел, догоню и встречу.

Похоже, что во дворце либо введено усиленное военное положение, либо что-то близкое к этому. У башни, где мы с Рундельштоттом проводили опыты, целый от-

ряд в доспехах и при оружии, у главного здания охрана тоже усиленная, все держатся группами.

Я покинул седло, а то уже поглядывают с опаской, повел коня в поводу, пока не подбежал слуга и не ухватил моего скакуна под уздцы.

У двери башни, куда мне нужно попасть, хоть и стоят королевские гвардейцы, но вряд ли будут останавливать, однако что же стряслось во дворце...

От прогуливающихся и живо шушукающихся придворных быстро отделился глерд Финнеган, напыщенный и вроде бы злорадствующий, судя по его довольной морде, торопливо направился ко мне.

— Глерд Юджин!.. Глерд Юджин!

— Слушаю вас, глерд Финнеган, — сказал я. — Здравствуйте, кстати.

— И вам тоже, — ответил он, — кстати, глерд Юджин, вы прибыли весьма как бы вовремя. Вы знали... или совпало?

В голосе его отчетливо звучало злое торжество, я быстро зыркнул по сторонам, ничего не понятно, спросил с настороженностью:

— О чем?

Он приятно изумился:

— Не знали? И не знаете?.. Весьма странно. Но как вовремя, как вовремя...

— Да что стряслось?

Он вздохнул, тоже посмотрел по сторонам и, когда уже, как я полагал, приготовился сказать нечто важное, развел руками.

— Простите, глерд, но мне лучше умолчать. Думаю, это лучше скажут другие. Более...

— Более осведомленные? — спросил я.

Он сказал скромно:

— Я осведомлен в полной мере. Но некоторые новости лучше узнавать от тех, кто более... а я, увы, менее. Есть люди, которые не только объясняют, но и задают вопросы. И никто не рискует им не ответить...

Он поклонился, во взгляде я успел увидеть откровенное злорадство, и пошел обратно к своей компашке, где смотрят в нашу сторону и ухмыляются. Сам Финнеган выглядит очень довольным, чуть не подпрыгивающий в восторге.

Я вздохнул, что-то во дворце произошло, но меня это уже не касается, совсем не касается. Сейчас только в эту охраняемую башню, а там Зеркало Древних по приказу королевы никто не смеет трогать и даже притрагиваться к нему...

— Глерд Юджин!

Я оглянулся, узнавая этот суровый мужественный голос. Руперт Картер, высокий и еще суровее обычно, пошел ко мне быстрым шагом военного, так обычно двигаются, чтобы сразу видеть, на каком шаге выхватить меч, а на каком ударить.

Худое костистое лицо смотрится сегодня особенно злым и расстроенным, а шрамы на щеке и над бровью налились багровым.

Под кирасой у него на этот раз еще и плотная кольчуга, а кожаные брюки на бедрах и коленях прикрыты металлическими щитками.

— Глерд Юджин? — сказал он быстро. — У меня к вам вопросы.

— Здравствуйте, глерд Картер.

— Да-да, — сказал он, — здравствуйте...

— Отвечу с удовольствием, — сказал я, — а что случилось?

Он не успел ответить, в нашу сторону заспешил Форнсайн, сегодня он тоже в кирасе из черной с позолотой

бронзы, налокотники и поножи поблескивают выпуклыми барельефами, все в дешевой позолоте, не знаю даже, что он старается этим доказать.

Он крикнул еще издали:

— Глерд Юджин!.. Остановитесь, иначе я...

Кarter сразу набычился, я подождал, когда Форнсайн приблизится, и сказал ему негромко:

— Глерд, что за «иначе»? Ну-ну, договаривайте.

Он чуть смешался, но постарался не подать виду, сказал с прежним напором:

— У нас чрезвычайное происшествие! Я вынужден задать вам ряд вопросов!

— Знаете, глерд, — сказал я с расстановкой, — а катитесь вы нужники чистить. Вряд ли что-то умеете лучше. Или полагаете, я забыл, как вы уже задавали мне вопросы в пыточном подвале?

Он на мгновение смешался, но тут же сказал с еще большим напором:

— Ситуация очень серьезная, а вы как-то замешаны...

Я прервал:

— Глерд, я уже не тот дворовый слуга, которого вы могли схватить и пытать. Сейчас я вам не по зубам. Возможно, это вы уже мне по зубам... Намек поняли?.. Убрайтесь. А вопросы мне задает глерд Картер, который старше вас по должности, не говоря уже о размере интеллекта и боевого опыта.

Кarter усмехнулся и подтвердил кивком, что да, он как раз задает эти вопросы.

Форнсайн дернулся, побагровел, во взгляде злоба и обещание поквитаться, прошипел зло:

— Глерд Руперт, я мог бы разобраться быстрее, королевская башня находится на территории, примыкающей к главному дворцу!

Кarter хотел что-то сказать, но я вклинился:

— Руперт Картер — начальник охраны всего королевского дворца! А вы, Форнсайн, хоть и целуете всех придворных в зад, но всего лишь начальник охраны одного здания. Одного!.. Близость к королеве не дает вам тех прав, которыми вы бахвалитесь. А теперь катитесь вон, мне сейчас некогда бить вам морду. Но когда-то я его выкрою для такого приятного дела.

Форнсайн раздул грудь и вообще весь раздулся, но все равно не стал ни выше меня, ни крупнее, все равно смотрю свысока, и он прощел сквозь зубы:

— Буду ждать.

Картер невесело смотрел, как он развернулся и удалился, вздохнул.

— А все-таки, — сказал он тяжело, — Форнсайн все укрепляет позиции при дворе. Постоянно общаясь с придворными, членами кабинета, высшими глердами... он постепенно приподнимается.

— В глазах королевы? — спросил я.

Он усмехнулся.

— В корень смотрите, глерд. Нет пока. Но многие из ее кабинета к нему расположены... Глерд Юджин, мне в самом деле нужно задать вам несколько вопросов. Можно пройти ко мне, но у меня к вам полное доверие, потому спрошу здесь без обиняков...

— Прошу вас, глерд, — сказал я настороженно.

— Глерд Юджин, — произнес он, — чем таким особыенным вы занимались с чародеем Рундельштоттом?

Я покачал головой.

— Глерд... не случилось ли чего-то с Рундельштоттом?

Он ответил почти мягко:

— Вообще-то я задаю вопросы, а вы обязаны отвечать, но хорошо, скажу. Рундельштотта сегодня ночью выкрали прямо из его башни.

Я охнул:

— Что? Зачем?

— Если бы мы знали, — ответил он невесело. — Прибудь вы пораньше, увидели бы тут лужи крови и двух зарезанных. Еще один страж убит на лестнице. В комнате Рундельштотта все перевернуто, на стене огромное пятно копоти, камень еще долго оставался раскаленным... Опросили слуг, но что могут проблеять те овцы?

Я пробормотал:

— Полагаете, больше могу проблеять я?

Он кивнул, голос прозвучал очень серьезно:

— Глерд, я же вижу, вы не только умнее и больше замечаете. Рундельштоттом заинтересовались совсем недавно. Скажу больше... Это случилось с того дня, как вы помогли ее величеству подавить дворцовый мятеж, воспользовавшись неведомой магией... а потом, как недавно нам сообщили, вы с помощью той же неизвестной здесь магии очень успешно защищали свой замок.

— Но Рундельштотт при чем? — буркнул я. — Хотя да, понимаю. Я же молодой дурак, что я могу? Всему Рундельштотту научил...

Он кивнул.

— Разве не так?

— Дело в другом, — сказал я пылко. — Чтоб магия Рундельштотта сработала, он должен вручить ее такому, как я!.. Без меня он не сможет никому. Разве что найдут такого же, с такими же характеристиками...

Он посмотрел на меня внимательно.

— Никому? Уверен?

Я хотел кивнуть, еще как уверен, но лучше оставить запасной ход, и я ответил уклончиво:

— Он мне так говорил.

Он вздохнул.

— Хорошо бы.

— Чего-то опасаетесь?

— По-моему, — ответил он, — опасаться стоит. Вы получили от него очень сильную...

— Не сильную, — уточнил я, — но... в некоторых случаях... очень даже нужную. Гвоздь забить не могу, но человека... гм... А кто похитил?

— Его слуг собрали в одной комнате, — ответил он, — допрашивают по отдельности. Может, кто-то что-то видел или слышал...

— Тоже хотел бы послушать, — признался я. — Хотя, зная тех слуг, боюсь, все спали как убитые. Я тоже в той комнате ночевал. Такой храп всегда!.. Можно всю башню украсть, не заметят. Нужно зайти с другой стороны...

— Какой?

— Выяснить, — объяснил я, — кому это нужно. Тем, кто либо обеспокоен, что у королевы появился защитник, о котором не знали, либо некому закордонному государству, которое спит и видит!.. Но в любом случае эти люди должны быть могущественные. Тем, что на Западе, понятно, у них это есть, а наших можно пересчитать по пальцам...

Он спросил настороженно:

— Полагаете, нити тянутся в западные королевства?

— А разве не очевидно?

Он сказал с недоумением:

— Нет...

— Гм, — проговорил я, — ну, может, здесь зараза идет не только с Запада, я еще ваш глобус не видел. Хотя как-то непривычно, зараза... и не с Запада? Разве что из-за океана... Здесь океан есть?

Он осмотрел на меня в замешательстве.

— А что это?

— Вопрос отпадает, — сказал я.

Его окликнули, он оглянулся, сказал мне быстро:

— Надо идти. Но мы еще поговорим. Через час у королевы совещание по этому поводу. Вам нужно обязательно поприсутствовать.

— Меня не приглашали.

— Никто не знал, что вы приедете. Я передам в канцелярию ее величества.

— Ого, — сказал я. — Ее величество переживает за Рундельштотта?

Он вздохнул.

— Хотел бы я так сказать, но, увы, ее величество беспокоится прежде всего за свою безопасность. Или, скажем мягче, безопасность двора, столицы и королевства Нижних Долин. Все-таки выкрасть человека, даже не очень важного и нужного, но прямо из дворца, — это удар по ее репутации.

— И серьезная угроза, — пробормотал я. — Украли Рундельштотта, могут украсть кого-то и поважнее. Или столкнуть с лестницы. Так что повышенная реакция ее величества... понятна.

Он кивнул и ушел быстрыми шагами, а я огляделся в бессилии. Уже рас прощался с этим трогательно примитивным миром, но, блин, Рундельштотт, если честно, схвачен из-за меня.

Слишком уж я много и громко вещал, что великий Рундельштотт научил меня тому, научил этому... Вообще-то это было самое правдоподобное, не мог же сказать правду, но Рундельштотта тем самым крупно подставил...

Теперь он не просто в плену, старика могут пытать в темнице, требуя научить их тоже такой же магии, какой научил меня! И я, скотина, виноват в его беде. И то, что сейчас шмыгну через зеркало к себе домой и больше сюда ни ногой, — правильно и демократично, нечего

мне вмешиваться в культурно-этнические связи соседнего королевства...

...однако я все же подхватил какой-то местный вирус, что грызет виной, и единственный способ избавиться — сделать что-то для Рундельштотта.

Глава 13

Я еще вертел головой, раздираемый между вполне понятным чувством демократа и либерала и не совсем еще осмысленным чувством, что надо как-то иначе, надо найти компромисс между понятным чувством современного человека на все насрать и беречь здоровье, сейчас его все берегут, и непонятным чувством, что пришло из допотопной древности и все еще считается некой, пусть и одряхлевшей, базой.

Наконец рассудок все же победил, я вздохнул и пошел к башне, прикидывая, что скажу страже, чтобы пропустила в башню, а там всего лишь нырнуть в Зеркало Древних...

— Глерд Юджин!.. Глерд Юджин!

Я остановился, голос Мяффнера ни с кем не спутать, добрейшее и все понимающее существо, как только и уживаются в том гадючнике, именуемом Тайным советом.

Он догнал меня, сильно запыхавшийся, сказал быстро:

— Вас увидели часовые с балкона! Доложили... ох, я боялся, что вы снова уедете...

— Что случилось? — спросил я.

— Мы с вами сейчас идем к ее величеству, — сказал он. — Она сама велела. Срочно собирает советников...

— А кто будет еще? — спросил я.

— Члены Тайного совета, — сообщил он. — Вы их знаете.

— Что?.. Ах да, помню, при мне слонов раздавали. Глерд Мяффнер, а вас что, понизили?

Он всполошился:

— Понизили? Почему понизили?

— Да сами народ собираете, — пояснил я. — Не к лицу первому советнику королевы и глерд-канцлеру бегать с высунутым языком, когда можно послать слугу.

Он понял, с неловкостью улыбнулся.

— Увы, так надежнее. А то пошлешь кого, а потом бежишь следом, чтобы проверить, исполнил ли... Да и обижаются некоторые, что недостаточно высокого ранга посланник.

— Я не буду обижаться, — заверил я.

Он замахал ручками.

— Что вы, что вы, глерд!.. Я знаю. Но за вами потому, что кто вас знает, вдруг откажетесь. Вас еще не изучили, что вы и как вы. Потому лучше рисковать не буду.

— Спасибо, — сказал я. — Глерд Мяффнер, если честно, то у меня к вам самая искренняя симпатия. И во-все не потому, что вы близки к королеве.

Он кивнул.

— Спасибо. Пойдемте скорее. Там вон глерды Кураншир и Вудперкер, я не хочу возле них останавливаться.

Я заметил, как те двое разговаривающих глердов, заметив нас, прервали беседу и начали неспешно разворачиваться в нашу сторону, но Мяффнер сделал вид, что не замечает ни их, ни их поклоны, ускорил шаг, уделяя мне преувеличенное внимание.

Перед кабинетом королевы снова помимо двух слуг еще и двое гвардейцев в доспехах. Новые взглянули на меня враждебно, как на всякого чужака.

Мяффнер сказал живо:

— Это Улучшатель, его надлежит пропускать всегда и всюду. Запомните!

Гвардейцы разом подтянулись, один сказал почти-
тельно и с дрожью в голосе:

— Мы слышали... Великий Улучшатель, иногда назы-
ваемый Посланником! Некоторые величают Пророком.

— Только не пророком, — сказал я поспешно, — а
то я вам такого напророчу!.. Свою жизнь никак не вы-
строю, а ваши так и вовсе под откос с веселым свистом...

Мяффнер подхватил меня под локоть.

— Пойдемте, время не терпит.

Золотой зал, яркий свет из витражных окон, но все
равно горят все люстры. Я перешагнул порог, все-таки
не зал, а большая комната, в центре продолговатый стол
человек на десять, стулья, а вдоль стены еще с десяток
роскошных кресел.

Знатнейшие глерды королевства расположились там в
непринужденных позах, беседуют. В нашу сторону лишь
покосились, не прерывая разговора, как же, члены Тай-
ного совета, не просто богатые и толстые, люди с весом
и влиянием.

Я узнал главу Хозяйствования глерда Кливарда, зав-
дипломатическим столом глерда Джузла с его неизменно
сдержанно благожелательным выражением, что не меня-
ется, с кем и о чем бы ни говорил.

Рядом герцог Хоткингхард — элегантный, вежливый,
учтивый красавец, а еще величавый даже в глубоком кре-
сле, это уже высокое умение, почти искусство.

Только глерд Иршир, теперь начальник столичной
стражи, заложил руки за спину и медленно прогуливает-
ся вдоль стены с картинами, самый высокий и крепкий
из всех придворных, что подчеркивается его притален-
ным камзолом, где на широкой выпуклой груди к двум

крупным многолучевым звездам можно добавить еще штук пять, и то место останется.

Он бросил на меня острый и недобрый взгляд и тут же как бы потерял интерес, обратив взор на картины, но я чувствовал его взгляд на себе, странное такое ощущение, даже когда он вообще отвернулся.

Глерды Баффи, Финнеган и Эллиан, у них тоже какие-то высокие должности, но я не запоминал, мне здесь не жить, расположились в креслах в дальнем углу и беседуют довольно оживленно, иногда довольно похояхтывая и подергивая ногами.

Дверь широко распахнулась, на пороге возник настолько величественный, могучий и высокий старик, хотя с такой фигурой никак не старик, как будто пику проглотил, весь в золоте и цветном шитье, громко и торжественно провозгласил:

— Ее величество королева Орландия!

Ага, это церемониймейстер Френсис Гальтон, вспомнил я, тоже важное лицо, все они важные, кто близок к королеве.

Церемониймейстер повернулся спиной к косяку двери и отступил к нему, а через несколько секунд в комнату вошла королева, блестательная и величественная настолько, что даже мне захотелось встать, хотя уже и так стою, и хотя бы поклониться.

За нею вошел Теренц Брандштеттер, глерды встали и застыли со склоненными головами, а королева неспешно пересекала комнату, с торца стола кресло стоит на небольшом помосте, Орландия приблизилась к нему, Брандштеттер с невозмутимым видом отодвинул для нее и замер рядом.

Королева опустилась замедленно и величественно, Теренц Брандштеттер коротко поклонился. Она сказала ему кратко:

— Здесь все свои, герцог. Садитесь, у нас не официальный прием, обойдемся без формальностей.

По лицам высших глердов я видел, что без формальностей, это означает без особых формальностей, а так все равно никому не позволительно шлепать королеву по заднице.

Со строгими постными лицами все потянулись от насиженных кресел к столу, где не кресла, а строгого облика стулья с прямыми спинками. Еще раз поклонившись королеве, сели чинно, как школьники. Я помедлил, не зная, старшие или младшие должны садиться первыми, и когда решился, мне осталось самое дальнее от королевы место.

Королева после паузы обратила взор на Мяффнера. Тот быстро встал.

— Ваше величество?

Она кивнула.

— Говорите.

Мяффнер бросил быстрый взгляд на сидящих на столом, даже меня не забыл, развел руками.

— Ее величество изволили поручить мне собрать вас, чтобы сообщить пренеприятнейшую новость... которую вы уже знаете. Да-да, дерзкое похищение из королевской башни придворного лекаря Рундельштотта.

Глерд Джузэл поинтересовался:

— Это... в самом деле настолько важно? Настолько, что достойно созыва Тайного совета?

Мяффнер посмотрел на него виновато.

— Простите, глерд Джузэл, я понимаю вашу чрезвычайную занятость, однако это не просто похищение человека. Во-первых, похищен из королевского дворца, пусть даже не из главного здания, но уже это ставит подобное похищение в ряд чрезвычайнейших угроз... да-да, угроз!.. уж простите, во-вторых, лекарь Рундельштотт

может знать то, что нам очень не хотелось бы выдавать противнику.

Глерд Джуэл сказал уточняюще:

— Так как дипломатическая служба на мне, мне важнее всего понять, угроза эта, которую вы увидели, исходит извне или же здесь замешаны местные интересы.

Мяффнер ответил мягко:

— Выясняем. Но в любом случае надо продумать ряд мер. И по недопущению в дальнейшем, и... чем нам грозит похищение именно лекаря Рундельшотта.

Я подумал, что достаточно бы называть его по имени, но все подчеркивают, что Рундельшотт — лекарь, это чтобы не признать, что все-таки маг.

Глерд Эллиан сказал так осторожно, словно страшился разбудить задумавшуюся королеву:

— Сперва следует продумать более близкие варианты... а то здесь я уже слышал досужие разговоры насчет длинных рук из других королевств.

Теренц Брандштеттер насторожился.

— Другие? Какие могут быть еще?

— Другие чародеи, — пояснил Эллиан. — Вы же знаете, среди чародеев соперничества даже больше, чем между королями. Всяк старается стать лучше и сильнее. Почему они часто покидают насиженные места и уходят в дальние земли?

— Ищут покровителя побогаче, — предположил Теренц Брандштеттер. — Что не так?

Эллиан хитро улыбнулся.

— Позвольте, достопочтенный глерд, с вами не согласиться. Это короли могут подписать мирный договор, и все будут видеть, соблюдают или нет. А чародеи, если начинают враждовать, то никто не увидит, что они замышляют. Потому схватка заканчивается либо смертью одного из двух, либо более слабый поспешно и тайно по-

кидает свою страну и старается уйти как можно дальше. Что, впрочем, не успокаивает более сильного. Слабый может набрать силу, тайно вернуться и нанести удар...

Брандштеттер поморщился.

— Это мы знаем. Хотите сказать, что кто-то из обиженных Рундельштоттом вернулся?

Эллиан покачал головой.

— Напротив, кто-то отыскал его и здесь.

Глерд Джузэл вздохнул.

— Это отпадает.

— Почему?

— Рундельштотт, — объяснил Джузэл обстоятельно, — явился всего лет тридцать тому, это первое. Здесь он ни с кем не ссорился, так как чародеев вообще не было. Строуд пришел позже, но оба настолько разные, что не сталкивались. Второе... если бы это был кто-то из злопамятных противников, он бы просто убил нашего чародея. Брать в плен и похищать... это опасно.

Кливард слушал обоих внимательно, а когда Джузэл закончил, сказал веско:

— Согласен, похищал не чародей, а тот, кто жаждет воспользоваться услугами чародея. Глерд Мяффнер, вы не согласны?

Мяффнер сказал всполошенно:

— Как не согласен, почему не согласен?.. Я это и говорил! Но большинство членов Тайного совета предпочли бы мотив попроще.

Королева даже не сдвинула голову за все это время, но в какой-то момент я ощущил ее взгляд на себе, тут же ощущение холодного прикосновения исчезло, я даже не успел поклониться, что, дескать, заметил ее высокое внимание, безумно рад, теперь буду спать и видеть королеву... нет, это будет кошмар, лучше бы ее вовсе не видеть...

Я очнулся, слыша, как она говорит Мяффнеру:

— ...вы совершенно правы, дорогой глерд, хотя понимаю и недоумение остальных членов Совета. Они не знают то, что знаю я и что знаете вы...

Брандшеттер повернул голову в сторону Мяффнера, смерил его презрительным взглядом, снова обратил взор на королеву.

— Ваше величество?

— Рундельштотт, — произнесла она холодно, — в самом деле обладает знаниями, которые не должны покидать королевство.

Глерды, как я заметил, посмотрели с изумлением, глерд Иршир в заметном недоумении пробормотал:

— Но, ваше величество... Я еще понимаю, Строуд...

Она покачала головой, я перехватил ее взгляд, брошенный на меня.

— Я лично, дорогой друг, видела потрясающие достижения Рундельштотта. Они могут быть очень опасными.

Мяффнер в изумлении всплеснул розовыми ручками.

— Достижения... выше, чем у мастера Строуда?

— Намного, — ответила она сухо. — Намного.

Мяффнер вздохнул и умолк, но Иршир поинтересовался осторожно, но въедливо:

— Ваше величество, однако же... достижения мастера Строуда мы все видели...

Наступило затяжное молчание, королева на миг поджала губы, однако все смотрят в ожидании ответа, и она произнесла нехотя:

— Достижения Рундельштотта, в отличие от работ Строуда, всегда были королевской тайной. Над чем он работал и каких успехов достиг, противник мог дознаться по действиям ученика Рундельштотта... глерда Юджина.

Головы повернулись в мою сторону. Я ощущал себя неуютно, но, думаю, королеве сейчас не лучше, придумывает правдоподобную легенду, ее советники не дураки, им нужно дать строгое логическое и непротиворечивое объяснение.

Мяффнер, все-таки самый быстроумный из всех толстяков, пробормотал:

— Полагаю, наши неведомые противники могли обратить на глера Юджина внимание, еще когда он сумел нарушить планы Дейнджерфилда. Именно, прошу заметить, неким чародейским образом.

— Дейнджерфилд не учел, — согласился Иршир.

— Он просто не мог такое учесть, — заметил Кливард.

Мяффнер продолжил живо:

— И противник понял, что если глерд Юджин сумел в короткие сроки овладеть такой магией, то сам Рундельштотт знает намного больше. И представляет великую ценность!

Королева выслушала, голос ее прозвучал с той же непреклонной властностью:

— Теперь вы догадываетесь, что Рундельштотт представляет ценность. И противник, кем бы он ни был, постарается увезти его подальше от нас. Спрятать! И заставить работать против нас... Глерд Юджин! У вас есть что сказать?

Я поднялся, отвесил вежливый поклон в сторону королевы, но еще и повел головой так, словно часть поклона передал высокопоставленным глердам.

— Мне трудно что-то вякать, ваше величество, когда здесь столько знатных и родовитых господ. Но если нужно высказать свое мнение... я бы предложил привлечь к расследованию похищения мастера Струуда.

На меня посмотрели несколько странно, глерд Иршир сморщил аристократический нос.

— А он при чем здесь?

— Он все-таки общался иногда с Рундельштоттом, — пояснил я. — Во всяком случае, маг может подсказать больше о маге, чем любой из нас.

Кливард сказал надменно:

— Глерд... Юджин, вы как бы совсем новый глерд... в том смысле, что еще не совсем глерд... вам иногда кажется, что вы ровня высоким глердам, потому готовы позвать сюда даже этого мерзкого колдуна...

Иршир опустил ладонь на руку Кливарда.

— Успокойтесь, благородный глерд. Откуда глерду Юджину знать о манерах и правилах приличного поведения?.. Он просто говорит то, что думает, как и принято в кругу простолюдинов. Не нужно его строго судить...

Я старался не смотреть в сторону королевы, у нее положение сложное, она обязана поддерживать родовитых глердов вне зависимости от их личных заслуг, и не важно, что думает на самом деле.

— Ладно, — сказал я, — не можете позвать сюда, нужно сходить к нему!.. Что, и это нельзя?

Мяффнер сказал успокаивающе:

— Можно послать к нему кого-то из слуг. Он спросит то, что вы хотели узнать, и вернется с ответом. Лично к вам.

Я поднялся.

— Понятно. Я сам переговорю со Строудом. Мне на многое приятнее говорить с умным человеком, чем с родовитым. Честь имею!

Я успел увидеть, как королева гневно выпрямилась, даже открыла рот для грозного окрика, никто не уходит с совещания без ее позволения, но в последний момент сдержалась, а я закрыл тихонько дверь, сейчас хлопать вовсе непозволительно, почти на цыпочках отошел по коридору.

Похоже, она все же предпочла целесообразность строгой церемонии приема. Понимает, все нужное я уз-нал. Оставаться и слушать болтовню по кругу не дело для людей действия.

А я, по ее мнению, именно такой человек.

Знали бы они все, какой я хомяк на самом деле!

Глава 14

Королевский дворец знаком. Полуподвальное помещение, которое занимает чародей Строуд, официально именуемый лекарем широкого профиля, мне известен хорошо, здесь я славно потрудился на составлении смесей, природы которых не понимал. И сейчас я быстро пересек двор и почти вбежал в нетерпении.

В большой комнате словно пар, воздух настолько влажный, что могу заподозрить Строуда в химеризме. Дескать, земноводный в натуре. Но Строуд очень умен, а химеры, как уверяет Фицрой, туповаты. И не любят коллектива, а Строуд просто купается во внимании учеников, коих у него двенадцать, он их называет магами, что им безумно льстит. А еще у него полсотни слуг, немыслимо для Рундельштотта.

Впрочем, Строуд — чародей-практик, а Рундельштотт чистейший теоретик, лишь однажды вынужденный взяться осуществлять своими руками свою же идею...

Я властно ухватил за плечо одного из учеников.

— Эй, маг!.. Ты же маг? Беги и позови мастера.

Он оглядел меня с головы до ног.

— А он вас приглашал?

— Морда, — прошипел я ласково, — хочешь я тебя в жабу? С бородавками? А то ты меня не узнал!

Он буркнул, ничуть не испугавшись:

— Сейчас позову. Если он не занят...

Через минуту дверь кабинета распахнулась, на пороге появился Строуд, массивный, грузный, в неизменном плаще до земли и широкополой шляпе, как же иначе, с высокой тульей.

Как и всегда, опирается на массивный посох из слоновой кости, весь в золоте и драгоценностях, словно тот постоянно подпитывает его энергией.

— Глерд Юджин, — проговорил он с непонятной интонацией. — Заходите. Я ждал вас сегодня.

— Правда? — спросил я.

Он кивнул.

— Только вы должны были прийти на пару часов раньше.

— Ерунда всякая задержала, — сказал я. — Королева и ее высшие чины.

Мне показалось, что он хотел усмехнуться, но лишь сказал раскатистым голосом:

— Зайдите.

Я прошел в комнату, не стал осматриваться, просто сел на лавку и сказал кратко:

— Рундельштотт.

Он кивнул.

— Понимаю. Я не люблю Рундельштотта, однако не могу и не буду радоваться, что его похитили. Он чародей, мы можем соперничать и даже враждовать, но все равно мы на одной стороне против... да вы знаете, против чего!

— Догадываюсь, — ответил я осторожно. — Дури на свете много. Особенно той, что прикрывается знатностью рода.

Он посмотрел на меня с благодарностью.

— Вы все понимаете, глерд.

Я усмехнулся.

— Вы же знаете, какой из меня глерд. Потому Рундельштотта буду спасать куда старательнее, чем любого знатного глерда. Не только потому, что Рундельштотт мой учитель, но и просто... умных людей так мало!.. У вас какие-то идеи есть?

Он кивнул снова.

— Антриас.

— Ого, — сказал я невольно, — вы настолько... гм... я сам так подумывал, но сказать в лоб... не знаю, смог бы?..

— Антриас, — повторил он. — Хотя, конечно, хотелось бы противника полегче. Во-первых, король... Во-вторых, очень могучий. Амбициозный. Хитрый, изворотливый. К сожалению, все, чем владею, указывает на него. Сожалею.

Я промолчал. Строуд по своей воле, или обстоятельства прижали, но смирил амбиции, теперь следит, чтобы в королевстве не было засухи, у него целый штат обученных магов рангом ниже, что тут же направляются по его слову в регионы, где пересыхают колодцы, отыскивают новые подземные ручьи и выводят на поверхность, он защищает поля от саранчи, леса от короедов... Кто знает, о каких высотах мечтал в юности? Зато сейчас он полезнее всего Тайного совета, и королева это понимает.

— Спасибо, — сказал я, поднимаясь.

— Будете пытаться? — спросил он.

— Обязательно, — ответил я. — Он дал мне так много!

На выходе из здания меня тихонько окликнули. Я оглянулся, Картер медленно прохаживается поблизости.

Когда я подошел, он сказал так же негромко:

— Увидел, куда вы пошли, решил дождаться результата. Вы же к Строуду заходили?

— Да, — ответил я и добавил тихо: — Не привлекайте внимания. Пусть не думают, что я слишком уж вовлечен в расследование.

Он буркнул:

— Вы ученик Рундельштотта. Все понимают, что хотели бы освободить учителя.

— Да? — спросил я. — А может быть, мне как раз выгоднее, чтобы его украли и там прибили? А я тут стану самым первым и главным чародеем? И его лаборатория будет моей?

На его лице на мгновение отразилось отвращение, но подумал, кивнул.

— Да, это в духе двора.

— Скажите, — спросил я, — кто те люди, что так настойчиво сватали в мужья нашей королеве соседних королей?

Он посмотрел на меня остро.

— Полагаете... Хотя, может быть, ветер дует оттуда. Это лорд Генрих и лорд Ульмарт. Послы из Уламрии. Королем там Антриас, сын великого Андриха Хенриха Потгитера!..

— Я слышал, — сказал я, — Антриас напорист, целеустремлен и мечтает стать великим полководцем и завоевателем?

Он не сводил с меня сердитого взгляда.

— Полагаете, тянется оттуда?.. И Строуд такого же мнения?

— А вам хотелось бы поближе? — спросил я. — Ну да, конечно, в Уламрию армию не пошлешь. Тем более что вся тактика этого королевства... нашего королевства, чисто оборонительная. Но, перебирая варианты поближе, не стоит прекращать разрабатывать и эту версию. Я слышал, королю Антриасу нужен выход к морю?

Картер нехотя кивнул.

— Мало ли чего он хочет. От моря его отделяют два королевства. Наше и совсем не слабое королевство Дронтария. Более того, Дронтария точно посильнее Уламрии.

Я поинтересовался:

— Значит, он очень заинтересован, чтобы наше королевство не оказывало сопротивления большего, чем он ожидает?

— У нас несокрушимые крепости, — напомнил он.

— А если он не станет их захватывать? — спросил я. — Захватит города, села, долины, дороги... И даже может вторгнуться в Дронтарию, что никак не ожидает удара с этой стороны. И в самом деле выход к морю окажется ближе, чем думают!

Он задумался, посмотрел на меня с уважением.

— А вы не из медвежьего угла, — сказал он и добавил с усилием: — Глерд. У нас даже члены королевского совета мыслят масштабами своих провинций. Значит, киваете на Антриаса...

— Пошлите людей в его королевство, — посоветовал я. — Пусть собирают все крохи насчет появления там нового чародея. Или намеки на это. Рундельштотт ничего им не даст...

— Уверены?

Я кивнул.

— Любое колдовство требует подготовки. Чем сложнее, тем времени нужно больше. К тому же Рундельштотт будет еще и намеренно затягивать работу.

Он покачал головой.

— Но если он в руках Антриаса, уже не вызволить.

— Да, — согласился я, — конечно.

— Тогда на что вы надеетесь? У вас такое лицо, а в глазах столько злости! Вы даже сейчас стараетесь что-то придумать...

Я сказал тяжело:

— Еще не вечер. И мы своего слова еще не сказали.

Он не ответил, в нашу сторону спешит один из слуг, кафтан красного цвета, что значит служба в главном дворце. На него оглядываются, даже останавливаются, чтобы услышать, что он скажет, а он идет важно, как глерд, в двух шагах от нас остановился и провозгласил звучно:

— Глерд Юджин, ее величество ждет вас после приема для отчета.

Не говоря ни слова, развернулся, как истукан, отправился обратно такой же механически ровный и парадный.

Я пробормотал озадаченно:

— Какого такого отчета?

Кarter шепнул:

— Это форма приглашения на разговор.

— А-а-а, — сказал я. — Ну да, руководство не может вот так взять и позвать. А только да, понятно.

— У королевы особый статус, — согласился он не-громко. — Она обязана держать всех на расстоянии. Даже свой Тайный совет. Хотя он на то и тайный, чтобы их решения оставались неизвестными даже близким людям королевы. Однако... вы можете мне что-то подсказать, от чего-то предостеречь?

— Только бдить, — ответил я с тоской. — Удвоить охрану особо важных людей и ценностей. Противник, воодушевленный успехом, может восхотеть повторить вылазку. Но, конечно, это случится не раньше, чем Рундельштотта довезут в назначенное место... Сейчас те, кто отдал такой приказ, еще не знают, чем закончилась их тщательно планируемая операция. Пока к ним доскачут, а это несколько дней, пока разработают более глубокое проникновение...

Он посмотрел через мое плечо, сказал тихо:

— Вы сегодня популярны. Не думаю, что лорд-канцлер спешит ко мне.

Мяффнер, привычно озабоченный и часто вытирающий потный лоб платочком, подбежал к нам, так часто-часто перебирая короткими ножками, словно подкатился на невидимой платформе.

— Глерды, — сказал он торопливо, — хорошего вам дня! Глерд Юджин, пойдемте, я вас отведу в королевский дворец, а то сейчас там сменилась охрана...

— Благодарю за любезность, — сказал я. — Глерд Картер...

Картер поклонился, мы с Мяффнером быстрым шагом отправились через стекающихся в нашу сторону придворных. Мяффнер натужно улыбался и отвечал на льстивые приветствия, я держу морду кирпичом, пусть буду таинственный и загадочный.

У входа гвардейцы прощупали меня внимательными взглядами. Мы прошли через холл, и только тогда Мяффнер спросил:

— И что сказал Струуд?

— То, — ответил я, — что остальные боятся даже вышептать! Вы при мне отказали послам Антриаса насчет брака их господина и ее величества.

Он кивнул.

— Действительно, король мог обидеться... слишком сильно. И совершив что-то недружелюбное. Но настолько ли?

— Да это хрен бы с ним, — сказал я, — среди королей какая дружба? Но у обиженного короля больше возможностей отомстить за обиду, чем у простого крестьянина...

Мы уже поднялись на третий этаж, он остановил меня, взглянул в упор.

— Подождем здесь, королева еще ведет прием. Вы хотите сказать, что лично король велел выкрасть Рундельштотта, чтобы отомстить?

— Такое возможно, — ответил я, — но могло быть и гораздо хуже...

— Глерд?

— А что, — сказал я, — если это лемма... в смысле предварительный шаг перед местью? Он убирает того, кто, по его мнению, способен помешать ему нанести более серьезный ущерб...

Он сам на глазах посерезнел, стиснул челюсти, кожа на скулах натянулась, делая сытое доброе лицо неприятно строгим.

— Серьезный... Войну?

Я покачал головой.

— Войны бывают не только армия на армию.

Он спросил в недоумении:

— А что еще?.. Осада замков?

— Точечные удары, — сказал я, — десантные операции, скрытое проникновение.

Он смотрел на меня с недоумением и некоторым замешательством.

— Кто вы, глерд?

— Глерд Юджин, — ответил я любезно. — Этого достаточно. Значит, Уламрия... Рекомендую все войска скрытно перебросить к границе. Там расположить в крепостях и замках. Что не поместится — разместить в военных лагерях, но не выказывать, что людей там стало больше.

Он мрачнел все больше, наконец сказал тяжелым голосом:

— Я срочно доложу ее величеству.

— И будьте понастойчивее, — предупредил я. — Антриас полагает, что без Рундельштотта королевство теря-

ет половину защиты. А то и больше. Потому может начать вторжение...

Он быстро вскинул взгляд на мое лицо.

— Но вы... с нами?

— На это не рассчитывайте, — сказал я. — Я бессилен перед армией. Да и вообще... это не моя война.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Ваши земли подвергнутся нашествию первыми. Сожгут села, изнасилуют женщин, убьют всех мужчин, угонят скот...

— Это нечестно, — заявил я. — Это нечестно, глерд!..

Он невесело улыбнулся, лицо снова стало добрым и печальным.

— Все мы за кого-то отвечаляем. А мужчины отвечают за всех. И за все.

— Я за стирание гендерных различий, — ответил я. — Пусть и женщины отвечают.

Он улыбнулся шире, но лицо оставалось грустным.

— Все шутите, глерд...

— А что еще остается в таком несправедливом мире?

— Делать его справедливым, — ответил он.

По коридору вдали с двумя помощниками прошел глерд Джузэл, увидел нас, бросил им пару коротких слов, они потопали дальше, а он пошел к нам, как всегда сдержанно-благожелательный, корректный и с полуулыбкой на сильно вытянутом лице.

— Глерды, — сказал он легким голосом, — всех нас сейчас тревожит эта ситуация?.. Скажите, глерд Юджин, чем Рундельштотт владел еще... опасным?

— В смысле? — спросил я.

Он посмотрел на меня с укором, надо соображать быстрее, но я смотрю чистым взглядом праведника, он посмотрел по сторонам, никто в нашу сторону не смотрит, но все равно еще больше понизил голос:

— Сам Рундельштотт человек тихий и мягкий, это мы знаем. Но вас он обучил темной магии, что убивает человека быстро и ужасно.

— Ничего ужасного, — заверил я. — Вполне гуманно! Не то что острым мечом по животу...

Мяффнер вздрогнул, даже переменился в лице, а Джоэл сказал с мягким укором:

— Вот-вот, для вас такое вот даже... приемлемо. Топором по животу! Вы даже не вздрогнули. А Рундельштотт кузнечика не обидит. Потому он сам ничем не пользовался. Не думаю, что вам передал все свои темные знания. За такое короткое время все не передашь, нужны столетия. Я боюсь, как вы понимаете... вы понимаете?

— Да, — ответил я нехотя, — боитесь, что враг сумеет пытками заставить его выдать способы, как убивать людей не только для защиты, как научил меня, но и для нападения?

Мяффнер вздрогнул, Джоэл посмотрел на него с сочувствием, а мне кивнул.

— Вы все же иногда почти сразу все схватываете, юноша.

— Спасибо.

— Вас не пугает, — сказал он так же тихо, — что найдутся такие же сметливые... понимаете? Если за этим стоит сам Антриас, он может со всего королевства собрать умных и быстросхватывающих людей!

Я подумал очень серьезно, Джоэл не сводил с меня испытующего взгляда.

— Значит, — ответил я с тяжелым сердцем, — нужно вызволить раньше, чем ему развязнут язык.

Он вскинул брови в недоумении, потом понял, судя по его лицу, мой профессиональный жаргонизм, сразу посмотрел с надеждой.

— У вас есть какие-то... мысли на этот счет?

— Нет, — ответил я честно, — потому соберите команду аналитиков... ну, умных людей, знатность в этом случае не обязательна, пусть вычислят, как это примерно произошло, куда ушла группа похитителей, есть ли шансы ее настигнуть...

Он вздрогнул.

— Да-да, вы правы!.. До границы с Уламией не меньше пяти суток, если хорошая конница. И хотя прошла половина суток, однако же не могут везти старика в седле! Наверняка подобрали повозку... а это на третью замедлит...

— А еще вынуждены будут только по дорогам, — добавил я, уже сам загораясь этой идеей. — В то время как конный отряд и через лес. Не слишком дремучий, конечно. Если угадать, куда едут, настигнуть есть шансы...

Он проговорил отстраненно:

— Дорог отсюда не так уж и много... Простите, глерд, и спасибо за идею!

— Успеха, — сказал я.

Мяффнер проводил его тоскующим взглядом.

— Это самый любезный и обходительный вельможа в королевстве. Но я еще не знаю, как он будет во главе нашей дипломатии. Многое изменилось из-за проклятого Дейнджерфильда... А, Френсис уже ушел! Значит, прием закончен. Ждите еще пару минут, затем отправляйтесь в кабинет королевы. Стража вас помнит.

Он быстро-быстро и совсем несолидно понесся по коридору, спеша успевать делать работу не только за себя, но и за подчиненных.

На этаже королевы гвардейцы несут стражу у лестницы и у обоих концов коридора.

Я никого не встретил, только уже в виду двери королевского кабинета вдруг услышал повелительный оклик:

— Юджин!.. Глерд Юджин!

Я обернулся, он ждет у стены с картинами, в нетерпении притопывает, что взбесило как-то сразу, хотя я же миротворец и меня не должно задевать мелкое хамство этих высокопоставленных глердов, да еще и вознесенных королевой так высоко.

Подумаешь, по имени назвал, как слугу! Да меня все друзья зовут по имени... Но этот ждет, что прибегу по его окрику — другое дело, сам не сделал ко мне ни единого шага.

Закипая и сдерживая себя, я пошел к нему, держа взглядом его холеное лицо прицельно, однако он в своей толстокожести ничего не уловил, напротив, заявил сразу:

— На мне стол Хозяйствования, так что мне понадобится многое улучшать как во дворце, так и...

— Глерд, — прервал я, — глерд! Заткнитесь.

Он умолк, отшатнулся. Лицо начало медленно краснеть.

— Что? Это вы мне говорите?

— Вам, дурак, — ответил я тихо, чтобы никто не услышал, хотя мы здесь одни. — С чего вам взбрело, что я в вашем распоряжении?..

Он сказал гневно:

— Но вы как Улучшатель обязаны...

— Заткнись, — посоветовал я злобно. — Кто я есть — знаю. Но я пришел вовсе не для того, чтобы улучшать вам прялки и переставлять зеркала. Да, я — Улучшатель!.. Но не вещей, глерд Кливард.

Он вытаращил глаза.

— Простите, но...

— Если уж улучшать, — сказал я высокомерно, — то весь мир. Или хотя бы общество.

Он отшатнулся, но проговорил с некоторым прозрачным намеком:

— Глерд, значит ли это...

— Мне тоже нравится примитив, — сказал я жестоким голосом, — в нем так легко и приятно!.. Но, увы, Господь нас создал для великой цели. Настолько великой, что даже не сказал, для какой, все равно не поймем, пока не вырастем.

Он смотрел на меня с бессильной злостью.

— Глерд...

— Я вообще-то не Улучшатель, — отрезал я, — а Преобразователь, но пусть остается Улучшатель. Более приятное такое прозвище, успокаивающее... Преобразовывать можно к добру и к худу, а улучшать вроде бы только в одну сторону...

Он вроде бы слегка ошелел от неожиданно отпора, не ожидал, спросил уже не так уверенно и нагло:

— А разве нет?

Я вздохнул, сказал уже почти примирительно, не люблю сориться:

— Глерд, любое улучшение прежде всего используют для войны. Подкованные кони позволят армии совершать походы в дальние страны, прялки дадут полотна на всю армию, система зеркал позволит установить связь между войсками... Но это все потом. А пока мы занимаемся спасением Рундельштотта, о котором вы уже забыли? Как удобно, верно? И вы тоже обязаны его спасать! И не пытайтесь воспользоваться случаем и урвать что-то для себя. Это недостойно. Вы о таком понятии, как достоинство, слыхали?

Не дожидаясь ответа, я повернулся и пошел дальше, а там у королевской двери сам взялся за ручку и отворил ее, чувствуя на спине его злой и ненавидящий взгляд.

Глава 15

Королева за столом, вид усталый, рассеянно просматривает бумаги. У дальней стены застыл, как статуя из дерева, с самым смиренным видом не то слуга, не то помощник.

Я поклонился с порога, стараясь, чтобы на этот раз не выглядело издевательским, хотя королева на такое реагирует, как слон на укусы дрозофилы.

— Ваше величество?

Она кивнула, не отрывая взгляда от бумаг.

— Проходи ближе, садись.

Я подошел, поинтересовался:

— На стул или на тряпочку?.. В смысле, на коврик?

— Садись, — повторила она таким тоном, что я послушно сел по ту сторону широкого стола. — Что успел за это время?

— Учитывая, — ответил я, — что времени было не так уж, чтобы его прессовать на продажу или менять на сжатое пространство, накопал не много. Я посоветовал бы отыскать всех учеников Рундельштотта, если они у него были. Потом, когда удастся вызволить старого мастера...

Она поправила:

— Если удастся.

— Если не удастся, — сказал я, — то отпадает, а если получится, то нужно дать ему побольше учеников. А сейчас собрать тех, кто хоть немного побыл у него пусть на побегушках.

Она взглянула с вопросом в холодных глазах.

— Зачем?.. Ах да...

— Вот-вот, — подтвердил я. — Дымовая завеса. В смысле, пусть будет побольше ложных целей. К тому же со-

здадите впечатление, что ваше величество всерьез намерено резко повысить обороноспособность своих земель...

— Если резко, — напомнила она, — это чревато для экономики.

— ...созданием нового технологического оружия, — закончил я. — Оно тоже требует немалых средств, но можно взять из резервного фонда. Как было сделано для попытки увидеть другие миры. Пусть противник думает, что у вашего величества оно появилось. Я говорю о новом технологическом оружии.

Она посмотрела с сомнением.

— А оно появилось?

— Ваше величество?

— Мне сообщили, — сказала она, понизив голос, — что вы снова проявили некие неизвестные способности, защищая свой замок. Значит, у противника больше стремления захватить вашего учителя, чтобы узнать у него все эти тайны. Я не знаю, как спасти старика, но я готова пожертвовать многим, чтобы это получилось...

Я промолчал, мы не все говорим, что думаем, и даже тогда, когда делаем одно и то же, мотивы могут быть совершенно разными.

— Полагаю, — произнес я ровно, — вас больше заботит безопасность королевства.

Она ответила с некоторым удивлением:

— Это само собой разумеется.

— И потому самое важное, — продолжил я, — чтобы противник не узнал военные секреты, которые может хранить Рундельштотт.

Она кивнула,

— Разумеется. А что вас удивляет?

— Просто уточняю, — ответил я. — Чтобы противник не узнал военные секреты... или понял, что никаких военных секретов Рундельштотт не хранит.

Она запнулась на миг, затем подняла на меня холодный и почти враждебный взгляд.

— На что вы намекаете... глерд?

— Просто уточняю, — повторил я. — Следует ли понимать, что если при попытке освобождения Рундельштотта он может погибнуть... стоит ли отказываться от такой операции? Или продолжать, несмотря ни на что?

Она отвела взгляд, но я умолк и ждал ответа, наконец она проговорила с гневом:

— Глерд Юджин! Не нужно играть словами. Вы сами все прекрасно понимаете.

— В смысле, — сказал я хладнокровно, — попросту прикончить там старика? Чтоб не раскрылось, что он ничего не знает?

Она посмотрела мне в глаза прямо, взгляд стал еще жестче.

— Вы все прекрасно понимаете, глерд. Действуйте на свое усмотрение...

Я охнулся.

— Простите, ваше величество... Но почему я? Мне казалось, кабинет министров вообще еще не пришел к единому мнению, кто напал, как выкрад и куда Рундельштотта увезли!

— У них своя работа, — отрезала она, — у вас своя. Знаю, вам интересы королевства безразличны. Но все-таки...

Я сказал вежливо:

— А можно без «все-таки»? Не будем забывать, ваше величество, что я ваш пленник, как бы это ни подавалось для публики. Я вообще удивляюсь, почему вы не прирезали меня в тот же день, когда мятеж был подавлен.

Она покачала головой.

— Хотите сказать, глерд, чувство благодарности мне абсолютно несвойственно?

— Хочу сказать, — уточнил я, — что вы настоящая королева. Для вас благополучие королевства самое важное, что есть в мире. И для него вы, не задумываясь, смахнете со стола не только меня, но глердов поважнее...

Она смотрела в упор, ноздри затрепетали в гневе, но лицо неподвижное, короли не могут выказывать чувства.

— И как же, — произнесла она медленно, — вы сами это объясняете?

— Вы практичный человек, — ответил я. — Вы тщательно взвесили: что лучше для королевства — убить чужака или попытаться получить от него еще какую-то пользу?.. После долгого раздумья, когда чаша весов склонялась то на одну сторону, то на другую, решили, что польза от живого чуть-чуть перевесит пользу от дохлого. К тому же вы достаточно успешно рулили королевством и уверились в своей компетентности и непогрешимости... Даже случай с Дейнджерфилдом не заколебал... не поколебал, в смысле.

— Значит, — сказала она с нажимом, — вам опасаться нечего. Я руководствуюсь не чувствами, что могут меняться в течение дня, особенно у женщин...

— А вы женщина? — спросил я.

Она ожгла меня взглядом.

— Это комплимент?

— Вы все поняли, — сказал я. — Обожаю умных женщин!.. Правда, издали. Очень издали.

Она почти усмехнулась.

— Вы и так забрались от меня почти на дальний конец королевства. Не нужно меня так уж... ненавидеть. И Рундельштотта я хотела бы вернуть живым и здоровым. И все, что для этого нужно сделать, готова сделать.

— Да, — согласился я, — тем более что это стратегически важно. И окупится.

Она посмотрела на меня с откровенной злостью.

— Опять? Я не настолько расчетлива!
— Все-таки что-то в вас осталось женского? — спросил я. — Жаль. Избавляйтесь поскорее. Государственный деятель не может быть женщиной. Даже мужчиной быть не может. Самые лучшие правители — это кому лет под сто. Вне зависимости — женщины или мужчины. Думаю, им самим тогда уже без разницы.

Она прервала:

— Как собираешься поступить?
— Пока никак, — ответил я. — Слишком мало данных. Даже если взять за основу, что похитили по приказу короля Антиаса, дабы ослабить обороноспособность вашего королевства... а своего — усилить, и тогда...

— Что?

— Повезут ли его в стольный град? — спросил я. — Кстати, как столица Уламрии называется?.. Или оставят где-то поближе, но займутся с ним быстрее?

Она ответила медленно:

— Я дала распоряжение выяснить. Даже Строуд со своими учениками над этим ломает голову.

Фицрой пришел на встречу веселый, пахнущий вином и женщинами, хмыкнул, увидел меня озабоченным и даже расстроенным.

— Ты чего?.. Договорился, а теперь не рад? Так это же хорошо, что не позволяют! Из тебя хозяин намного лучше!

Я покачал головой.

— Дело не в замке. Рундельштотта похитили.

Он раскрыл глаза шире.

— Это... как? И кто?

— В этом и загадка, — ответил я.

— Что говорят при дворе?

Я отмахнулся.

— Всякую хрень. Умные все! Я же помню чью-то мудрость: ищи не того, на кого все улики, их можно и подбросить, а ищи того, кому выгодно.

— Ну-ну?

— А выгодно, — сказал я, — королю Уламрии. Хотя и другим выгодно, но ему всех выгоднее. К тому же и характер у него, и амбиции... И даже обиды.

— Обиды?

Я уточнил:

— Оскорбленное самолюбие. У нас, самцов, оно особенное. Женщины и не представляют, что это такое. А король Антриас — альфа-самец, доминант, никто не смеет ему перечить и тем более отказывать. Да еще со стороны женщины! Но они все боятся даже думать про Антриаса!

— Почему?

Я сказал со злостью:

— Потому что Антриас им точно не по зубам. Они могут говорить про козни других колдунов, придумывать какие-то старые счеты с родственниками, что-то еще... но только не Антриас!

Он спросил с интересом:

— А ты?

— Я демократ, — ответил я злобно. — Это значит, для меня все равны. Люди различаются только по степени власти в их руках. В слове «Антриас» для меня нет ничего священного.

— Понял, — сказал он. — Знаешь... а ты мне все больше нравишься. Я таких наглых еще не видел. Всего насмотрелся, но чтоб такая мания величия... Карту Уламрии я изучил, еще когда мы шли к Джеймсу Велли. А потом — Финлею Барклему. К сожалению, дорог много, ты сам видел...

— А высчитать, — сказал я с надеждой, — какой повезут?

Он покачал головой.

— Не родился еще такой умный. Разве что ты...

— Нет уж, — сказал я, отшатнувшись, — умным жить тяжко. Лучше уж я помчусь наугад!..

Он вздохнул.

— Знаешь, есть совсем крохотный шанс, но слишком уж опасный.

— Говори!

— Все эти дороги, — сказал он с расстановкой, — ближе к столице начинают соединяться. Сходятся в одну перед мостом через реку Янгрия. Она такая широкая, что мост удалось перекинуть только в одном месте, его никто не минует... Но, увы, на том берегу уже сам стольный град!

— Ого, — сказал я невольно. — Это не совсем...

Он буркнул:

— Рундельштотта повезут через тот мост, другого пути нет. Его наверняка держат связанным в повозке, так что верхом можем догнать у моста... но сам понимаешь...

Я кивнул.

— С той стороны на нас бросится целая армия. А везти обратно Рундельштотта будем так же медленно, если еще не медленнее... Нас догонят легко.

— Да, — сказал он бодро, — это не отряд Барклема... от которого тоже убежали чудом. Летать ты вроде бы еще не умеешь...

— Все впереди, — пообещал я. — А пока надо подумать, как обойтись без полетов.

— Тогда поехали? — сказал он обыденным голосом. — А то мне завтра уже и пойти некуда... Мне только за конем сбегать.

— Что, любимая таверна закрыта?

— Белянушка сегодня не работает, — пояснил он. — Вместо нее такая толстая корова с жопой до подколенок, что я вообще дальше порога ни ногой.

— А другие?

— Где-то вино кислое, — проворчал он, — где-то хозяйка, в других готовят плохо, в третьих...

— Да ты привередливый, — сказал я с удивлением. — Мне казалось, бродячая жизнь должна была научить смириться с трудностями.

— Ха, — возразил он. — Только в бродячей я и опровергал хорошие вина, редкие блюда, горячих женщин! Так что все относительно в этом мире. Ладно, я за конем. Ты тоже можешь взять... или предпочтешь пешком?

Я хлопнул себя по лбу.

— Да-да, беги за конем и моего захвата. А я тайком загляну в жилье Рундельштотта. Вдруг что-то найду для нас полезное?

Он посмотрел с удивлением.

— Там же все перерыли!.. Сперва те, кто его выкрад, потом наши...

— Да, — сказал я со вздохом, — шансов мало, но... знаешь ли, что-то могли и не заметить. А я как ученик великого чародея приучен быть внимательным.

Он поморщился, но кивнул.

— Иди, но только быстро. Если протянем еще пару часов, не догоним и возле моста.

— Бегом, — пообещал я. — Не успеешь глазом моргнуть!

Он крикнул на прощанье:

— Постарайся нашарить такое, что пригодится... там! У моста.

— Ты мудр, — ответил я с опаской. — Убивать пора.

Гвардейцы у входа в башню насторожились, когда я направился к ним. Я издали помахал рукой, а когда подошел ближе, сказал беспечно:

— Нет-нет, квартира Рундельштотта меня не интересует! Там и без меня все перевернули и обыскали. Я поднимусь выше.

Один сказал нерешительно:

— Глерд Улучшатель, но там...

Я сказал так же легко и улыбчиво:

— Изволю взглянуть на двор с высоты. Я ведь орел?

Вдруг да что-то высмотрю. Так что я ничего не нарушаю.

Он вздохнул, нехотя отодвинулся, пропуская меня внутрь. С колотящимся сердцем я побежал по ступенькам и, только когда поднялся на уровень комнаты Рундельштотта, понял, почему гвардеец все же пропустил: возле двери сидят на ступеньках еще двое.

Я так же весело и беспечно крикнул:

— Не вставайте, не вставайте!.. Я свой. И к чародею не пойду. Мне надо выше. Я человек высоких запросов.

Один сказал настороженно:

— Но та комната, где вы с Рундельштоттом что-то колдовали, тоже закрыта. И с охраной.

Мое сердце упало, но я сказал бодро:

— Я знаю, как же иначе! Это я и посоветовал вас всех здесь разместить. Но не злитесь, это не надолго.

Они остались смотреть вслед, я взбежал на самый верх, у двери лаборатории в самом деле двое королевских гвардейцев. Оба такие яркие и нарядные, выглядят несколько нелепо в узком проеме старой башни.

Я сказал беспечно:

— Да, зря я вас посоветовал в эту дыру... Ничего, думаю, завтра уже охрану снимем. А сегодня дотерпите...

Я протянул руку к двери, оба разом сдвинулись, закрывая ее своими телами.

— Глерд, личное распоряжение королевы... Никому нельзя!

— Знаю, — сказал я, — это я подсказал ее величеству никого и никому. Даже мне... Хотя я вообще-то сейчас загляну туда на одно мгновение... мне кажется, что я там обронил золотую пуговицу с камзола. Если ее нет под столом, сразу же выйду.

Они заколебались, один сказал достаточно твердо:

— Но приказ королевы...

— Я туда и обратно, — сказал я, — вы не представляете, как необходима пуговица глерду? У нас вся жизнь в пуговицах! Без золотой пуговицы глерд уже не глерд, а непонятно что. Сделаем так: вы считаете до десяти... можно даже до пяти, и если не выскочу за это время обратно, то буду нарушителем приказа королевы... И вы можете меня арестовать. Идет?.. Начинайте отсчет!

И, решительно раздвинув их, я вломился в лабораторию. Сердце стучит в страхе, вдруг все сломалось, все рухнуло, а я здесь останусь навсегда.

Закрыв за собой дверь, я с разгона прыгнул в Зеркало Древних.

Содержание

Часть первая

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	53
Глава 8	63
Глава 9	70
Глава 10	81
Глава 11	90
Глава 12	95
Глава 13	104
Глава 14	115
Глава 15	122

Часть вторая

Глава 1	131
Глава 2	141
Глава 3	149

Глава 4	157
Глава 5	168
Глава 6	176
Глава 7	186
Глава 8	191
Глава 9	202
Глава 10	209
Глава 11	219
Глава 12	228
Глава 13	235
Глава 14	244
Глава 15	255

Часть третья

Глава 1	265
Глава 2	280
Глава 3	288
Глава 4	298
Глава 5	307
Глава 6	313
Глава 7	322
Глава 8	331
Глава 9	341
Глава 10	351
Глава 11	360
Глава 12	370
Глава 13	380
Глава 14	390
Глава 15	403

Литературно-художественное издание

ЮДЖИН — ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

Орловский Гай Юлий

ЮДЖИН — ПОВЕЛИТЕЛЬ ВРЕМЕНИ

**Книга 3
ПАТРОНЫ ЧАРОДЕЯ**

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариakov*

Технический редактор *И. Гришина*

Компьютерная верстка *М. Лазуткина*

Корректор *М. Козлова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ «Баспасы», 123308, Москва, Ресей, Зорге кешесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және еңім бойынша

арыз-тапташтарды қыбылдаудынан.

екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы к., Домбровский кв., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksмо.kz

Енгінің жарандылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: [www.eksмо.ru/certification](http://eksмо.ru/certification)

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksмо.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 12.03.2015. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 13 000 экз. Заказ 6444.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15.
Home page – [www.tverpk.ru](http://tverpk.ru) Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-79580-2

9 785699 795802 >

В электронном виде:

www.eksmo.ru

ЛитРес:
один клик до книг

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многофункциональный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса
«Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинском р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многофункциональный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.
Тел.: +7(812)601-0-601, [www.bookvoed.ru/](http://www.bookvoed.ru)

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЭКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: Филиал ООО ТД «Эксмо» в г. Н. Новгороде, 603094, г. Нижний Новгород, ул.
Карлинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо», пр. Ставки, 243А. Тел. (863) 305-09-13/14.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литерра «Е». Тел. (846) 207-55-56.

В Екатеринбурге: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбурге, ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 500-88-23.
В Донецке: ул. Складская, 5В, оф. 107. Тел. +38 (032) 381-81-05/06.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-01-71.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91, rdc-almaty@mail.ru

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

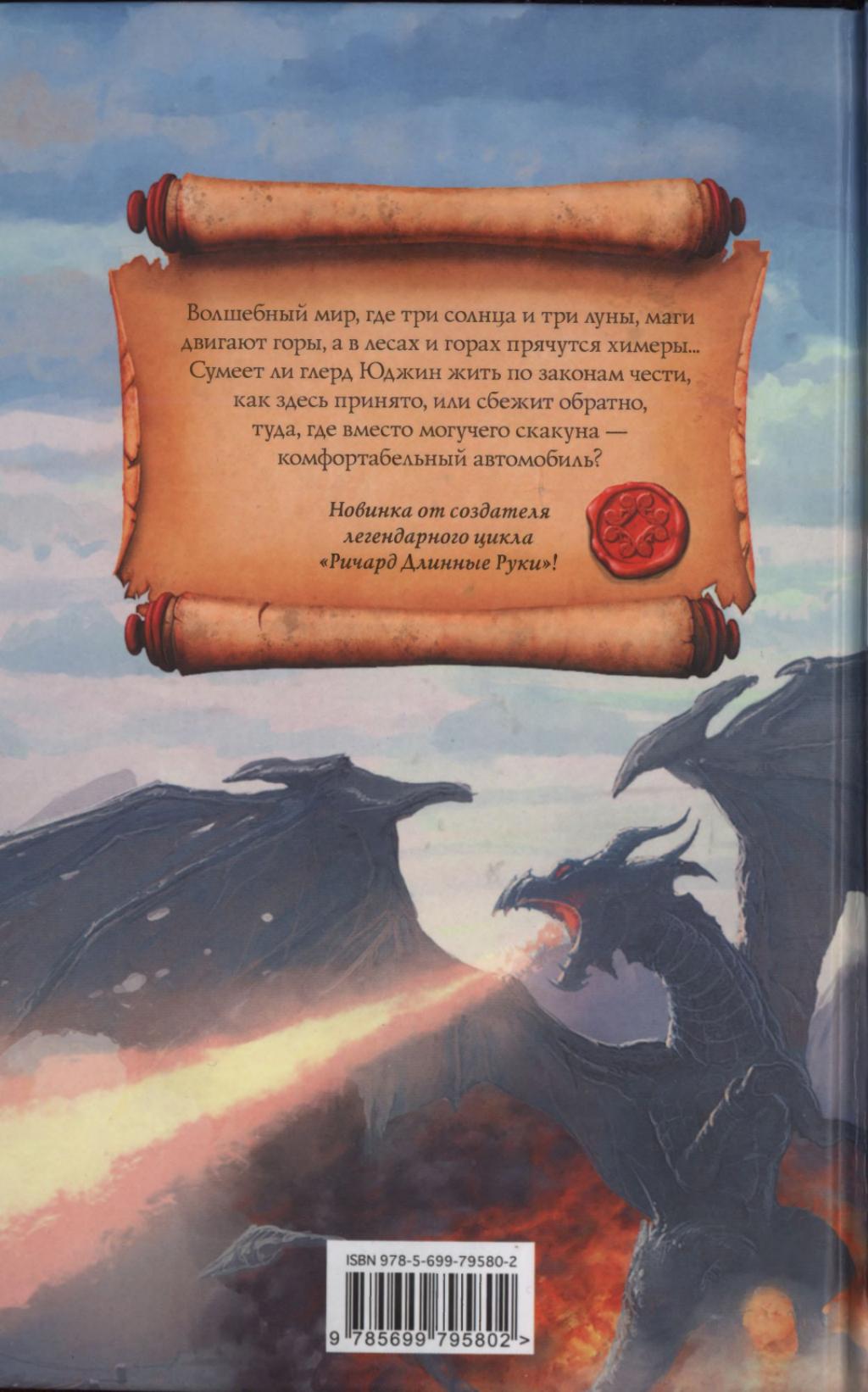
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

2000
2000

Волшебный мир, где три солнца и три луны, маги
двигают горы, а в лесах и горах прячутся химеры...
Сумеет ли глерд Юджин жить по законам чести,
как здесь принято, или сбежит обратно,
туда, где вместо могучего скакуна —
комфортабельный автомобиль?

Новинка от создателя
легендарного цикла
«Ричард Длинные Руки»!

ISBN 978-5-699-79580-2

9 785699 795802 >